

СССР

6

неприкосновенный
запас

ДЕБАТЫ О ПОЛИТИКЕ И КУЛЬТУРЕ

146²⁰²²

100 лет СССР

неприкосновенный запас 6 [146] 2022

ДЕБАТЫ О ПОЛИТИКЕ И КУЛЬТУРЕ | выходит шесть раз в год | издается с сентября 1998 года

ОТ РЕДАКЦИИ	003	Сто лет СССР
СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИРИКА	006	СССР в народной памяти <i>Страницы</i> АЛЕКСЕЯ ЛЕВИНСОНА
КУЛЬТУРА ПОЛИТИКИ	010	АЛЕКСАНДР АБАЛОВ, ВЛАДИСЛАВ ИНОЗЕМЦЕВ. Судьба обреченного: к столетию Советского Союза
РЕВОЛЮЦИЯ И ФЕДЕРАЦИЯ	019	К 100-летию СССР: марксизм и национальный во- прос. Дискуссия «НЗ»
	047	КОНСТАНТИН ТАРАСОВ. Неюбилейная дата. Начало и конец советского проекта в контексте дискуссий о распаде империй
	077	АНДРЕЙ ЗАХАРОВ. Федерализм и экспансия
АРХИВ «НЗ»	088	Революция и федерация. Избранные места из дискуссий 1917–1923 годов
ОТНОШЕНИЕ К «СОВЕТАМ» – ПЕРСОНАЛЬНЫЕ/ КОЛЛЕКТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ	129	БОРИС СОКОЛОВ. «Белым был – красным стал»: Валентин Катаев и Всеволод Иванов
	149	АЛЕКСЕЙ ВОВК. «Покрасневшие»: белоэмигранты, смирившиеся с Советами
	164	ВАДИМ МИХАЙЛИН. Лакунилингус, или О прагматических аспектах советских языков умолчания
	189	КЛАУС МЕРТЕС. Культ автократа
АРХИВ «НЗ»	200	КАРИМ МУРУВВА. Великие коммунисты в современной истории Ливана
ОБЗОР ЖУРНАЛОВ	212	АЛЕКСАНДР ПИСАРЕВ. Труд, любовь и слова никогда не будут прежними. Обзор российских интеллектуальных журналов
НОВЫЕ КНИГИ	224	МАРГАРИТА ШАКИРОВА. На финишной прямой
	232	ДЕНИС ШАЛАГИНОВ. Постчеловеческие картографии, или Жизнь по ту сторону
	243	САМСОН ЛИБЕРМАН. Спекуляция или спекулятивность? К вопросу об избыточности неймдроппинга
SUMMARY	254	

Главный редактор
Ирина Прохорова

Шеф-редактор
Кирилл Кобрин

Редакторы
Андрей Захаров
Антон Золотов
Игорь Кобылин

Дизайн
Дмитрий Черногаев
Андрей Бондаренко

Корректор
Марина Алхазова

Маркетинг, PR и реклама
Александр Суслов
Тел. +7 (495) 229 91 03
e-mail: alexandersuslov@
nlobooks.ru

Почтовый адрес редакции
123104, Москва,
Тверской бульвар, д. 13, стр. 1.
тел./факс: +7 (495) 229 91 03
в Санкт-Петербурге:
тел./факс: +7 (812) 579 50 04

e-mail:
nz@nlobooks.ru
электронная версия
журнала:
www.nlobooks.ru/nz

member of
the eurozine network
www.eurozine.com

Подписка по России:
Агентство «Роспечать»:
подписной индекс 45683

Зарубежная подписка:
Kubon & Sagner,
Hesstr. 39/41,
80798, München, Germany
Tel.: +49-89-54-218-130
Fax: +49-89-54-218-218
e-mail:
postmaster@kubon-sagner.de
www.kubon-sagner.de

ISSN 1815-7912
ISBN 5-86793-053-x
«Неприкосновенный запас»
Лицензия на издательскую
деятельность:
серия ЛР № 061083
от 6 мая 1997 г.

Свидетельство о регистрации
средства массовой
информации:

Серия ПИ № 77-7546 от
5 марта 2001 г.

Периодичность: 6 раз в год.
[18+]

© 000 Редакция журнала
«Новое литературное
обозрение»

Москва, 2022

Сто лет СССР

Сто лет тому назад, 30 декабря 1922 года, на Первом Всесоюзном съезде Советов были подписаны Декларация о создании СССР и Союзный договор. С тех пор СССР успел умереть дважды. В 1991 году его официально распустили руководители трех советских республик, представители которых в 1922-м – совместно с Закавказской федерацией – подписали документы о создании Союза. В 2022-м СССР заканчивает уже свое посмертное существование в качестве так называемого «постсоветского пространства» и «постсоветского исторического периода». Отложенная гражданская война, не случившаяся во время распада СССР, сейчас приняла форму полномасштабного военного конфликта между государствами, которые вроде бы были «постсоветскими» еще год назад, а еще несколько лет назад вместе состояли в Содружестве Независимых Государств. Бомбы и ракеты покончили с постсоветским пространством не только геополитическим, но и символическим.

1922-й – менее популярная дата, нежели 1917-й. Когда говорят о русском коммунизме, о советской диктатуре (или мягче – о советском государстве), отсчет чаще всего ведут от октябрьской революции. Отчасти это верно: без 1917-го не было бы и 1922-го. Однако надо понимать, что без 1922-го 1917-й не длился бы – в том или ином виде – семьдесят с лишним лет. Более того, в 1991-м распался, если угодно, не «1917-й», а именно «1922-й» – не советская идеология и политическая прак-

ОТ РЕДАКЦИИ

тика, от них уже к тому времени мало что осталось, распался именно СССР.

Советский Союз создавался как отчасти временная структура: к 1922 году мировой революции не получилось – соответственно, нужно было как-то организовывать территорию, на которой большевистская революция победила и установила свою власть. Государство нового типа должно было как-то сосуществовать с окружающим миром государств старого типа, иметь с ними дело, в то же время работая на подрыв основ капиталистического порядка и на – все-таки – грядущее торжество мировой революции. Уже через несколько лет после создания СССР стало ясно, что задача поменялась: вместо временной федерации, открытой для всех без исключения революционных стран мира, стала складываться империя, во многом следующая традициям той, что была уничтожена в 1917-м. Так что в 1991-м распался совсем не тот Союз, что был создан в 1922-м. Отсюда и вопрос о том, столетие какого из Союзов мы сегодня вспоминаем и обсуждаем.

Проницательная, ловкая, порой циничная политика большевиков в национальном вопросе стала чуть ли не главным фактором победы в гражданской войне. Понимая это, Ленин и его соратники в 1922-м выступали за федерацию, в которой национальный вопрос способствовал бы построению нового общества, а не наоборот – ведь они прекрасно понимали его важность. Их оппоненты видели в национальном вопросе скорее помеху для строительства коммунизма, чем орудие его утверждения. Получился компромисс – несмотря на то, что формально ленинская позиция возобладала; дальнейшая история СССР – сюжет о трансформации компромисса по поводу временного решения вопроса о «промежуточном» революционном государстве в «Союз нерушимый».

Год назад редакция «Неприкосновенного запаса» обсуждала специальный выпуск к столетию СССР. Мы видели его как большой международный проект, где будут представлены тексты ученых из бывших советских республик, а также наших коллег из Европы, Америки, стран Азии. 2022-й, покончив с постсоветским пространством, исключил Россию из международного интеллектуального/научного пространства, в котором возможны проекты, подобные тому, что мы придумали во второй половине прошлого года. Но от идеи собрать тематический номер к столетию СССР мы все же не отказались – и попытались сделать его соответствующим нынешнему трагическому положению вещей.

Что это значит? Прежде всего то, что за небольшим исключением в этом номере «НЗ» представлены российские авторы. Соответственно, разговора о Советском Союзе из перспекти-

вы, к примеру, украинской или казахстанской, здесь, увы, не будет. Более того, в условиях обрыва международных связей российской науки мы не смогли опубликовать многих переводов важных текстов, посвященных теме данного номера. Все это заставило нас сфокусировать внимание на более общих, теоретических проблемах столетней советской истории, на процессах «большой длительности» – либо на некоторых частных случаях из нее. Главный вопрос, которому посвящены большинство текстов этого выпуска – «национальный», в том виде, в котором он существовал в революционном марксизме, ленинизме, в политической практике раннего Советского государства и в ведшихся в нем дискуссиях. Отсюда и выход на одну из постоянных тем «НЗ» – на проблему федерации и федерализма. Также в номере републикуются важные исторические тексты времен споров о советской федерации столетней давности.

Второй тематический узел – трансформация советского человека, взятого вне его национальности; если быть точным – трансформация несоветского человека (бойцов белых армий или эмигрантов первой волны) в советского, а также трансформации, претерпеваемые так называемым «позднесоветским человеком» в его культурном обиходе и ментальных практиках.

Историческая, социологическая и теоретическая рефлексия неотделимы от исторических обстоятельств, в которых она осуществляется. Поэтому номер, посвященный столетию СССР, получился именно таким, каким он получился – в данный исторический период другим он быть не может. Редакция очень надеется, что нынешние катастрофические обстоятельства послужат толчком к радикальному переосмыслению всей области изучения советской истории и советского общества – и в итоге к началу нового этапа ее развития. [НЗ]

АЛЕКСЕЙ
ЛЕВИНСОН

СССР в народной памяти

В памяти нынешнего старшего поколения россиян СССР помнится как нечто великое и уже потому – прекрасное. И хотя период сталинских репрессий признается ужасным или достойным сожаления, а слово «ГУЛАГ» имеет только отрицательные коннотации, эти грехи отечественной истории искуплены великой Победой. Она есть величайшее событие, и по большому счету ничего другого в памяти можно не держать. Ниже последуют несколько замечаний относительно памяти о СССР, сделанных по результатам групповых дискуссий и массовых опросов «Левада-центра»¹.

1 АНО «Левада-центр» внесена Министерством юстиции Российской Федерации в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. – *Примеч. ред.*

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ
ЛИРИКА

006

ЧЕГО НЕ ПОМНЯТ?

Не помнят, именно что отмечаемое событие – создание СССР. В массовой памяти СССР возникает прямо из Российской империи как результат октябрьской революции, имидж которой к ее столетию испытал значительную эрозию. Мнения о положительной роли октябрьской революции в российской истории во второй половине 2010-х придерживались уже менее половины взрослых россиян. 45% считали приход большевиков к власти незаконным, 35% – законным. Но получившийся в результате Советский Союз воспринимается как безусловно положительное историческое явление, его власть законна, претензии легитимны.

В памяти нынешнего поколения присутствуют гражданская война и интервенция, а вот появление в те годы самостоятельных национальных образований, например, в Украине и на Кавказе, помнят плохо. Образование самостоятельных республик на востоке бывшей Российской империи вспоминают там, но не в центральной России. До недавнего времени не помнили про отделение Финляндии и Польши, прибалтийских стран. Сейчас вспоминают не то, что они не вошли в состав СССР, а то, что они были в составе империи. И это вроде как дает нынешней России какие-то «права» на них.

Не все помнят, что до СССР была РСФСР, не все теперь могут расшифровать эту аббревиатуру. Не помнят, что Российскую республику, каковой она стала после февральской революции, называли «социалистической», потому что таковой сочли октябрьскую революцию; «советской» – потому что власть в ней должна была находиться в руках Советов, а не Учредительного собрания; «федеративной» – отдавая дань стрем-

лению отдельных провинций и народов бывшей империи к хоть какой-нибудь автономии.

Полностью вытеснена память о том, что большевики сперва считали октябрьские события началом мировой революции, которая виделась как единомоментное восстание пролетариев всех стран (что и подразумевал обращенный к ним призыв «Соединяйтесь!»). Когда это не получилось, мировую революцию стали представлять как череду победоносных восстаний в разных странах Европы и Азии, начатых большевистским переворотом в Петрограде. Потом замысел трансформировался в идею о том, что это будут восстания «навстречу» экспансии России: мировую революцию понесет на штыках Красная армия. Забыто, таким образом, что идеология российских большевиков (наверное, прежде всего Троцкого) была «упакована» в слова о классовой борьбе и мировом господстве, устанавливаемом вооруженной силой – то есть путем агрессии.

Несмотря на то, что на восточных и южных окраинах Российской империи господствовали, как было ясно любому марксисту, феодальные отношения и никакого пролетариата не было, пролетарскую диктатуру там жестоким образом устанавливали именно под лозунгами классовой борьбы. С ними же были начаты кампании в Финляндии и Польше, где война была воспринята не как классовая, а как обычная колониальная и национально-освободительная. Ожидавшихся восстаний местных пролетариев не последовало, а вот биться за желанную независимость тяготившиеся российским самодержавием поляки и финны были готовы.

Ослабевшей метрополии пришлось тогда признать их независимость. Российским большевикам оставалась все

равно самое большое по территории государство, и они перешли к «построению социализма в одной отдельно взятой стране». Впереди была интервенция и блокада, затем концепция СССР как осажденной крепости, по сути воспроизведенная после присоединения Крыма в 2014 году. Это помнят. А о том, что вторая попытка вернуть финские и польские земли была сделана накануне Второй мировой войны, помнят плохо. Впрочем, финскую кампанию многие стали вспоминать, видя, как идут дела после февраля 2022-го.

Поводы для сожаления

О распаде СССР сперва сожалели две трети, потом три четверти, затем около половины россиян. Когда мы говорим с теми, кто сожалеет о распаде СССР, они называют два основных повода для этого.

Первый повод: утрата статуса настоящей великой мировой державы. Безусловно великие англосаксы Черчилль и Рузвельт принимали Сталина как равного – значит, уважали, то бишь боялись. Нас и сейчас боятся, но как-то не так, без должного уважения. Когда говорят о «развале СССР как геополитической катастрофе», то имеют в виду распад соцлагеря, Варшавского блока, пояса республик вокруг России – словом, тех концентрических колец обороны (с проходами-шлюзами в них), что вслед за русским средневековым самодержцем выстроил вокруг крепости Кремль находившийся в ней Иосиф Сталин.

Говорят, что Путин копирует Сталина. Это и так, и совсем не так. Приняв из рук Ельцина Россию в странном для нее состоянии не-вражды с ближним и дальним зарубежьем, Путин, следуя вро-

де бы Сталину, тоже воссоздал вокруг России вал, но только не из послушных вассалов-друзей-сателлитов, а из врагов. (Из шестнадцати государств, с которыми у России есть сухопутная или морская граница, безусловно дружественной россияне считают только Беларусь.) Это кордон из небольших, не опасных для гиганта России стран, но союзных не ей, а тому, кто считается настоящим «врагом» – США. При этом с лидерами больших стран Запада, находящихся за бором недружественных малых стран-соседей, Путин заводил самые теплые отношения. С Берлускони и Саркози, с Меркель это получилось. С Трампом сорвалось.

Впрочем, эта странная конструкция в прошлом – Крым все перестроил. Образ Сталина 1930-х, когда страна социализма высилась одиноко, как утес, и служила ему пьедесталом, может быть, и виделся Путину после весны 2014 года, но уже не был нужен. Крымская эйфория и 89% одобрения, восхищение «самым вежливым человеком» и его «самыми вежливыми людьми» – без какого-либо насилия над российской общественностью – это не повтор сталинского культа, это нечто новое. А слабые соседи потянулись в НАТО («Сталин бы такого не допустил», – недовольно говорят иные респонденты).

Крымская история исключительно интересна тем, что россияне обнаружили готовность годами жить не тужить в моральной изоляции, в состоянии бойкота. Сейчас, когда моральное осуждение обернулось настоящей блокадой для мобильной части российского общества, картина стала иной. Но сторонников автаркии и поборников мысли, что весь мир – нам враги, в российском обществе очень много.

Второй повод для сожалений о распаде СССР лучше всего выражен в мас-

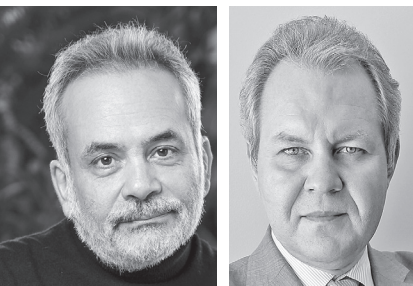
совом желании восстановить пионерскую организацию и/или комсомол. О восстановлении КПСС при этом речи нет – то есть нужна не политико-идеологическая составляющая, а что-то иное. Люди вспоминают, как их родители или бабушки с умилением говорили о пионерии, они хотят, чтобы возрожденный аналог пионерской организации был всероссийским и не ограничивался бы в своей деятельности лишь созданием

«хорошего коллектива» для их ребенка и летними поездками в пионерский лагерь, желательно в Крым, под надзором вожатого. За умильными вздохами стоит тоска по тоталитарному строю – только в мягком, детском варианте. Лайт, как говорится.

Завершая, скажем еще раз: СССР – самое дорогое, что есть в истории для большинства россиян. О его развале помнят. О его создании – нет.

АЛЕКСАНДР
АБАЛОВ,
ВЛАДИСЛАВ
ИНОЗЕМЦЕВ

Судьба обреченного: к столетию Советского Союза

*Александр Рэмович
Абалов (р. 1966) –
заслуженный учитель
Москвы, преподаватель
истории лицея № 1535
(Москва).*

*Владислав Леонидович
Иноземцев (р. 1968) –
директор Центра исследова-
ний постиндустри-
ального общества
(Москва).*

Ничем, кроме как злой иронией, нельзя назвать то, что два крупнейших славянских народа – российский и украинский – оказались в состоянии тяжелейшего конфликта в год столетнего юбилея создания государства, в котором они, как предполагалось, должны были жить в мире и согласии. Вековой юбилей СССР обречен был стать главной исторической вехой уходящего года – но, разумеется, он оказался заслонен текущими трагическими событиями, разыгрывающимися в самом центре его бывшей территории. Однако, несмотря на это, мы хотели бы поставить три вопроса, касающихся истории СССР, и попытаться ответить на них с учетом столетнего опыта.

ЗАЧЕМ?

Первым, разумеется, оказывается вопрос «зачем?»: зачем было создано в известном нам виде государство, называвшееся Союзом Советских Социалистических Республик? Сам вопрос, как нам кажется, вообще не стоял таким образом перед большевиками, которые в 1917 году в результате переворота пришли к власти в самой большой в мире континентальной империи. Используя риторику всеобщего освобождения – классового, национально-

**КУЛЬТУРА
ПОЛИТИКИ**

го и духовного, – они провозгласили наряду с лозунгами земли и мира также и лозунг права наций на самоопределение, материализовавшийся, правда, относительно лишь некоторых территорий (в основном более «европейских», чем имперская метрополия). В отношении же остальной части страны большевики строили вполне понятные замыслы: она должна была стать не более чем точкой опоры, позволяющей начать создание всемирной республики Советов, которую предполагалось расширять до тех пор, «когда на этих скамьях не хватит места делегатам всех республик, объединенных в наш союз»¹. Соответственно, это требовало нескольких моментов: союз не должен был иметь национальной определенности; ему предстояло быть открытым для приема новых членов и потому гибким и, наконец, его надо было наделить возможностями для масштабной мобилизации людей и ресурсов, так как мир капитала не собирался сдавать своих позиций. Собственно говоря, сама цель создания СССР – как, безусловно, временного образования, призванного исчезнуть в результате мировой революции – вышла на повестку дня, как только стало понятно, что в ближайшие годы эта революция не состоится.

Однако задача оказалась не из тривиальных. Чтобы сохранить контуры (а потом и содержание) империи, Москве пришлось пойти на сложную комбинацию: фактически с созданием СССР большевики взяли назад свое второе обещание (первое, о мире, дематериализовалось практически сразу, в 1918 году, а третье, о земле, кануло в Лету с началом коллективизации). Форма нового государства активно дебатировалась несколько лет: сторонники сильной центральной власти, которая допускала бы определенные права национальных территорий (таков был план Сталина и адептов автономизации), противостояли тем, кто выступал за конфедеративную структуру из нескольких равноправных республик, имеющих широкие полномочия, включая право на выход из Союза (таково было предложение Ленина). Решение принималось под влиянием множества обстоятельств, в числе которых были и надежды большевиков на «вставание с колен» Востока² (что требовало большей степени свободы республик, способной вдохновить зарубежные трудящиеся массы), и открытое сопротивление планам автономизации со стороны республик Закавказья³, а также, в меньшей мере – Украины и Белоруссии. Итог известен: 30 декабря 1922 года в Большом театре, в Москве, был подписан договор

- 1 Киров С. М. *Выступление на I съезде Советов СССР // I съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик: Стенографический отчет*. М.: Издательство ВЦИК, 1922. С. 15.
- 2 См.: Ленин В. И. *К вопросу о национальностях или об «автономизации»* // Он же. *Полное собрание сочинений*. М.: Политиздат, 1970. Т. 45. С. 356–362.
- 3 См.: SMITH J. *The Bolsheviks and the National Question, 1917–1923*. New York: St Martin's Press, 1999. P. 181–182.

АЛЕКСАНДР АБАЛОВ,
ВЛАДИСЛАВ ИНОЗЕМЦЕВ

СУДЬБА ОБРЕЧЕННОГО:
К СТОЛЕТИЮ СОВЕТСКОГО
СОЮЗА

об образовании СССР – причем созданная структура стала компромиссным образованием: не вполне централизованным государством и не вполне конфедерацией, но причудливым сочетанием обоих.

Новая империя поспешила откреститься от своей «русскости» в угоду интернационализму (иначе говоря, «великодержавный шовинизм», «грубость и несправедливость к инородцам»⁴ были сочтены угрозами, более опасными, чем «мелкобуржуазный национализм» и появление «социал-независимцев»⁵) – и тем самым купила себе несколько десятилетий жизни в мире, в котором имперские структуры стремительно превращались в исторический анахронизм. Однако продлив существование, она не изменила свою природу единого сверхцентрализованного государства: это стало ясно уже в начале 1930-х, когда игры в «коренизацию» закончились, а СССР стал превращаться в систему, жестко управляющуюся из единого центра. Причиной тому мы считаем заметное сопротивление общества и части партийной верхушки коммунистическим преобразованиям, что спровоцировало репрессии и поставило на повестку дня вопрос о более прочном, нежели чисто идеологическое, основании государства.

Сама цель создания СССР – как, безусловно, временного образования, призванного исчезнуть в результате мировой революции – вышла на повестку дня, как только стало понятно, что в ближайшие годы эта революция не состоится.

Кроме того, экспансионистские планы Кремля, вытекавшие из желательности уничтожения при первой удобной возможности капиталистического окружения, также требовали дополнительной централизации. Однако и тут компромиссный характер государства давал о себе знать: Москва, готовясь к войне, начала кампанию по увеличению числа республик. В 1936 году Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика была расформирована и вместо нее были созданы три союзные республики: Грузинская, Армянская и Азербайджанская⁶. Две автономные республики в составе РСФСР – Казахская и Киргизская АССР – были выделены из нее и также

⁴ Ленин В.И. *К вопросу о национальностях или об «автономизации»*. С. 357.

⁵ См.: Письмо И.В. Сталина В.И. Ленину об определении порядка отношений центра с республиками, 22 сентября 1922 года // ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1: 1918–1933 гг. М.: РОССПЭН, 2005. С. 78.

⁶ См.: Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик. Сборник документов. М.: Политиздат, 1964. Т. 6. С. 464–465.

преобразованы в союзные⁷. Территории, оккупированные СССР в 1939–1940 годах, тоже получили атрибуты государственности: в 1940 году были учреждены Литовская, Латышская, Эстонская и Молдавская ССР, а Карельская Автономная Республика (в надежде на «объединение» с Финляндией) была преобразована в Карело-Финскую ССР⁸. Однако по мере такой трансформации стала подчеркиваться роль русского центра и русской культуры, хотя задача максимально тесного сближения народов Советского Союза в надежде на полное преодоление их этнической идентичности и слияния в некое единое целое не ставилась.

Мы не знаем, как сложилась бы история СССР, если бы на рубеже 1930-х и 1940-х страна в несколько «приемов» не вступила во Вторую мировую войну. Стоит, однако, признать, что именно последняя радикально изменила природу советского государства, завершив всякого рода творческие эксперименты, начатые большевистской революцией.

Куда?

Великая Отечественная война стала страшной трагедией для всех народов Советского Союза, но, как ни парадоксально, она радикально изменила его природу, создав основания для некоего квазинационального единства – или даже нации, если следовать предложенному Эрнестом Ренаном определению ее как группы, «объединенной солидарностью, основанной на жертвоприношении, которое было совершено в прошлом и которое она готова повторить»⁹. (Ведь до 1945 года у многих населявших СССР этнических групп не было никакого опыта субъектного участия в деяниях империи: в течение всего времени нахождения в ее составе они оставались в основном объектами колонизации.)

Война и последовавшие события изменили Советский Союз как минимум в двух аспектах. С одной стороны, возник тот элемент исторического опыта, который создал единую мифологию, в равной степени относящуюся ко всей общности и при этом скорее обращенную именно на народ единой страны, а не на какие-то внешние цели. Выживание, обеспеченное общими усилиями, заменило в сознании населения абстрактные коммунистические цели. Как точно отметил Евгений Добренко, «победа в войне – это событие, в котором впервые проявила

АЛЕКСАНДР АБАЛОВ,
ВЛАДИСЛАВ ИНОЗЕМЦЕВ

СУДЬБА ОБРЕЧЕННОГО:
К СТОЛЕТИЮ СОВЕТСКОГО
СОЮЗА

7 См.: Кукушкин Ю., Чистяков О. *Очерк истории советской Конституции*. М.: Политиздат, 1987. С. 178–181.

8 Там же. С. 182.

9 RENAN E. *What is a Nation? And Other Political Writings*. New York: Columbia University Press, 2018. P. 261.

себя состоявшаяся советская нация»¹⁰. Сталин после войны избрал курс на развитие государства как основанного на сформированной советской нации¹¹, и это направление стало доминирующим впоследствии (даже несмотря на возрождение национальных традиций в союзных республиках при Хрущеве, коммунистическая верхушка позже пришла к трактовке единого советского народа как «новой исторической общности людей»¹²).

С другой стороны, и значение этого момента тоже не стоит принижать, ни победа в Великой Отечественной войне, ни последовавшее вскоре и поддержанное СССР движение деколонизации не привели к реализации ранних коммунистических мечтаний о «мировой федерации пролетарских республик». ГДР, Польша, Чехословакия, Болгария, не говоря уже о Вьетнаме, Конго, Кубе или Анголе, не были приняты в Советский Союз на правах новых республик – хотя первоначальные планы большевиков предполагали обратное. Сказанное означает, что архаика перевесила революционность, а национальная реальность – коммунистические идеалы. Послевоенный СССР стал – если не на деле, то в восприятии своей правящей элиты – *de facto* национальным государством и развивался далее как таковое.

Дополнительным фактором, который укреплял (явно или латентно) такое впечатление, оказалась начавшаяся в 1947–1949 годах «холодная война». Противниками в ней по странному стечению обстоятельств оказались две сверхдержавы, каждая из которых была построена как проект – причем ни та ни другая не содержала в своем названии какой-либо исторически-этнической определенности. Но, поскольку Соединенные Штаты Америки, несомненно, развивались как политическая гражданская нация, приписывание аналогичного характера Союзу Советских Социалистических Республик было вполне естественным. Более того, это хорошо оттеняло тот факт, что обе сверхдержавы имели сателлитов, к которым они относились как к национальным государствам и формальный суверенитет которых не ущемляли (в реальности доктрина «ограниченного суверенитета» Брежнева¹³ была очень похожа на то, чем руководствовались в отношении к «своей» части мира американцы¹⁴).

10 Добренко Е. *Поздний сталинизм: эстетика политики*. М.: Новое литературное обозрение, 2020. Т. 1. С. 10.

11 Там же. С. 22.

12 См.: XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. *Стенографический отчет*. М.: Государственное издательство политической литературы, 1962. Т. 1. С. 153.

13 См.: Брежнев Л.И. *Ленинским курсом. Речи и статьи*. М.: Издательство политической литературы, 1970. Т. 2. С. 329.

14 См., например: Johnson L. *Radio and Television Report to the American People on the Situation in the Dominican Republic, May 2, 1965* // *Public Papers of the Presidents of the United States: Lyndon Johnson, 1965, Book 1*. Washington: United States Government Printing Office, 1966. P. 469–474.

Таким образом, вопрос «куда?» становился все более риторическим: по мере того, как советская система доказывала свою жизнеспособность, она отказывалась от революционного видения своей перспективы как всемирной федерации совершенно различных стран и обращалась к концепту национального государства. Успешность советской модели, мало кем оспариваемая вплоть до середины 1970-х, укрепляла этот подход, которому в общем и целом не оставалось альтернативы, учитывая крайнюю сложность внутренней структуры СССР (в мире не было федераций, в состав которых входили бы другие федерации; между тем в Советском Союзе, помимо этого, составными частями государства оказывались национальные республики, внутри ряда которых наряду с территориями, населенными представителями титульных наций, существовали и свои этнические автономии). Поэтому, строго говоря, у СССР не было реальной альтернативы строительству нации.

АЛЕКСАНДР АБАЛОВ,
ВЛАДИСЛАВ ИНОЗЕМЦЕВ

СУДЬБА ОБРЕЧЕННОГО:
К СТОЛЕТИЮ СОВЕТСКОГО
СОЮЗА

Ни победа в Великой Отечественной войне, ни последовавшее вскоре и поддержанное СССР движение деколонизации не привели к реализации ранних коммунистических мечтаний о «мировой федерации пролетарских республик».

Имелось, однако, одно важное «но». Несмотря на всю свою централизованность, Советский Союз оставался формальной конфедерацией, в которой центральная власть подчеркивала и «самостоятельность» республик, и богатство самобытных культур различных народов. «Русификация»¹⁵ рубежа 1940-х и 1950-х сменилась расширением полномочий республиканских властей, своего рода «новой коренизацией»¹⁶. Кроме того, по мере усиления советского влияния в мире интернационализм становился элементом идеологии СССР, а его продвижение никак не предполагало ассимиляции народов внутри самого Союза. На наш взгляд, к началу 1970-х ситуация стала крайне двусмысленной: страна, которая образовалась как наследница крупнейшей колониальной империи, пережила всех

15 Отметим, что сама власть достаточно четко устанавливала границы этой «русификации». Любые попытки усилить роль РСФСР жестко пресекались. Предъявленное фигурантам «ленинградского дела» обвинение в том, будто бы они пытались создать российскую компартию, сыграло не последнюю роль в их трагической судьбе. См.: БРАНДЕНБЕРГЕР Д. *О роли РКП(б) в «Ленинградском деле» // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953: Материалы VII международной научной конференции. Тверь, 4–6 декабря 2014 г.* М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 17–24.

16 См.: БУГАЙ Н., ЗУБКОВА Е. *Этнополитика в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период (1941–1960-е гг.) // Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства / Отв. ред. Т. КРАСОВИЦКАЯ, В. ТИШКОВ.* М.: Новый хронограф, 2012. С. 299.

своих собратьев и немало способствовала их развалу – но при этом сама не переставала быть империей по своей позиции, подверженной всем рискам деколонизации. На наш взгляд, именно двойственная природа СССР как государства, по сути являвшегося империей, а по форме бывшего конфедерацией и при этом так и не сформировавшего подлинного национального единства своих граждан, стала главной причиной его распада.

Почему?

Вопрос «почему?» – почему распался Советский Союз – имеет множество ответов, однако, оценивая процесс упадка и краха крупнейшей в мире страны, нельзя не видеть, что в начале 1990-х она разделилась именно по ранее проведенным границам между национальными республиками (а внутри некоторых республик размежевания прошли и по рубежам расселения этнических групп). Очевидно и то, что в сложносоставных странах советского блока, подобных Чехословакии и Югославии, произошли схожие процессы, тогда как ГДР предпочла воссоединиться с ФРГ в единую Германию. Иначе говоря, нам представляется, что период упадка коммунизма стал в то же время временем ренессанса национальных государств на территории и по периметру пережившей свою эпоху Российской империи. Экономические проблемы, усталость от засилья идеологии, невозможность построения эффективной электоральной демократии в столь большом государстве – все эти сложности носили сугубо вторичный характер по сравнению с пробуждением национальных идентичностей.

СССР, на наш взгляд, был обречен на крах потому, что его руководство вело политику, которая создавала массу видимостей, принимавшихся им самим за данности. Современная для второй половины XX века система ценностей порождала иллюзию близости с развитыми индустриальными странами и возможности технологической конкуренции с ними. Единое гражданство федеративного государства, равные права людей, социальная мобильность, большое число смешанных браков давали основание считать страну национальным государством (на первые выступления на национальной почве коммунистическое руководство отреагировало как на вылазки «отдельных экстремистов» и внешних сил¹⁷). Наличие формальных институтов народовластия и элементов правового порядка считалось важной предпосылкой эффективной демократизации.

17 См.: Горбачев М. *Жизнь и реформы*. М.: Новости, 1995. Кн. 1. С. 497–499.

По мере развертывания перестройки стало ясно, что все эти видимости не имеют под собой серьезного фундамента. Советское руководство могло бы попытаться вернуть государству «ленинские основания» настоящей конфедерации и само запустить процесс деволуции; но делать это было нужно в период наибольшей успешности страны, в первой половине или середине 1960-х. Или, как вариант, оно могло бы активизировать строительство единой нации, перенося акцент с далекого коммунистического будущего на полувековое общее прошлое – но и это нужно было делать тогда, когда проблем никто не видел, а наблюдались одни успехи. То есть как раз в то время, когда западные империи рассыпались, советская империя должна была отреагировать на свои достижения и на проблемы своих соперников одним из двух шагов, которые были невозможны для Запада. Либо трансформацией себя в союз свободных народов, экономически и культурно привязанных друг к другу (общая граница на протяжении последующей пары десятилетий при высокой степени автономизации и сохранении экономических связей могла бы сделать такую структуру вполне жизнеспособной, сняв деструктивный потенциал стремлений к суверенитету). Либо формированием на месте империи единого национального государства с предоставлением гражданам окраин еще более инклюзивной системы аффирмативных действий – в обмен на переформатирование страны, предполагающее отказ от национально очерчиваемых республик (это тоже могло бы сработать, если бы новая система просуществовала хотя бы четверть века и продемонстрировала способность к развитию).

Иначе говоря, именно в 1960-е, когда СССР достиг своего расцвета, а повсюду в мире национализм имперских окраин превращался в ведущую силу переустройства мирового порядка, советское руководство должно было решиться на радикальные перемены в национально-государственных устоях страны. В фазе же относительного упадка провести реформы было уже невозможно. Именно пресловутый «национальный вопрос» и стал главной «причиной смерти» Советского Союза, а все остальные проблемы имели явно второстепенный характер.

* * *

Советский Союз распался относительно мирно – и основными причинами тому, на наш взгляд, были два обстоятельства. Во-первых, в сознании значительной части населения (и даже номенклатуры) процесс не рассматривался именно как распад – скорее в нем видели обновление. И партийная верхушка, и

граждане практически не допускали мысли о полном исчезновении единого государства; речь шла о подлинной конфедерации с избавлением от КПСС и минимизацией роли центра. Когда стало ясно, что ситуация развивается по иному сценарию, было уже поздно: никакие насильственные действия не могли ничего изменить. Во-вторых, начиная с 1960-х за кулисами образцового интернационального государства стало оформляться доминирование во всех сферах элиты русских, украинцев и белорусов – своего рода «триединого народа», о котором говорили еще со времен царствования Алексея Михайловича¹⁸. Такой процесс породил отношение к большинству прочих республик как к окраинным колониям, избавление от которых не станет значительной проблемой (это идеально проявилось и в составе участников знаменитой встречи в Беловежской пуще). Поэтому роспуск СССР не виделся трагедией – особенно в условиях, когда его «бонусами» считались избавление от коммунистической системы и ускорение назревших экономических реформ.

Мог ли Советский Союз пережить перестройку и продолжить свое существование? Мы однозначно полагаем, что нет: противоречивая структура его квазиимперской организации не допускала иного сценария. Страна была изначально обречена – и при этом не из-за невозможности достичь заявленного коммунистического идеала или неспособности достойно выступить в технологическом соревновании с западными державами, а именно по причине отсутствия четкого плана трансформации империи в нечто ей противоположное, неспособности учесть опыт и уроки деколонизации и, наконец – что мы наблюдаем сегодня, – неумения выстроить отношения даже внутри изначального «имперского ядра». И если исходный акт имперского распада, на наш взгляд, сопоставим по цивилизованности и последствиям с роспуском Британской империи (в обоих случаях основные вспышки насилия возникали не на линии отношений метрополии с колониями, а в отношениях между отдельными ранее периферийными территориями), то последующая история, далеко еще не закончившаяся, указывает на то, что модернизация имперского центра окажется намного более сложной проблемой, чем его развод с периферией.

18 См.: Плохий С. *Потерянное царство: поход за имперским идеалом и сотворение русской нации (с 1470 года до наших дней)*. М.: АСТ; CORPUS, 2021. С. 72–76.

К 100-летию СССР: марксизм и национальный вопрос. Дискуссия «НЗ»

Игорь Кобылин: Уважаемые коллеги, прежде всего я хотел бы поблагодарить вас за то, что вы откликнулись на инициативу нашего журнала и согласились принять участие в дискуссии по вопросу, актуальность которого очевидна, как никогда, и не нуждается в дополнительных объяснениях. Действительно, сегодня все мы являемся свидетелями трагического финала постсоветского мира – в обоих смыслах слова «мир». Это определение – «постсоветский» – симптоматично: приставка пост- вроде бы указывает на некоторое движение от советского или даже его преодоление, но само это движение, как выясняется, лишено собственного содержания: это работа отрицания, которое бесконечно буксует в отрицаемом материале, увязая в нем все глубже и глубже. Несмотря на то, что Советский Союз распался больше тридцати лет назад, груз нерешенных тогда проблем – и едва ли не в первую очередь национальных – нигде не исчез, и мы видим, как эти проблемы «решаются» сегодня. В связи с этим – в год одновременно столетнего юбилея СССР и мощнейшего кризиса постсоветского порядка – хотелось бы обсудить даже не столько начало всей этой истории, сколько предысторию, не чураясь и того сослагательного наклонения,

Игорь Кобылин (р. 1973) – философ, редактор журнала «Неприкосновенный запас».

РЕВОЛЮЦИЯ И ФЕДЕРАЦИЯ

которого так не любят историки, но которого им на самом деле редко удается избежать.

Впрочем, предыстория здесь не слишком отдаленная – мы решили предложить к обсуждению три дореволюционные статьи Ленина, посвященные национальному вопросу: «Критические заметки по национальному вопросу» (октябрь–декабрь 1913 года), «О праве наций на самоопределение» (февраль–май 1914-го) и «О национальной гордости великороссов» (декабрь 1914-го). А потом взглянуть на реальную советскую национальную политику в свете того, как это задумывалось изначально.

Свой первый вопрос я начну с цитаты из «Критических заметок...». Ленин там пишет:

«Развивающийся капитализм знает две исторические тенденции в национальном вопросе. Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств. Вторая: развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т.д. Обе тенденции суть мировой закон капитализма. Первая преобладает в начале его развития, вторая характеризует зрелый и идущий к своему превращению в социалистическое общество капитализм. С обеими тенденциями считается национальная программа марксистов, отстаивая, во-первых, равноправие наций и языков, недопустимость каких бы то ни было *привилегий* в этом отношении (а также право наций на самоопределение, о чем ниже особо), а во-вторых, принцип интернационализма и непримиримой борьбы против заражения пролетариата буржуазным национализмом, хотя бы и самым утонченным».

Кажется, «во-первых» здесь во многом зависит от «во-вторых» – борьба марксистов с национальным угнетением – это не борьба за политическую и культурную автономию той или нации с ее специфической «национальной жизнью», а борьба против одной из форм угнетения. Акценты здесь расставлены недвусмысленно. Право на самоопределение – первый шаг на диалектическом пути к интернациональному единству всех демократических сил. Свобода для наций необходима именно потому, что они, будучи историчными, в преддверии наступающего социализма уже не важны как таковые. Но отсюда неизбежная проблема: поскольку Россия была «слабым звеном» капиталистического мира и революция (и постреволюционное строительство) акселерационистски решала не только социалистические, но и буржуазно-демократические задачи, «обе тенденции мирового закона капитализма» как бы накладывались друг на друга. Какую роль эта «одновременность неодновременного» сыграла в строительстве нового советского го-

сударства и в его дальнейшей национальной политики? Были ли возможны – хотя бы теоретически – другие ее варианты и как сегодня современная марксистская (и не только) политическая теория оценивает ее результаты? Кирилл, как бы вы ответили на этот вопрос?

К 100-ЛЕТИЮ СССР: МАРК-СИЗМ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС. ДИСКУССИЯ «НЗ»

Кирилл Кобрин: Что меня удивляет: Ленин в данном случае не задает свою повестку – политическую, партийную большевистскую или какую угодно еще, – нет, он в этих текстах реагирует, причем реагирует на разных уровнях. Вы совершенно правы, это полемические тексты. И одной из главных ошибок – намеренных ошибок – в интерпретации ленинской мысли было то, что в советское время его полемические тексты вырывались из контекста и подавались как отлитые в бронзе заповеди. А это же просто реплики в полемике! А любую реплику можно легитимизировать как угодно: выбить случайную фразу золотом на стене и ей поклоняться. Что, кстати говоря, довольно удачно высмеял Юз Алешковский в полузабытой повести «Синенький скромный платочек», где дело происходит в психушке. Один несчастный персонаж, сошедший с ума, возомнил себя Лениным и разговаривает случайными фразами из «Материализма и эмпириокритицизма», прочих ленинских работ и писем. Получилось комично – Ленин, который в постскриптуме безумного послания «генсеку Прежневу Юрию Андроповичу» торжественно пишет: «электрон практически неисчерпаем». Идеологический обиход позднего (и не только) СССР подмечен довольно тонко. Да, мы все прекрасно понимаем эту практику использования текстов Ленина, но, думаю, стоит еще раз напомнить себе: их следует читать и анализировать именно как полемические. Автор реагирует на то, что написала Роза Люксембург, что написали бундовцы, что говорят украинские социал-демократы и так далее; идет полемика, на первый взгляд довольно узкая, порой бранчливая – и Ленин что-то говорит по каждому поводу.

Это первый уровень реагирования. Но второй мне кажется более важным. Логика цитируемого вами, Игорь, пассажи заключается в том, что раз капитализм дуалистичен в национальном вопросе, то и мы – социал-демократы – должны быть дуалистичны. Раз капитализм способствует национальному пробуждению, то и мы должны соответствовать этой тенденции, способствовать ей и поддерживать право наций на самоопределение. Если капитализм является, говоря современным языком, глобализирующей силой, то, соответственно, и мы должны быть глобализирующей силой. Здесь возникает вот такая – можно назвать это диалектикой или как угодно еще – двойственная задача. Ленин намекает на то, что эта задача решается чисто хронологически,

Кирилл Кобрин (р. 1964) – историк, литератор, шеф-редактор журнала «Неприкосновенный запас».

исторически, то есть сначала первый этап, потом второй этап. Сначала мы поддерживаем одно, потом мы поддерживаем совсем другое и проводим иную политику. Это было бы замечательно, не иди речь о России, Российской империи. Потому что тезис о том, как капитализм поставил современный мир на, так сказать, грань всеобщности и всеохватности, и что мы должны поддерживать данную тенденцию – это, в общем-то, очень мало относилось к Российской империи. Это такое теоретизирование по поводу того, что могло бы произойти, если бы Ленин сейчас обращался к членам социал-демократической партии Германии, а не... Любопытно: он как бы и обращается к Розе Люксембург, но намеренное отсутствие различия между теоретическими и реальными адресатами его послания (ведь его читают прежде всего российские социал-демократы, а не немецкие) – это первое, что ставит под некоторое сомнение его интенции. Второе: совершенно очевидно, что адресатами ленинских положений являются довольно разные группы людей. Если мы говорим о поддержке национально-освободительных движений, о праве на самоопределение, то речь идет о народе, нации. А если мы говорим о поддержке универсалистских, глобализирующих тенденций мирового капитализма, которые в итоге приведут к всеобщему триумфу социализма, – то речь идет уже о пролетариате, о классе. Понятно, что пролетариат является частью народа и «без него народ не полный», но все-таки это разные адресаты – нация и класс. И возникает вопрос: к кому обращается Ленин – к одному или к другому? Или сразу к обоим?

Еще одно обстоятельство: в этой работе есть фрагмент, который порой ставился «в вину» Ленину, поскольку противоречит известной концепции, мол Лениным был создан такой прекрасный советский федеративный союз, а Сталин все испортил. Вот что пишет Ленин:

«Марксисты, разумеется, относятся враждебно к федерации и децентрализации по той простой причине, что капитализм требует для своего развития, возможно, более крупных, возможно, более централизованных государств. При прочих равных условиях сознательный пролетариат всегда будет отстаивать более крупное государство. Он всегда будет бороться против средневекового партикуляризма, всегда будет приветствовать тесное экономическое сплочение крупных территорий, на которых могла бы широко развернуться борьба пролетариата с буржуазией».

Как видите, это подрывает доверие к тому, что говорилось по поводу прекрасной ленинской федерации под названием СССР. Я далек от мысли, что Советский Союз разрушился потому, что в какой-то полемической работе Ленин написал такое – нет, конечно. Но тем не менее в головах большевиков, а

потом руководства ВКП(б) и КПСС такого рода представления существовали, Ленин же их когда-то оформил, высказал, объяснил – пусть потом и поменял свою позицию. Дуализм, о котором я говорил, все равно подтачивал изнутри, разъедал идею советской федерации.

И последнее. Конечно, нельзя смотреть на все это вне исторического контекста – ведь данные работы написаны в 1913–1914 годах: до революции, до Первой мировой войны (две статьи из трех), до «Государства и революции», то есть до ленинской работы, которая довольно сильно поменяла представление большевиков о новом типе государства. Предвоенная Российская империя – страна, которая еще не остыла от революции 1905–1907 годов, где именно национально-освободительное движение (связанное с социалистическим) играло невероятно активную роль, достаточно посмотреть на то, что происходило в прибалтийских губерниях, в Закавказье и так далее. То есть уже в годы первой русской революции стало ясно, что национальный вопрос и вопрос социализма в Российской империи – это две стороны одного вопроса, и, может быть, задачей Ленина было либо развести их подальше друг от друга, либо, наоборот, соединить их самым удобным и выгодным для большевиков образом. Это уже практическое политическое воплощение обсуждаемого нами дуализма.

И.К.: Спасибо. Я хотел бы обратить внимание на полемический тезис, высказанный Кириллом и заключающийся в том, что теоретизирование Ленина не очень походит к России, не учитывает ее специфику. Но именно в непонимании конкретно-исторических российских реалий сам Ленин и обвиняет Розу Люксембург в статье «О праве наций на самоопределение». То есть он вполне отдавал себе отчет, что ситуация в Российской империи требует анализа конкретных условий – абстрактно-теоретических, общих положений здесь явно недостаточно. И еще один момент представляется мне важным: Ленин в своих рассуждениях пассивно реагирует на инициативу капитализма...

К.К.: Активно, но реагирует!

И.К.: Да-да, это интересный момент, может быть, мы потом к этому вернемся. Капитализм уже создал интернационал капитала, а мы теперь, говорит Ленин, должны ответить, отреагировать, создав интернационал рабочего класса.

Спасибо, мне кажется, что теперь нужно дать слово человеку, который в качестве антрополога занимался полевым исследованием национальных отношений в Советском Союзе. Сергей, что вы думаете по поводу прочитанных текстов?

Сергей Абашин (р. 1965) – антрополог, историк, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Сергей Абашин: Спасибо. Я точно не историк марксизма, но, как и Кирилл, когда-то в университете все это учил и теперь заново перечитал ленинские тексты, имея в виду те дискуссии о национализме, которые идут сегодня. Кирилл уже сказал, что на эти работы нельзя смотреть только как на теоретические тексты, это скорее полемическая публицистика. Я хочу тоже обратить внимание на контексты, в которых статьи Ленина появились.

Первый текст 1913 года, он посвящен внутривнутрипартийной дискуссии: Ленин спорит с теми социалистами, кто предлагает разделить партию на национальные фракции. В другом тексте, первой половины 1914-го, дискуссия совершенно иная: Ленин спорит с Розой Люксембург, которая утверждает, что в партийной программе социалистов наций вообще быть не должно, как не должно быть и тезиса о праве наций на самоопределение. Я не знаю, где тут левый уклон, а где правый, но Ленин пытается занять, похоже, серединную позицию. В одном случае он говорит: «Мы, социалисты, признаем национальный фактор, но вообще мы должны стремиться к тому, что пролетариат должен быть интернациональным». В другом же случае акцент меняется: «Да, наш идеал – интернационализм, но Россия находится на отсталом этапе своего развития, поэтому мы, социалисты, должны учитывать, что существует национальное угнетение, и мы должны лозунг права нации на самоопределение сохранять в российском контексте». Третий текст – это декабрь 1914-го, это уже Первая мировая война, и мы видим совершенно другой акцент. Ленин пишет о том, что есть угнетенные нации и есть нации-угнетатели. Он подчеркивает, что пролетариат должен поддерживать национальную борьбу угнетенных против угнетателей. По сути дела Ленин вводит здесь тему империализма, которую потом разовьет в своей работе 1916 года «Империализм как высшая стадия капитализма», где объясняется, что, кроме классового разделения, существует еще разделение на империи и малые нации. Из этого взгляда потом вырастет антиколониальная риторика раннесоветского времени.

Таким образом, у работ Ленина разные контексты, разные адресаты, к которым он обращается, и разные акценты, которые без учета контекстов выглядят как противоречивые. И здесь я хочу сказать, что такая реакция Ленина на разные контексты и перестановка акцентов показывает нам скорее не особенности самой теории, а особенности Ленина как политика, который очень чутко реагирует на текущую политическую повестку и выстраивает под нее мощный теоретический аппарат объяснения. При этом Ленин может сделать резкий поворот в этой политике, отталкиваясь от нового контекста. И, собственно говоря, в советское время мы как раз и видим, как политика боль-

шевики, уже пришедших к власти, исходит не из какой-то теории, а скорее теория используется для обоснования каких-то конкретных практических решений. И мы видим, что решения о том, кто получает автономию внутри Российской республики, кто становится союзной республикой внутри СССР, а кто полностью выводится из бывшего имперского пространства, возникают не из марксистской теории как таковой, а из сложного баланса практических возможностей и интересов. Нужно было победить врага, нужно было удержать власть, поэтому большевики создавали союзы с очень разными силами, а отсылка, допустим, к тому же праву наций на самоопределение, национальному освобождению, понятиям империализма и колониального гнета легитимировала такие союзы.

Такой практический подход к национальному вопросу можно видеть и после смерти Ленина. То одним автономиям дается высокий статус союзных республик, то, наоборот, какие-то республики ликвидируются, национальные проекты сворачиваются. Увидеть в этом какую-то одну стратегию трудно, скорее следует внимательно изучать контексты, соотношение разных сил внутри страны и в мире.

Таким образом, мой главный тезис заключается в том, что нужно видеть не только какую-то идеологию, в соответствии с которой что-то совершается или не совершается в XX веке, но и видеть прагматику, практические цели, действия, решения, которые встраивались в эту идеологию.

И, кстати говоря, не стал бы забывать тексты Сталина по национальному вопросу, начиная с работы 1913 года «Национальный вопрос и социал-демократия», которая нам известна как «Марксизм и национальный вопрос», и заканчивая «Марксизмом и вопросами языкознания» 1950-го. Я думаю, что, говоря о советской национальной политике, важно смотреть не только на работы Ленина, но и на работы Сталина по национальному вопросу, их акценты и эволюцию. Допустим, в «Вопросах языкознания» было предложено смотреть на нации как на некие вечные субстанции, которые не зависят от экономической формации, и это был серьезный поворот в советской идеологии, с последствиями которого мы сталкиваемся до сих пор.

И.К.: Спасибо. К Сталину мы еще вернемся чуть позже. А сейчас у меня вопрос к Анне. Есть ли у Ленина – и шире, в марксизме вообще – теория национального вопроса? Ведь если нация – это исторически преходящая общность, то тактико-прагматические задачи важнее теоретико-стратегических. То есть все предлагаемые решения национального вопроса так или иначе исходят из перспективы будущего демократического интернационала. Ленин недвусмысленно пишет, что лозунг

Анна Егорова (р. 1990) – аспирантка Центра практической философии «Стасис» Европейского университета в Санкт-Петербурге, младший научный сотрудник Центра современных политических исследований Института общественных наук РАНХиГС.

«национальной культуры» ведет к буржуазному национализму и вообще отдает «черносотенщиной» и клерикализмом. Есть ли там на самом деле интерес собственно к национальности или какая-то теория всей этой национальной жизни? Ну, кроме известного тезиса о двух элементах – демократическом и буржуазном, – внутри каждой национальной культуры.

Анна Егорова: Да, действительно, вопрос, существует ли в марксизме теория национализма и национального развития, абсолютно уместен.

Конечно, Ленин был не единственным автором, который писал о национализме, нациях и вообще национальном вопросе. Поэтому если мы говорим о теории наций в марксизме, то нужно рассматривать более широкие дебаты, а не только статьи Ленина. Кроме того, очевидно, что тексты Ленина острополюемичные и должны рассматриваться исключительно в историческом и даже внутрипартийном контексте. Многие вещи в его работах останутся непонятными, если мы ничего не знаем про этот контекст: в том числе, кто оппоненты Ленина в этих статьях. Например, с кем он полемизирует, когда в «Критических заметках по национальному вопросу» выступает против проекта экстерриториальной автономии Отто Бауэра? Критика Ленина в первую очередь направлена против введения федерального принципа внутри партии, подразумевающего, что у каждой национальной группы будет своя партийная ячейка, чего хотел, в частности, Бунд. Ленин был против такого национального деления внутри партийной организации. Здесь все время как будто происходит подмена: критикуя теоретическую линию, Ленин критикует и конкретную политическую стратегию. Он не отвергает какую-то теорию, но выступает против конкретной группы внутри социал-демократии.

То же самое касается и статьи 1914 года «О праве нации на самоопределение». Является ли Роза Люксембург реальным оппонентом Ленина? Это вопрос, потому что скорее всего Ленин полемизирует с Георгием Пятаковым, Евгенией Бош и Николаем Бухариным, которые придерживались «экономического детерминизма», отвергая проблему национального самоопределения как мелкобуржуазную выдумку и противопоставляя ей солидарность рабочего класса. Поскольку Ленин не хочет открыто критиковать своих близких товарищей, он приписывает их позицию социал-демократам из других стран.

Говоря про теорию национального вопроса в марксизме, мы можем и у Ленина, и у Маркса искать только какие-то ее зачатки, но полноценную теорию мы вряд ли обнаружим. И это важно понимать, особенно, когда делаются утверждения о том, что, руководствуясь заветами марксизма, так-то и так-то релшались

какая-то проблема – потому что заветов марксизма не существовало. Их нужно было изобретать, а потом еще они ретроспективно переписывались. Некритическое обращение с ленинским наследием и сегодня создает политические проблемы.

Если мы говорим о том, как тексты Ленина воспринимались в Советском Союзе, как они бездумно повторялись, то, к сожалению, эта проблема существует и по сей день. Даже в контексте текущей ситуации многие левые марксисты в Европе или в Америке считают, что руководствуясь ленинской теорией империализма, а также идеей пролетарского интернационализма, нужно выступать против любого национализма, который будет обязательно «мелкобуржуазным». Конечно, такое прочтение никак не следует из «Капитала» или марксистской экономической теории, да и из статей Ленина. Теория национального вопроса и вообще национализма в марксизме остается предметом острой полемики вплоть до настоящего дня.

Возьмем, например, Маркса. Его понимание национального вопроса меняется под влиянием его собственной политической и теоретической практики. Особенно ярко эта перемена обнаруживается в подходе Маркса к проблеме независимости Ирландии. До 1867 года он считает, что условием национального освобождения ирландцев является победа пролетарской революции в Англии. А после 1867-го под влиянием «дела фениев»¹ Маркс обнаруживает, что без независимости Ирландии революция в Англии невозможна. И это, собственно, то, к чему Ленин апеллирует в статье 1914 года. Поставленный Марксом вопрос об освобождении Ирландии – это вопрос, не просто этический (о том, что английские рабочие должны уважительно относиться к ирландским рабочим). Маркс видит в шовинизме именно структурную проблему. Шовинизм английских рабочих – это «источник бессилия рабочего класса, несмотря на его организованность». И эту же структурную проблему видит Ленин, когда цитирует письмо Маркса в своей статье о самоопределении. Для обоих шовинизм, который препятствует солидарности рабочего класса или угнетенных, – это не просто неправильные идеи или настроения. У шовинизма есть материальные основания, он производится и воспроизводится как устойчивое социальное отношение. Например, в тексте 1916 года «О карикатуре на марксизм или об “империалистическом экономизме”» Ленин пишет, что русскоязычные рабочие в Российской империи привлекают некоторые выгоды от эксплуатации, что зарплата русскоязычных рабочих выше, чем у тех, для кого русский язык не

1 Фени – члены тайных организаций «Ирландского республиканского братства», придерживавшиеся республиканских взглядов и действовавших (в том числе силовыми методами) во второй половине XIX – начале XX века. Дело 1867 года – череда силовых попыток фениев по освобождению своих единомышленников из заключения и следующие за этим ответные действия английских властей. – *Примеч. ред.*

является родным. Ленин обращает внимание на структурные моменты, и это для марксистской теории национализма очень важно, потому что такое понимание требует специфических ответов. Структурные проблемы решаются не просто через воспитание, они требуют политических решений – в частности, безусловного права на самоопределение. И это то, что из работ Ленина, как мне кажется, можно вывести.

И еще я хотела сказать про «одновременность неодновременного» и линейно-стадиальный подход, который можно у Ленина обнаружить. Вообще идея, что Ленин был адептом мультиформальности, была выдвинута Луи Альтюссером. Но Альтюссер выводит эту концепцию не из текстов Ленина, а из его политической практики. И я думаю, что скорее этой линией и стоит руководствоваться, потому что полемика Ленина и то, как он формулирует аргументы, – все пропитано прогрессистским дискурсом, который оспаривался самой практикой большевиков.

Ленин понимает, что условия, в которых он действует, – это одновременность, вернее «одновременность неодновременного». Он исходит из этого условия, а не стремится к тому, чтобы синхронизации капитализма или модернизации противопоставить демократическую плюральность различных укладов – от первобытного и феодального до социалистического. Ленин не говорит, что есть синхронизирующая темпоральность капитализма, которая подчиняет различные уклады единому ритму. Наоборот, Ленин видит в неодновременности процессов свершившийся факт: так случилось, у нас есть много разных противоречий, и вот мы их все можем сейчас задействовать, что позволит совершить революцию, – так вопрос стоит перед Лениным. То есть здесь нет какой-то такой этической окраски, что нужно обязательно сохранять какие-то уклады каких-то народов. Однако это не значит, что Ленин против этого выступает. Безусловно, когда он разделяет народы на угнетающие и угнетенные нации, он поддерживает борьбу угнетенных. Угнетенным нужно дать то, чего они требуют, то, чего у них не было. Если у них не было своего языка или возможности развивать свою культуру, нужно им дать такую возможность. В первые годы советской власти реализуется политика удовлетворения национальных требований – и в уступках национальным лидерам, и в образовании, и в политических союзах (например история с боротьбистами в Украине). Иными словами, если в текстах Ленина мы читаем о последовательных стадиях исторического развития, то в его политической практике мы видим установку на удовлетворение требований угнетенных – вне зависимости от исторической стадии.

Стоит упомянуть и заметку Ленина «К вопросу о национальностях, или Об “автономизации”», надиктованную им в декабре

1922 года, когда уже он был прикован к постели. В ней Ленин говорит, что объединение в общий государственный проект без удовлетворения требований об автономии, без федерализма является преждевременным. Опять же, оговорюсь, что до 1922 года серьезного различия между федерализмом и автономией социал-демократы не проводили. Поэтому вопрос о политическом проекте Ленина, о том, какое государственное или постгосударственное устройство он предлагает, остается открытым. Например, последняя заметка показывает, что Ленин не был противником политической децентрализации.

К 100-ЛЕТИЮ СССР: МАРК-СИЗМ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС. ДИСКУССИЯ «НЗ»

**Если в текстах Ленина мы читаем }
о последовательных стадиях исторического развития,
то в его политической практике мы видим установку }
на удовлетворение требований угнетенных –
вне зависимости от исторической стадии. }**

И.К.: Спасибо, Анна. Илья, теперь вопрос к вам. При всей справедливости замечаний о по-разному расставленных акцентах все-таки Ленин здесь очень бескомпромиссно и жестко говорит о праве наций на самоопределение. Хотя противоположные аргументы тоже по-своему разумны: лучше сохранить единое пространство, чтобы вовлечь все эти, условно скажем, «отсталые» национальности в общий капиталистический рынок, а уже затем поднимать их до каких-то социалистических форм. С вашей точки зрения, какое место занимает проблема нации и национализма в марксистской теории и каковы здесь ленинские новации по отношению к предшествующим взглядам?

Илья Будрайтскис: Я вернусь к первому вопросу и проблеме двух тенденций, которые обозначает Ленин как магистральные для развития капитализма. Первая – это создание общего рынка и сопровождающая его безжалостная унификация – то есть ровно то, что описывается в знаменитой цитате из «Манифеста Коммунистической партии»: «all that is solid melts into air». То есть все разделительные линии – национальные, религиозные, культурные, – они как бы сметаются силой капитала и неизбежно способствуют созданию интернационального пролетариата, который является главной исторической силой, способной низвергнуть сам капитализм и открыть дорогу новому обществу.

Однако вторая тенденция капитализма, которая, по Ленину, так же исторически неизбежна и прогрессивна, – это создание национальных государств и распад полуфеодальных империй. На самом деле проблема не в том, чтобы предпочесть одну ли-

*Илья Будрайтскис
(р. 1981) – политический теоретик, преподаватель Московской высшей школы социальных и экономических наук.*

нию другой, а в том, чтобы удержать две этих исторических необходимости. Национальное государство, с точки зрения Ленина, есть продукт буржуазной революции – собственно, Великая французская революция создает первую модель национального государства, в котором оказывается возможным раскрыть главный классовый антагонизм между буржуазией и пролетариатом. Только в таком осуществившемся буржуазном государстве возможен окончательный раскол двух культур – угнетенных и угнетателей. Национальное демократическое государство обнажает конфликт декларируемого формального политического равенства и фактического социального неравенства, из осознания которого вырастает уже политическая сила пролетариата.

Особенность таких стран, как Россия или Австро-Венгерская империя, по Ленину, состоит в том, что в них такой буржуазно-демократической революции и, соответственно, создания национальных государств не произошло. Это задача, которая не была решена, и поэтому в будущем ее решение совмещается с задачами, уже собственно социалистическими. Здесь Ленин, в общем, продолжает ту логику диалектического сочетания буржуазно-демократических и социалистических задач, которую он отстаивал в период первой русской революции. Но тут встает главная проблема: с одной стороны, империи создают единое пространство, в котором разные национальности проходят совместно процесс пролетаризации и, соответственно, могут стать частью сознательного организованного рабочего класса. Но, с другой стороны, как отмечает Ленин, на самом деле эти наднациональные государства превращаются в препятствие для создания ситуации прямого классового антагонизма буржуазии и пролетариата, который становится возможным уже в развитых национальных государствах, где буржуазно-демократическая революция уже произошла. Ленин говорит о том, что централизация в Российской империи является реакционной и бюрократической, которая на самом деле препятствует свободному развитию отдельных народов и, в конечном счете, их подлинной классовой солидарности друг с другом.

Это очень интересный тезис. То есть попытка удержать национальности в рамках одного государства на самом деле их не объединяет, а разъединяет, поскольку имперское пространство отсталой наднациональной империи связано с бесконечным производством привилегий одних наций по отношению к другим. И, соответственно, господствующая нация, как Анна уже отметила, оказывается политически бессильной, так как разделяет часть привилегий со своими угнетателями и оказывается неспособной к классовому единству с пролетариями, которые принадлежат другой нации. Поэтому Ленин абсолют-

но ясно, как мне кажется, подходит к мысли, что эти имперские пространства должны просто прекратить свое существование, что движение к самоопределению прямо приведет к отделению, о чем он говорит уже в тексте 1914 года, и это неизбежная перспектива, которая сможет создать основания для демократического единства и солидарности снизу, а не сверху.

К 100-ЛЕТИЮ СССР: МАРК-СИЗМ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС. ДИСКУССИЯ «НЗ»

Попытка удержать национальности в рамках одного государства на самом деле их не объединяет, а разъединяет, поскольку имперское пространство отсталой наднациональной империи связано с бесконечным производством привилегий одних наций по отношению к другим.

Эта очень важная идея, поскольку она переворачивает прогрессистский взгляд на имперское государство. Известно, что такая гегелевская модель была адаптирована русской историко-правовой школой (Соловьев, Ключевский и другие), из которой, в конечном счете, выросла большая часть советской историографии. Она исходила из того, что процесс централизации государства сам по себе является прогрессивным и государственная форма, сколь угодно деспотическая, является объективно исторически прогрессивной. Но Ленин говорит о том, что эти формы централизации являются препятствием для исторического прогресса. И, в принципе, похожую позицию, но гораздо более фундированную с точки зрения исторического материала, развивал марксистский историк Михаил Покровский: он рассматривал развитие государственных форм Московского княжества и затем Российского государства как своеобразный прогресс регресса, производство все более сложных и тяжелых для преодоления форм, препятствующих подлинному демократическому развитию, которые всегда находит себя через децентрализацию и усложнение общества. Поэтому антигосударственный мотив в ленинских текстах о национальном вопросе кажется очень важным и напрямую подводит нас к той перспективе, которую Ленин дает в «Государстве и революции», написанной позже, уже в 1917-м.

Я согласен со всем, что здесь уже было сказано о том, что Ленин не пытается сформулировать какую-то жесткую догму национального вопроса, которой затем все должны безоговорочно следовать, его нужно понимать исходя из полемического контекста. Тем не менее в основе его подхода лежит метод, который себя проявляет не только в дискуссии о национальном

вопросе, но также в дискуссии об империализме и в вопросе о государстве, который вообще для Ленина является одним из ключевых.

И.К.: Спасибо. Это очень хороший переход к эпохе Сталина, который – напомним – считался в партии как раз специалистом по национальному вопросу, и, соответственно, к сталинской национальной политике. Новая ситуация понятна: мировая революция не случилась, социализм строится в одной стране, и в этой новой стране необходимо построить пространство, где эти «одновременно неодновременные» нации были бы равноправными.

Но эпоха сталинизма – это и разгром школы Покровского, о которой вы, Илья, говорили. Это частичное возвращение ко всей дворянской и буржуазной историографии, с ее культом Московского царства, централизации и прочее. Сталин, с его формулой будущей культуры как «национальной по форме, пролетарской/социалистической по содержанию», пытался снять раскалывающий, по Ленину, каждую отдельную национальную культуру антагонизм, тем самым навечно консервируя национальное – как минимум в его экзотическо-фольклорном варианте: национальные акценты, костюм, песни-пляски, сказки-эпос и так далее.

И вновь: как сегодня можно оценить результаты такой консервации и какие альтернативные варианты здесь были бы возможны? Или чуть более конкретно: Кирилл, как вы думаете, где пролегает граница между ленинской и сталинской национальной политикой и можно ли здесь говорить о радикальном разрыве?

К.К.: Я вижу здесь и разрыв, и преемственность, а эту ситуацию я назвал бы диагностической, поскольку национализм, говоря метафорически, – это в каком-то смысле болезнь социализма почти с самого рождения, – не как теории, а именно его первых практических поползновений. И марксизм, и социализм, и коммунистическая теория, и национализм – это «внуки» Великой французской революции и «дети» европейских революций 1848–1849 годов, потому что именно последние были одновременно и первыми универсальными, и первыми национальными революциями. Где-то они носили преимущественно универсальный характер (Франция), а где-то, например, в Венгрии или на севере Италии, – чисто национальный. Если внимательно почитать переписку Маркса, когда он эмигрировал в Лондон, или лондонские главы «Былого и дум» Герцена, то мы видим, как герои национального и социалистического (коммунистического) движения перемешаны на эмигрантской

сцене. А иногда революционный национализм и социалистические идеи перемешаны в голове одного и того же деятеля. И само противостояние Маркса и Герцена – это все-таки противостояние универсального коммунизма и чисто русского социализма, который изобретает Герцен (а его друг Бакунин изобретает анархизм, который носит тоже национальный русский характер).

То есть этот диагноз присутствует уже по обстоятельствам рождения данного типа революционного сознания, того типа мышления, который появился во время Великой французской революции – ведь именно она представляла собой переплетение просвещенческой и антипросвещенческой линий. Линия Монтескьё/Дидро и линия Руссо переплетены в этих событиях порой до неразличения. Потом появляется Наполеон, который проводит абсолютно просвещенческую, суперрационализированную линию, которая является его главным методом ведения войны, устройства государства, написания законов и так далее. При этом его сверхнационалистическая риторика порождает в Германии, например, взрыв как раз романтического национализма.

Ни Ленин, ни Сталин, естественно, не были ни первыми, ни вторыми в этой дуалистической традиции, которая, дойдя до провинциальной Российской империи, уперлась в практически неразрешимую задачу. Я не специалист по российской истории начала XX века, но даже со стороны видно, что наиболее революционно активными социалистическими группами российской социал-демократии, особенно времен первой русской революции, были национальные фракции. И РСДРП, которая состояла из разных фракций и людей, в общем-то была главной аудиторией высказываний Ленина по национальному вопросу, в рамках которых он стремился не столько теоретически обосновать предлагаемый план действий, сколько найти общее поле для разговора с товарищами по партии, принадлежавшими к различным национальным группам и заинтересованными в проведении национальной линии, чтобы доказать собственную значимость в глазах представляемых ими народов.

Это была практическая задача, и теория – согласен абсолютно с Сергеем – прорастала сквозь практику. Естественно, это была не *ad hoc* практика, она концептуализировалась согласно теоретическим представлениям Ленина и марксизма в его изводе, но эта концептуализация *прорастала сквозь практику*, а не наоборот. Ленина и его соратников часто обвиняли и обвиняют в том, что они накладывали бесплодные теоретические схемы на реальность – и вот поэтому такая трагедия вышла. Это не так. Если бы Ленин не был, извините за банальность, великим политическим практиком, никакой революции

не произошло бы и ничего этого не было бы. Его главной практической задачей перед войной было достижение хотя бы какой-то возможности для разговора и принятия решений внутри партии. И уже потом это партийное идейное поле – в концептуализированном виде – как бы накладывалось на непосредственную реальность Российской империи. Это первое обстоятельство, которое мне кажется важным.

Второе обстоятельство связано с исторической реальностью Российской империи 1860–1910-х, на что при обсуждении ленинских полемических работ по национальному вопросу мало обращают внимания. Российская империя до второй половины правления Александра II, и особенно до правления Александра III, и после – это разные реальности. Страна при Николае I продолжает в каком-то смысле имперский универсализм Рима, то есть она не национальная (хотя зачаточные тенденции были), а скорее наоборот (вспомним преследования бедных славянофилов, – порой более жесткие, чем других более опасных соотечественников). «Русификаторский» поворот, который случился при Александре II и расцвел при Александре III, привел к тому, что имперскость/империя и великорусский шовинизм/национализм стали синонимами. Таковыми они являются и для Ленина, отчего он испытывает настоящую ненависть именно к великорусскому национализму (хотя теоретически плохо он относится и к некоторым другим) и готов принять право любой нации на самоопределение, кроме одной – титульной нации Российской империи. Ленин закрывает глаза на национализмы остальных народов, – они ведь угнетенные! – а вот великорусский национализм вместе со сбившейся со своего имперского пути и становящейся все более этнически ориентированной («национализированной») Российской империей считает источниками зла, с которыми надо покончить. В этот момент борьба с империей как системой угнетения сливается у Ленина с борьбой с великорусским национализмом, что отчасти является результатом его личных предрассудков – как, впрочем, нередко случалось при обсуждении национального вопроса в марксизме, ленинизме, социализме и так далее.

Третье важное для меня обстоятельство состоит в том – и тут я опять абсолютно согласен с Сергеем, Анной и Ильей, – что на все эти работы нужно смотреть в контексте времени их написания. Скажем, конец 1914 года – война уже началась. И началась она – пусть формально, но все же – из-за того, что национализм бывшей угнетенной сербской нации столкнулся с универсалистским империализмом Австро-Венгрии. В результате европейские и азиатские империи приводят в движение огромные силы: они повелевают другими народами, бросая их в жерло войны. Естественно, что писать одина-

ково о национальном вопросе в 1913-м и в конце 1914-го было бы по крайней мере странно.

И, наконец, переходя к Сталину и к наличию или отсутствию разрыва. Возможно, это слишком громкое утверждение, но красные победили в гражданской войне во многом благодаря национальному вопросу. Например, Юденич не взял Петроград, потому что не очень аккуратно общался с эстонцами. Известно, что значили для судьбы Деникина его отношения со всевозможными украинскими силами, с провозглашенным только что независимым украинским государством. В то же время Ленин и часть большевистского руководства с невероятными ловкостью и умением использовали национальный вопрос для подрыва возможностей самых разных антибольшевистских сил. Национальный вопрос из важного, но отчасти теоретически отвлеченного к концу гражданской войны становится насущным – более насущным, чем классовый вопрос, потому что стало ясно: то, что дало возможность победить, может и подорвать дальнейшее существование.

Здесь возникает следующая проблема. То, на что в национальном вопросе делает ставку Ленин и некоторые деятели, которые разделяли его взгляды, совершенно не совпадало, судя по всему, с политическими представлениями большинства его окружения. Дискуссия вокруг федерализма и автономизации показывает, что дело не в том, что нужно было кого-то убеждать, а в том, что эти люди совершенно иначе, нежели Ленин, смотрели на роль национального вопроса в будущем государстве. Одним из этих людей был Сталин, который с дьявольской хитростью изображал одно, но на самом деле думал по-другому; кроме того, его взгляды претерпели трансформацию с 1913–1914-го по 1922 год.

Итак, к концу 1921 года становится понятным, что мировая революция не состоится, хотя отдельные революционные события в Европе (поддержанные Советской Россией, конечно) потом еще происходили. Какие политические выводы могло сделать из этого руководство большевиков? Они провозгласили новый тип внешней политики, который исходил из принципа строительства социализма в отдельной взятой стране, из необходимости выстраивать отношения с несоциалистическим миром, поскольку нужно было максимально расширять территорию, где «мы» находимся у власти. А потом «мы» будем смотреть, как развиваются события за нашими пределами.

Это не пустое рассуждение. Попробуйте, к примеру, ответить на вопрос о том, зачем большевики захватывали Закавказье. Если вы верите в мировую революцию, то к чему вам такая «мелочь»? Но если вы действуете из другой перспективы, то и политически вы мыслите уже иначе. Если мировая рево-

люция ожидается в ближайшее время, то уделять особое внимание национальному вопросу, в общем-то, не стоит. Но если мировая революция скоро не случится, то, действительно, национальный вопрос следует решать на новом уровне и решать иначе, нежели предлагалось до Первой мировой войны и по ее ходу. Подобные вопросы реалистичности политических ожиданий и их временных горизонтов во многом и предопределили постепенную смену представлений Ленина об устройстве советского государства.

В свете сказанного – вот как, например, оценить сегодня политику коренизации, проводимую большевиками в 1920-е и до начала 1930-х? Это же отчасти раннесталинский период, но коренизация не очень согласуется с нашими представлениями о сталинской политике – вроде бы он не должен был ее поддерживать. В общем, много вопросов, но мало ответов...

И.К.: Кирилл взял на себя функции модератора и задал вопрос. Мне остается только к этому вопросу присоединиться. Сергей, как бы вы на него ответили?

С.А.: Мне думается, что здесь нужно различать множество разных факторов и акторов, которые действовали в 1920–1930-е, когда, например, проводилась политика коренизации.

Первый фактор: сохранение самой идеи мировой революции, в рамках которой национальное строительство в СССР – такая национальная эмансипация – предлагалось остальному миру как пример, как образец для развития; не говоря о том, что с помощью такой эмансипации шла подготовка военных, экономических, символических и кадровых ресурсов для новых революций.

Другой фактор – состав местных национальных элит, союзников большевиков. Мы часто смотрим на политику большевиков как на политику центра, который все делает из Москвы – конструирует или деконструирует, – но на окраинах были и свои акторы, которые сформировались как политическая сила до большевиков или отдельно от них, у них был свой голос, свои интересы, свои программы реформ. Центр вынужден был считаться с ними, искать точки соприкосновения, включать их требования в свою политику. А это означает, что вопрос о коренизации не был исключительно инициативой центра; его можно рассматривать как договор, компромисс между центром и национальными элитами.

Третья перспектива, в которой можно рассматривать коренизацию, – это борьба или конкуренция разных политических фракций внутри большевистской партии. Не надо забывать, что национальной политикой руководил Сталин как нарком

по делам национальностей, именно он двигал одних местных чиновников и менял их потом на других. Это позволяло ему создавать на окраинах сети из доверенных лиц, зависимых от него лично, что позволяло усиливать свои бюрократические и политические позиции в Кремле. Из этого следует, что многие решения могли приниматься из аппаратной логики, а не из какой-то идеологической установки.

Я опять возвращаюсь к своей мысли о контекстуальности, прагматичности, многоакторности тех или иных действий. Это относится, на мой взгляд, и к послесталинской эпохе. Сохранение национальных республик не было лишь идеологической прихотью, и речь идет не только о фольклоре. Сохранялись полноценные государственные институты управления – министерства, парламенты, суды, академии наук – со своими бюджетами, планами развития, социальными программами. Если смотреть на эти республики из их собственной перспективы (а не из перспективы Кремля), то мы видим уже сложившиеся сильные политические и культурные элиты, которые научились лоббировать свои интересы, которые уже умели каким-то образом управлять в своих республиках, у которых были ресурсы и инструменты влияния на население своих регионов. Не только окраины зависели от центра, но и центр зависел от окраин. То есть у меня нет какого-то одного объяснения для всех республик и всех этапов истории, и вряд ли оно существует. Ответ на ваш вопрос надо искать, внимательно рассматривая и изучая все контексты и факторы, видя в национальной политике не столько идеологическую проекцию Кремля, сколько постоянно идущие переговоры между Кремлем и местными элитами.

И.К.: Спасибо, Сергей. Анна, тот же вопрос: объясняется ли вся эта довольно специфическая сталинская консервация национального только политической прагматикой? То есть это инерция, национальные «пережитки», грубо говоря, и необходимо под эти «пережитки» как-то подстраиваться или же речь должна идти о каких-то теоретических основаниях сохранения «национальной формы»?

А.Е.: Я бы начала с того, что на рубеже XIX–XX веков у марксистов было несколько конкурирующих теорий нации. Австромарксисты Отто Бауэр и Карл Реннер исходили из того, что нация – это продукт капитализма, но при этом представляет собой некое единство или «сообщество судьбы». Они считали, что нации существуют не с доисторических времен, а возникли при капитализме, но это сложившееся многообразие наций будет сохраняться и при социализме. При этом в одном и том же государстве могут проживать разные нации, у некоторых

из них и вовсе нет своей территории. Поэтому Бауэр и Реннер выдвинули проект экстерриториальной автономии, который позволяет сохранить сложные экономические связи – то есть для различных наций вне зависимости от места их проживания создаются школы, культурные организации, университеты и так далее.

Если австромарксисты связывали нации с общностью культуры, то немецкий социал-демократ Карл Каутский определял нацию через общность языка. Хотя он считал, что нации – это продукт капитализма, в отличие от австромарксистов, Каутский утверждал, что при социализме нации должны исчезнуть, поскольку глобальные экономические связи сделают языковое разделение между народами бессмысленным. Опять же, у Маркса нигде не прописано, что будет происходить с нациями как при капитализме, так и при социализме, поэтому в конце XIX века появились разные теоретические проекты.

Сталин в своей статье о национальном вопросе 1913 года дает определение нации, связывая ее с общностью языка, территории, экономики и психологии. Хотя статья полемизирует с австромарксистами и отрицает экстерриториальную автономию как принцип (опять же, полемика против федерализма в партии!), в начале Сталин говорит о «национальном характере», то есть о культурной и психологической общности, и оказывается ближе к Бауэру, которого должен критиковать. Известно, что Сталин внимательно читал Бауэра и, возможно, им вдохновился. Концепция национального характера получает развитие в национальной политике Сталина после смерти Ленина, а в поздние годы Сталин уже открыто объявляет нацию метафизической, трансисторической сущностью. Это уже очень далеко от любого марксистского представления о нациях.

Сталинская теория нации – органицистская, хотя и не без конструктивистских элементов. Конечно, можно попробовать связать подход Сталина с традицией российского органицизма, со славянофилами, с Хомяковым и Данилевским, у которых тоже были биологические метафоры. Но Сталин при этом – конструктивист. Поэтому, когда мы говорим, что большевики поддерживали нации, мы не должны забывать, что они сами их создавали – особенно это касается народов Кавказа и крайнего Севера. Политика большевиков во многом зависела от теории стадий исторического развития, о чем свидетельствует и сложная терминология наций, народов, национальностей. В зависимости от этапа развития большевики выстраивали свою политику: придумывали письменность для бесписьменных народов, наделяли какие-то народы (на ранних этапах развития) территорией или, наоборот, боролись с «мелкобуржуазным национализмом» (у более развитых наций).

Кроме того, Ленина и Сталина стоит противопоставить не столько как различных теоретиков нации, сколько как политика и бюрократа. Об этом много писали – от Троцкого до Моше Левина и Рональда Суни. Последние статьи Ленина, вошедшие в его так называемое «завещание», и реакция на них Сталина представляются как последняя битва политика и бюрократа. Конечно, не нужно это разделение абсолютизировать: думаю, что детальный и подробный анализ причин принятия того или иного решения в конкретной ситуации – в этом Сергей, безусловно, прав, – это единственный способ понять, что большевики делали на практике. Но вместе с тем, когда мы говорим про политические решения большевиков, мы должны задаваться вопросом: зачем они эту политику проводили, какие цели преследовали? И здесь ответы будут разными, потому что ключевая задача для Ленина состояла в радикальной трансформации мирового устройства и человеческого общества, а для Сталина – в руководстве огромными территориями и выстраивании бесперебойно работающей системы. У Сталина – хорошо нам знакомая бюрократическая логика эпохи модерна. Логика же Ленина всему этому противоречила, его политические решения принимались исходя из другой перспективы, направленной против «функционального модуля государства». Со второй половины 1920-х эта перспектива теряется.

Ключевая задача для Ленина состояла в радикальной трансформации мирового устройства и человеческого общества, а для Сталина – в руководстве огромными территориями и выстраивании бесперебойно работающей системы.

И.К.: Спасибо, Анна. Илья, как бы вы ответили на этот вопрос?

И.Б.: Здесь уже звучало, что ленинская модель Советского Союза была открытой и предполагала возможность создания советских республик, в том числе и в Европе (особенно, если вспомнить о революционных процессах в Германии и Венгрии в 1918–1921 годах). Сталинская модель, напротив, исходила из того, что границы, в которых уже сложились национальные республики, очерчивают некую историческую общность, которая сформировалась до капитализма благодаря российскому государству и у которой, несмотря на все национальные различия, есть некая общая судьба. Параллельно с конструированием национальностей внутри республик начиная с 1930-х – и осо-

бо активно уже в позднесталинское время – шло конструирование вот этой общей советской идентичности как «дружной семьи народов».

Этот момент в сталинской национальной политике особенно ярко проявил себя уже в 1939–1940 годах, когда произошла оккупация Западной Украины и балтийских стран. Они были включены в СССР как некая необходимая часть исторически сложившегося единства. В 1939 году, во время аннексии Западной Украины и Белоруссии были использованы аргументы воссоединения разделенного народа – а не реализации права на самоопределение. В этом отношении сталинская национальная политика при всей своей сложности, при том, что в ней было много агентов, все равно соответствовала в своей основе идее о том, что историческое развитие централизованного русского государства привело к созданию социалистической многонациональной общности, внутри которой существует строгая иерархия (так называемая теория «старшего брата»).

И.К.: Спасибо. Коллеги, есть ли у вас уточнения в связи с высказанными позициями?

А.Е.: У меня комментарий к вопросу, был ли Ленин сторонником централизации. В его тексте 1913 года мы читаем, что постепенно все будет централизовываться. Но все-таки мне кажется, что здесь – и я не знаю, насколько сам Ленин проводил это различие, – речь идет об экономической централизации, о планировании, о социалистической экономике, которая оказывается такой сложной, что возникают и более региональные вещи. Так, Ленин цитирует проекты Люксембург и говорит примерно следующее: Люксембург требует права строить железные дороги и шоссе местного значения для Польши в качестве исключения, но это неверно, потому что такое право будет у всех областей. Для Ленина это абсолютно логично, это полностью соответствует «заветам марксизма», хотя из опыта СССР видно, что такая хозяйственная автономия при наличии Госплана совершенно неочевидна. И вопрос заключается в том, как, в рамках ленинского проекта, понималась экономическая централизация, как должно было осуществляться планирование и, самое главное, кем – должно ли этим заниматься государство? И вот здесь возникает главная развилка, поскольку для Ленина, исходя из того, что он писал, планирование осуществляет не государство, а некое постгосударственное образование, причем демократическим способом. Социалистическая экономика предполагает какой-то совершенно иной политический строй. И этот вопрос Сталина не особо интересовал, он не был для него политической проблемой.

К.К.: Мне очень понравилась идея Ильи, что ленинский Советский Союз был открытым проектом. Мне только кажется, что, по факту, открытым – *насилъственно открытым* – оказался проект сталинский, – взять хотя бы присоединение к Советскому Союзу балтийских государств. А когда Анна заговорила о централизации, я понял, что можно ввести термин (если он еще не вводился – не знаю литературы по этому поводу) «горизонтальная централизация».

Ленин, как мне кажется, стремился именно к горизонтальной централизации. У него был пример Парижской коммуны, Конвента времен Великой французской революции; но вообразите, если этих коммун и конвентов много, они существуют «горизонтально» относительно друг друга и занимаются политикой – по-настоящему классовой и нацеленной на будущее. Они объединены – горизонтально – в общее экономическое и какое-либо еще поле; и тогда загадка этой централизации, мне кажется, становится отчасти понятной. Если предположить, как Ленин перед смертью видел новое советское государство, то, наверное, это была как раз такого рода горизонтальная централизация. Проект открытый, потому что к этой горизонтальной системе можно подключать однородные по своему идеологическому характеру единицы. Скажем, победит революция в Венгрии, и тогда «Венгерская советская республика», став частью «нашего» общего пространства, будет самоуправляться по-венгерски, что снимет противоречие между централизацией (отвечающей на соответствующий вызов капитализма) и правом нации на самоопределение. Я думаю, что в качестве горизонта ожиданий Ленин видел нечто вроде этого. Выше я не зря упомянул политику коренизации: ведь для того, чтоб такую централизацию проводить, кадры должны быть местными. И если местный язык уже основательно развит, то эти кадры должны говорить на нем. Если же местный язык и культура еще недостаточно способны к воспроизводству пропаганды на необходимом уровне, к политическому дискурсу определенного типа, то надо сделать их таковыми.

А потом происходит то, о чем говорили Сергей и Илья: новая система способствует формированию новых элит и определенного типа наций, которые становятся важнейшими игроками внутри СССР. И это уже вопрос не столько политический, сколько административный и ресурсный. Дальше же начинается совершенно другая игра, похожая на то (метафора, возможно, не очень удачная), как итальянские тайные общества, которые называли «каморрой» или «мафией», перерождались в организованную преступность. Когда политическая логика перерастает саму себя из-за того, что получилось в результате реализации этой логики, именно тогда возникает но-

вая реальность, которую надо описывать какими-то другими словами.

С.А.: Я добавлю нотку скептицизма. У меня порой складывается впечатление, что мы вчитываем в тексты Ленина концепцию будущего, хотя эти тексты носят более неопределенный характер и оставляют возможности для разных интерпретаций. Дело усложняется тем, что от текста к тексту возникают новые акценты и ракурсы, то есть сам ленинский взгляд все время сдвигается, за ним нужно следить в динамике. Также я хотел бы заметить, что между риторикой и практикой есть некоторый разрыв: теоретические, риторические конструкции и практические действия не всегда совпадают, практическая логика выстраивается по собственной траектории, на которую влияют разные акторы и конкретные интересы. Иными словами, раннесоветскую национальную политику нужно рассматривать как процесс, который не сводится к рассуждениям о ней Ленина.

Практическая логика выстраивается по собственной траектории, на которую влияют разные акторы и конкретные интересы. Раннесоветскую национальную политику нужно рассматривать как процесс, который не сводится к рассуждениям о ней Ленина.

И.К.: Спасибо. Последний вопрос ко всем участникам. Сегодня, с одной стороны, советский проект по созданию «многонационального советского народа» квалифицируется как имперский, как продолжение Российской империи, которая модифицировалась и продолжила колониально угнетать и эксплуатировать «младших братьев», чему противопоставляется их политический (это в лучшем случае) национализм и создание собственных независимых национальных государств. С другой стороны (и это, кажется, официальная позиция), ленинская национальная политика определяется в категориях «минирования»: Ленин заложил бомбу, которая на наших глазах взорвалась. Как сегодня, учитывая всю сложность, всю неоднозначность и гетерогенность этого проекта, можно было бы оценить его в целом?

К.К.: Я начну с того, что Ленин якобы заложил бомбу под СССР – такова сейчас официальная риторика путинского режима. Как и почти все, что они говорят, – это абсолютная глупость и пере-

дергивание, потому что СССР в 1922 году был просто проектом другого типа. Нельзя заложить бомбу под автомобиль «Пежо», а в результате взрывается БТР, пусть «Пежо» и БТР назвали одинаково. Но в параноидальном сознании нынешней российской власти (и части общества) все сегодняшнее вырастает из древности, продолжает ее, делает из нее *вечное состояние без истории, без времени*. Так что если уж Ленин заложил бомбу, то и Петр I, наверное, тоже какую-то бомбу заложил, не говоря уже о Вещем Олеге.

Если говорить серьезно, то мне кажется, что именно национальный вопрос привел к появлению Советского Союза в том виде, в котором он был создан в 1922 году. Союз был сделан как инструмент решения национального вопроса и отводил ему роль важнейшего элемента конструируемого нового типа общества. В 1922-м «проект СССР» – учитывая некоторую усталость от несбывшихся надежд на мировую революцию – все-таки рассматривался как временный и открытый. Он не только завершал гражданскую войну на территории бывшей Российской империи и осуществлял переход к конструктивному строительству в новой стране, но и готовился к роли важнейшего актора следующего этапа глобального классового конфликта.

Изначальный «проект СССР» полностью поменял свои содержание и цель в течение 1920-х, и произошло это не только из-за злой воли людей, пришедших после Ленина, но и в силу новой исторической реальности, которой нельзя было не учитывать: возникали новые элиты, формировались новые – советские – нации. В этот момент, как мне кажется, государство под названием Советский Союз из инструмента превращается в цель, под которое национальный вопрос действительно «закладывает бомбу», потому что декларируется одно, а на практике получается совершенно другое. Можно по-разному относиться к причинам краха Советского Союза, но лично мне совершенно очевидно, что СССР погиб из-за национального вопроса. Над-национальный союз даже не взорвался, он *подорвался*: ведь формально СССР кончился Беловежскими соглашениями, которые подписали лидеры национальных республик – представители тех самых новых, официальных, коммунистических элит, то есть кто угодно, но только не диссиденты. Беловежские соглашения – это логическое завершение государства СССР.

Более того: национальный вопрос, в конце концов, подорвал и постсоветское пространство. Мы можем видеть, как оно окончательно разрушается, как все свелось к очень банальному, не то чтобы устаревшему, а очень старомодному национализму, который не проявлял себя столь явно в предыдущие десятилетия, а сейчас в измененном виде вырвался наружу и привел к тому, что происходит. Если вспомнить начало войны в Укра-

ине, то меня поражало, что лексика и отчасти риторика обеих сторон базировалась на одних и тех же вещах: и одни, и другие говорили «это наш Сталинград». А сейчас это не так. Девять месяцев войны привели к тому, что разрушается как само постсоветское пространство, так и то символическое советское поле, на котором постсоветское паразитировало. Поэтому разговор о национальном вопросе, как бы ни мечтали марксистские теоретики второй половины XIX – начала XX века, продолжает оставаться принципиальным.

Изначальный «проект СССР» полностью поменял свои содержание и цель в течение 1920-х. Государство под названием Советский Союз из инструмента превращается в цель, под которое национальный вопрос действительно «закладывает бомбу», потому что декларируется одно, а на практике получается совершенно другое.

И.К.: Спасибо, Кирилл. Сергей, какое-то резюме?

С.А.: Если очень кратко, то история Советского Союза в масштабе XX века выглядит типичной для многих больших держав: империи распадаются, из них рано или поздно выделяются национальные государства, бывшая метрополия тоже национализируется, все они переформируются в новую иерархию центров, периферий, полупериферий. В этом смысле оказалось, что по результату история СССР – типичная; здесь не произошло ничего необычного, чего не было в других, по крайней мере европейских, империях.

Специфика советской истории, конечно, тоже имеется. Она интересна тем, что само государство, бывшая метрополия, пыталось регулировать процессы национального строительства, многие из них инициировало само, поддерживало создание наций, направляло и даже навязывало антиколониальную политику. Местные элиты активно участвовали в этом процессе, но при этом боролись за свои интересы внутри советского режима. Терри Мартин назвал это «позитивной дискриминацией». Это создает ощущение необычности, в каком-то смысле альтернативности советского случая.

А.Е.: Я думаю, что постсоветский порядок, который возник после распада Советского Союза, и даже сам этот распад оказались

незавершенными. Каким образом этот распад может быть продолжен, доведен до конца – все это нам еще предстоит увидеть. Здесь действительно возникает вопрос, как возник этот распадающийся проект и какие политические выходы есть в этой ситуации.

Отвечая на вопрос о дихотомии между имперским шовинизмом и радикальным национализмом, мне кажется, что обращение к рефлексии о праве нации на самоопределение, которая была на заре Советского Союза, показывает, что был некоторый универсалистский проект – не имперский, а эмансипаторный. Эта эмансипаторная универсалистская программа в свое время была реакцией и возможным ответом на распад. Более того: то, как этот вопрос был решен в Советском Союзе, все связанные с этим негативные последствия показывают, какой проект тем не менее не является желательным. Весь этот опыт сегодня приобретает особую актуальность, а реакция на структурные проблемы угнетения и эксплуатации, которые в ходе этих дискуссий возникают, очень важны. Например, неспроста Ленин, когда говорит о национальном вопросе, упоминает право на развод – то есть он отсылает еще и к гендерному аспекту. Если мы хотим создать возможность для совместной общей жизни, то нужно найти политическое структурное решение, позволяющее не воспроизводить систему, которая приводит к возникновению негативных резких реакций.

И.К.: Спасибо, Анна. Илья, слово вам.

И.Б.: Право на развод для находящихся вместе людей и желающих эту ситуацию изменить, конечно, ярко противостоит популярному сейчас нарративу исторической судьбы, который в области гендерных отношений емко выражен фразой «Нравится – не нравится, терпи, моя красавица», никакого права на расставание, разумеется, не подразумевающему.

Право на самоопределение вплоть до отделения, которое может быть реализовано в любой момент, на заре Советского Союза было представлено в двух вариантах – по Ленину и по Вильсону, – и значительная часть национальных государств современной Европы создана в соответствии с одним из них. Мы сегодня живем в момент новой деглобализации, разделения мира на лагеря, на национальные блоки, когда подъем национализмов становится реальностью и вопрос о самоопределении, о возможности каждого народа самостоятельно определять свою судьбу, несмотря на попытки так или иначе инкорпорировать его в ту или иную зону влияния, сферу интересов, приобретает значение, наверное, не меньшее, чем он имел сто лет назад.

Ленин в своих текстах о национальном вопросе был, наверное, неправ в том отношении, что национальный вопрос может быть преодолен самой логикой развития капитализма, что он может быть снят в рамках буржуазного государства. Мы видим, что он не снимается, что он представляет из себя непреобразуемый, неисчезающий остаток развития глобального капитализма, который остается с нами и который постоянно может стать решающим фактором кризиса всей этой системы в целом.

И.К.: Коллеги, огромное спасибо за разговор. Понятно, что тема не исчерпана, и, думаю, что к этому вопросу мы еще не раз вернемся на страницах «НЗ» – хотя очень надеюсь, что в менее трагических обстоятельствах.

Подготовка к публикации Татьяны Присталовой

Неюбилейная дата. Начало и конец советского проекта в контексте дискуссий о распаде империй

КОНСТАНТИН
ТАРАСОВ

Логика юбилеев иногда имеет причудливый характер. В конце прошлого года поводом для дискуссий стала тридцатилетняя годовщина распада СССР¹. В конце нынешнего года основной памятной датой является противоположная точка этого периода истории – столетие создания советского государства. Однако именно 2022-й заставляет более пристально всматриваться в событие некруглой годовщины. За короткий период один за другим ушли ключевые фигуры 1991 года: Станислав Шушкевич, Леонид Кравчук, Геннадий Бурбулис и Михаил Горбачев. Протесты в Казахстане в январе 2022-го привели к уходу из политики первого президента страны Нурсултана Назарбаева. Травма распада СССР явно оказала влияние на внешнеполитические решения российского руководства в феврале. В сентябре вспыхнул конфликт на киргизско-таджикской границе, почти одновременно началось новое серьезное обострение между Арменией и Азербайджаном. Казалось бы, именно события 2022 года должны дать серьезную пищу для размышлений о последствиях распада СССР.

В данной статье я попытаюсь предложить сравнительную историографическую перспективу для начала и конца советского политического проекта. Основное внимание я хотел бы сфокусировать на распаде Российской империи, который стал основной точкой «пересборки» территории в годы гражданской войны, и, собственно, на распаде СССР, который привел к появлению независимых государств в границах прежних национальных республик. Эти два периода истории очень часто рассматриваются в своеобразной связке. Современный интерес к имперской тематике напрямую связан с распадом Советского Союза². Вскоре после 1991 года появился ряд сборников,

Константин Андреевич Тарасов (р. 1988) – научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

- 1 См.: *Россия в эпоху революций и реформ. Демонтаж СССР: 1991 год*. СПб., 2021; *Распад СССР: причины, ход, последствия (к 30-летию цивилизационной катастрофы)*. М., 2021; *Гибель СССР: факторные основания цивилизационной катастрофы. К 30-летию трагических событий распада Союза Советских Социалистических Республик* // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2021. № 4. С. 6–41; блок статей в журнале «Российская история» (2021. № 6. С. 3–42).
- 2 РИБЕР А. *Сравнивая континентальные империи // Российская империя в сравнительной перспективе*. М., 2004. С. 33; *В поисках новой имперской истории // Новая имперская история постсоветского прост-*

в которых авторы рассматривали закат «последней империи» в сравнительно-исторической перспективе³.

ЦЕНТР И ПЕРИФЕРИЯ

Александр Мотыль, проанализировав «жизненный цикл» империй, предложил модель, согласно которой сама их структура способствовала разложению. Неизбежно наступает период «ветшания», постепенного ослабления центра или усиления контролируемой периферии. Таким образом, ключевыми для его рассуждений становятся взаимоотношения центра и периферии⁴.

Российская империя выступает в рассуждениях исследователя отклонением от нормы. Мотыль констатировал, что ее коллапсу не предшествовал период «ветшания»: «Элиты национальных окраин, которые до той поры добивались только автономии, интерпретировали захват власти большевиками как незаконную узурпацию и конец империи *de facto*⁵. То есть исходя из его схемы произошло не ослабление центра, а его внезапный провал. Действительно, можно говорить о том, что консолидация на окраинах бывшей империи носила в том числе этнические признаки. Однако причинами ее были не попытки дезинтеграции, а скорее, наоборот, стремления консолидировать власть в период ослабления центра, навести порядок, когда центр с этими задачами не справлялся.

Исследование Марины Витухновской-Кауппала и Александра Осипова показывает, как формировалась особая идентичность карел в поисках стратегий выживания в годы гражданской войны⁶. Салават Исаков сделал вывод, что территориальные объединения мусульман России не имели своей целью сецессию. По его мнению, «увидев расползание хаоса в государстве, они пытались организовать собственными силами, чтобы не погибнуть в хаосе гражданской войны»⁷. Эта мысль довольно

ранства. Казань, 2004. С. 21; ГАТАГОВА Л. Империя: идентификация проблемы // Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет. М., 2011. С. 328.

- 3 *The End of Empire? The Transformation of the USSR in Comparative Perspective.* Armonk; New York, 1997; *Nationalism and Empire: The Habsburg Empire and the Soviet Union.* New York, 1992; *After Empire. Multi Ethnic Societies and Nation Building: The Soviet Union and the Russian, Ottoman, and Habsburg Empires.* Boulder, 1997. Однако вопрос, являлся ли СССР империей, можно назвать дискуссионным, что хорошо видно, например, в статьях сборника «After Empire».
- 4 До Александра Мотыля структурный подход к рассмотрению империй примерял Шмуэль Эйзенштадт. По его мнению, стабильность империй сохранялась до тех пор, пока периферия считала, что извлекает для себя пользу, снабжая ресурсами центр. Соответственно, когда выгоды такого положения были уже не очевидны, происходил коллапс (EISENSTADT S. N. *The Political Systems of Empires.* New York, 1969).
- 5 Мотыль А. *Пути империй: упадок, крах и возрождение имперских государств.* М., 2004. С. 139.
- 6 Витухновская-Кауппала М. А., Осипов А. Ю. *В пучине Гражданской войны: карелы в поисках стратегий выживания. 1917–1922.* М.; СПб., 2021.
- 7 Исаков С. М. *Первые шаги Совнаркома и российские мусульмане // 1917 в судьбах России и мира. Октябрьская революция. От новых источников к новому осмыслению.* М., 1997. С. 230.

четко прослеживается в III Универсале Украинской Центральной Рады, согласно которому в ноябре 1917 года провозглашалась украинская автономия:

«На севере, в столицах идет междоусобная и кровавая борьба. Центрального правительства нет, и по государству распространяется безвластие, беспорядок и разруха. Наш край также в опасности. Без власти, сильной, единой, народной, Украина тоже может упасть в бездну междоусобицы, резни, упадка»⁸.

В связи с этим можно поставить вопрос о том, что формирование независимых от ослабленного центра институтов самоуправления могло быть попыткой поддержания порядка. Следует обратить внимание, что ряд заявлений о независимости последовал сразу после прихода к власти большевиков. В связи с этим можно в определенной мере согласиться с мнением Владимира Булдакова, что «послеоктябрьский сецессионизм носил характер бегства от большевистской смуты»⁹.

В отношении СССР Мотыль видел ослабление центра в подрыве основ централизованного тоталитарного государства, что привело к разрушению системы¹⁰. Некоторые исследователи детализировали эту схему. Ричард Пайпс писал, что слияние государственного аппарата с партийной системой обуславливало продолжительность существования СССР. Как только центр власти сместился от партии к местным Советам, система принуждения больше не смогла удерживать страну в единстве¹¹. Ослаблением центра были и реформы Горбачева, оказавшиеся слишком резкими и радикальными, что, по мнению Джерри Хафа, привело к стремительному разрушению старых институтов в то время, когда новые еще не успели укрепиться¹². Рональд Суни утверждал, что крах государства произошел только после того, как высшие руководители партии решили радикально реформировать политическую систему, что означало делегитимацию советского строя самими коммунистами. Это в свою очередь открыло возможности для националистической альтернативы¹³.

КОНСТАНТИН ТАРАСОВ
НЕЮБИЛЕЙНАЯ ДАТА.
НАЧАЛО И КОНЕЦ
СОВЕТСКОГО ПРОЕКТА...

8 Цит. по: Солдатенко В.Ф. *В горниле революций и войн: Украина в 1917–1920 гг.: историко-историографические эссе*. М., 2018. С. 110.

9 Булдаков В.П. *Война империй и кризис имперства: к социокультурному переосмыслению // Россия и Первая мировая война*. СПб., 1999. С. 417. Аналогичную точку зрения высказывает Алексей Миллер: Миллер А.И. *Империя Романовых и национализм*. М., 2006. С. 191.

10 Мотыль А. *Пути империй...* С. 143–144.

11 PIPES R. *Communism: A History*. New York, 2001. P. 41; см. также: NOVE A. *The Fall of Empires: Russia and the Soviet Union // The Fall of Great Powers*. Oslo, 1994. P. 144; *The Demise of the USSR: From Communism to Independence*. London, 1995. P. 21; БАРСЕНКОВ А.С. *Введение в современную российскую историю 1985–1991*. М., 2002. С. 157–163; ПЕЧЕНЕВ В.А. *Смутное время в истории России (1985–2003)*. М., 2007.

12 HOUGH J.F. *Democratization and Revolution in the USSR, 1985–1991*. Washington, 1997.

13 SUNY R.G. *The Revenge of the Past. Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union*. Stanford, 1993. P. 126.

Рудольф Пихоя высказал мысль, что советский режим мог «жить только как система, централизованная, “свинченая” номенклатурой, партийно-государственной вертикалью, использовавшая в качестве источников своего бытия государственную собственность, огромные природные ресурсы и возможности мобилизационной экономики»¹⁴. Само устройство союзных республик с их собственными аппаратами управления, по его мнению, уже создавало предпосылки для реализации центробежных стратегий. Ослабление же репрессивного давления привело к всплеску национальных проблем. Роберт Дэниелс также писал, что реформирование советской системы в сторону демократизации уже к 1989 году привело к необратимой децентрализации. Эти процессы получили новый импульс в республиках СССР в виде стремления к суверенитету¹⁵.

Формирование независимых от ослабленного центра институтов самоуправления могло быть попыткой поддержания порядка. Ряд заявлений о независимости последовал сразу после прихода к власти большевиков.

Схема, нарисованная Евгением Ясиным, так же подразумевает поиски причины распада империй в их метрополиях. Жизнеспособность государства обеспечивается балансом между издержками и выгодами, которые приносит народу центра существование империи. Когда внешняя экспансия сталкивается со все увеличивающимися препятствиями, а на окраинах набирает силу сепаратизм, противоречия в метрополии нарастают. В конечном счете силы, поддерживающие империю, отказывают в поддержке режиму¹⁶.

Андрей Буровский предложил переместить акцент от выгод центра к выгодам периферии. По его мнению, империи распадаются, когда завоеванные народы освоят все, что несут им более цивилизованные завоеватели. Как только недоминирующие народы осознают, что им нечему больше учиться, соблазн имперской культуры для них ослабевает¹⁷. Аналогично высказался Хью Сетон-Уотсон. По его версии, империи разваливаются не тогда, когда особенно силен колониальный гнет, а тогда, когда повышается уровень жизни колоний и местные народы

14 Пихоя Р.Г. *Почему распался Советский Союз? // Трагедия великой державы. Национальный вопрос и распад Советского Союза*. М., 2005. С. 422.

15 DANIELS R. *Russia's Transformations. Snapshots of a Crumbling System*. Lanham, 1998.

16 Ясин Е. *Фантомные боли ушедшей империи // После империи / Под ред. И.М. Клямкина*. М., 2007. С. 8.

17 Буровский А. *Крах империи*. Красноярск, 2004. С. 214–215.

получают возможности для социальной мобильности¹⁸. С течением времени в империи, по Святославу Каспэ, происходит постепенное выравнивание центра и периферии, которое выражается в процессе взаимопроникновения и, в конечном счете, слияния различных элит. Однако размывание имперского центра приводит к потере элитами имперской идентичности¹⁹.

Образ империи как колеса без обода, предложенный Мотылем, может оказаться весьма полезной метафорой. Он подразумевал, что все части империи соединены между собой только вертикально через центр и слабо связаны друг с другом горизонтальными связями, что позволяет метрополии доминировать над периферией. После революции 1917 года вакуум, создавшийся после ухода царской администрации, пытались заполнить не только представители новой власти, но и местные элиты. Кроме того, начинались попытки создания коалиции между ними для продвижения идеи переустройства государства на федеративных принципах, с автономными правами национально-территориальных образований²⁰.

Центром этого движения стала Украинская Центральная Рада: 8–15 сентября 1917 года по ее инициативе в Киеве был созван съезд представителей нерусских народов. На нем 93 делегата представляли тринадцать национальностей. В резолюции по окончании работы съезда говорилось о желательности провозглашения России «федерально-демократической республикой»²¹. После свержения Временного правительства, 23 ноября 1917 года, лидеры украинского движения обратились ко всем самопровозглашенным политическим образованиям «с предложением немедленно вступить в переговоры с Генеральным секретариатом [Украинской Центральной Рады. – К. Т.] в деле образования социалистического правительства в России на основе такой платформы: заключение всеобщего демократического мира и созыв в свое время Всероссийского Учредительного собрания»²². Однако на их призыв откликнулось только Донское войсковое правительство²³. Повторно вопрос был поднят уже новым правительством Украинской Народной Республики в 1919 году. Украинские дипломаты инициировали подготовку от своего имени и от имени Белорусской Народной Республики,

КОНСТАНТИН ТАРАСОВ
НЕЮБИЛЕЙНАЯ ДАТА.
НАЧАЛО И КОНЕЦ
СОВЕТСКОГО ПРОЕКТА...

18 SETON-WATSON H. *Russian Nationalism in Historical Perspective // The Last Empire. Nationality and the Soviet Future*. Stanford, 1986; см. также: LUNDESTAD G. *The Fall of Empires: Peace, Stability and Legitimacy // The Fall of Great Powers*; TILLY C. *Coercion, Capital and European States*. Cambridge, 1994. P. 24.

19 КАСПЭ С. И. *Империя и модернизация. Общая модель и Российская специфика*. М., 2001. С. 68–69.

20 См.: Булдаков В. П. *Красная смута. Природа и последствия революционного насилия*. М., 2010. С. 272.

21 *Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общациональный кризис*. М., 1961. С. 571.

22 Цит. по: Солдатенко В. Ф. *Указ. соч.* С. 128.

23 Михутина И. В. *Украинский Брестский мир: путь выхода России из Первой мировой войны и анатомия конфликта между Совнаркомом РСФСР и правительством Украинской Центральной Рады*. М., 2007. С. 97; см. также: Дорошенко Д. *Історія України. 1917–1923. Т. 1*. Ужгород, 1930. С. 185.

Дона и Кубани общего меморандума о новых государственных формированиях и шаги по борьбе с большевизмом. Предлагалось объединить Россию в форме федерации с помощью иностранных держав или путем принуждения, или «по добровольному согласию как равного с равным тех государственных очагов, которые создались на обломках России»²⁴. Как известно, эти попытки остались неудачными.

Представляется перспективным изучение того, как республики СССР налаживали горизонтальные связи с целью выхода из его состава. Марк Бейссингер описывал взаимовлияние национальных движений в 1985–1991 годах как «приливные силы», когда более ранние инициативы подпитывали новые и радикализировали их²⁵. В логику горизонтального взаимодействия укладывается и подписание Беловежских соглашений между лидерами Белоруссии, Украины и России, положившее конец существованию СССР.

«ПРОБУЖДЕНИЕ НАРОДОВ»

Сам по себе имперский контекст актуализировал исследования становления наций, а национальный вопрос стал основным объяснением краха СССР²⁶. Популярным было сравнение распада СССР с концом империй – континентальных в начале XX века и морских после Второй мировой войны²⁷.

Одной из лучших работ этого периода был труд Андреса Каппелера «Россия – многонациональная империя». Автор предложил поместить проблемы отдельных национальностей и сам процесс распада Советского Союза в широкий исторический контекст. Согласно выводам ученого, дезинтеграция СССР являлась частью общего процесса угасания полиэтнических империй и их расщепления на национальные государства. В этом смысле исчезновение Советского Союза являлось продолжением распада Российской империи. Каппелер писал, что «в национальных движениях, развернувшихся с 1988 года, на первый план выдвигались те нации, которые еще до 1917 года достигли стадии массовых движений»²⁸.

24 ВЕРСТЮК В. Ф., ГОРОБЕЦЬ В. М., ТОЛОЧКО О. П. *Україна і Росія в історичній ретроспективі. Українські проекти в Російській імперії*. Київ, 2004. С. 473.

25 BEISSINGER M. R. *Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State*. Cambridge, 2002. P. 34.

26 НАНАЙЛО В., SWOBODA V. *Soviet Disunion. A History of the Nationalities Problem in the USSR*. New York, 1989; *Nationalities Factor in Soviet Politics and Society*. Boulder, 1990; МОТЫЛ А. J. *Totalitarian Collapse, Imperial Disintegration, and the Rise of the Soviet West: Implication for the West // The Rise of Nations in the Soviet Union. American Foreign Policy and Disintegration of the USSR*. New York, 1991. P. 44–63; LAQUEUR W. *The Dream that Failed. Reflections on the Soviet Union*. New York, 1994; ЧЕШКО С. В. *Распад Советского Союза*. М., 1996.

27 CARRERE D'ENCOSSE H. *La Gloire des Nations: ou la fin de l'Empire Sovétique*. Paris, 1990; FAWKES B. *The Disintegration of the Soviet Union: A Study in the Rise and Triumph of Nationalism*. London, 1997.

28 КАППЕЛЕР А. *Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад*. М., 2000. С. 287.

Некоторые исследователи отмечали постепенное усиление национального сепаратизма, вылившегося в ряд этнических конфликтов, самым кровопролитным из которых стали события в Нагорном Карабахе²⁹. Появилось множество работ о влиянии отдельных национальных движений на распад СССР³⁰, а национальный нарратив утвердился во всех бывших республиках Советского Союза³¹. При этом ситуация угнетения стала распространяться на период как Российской империи, так и Советского Союза. Политика центральных властей на протяжении веков рассматривается как агрессивный экспансионизм³².

Причиной утверждения национального нарратива можно считать то, что, во-первых, новая национальная история служила инструментом создания исторического мифа, необходимого для утверждения новых государств. Во-вторых, свою роль сыграло и наследие советской историографии, традиционно рассматривавшей национально-освободительные движения в качестве важного противника самодержавия. Здесь наиболее расхожим был ленинский образ Российской империи как «тюрьмы народов», а национальная политика рассматривалась в рамках схемы «угнетение–сопротивление»³³.

В-третьих, аналогичная тенденция наблюдалась в зарубежной историографии. Доминировала точка зрения на империю как на нежизнеспособные государственные образования. По сравнению с национальными государствами они, по мнению многих авторов, представляли собой устаревшие системы, которые даже в периоды своего расцвета несли в себе семена будущего упадка. Пик интереса к имперской тематике пришел

КОНСТАНТИН ТАРАСОВ
НЕЮБИЛЕЙНАЯ ДАТА.
НАЧАЛО И КОНЕЦ
СОВЕТСКОГО ПРОЕКТА...

- 29** Амбарцумян С.А. *Три года на пределе любви и смерти. Заметки народного депутата СССР*. Ереван, 1992; Михайлов В.А. *Субъективные основы национального движения*. Саратов, 1993; Столяров К.А. *Распад: от Нагорного Карабаха до Беловежской пущи*. М., 2001; Наумов В.И. *Преднамеренный развал СССР: вселенская трагедия*. М., 2006.
- 30** CLEMENS W. *Baltic Independence and Russian Empire*. New York, 1991; KARKLINS R. *Ethnopolitics and Transition to Democracy. The Collapse of the USSR and Latvia*. Baltimore, 1994; TAAGEPERA R. *Estonia. Return to Independence*. Boulder, 1993; SENN A.E. *Gorbachev's Failure in Lithuania*. New York, 1995; KUZIO T., WILSON A. *Ukraine. Perestroika to Independence*. London, 1995; ZAPRUDNIK J. *Belarus. At a Crossroads in History*. Boulder, 1993.
- 31** *Национальные истории в советском и постсоветских государствах*. М., 2003; см. также: Симонян Р.Ч. *Страны Балтии и распад СССР: о некоторых мифах и стереотипах массового сознания* // Вопросы истории. 2002. № 12. С. 34–37.
- 32** GUTHIER S.L. *The Belorussians: National Identification and Assimilation, 1897–1970* // *Soviet Studies*. 1977. Vol. 29. № 1. P. 37–61; Ахмеджанов Г.А. *Российская империя в Центральной Азии (история и историография колониальной политики в Туркестане)*. Ташкент, 1995; Грицак Я. *Нарис історії України. Формування модерної української нації*. Київ, 1996; *Национальные истории в советском и постсоветских государствах*. М., 2003; Новак А. *Борьба за окраины, борьба за выживание. Российская империя XIX в. и поляки, поляки и империя (обзор современной польской историографии)* // *Западные окраины Российской империи*. М., 2006. С. 430; Токть С. *Российская империя и ее политика на белорусских землях в XIX – начале XX в. в современной белорусской историографии* // Там же. С. 507–508.
- 33** Критику противопоставления национализма и империй см.: Герасимов И., Могильнер М., Семенов А. *Введение. В поисках ясности в исторической природе национализма и империи* // *Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма*. М., 2010. С. 7–26; *В поисках новой имперской истории* // *Новая имперская история постсоветского пространства*. С. 7–29.

ся на период после Второй мировой войны в связи с концом европейского правления в Африке и Азии³⁴. Российский опыт сравнивался с британским и французским и интерпретировался посредством концептуального аппарата постколониальных исследований³⁵. В работах этого периода коллапс Советского Союза увязывался с «воскрешением» национализма народов республик, подавленного на время репрессивным режимом³⁶. Такой взгляд можно встретить и в более новых работах³⁷.

Наконец, в-четвертых, свое неоспоримое влияние оказали новые концепции национализма, появившиеся незадолго до распада СССР в 1980-е. Значимую роль в исследованиях сыграло направление так называемых конструктивистов (Геллнер, Андерсон, Хобсбаум и другие). В отличие от примордиалистов, считающих, что современные нации имеют древние корни, конструктивисты делают вывод, что нация является продуктом модерности, искусственно созданным культурными элитами. Как емко сформулировал Эрнест Геллнер, не нации создают национализм, а национализм создает нации. Важно отметить, что влиятельные исследователи, придерживающиеся традиционного взгляда на этносы, – такие как Мирослав Хрох и Энтони Смит, – так же отмечают современный характер наций и связывают их появление с объективными социально-экономическими и культурными процессами³⁸. Таким образом, некоторые авторитетные теоретики национализма – вне зависимости от понимания природы нации – признавали объективную неизбежность зарождения современного национализма, а следовательно, и крах империй в определенной степени был предопределен. Империи являлись своеобразными инкубаторами для более прогрессивных национальных государств. Исчезновение с политической карты Советского Союза стало для многих исследователей очередным подтверждением естественного ухода империй с исторической сцены.

34 TAYLOR A.J.P. *The Habsburg Monarchy, 1809–1918*. Chicago, 1948; STRACHEY J. *The End of Empire*. New York, 1959; KANN R.A. *The Habsburg Empire: A Study in Integration and Disintegration*. New York, 1957; EMERSON R. *From Empire to Nation*. Boston, 1960.

35 EISENSTADT S.H. *The Political Systems of Empires. Russian Imperialism from Ivan the Great to the Revolution*. New Brunswick, 1974; ALTSTADT A.L. *The Azerbaijani Turks: Power and Identity under Russian Rule*. Stanford, 1992.

36 GARNER K. *The Baltic States and the End of the Soviet Empire*. London, 1993; *In a Collapsing Empire: Underdevelopment, Ethnic Conflicts and Nationalisms in the Soviet Union*. Milano, 1993; DUNLOP J.V. *The Rise and Fall of the Soviet Empire*. Princeton, 1993; РЕМНИК Д. *Могила Ленина. Последние дни советской империи*. М., 2017.

37 Так Петр Шаститко среди причин распада СССР называет «всесилие центра, подчинившего развитие национальных культур, ограничившего самобытность наций, наносившего ущерб их достоинству» (ШАСТИТКО П.М. *Обреченные догмы. Большевизм и национальный вопрос*. М., 2002. С. 245).

38 КОРОТЕЕВА В.В. *Теории национализма в зарубежных социальных науках*. М., 1999; *Нация и национализм. Проблемно-тематический сборник*. М., 1999; ТИШКОВ В.А. *Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии*. М., 2003; СМИТ Э.Д. *Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма*. М., 2004; МАЛАХОВ В.С. *Национализм как политическая идеология. Учебное пособие*. М., 2005.

Рассмотрение СССР в имперском контексте позволило подчеркнуть определяющую роль национальных движений в союзных республиках. Однако само по себе утверждение, что СССР распался под давлением со стороны национального движения, не дает объяснения, чем были вызваны те или иные проявления национализма, почему в разных союзных республиках они имели различную форму, сроки начала и темп развертывания.

Действительно, на закате и Российской империи, и Советского Союза наблюдался рост этнического самосознания. Временному правительству и позднее Совету народных комиссаров пришлось считаться с национальными интересами поляков и финнов, балтийских и кавказских народов, украинцев и белорусов, мусульманского и еврейского населения. При поверхностном рассмотрении этот период можно назвать «пробуждением народов», их восстания за восстановление своего ущемленного империей национального достоинства и стремления к созданию национальных государств. Однако если внимательнее проследить динамику того или иного национального движения, то такую интерпретацию приходится поставить под сомнение.

КОНСТАНТИН ТАРАСОВ
НЕЮБИЛЕЙНАЯ ДАТА.
НАЧАЛО И КОНЕЦ
СОВЕТСКОГО ПРОЕКТА...

Новая национальная история служила инструментом создания исторического мифа, необходимого для утверждения новых государств. Свою роль сыграло и наследие советской историографии, традиционно рассматривавшей национально-освободительные движения в качестве важного противника самодержавия.

После свержения самодержавия лишь поляки и финны в явном виде заявили о необходимости отделиться от империи. И даже у этих народов некоторые влиятельные политические течения долгое время не считали сецессию вопросом текущего дня. В Финляндии в 1917 году либеральные партии последовательно выступали за сотрудничество с Временным правительством. Они высказывались за упрочнение положения Сената и, в отличие от социал-демократов, не форсировали вопрос о независимости³⁹. В польском национальном движении долгую историю имело противостояние Юзефа Пилсудского и Польской социалистической партии, считавших необходимой борьбу за независимость Царства Польского, и Национал-демократической партии Романа Дмовского, сторонника польской

39 КЕТОЛА Э. *Революция 1917 года и обретение Финляндией независимости: два взгляда на проблему* // Отечественная история. 1993. № 6. С. 29; БУЛДАКОВ В. П. *Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг.: условия возникновения, хроника, комментарий, анализ*. М., 2010. С. 405.

автономии в составе Российской империи⁴⁰. В случае остальных территорий, отколовшихся от Российской империи, вплоть до октябрьского переворота сторонники полной национальной независимости составляли лишь малочисленные маргинальные группы национальных движений.

События в Прибалтийских республиках СССР в большей степени соответствовали модели борьбы народов против угнетения империей. Однако и здесь национальное движение развивалось из неформальных объединений в поддержку демократии, развития культуры, сохранения экологии. В других республиках, отделившихся от СССР, логика была совершенно иная. Так, сам по себе армяно-азербайджанский конфликт из-за Нагорного Карабаха не был связан с желанием республик выйти из состава СССР. Тем не менее именно эти события привели к росту национального самосознания в обеих республиках. Позиция же центра, выступавшего за сохранение настоящих границ, вызвало рост антисоюзных настроений и в Армении, и в Азербайджане, которые надеялись на решение спора в свою пользу⁴¹.

Предопределенность распада полиэтнических сообществ под напором национализма встретила критику со стороны части исследователей, считавших подобную интерпретацию постфактической рационализацией⁴². Каппелер, наиболее последовательно применявший подход Хроха на материалах Российской империи, в более поздней работе вынужден был признать, что только небольшая часть национальных движений в период до 1914 года стала массовой⁴³. В этом с Каппелером солидарны многие ученые. Во многом поэтому на сегодняшний момент истории империи концентрируются на объяснении причин столь долгого существования империй, а не их падения или по крайней мере отказываются от рассмотрения всех явлений сквозь «толстую линзу революции»⁴⁴.

Многие исследователи ставят под сомнение насильственную русификацию и колониальный характер взаимоотношений цен-

40 DAVIES N. *Heart of Europe: The Past in Poland's Present*. Oxford, 1986. P. 97; Фалькович С.М. *Польский вопрос в трех российских революциях // Революционная Россия 1917 года и польский вопрос. Новые источники, новый взгляд*. М., 2009. С. 21–22; *Западные окраины Российской империи*. С. 345–346; *Польша в XX веке: очерки политической истории*. М., 2012. С. 29.

41 СТАНКЕВИЧ З. *История крушения СССР. Политико-правовые аспекты*. М., 2001. С. 67; CARRERE d'ENCAUSSE H. *Op. cit.* P. 97.

42 SUNY R.G. *Bringing Empire Back // The Empire and Nationalism at War*. Bloomington, 2014. P. 2; Тишков В.А. *Этнический фактор и распад СССР: варианты объяснительных моделей // Трагедия великой державы. Национальный вопрос и распад Советского Союза*. М., 2005. С. 588–600.

43 КАППЕЛЕР А. *Образование наций и национальные движения в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет*. М., 2005. С. 395.

44 *Imperial Russia: New Histories for the Empire*. Bloomington, 1998. P. xi, xv; см. также: Миллер А.И., Соловьев К.А. *Российская империя между реформами и революциями – историографическая инерция и необходимость ревизионистского подхода // Российская империя между реформами и революциями, 1906–1916*. М., 2021. С. 5–20.

тра с национальными окраинами⁴⁵. Наоборот, отсутствие гомогенной структуры ослабляло империю. Альфред Рибер, например, писал: «Парадокс существования евразийских империй заключается в том, что их гибкость и приспособляемость приводили к отсутствию единства и противоречий, способствующих их развалу»⁴⁶. Европеизация и интеграционные процессы способствовали расколу внутри правящих элит, и, таким образом, правители теряли свою опору на окраинах. Политика русификации, которая являлась на деле административно-правовой унификацией, по мнению Александры Бахтуриной, выявила слабую связь центра и периферии, недостаточные полномочия гражданской администрации, из-за чего разработка подобных преобразований сильно затянулась. Отсутствие унификации и привело в конечном счете к распаду Российской империи в 1917–1918 годах⁴⁷. Доминик Ливен пришел к выводу, что попытка создания из полиэтнической и многоконфессиональной Российской империи национального государства была одной из основных причин ее распада. Основу для дезинтеграции создавали сами империи из-за вынужденной эмансипации местных элит, способствовавшей развитию сепаратистских тенденций⁴⁸.

Рональд Суни отмечал, что попытки создания единой нации в позднеимперский период провалились. Причинами этого он называл обширную географию при слабой плотности населения и недостаточно развитой системе коммуникаций, сопротивление имперской системе горизонтальным связям, отсутствие ясной идеи, отличной от имперской, религиозной или узкоэтнической. Кроме того, важным фактором являлось развитие к началу XX века национализма среди недоминирующих народов⁴⁹.

В современных исследованиях ставится под сомнение убедительность рассмотрения наций и империй в рамках схемы «подчинение–угнетение». Важным выводом новой волны имперской истории стало утверждение, что империи занимались строительством наций. Авторы сборника «Национализирующие империи» связали воедино концепции национализма и империи, продемонстрировав, что эти понятия не являются вза-

КОНСТАНТИН ТАРАСОВ
НЕЮБИЛЕЙНАЯ ДАТА.
НАЧАЛО И КОНЕЦ
СОВЕТСКОГО ПРОЕКТА...

45 Казань, Москва, Петербург: *Российская империя под взглядом из разных углов*. М., 1997; *Национальная политика России: история и современность*. М., 1997; Горизонтов Л. Е. *Парадоксы имперской политики. Поляки в России и русские в Польше*. М., 1999; Миллер В. И. *Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.)*. СПб., 2000; Исхаков С. М. *Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.)*. М., 2003.

46 РИБЕР А. *Сравнивая континентальные империи // Российская империя в сравнительной перспективе*. М., 2004. С. 65.

47 БАХТУРИНА А. Ю. *Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.)*. М., 2004. С. 338, 341.

48 ЛИВЕН Д. *Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней*. М., 2007. С. 514.

49 СУНИ Р. Г. *Империя как таковая: имперская Россия, «национальная» идентичность и теории империи // Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина*. М., 2011. С. 57–59.

имоисключающими. Основной тезис книги заключался в том, что империи в своем ядре создавали имперские нации, которые, однако, никогда не охватывали всю территорию государства⁵⁰. Российская империя не пыталась ассимилировать все этносы, которые в нее входили. Проект «большой русской нации» был направлен лишь на восточнославянские народы, и он был разрушен политикой большевиков в 1920-е годы⁵¹: новое руководство страны считало «великорусский шовинизм» опасным и стремилась всячески его ограничить. Возможно, именно отказ от идеи «большой русской нации» привел к появлению русского национального сознания⁵². Аналогично ослабление самоидентификации литовцев с Великим Княжеством Литовским способствовало появлению идеи создания собственного национального государства и отказа от коалиций с поляками и белорусами, имевшими с ними общее прошлое⁵³.

Советская империя также конструировала нации, однако не в центре, а на периферии. В своей книге «Империя “положительной деятельности”» Терри Мартин уделил особое внимание тому, что Советский Союз стал первой в мировой истории страной, где были разработаны программы дискриминации национального большинства и поддержки национальных меньшинств в их языковом, политическом и культурном развитии⁵⁴. Мартин считал этот процесс настолько важным для формирования наций в СССР, что предлагал добавить к трехфазной схеме Хроха четвертую фазу, подразумевавшую участие полиэтнического государства (советского государства) в конструировании национальных идентичностей⁵⁵.

В Советском Союзе была предпринята и попытка создания гражданской нации. В политическом языке того времени имел широкое хождение термин «советский народ». Проект этот, однако, как показывает итог, успешен не был. Валерий Тишков в начале 1990-х констатировал, что в работах большинства исследователей доминировала концепция, предполагающая, что

50 BERGER S., MILLER A. *Introduction: Building Nations in and with Empires – a Reassessment* // *Nationalizing Empires*. Budapest, 2015. P. 1–30.

51 MILLER A. *The Romanov Empire and the Russian Nation* // *Ibid*. P. 309–368.

52 Ливен Д. *Указ. соч.* С. 484–486; Хоскинг Дж. *Россия: народ и империя*. М., 2000; Он же. *Правители и жертвы. Русские в Советском Союзе*. М., 2012.

53 *Западные окраины Российской империи*. С. 346.

54 Мартин Т. *Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939*. М., 2011. С. 32. (В «НЗ» это понятие обычно используется в переводе «позитивная дискриминация». – *Примеч. ред.*)

55 Там же. С. 29. Согласно предложенной Хрохом модели, все национальные движения проходят три стадии. В фазе А возникает интерес небольшой группы национальной интеллигенции к языку, истории и фольклору своего этноса. В фазе В научные достижения трансформируются в идеологические конструкции и распространяются среди образованных слоев, начинается «патриотическая агитация». Наконец, в фазе массового движения (фаза С) большая часть народа под влиянием этих идей мобилизуется на борьбу сначала за автономию, а затем и за независимость (HROCH M. *Social Precondition of National Revival in Europe. A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups among the Smaller European Nations*. Cambridge; London; New York, 1985. P. 23–24).

«основной причиной распада СССР как многоэтнического государства явилось угнетенное и дискриминируемое положение нерусских народов, культура и идентичность которых подвергались насильственной деформации в целях реализации официальной концепции “слияния наций” и конструирования единого “советского народа”»⁵⁶.

КОНСТАНТИН ТАРАСОВ
НЕЮБИЛЕЙНАЯ ДАТА.
НАЧАЛО И КОНЕЦ
СОВЕТСКОГО ПРОЕКТА...

В современных исследованиях ставится под сомнение убедительность рассмотрения наций и империй в рамках схемы «подчинение–угнетение». Важным выводом новой волны имперской истории стало утверждение, что империи занимались строительством наций.

Парадокс сосуществования этнонационализма и гомогенизации в советской национальной политике прокомментировал Суни. По мнению историка, на национальную политику большевиков в период создания Советского Союза сильно повлиял распад Габсбургской империи. Ставя в центре своей политики интернационализм, лидеры партии тем не менее сделали ряд уступок в пользу народов, населявших окраины бывшей империи. Советское государство стремилось обезоружить националистические движения, способствуя правовой институционализации этничности как политической категории, фиксируя ее в паспортах, а территории за крупными этносами и этническими элитами, а также поддерживая развитие национальных культур и языков⁵⁷. В результате, как писал Суни, «государство, которое намеревалось преодолеть национализм и различия между нациями, фактически создало набор институтов и инициировало процессы, которые способствовали развитию сознательных, светских, политически мобилизуемых национальностей»⁵⁸. В итоге «советская идентичность» на национальных окраинах к 1991 году была выражена гораздо слабее, чем идентичность этническая.

В случае Российской империи политика бюрократической унификации и частичной ассимиляции при наличии опреде-

56 Тишков В.А. *Национальность и национализм в постсоветском пространстве // Этничность и власть в полиэтничных государствах*. М., 1994. С. 9.

57 LATTIN D.D. *Identity in Formation: The Russian-speaking Populations in the near Abroad*. Ithaca; London, 1998; HIRSCH F. *Empire of Nations. Ethnographic Knowledge and the Making of Soviet Union*. Ithaca, 2005; SLEZKINE Y. *The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // Slavic Review*. 1994. Vol. 53. № 2. P. 414–452; ROEDER P.G. *Red Sunset: The Failure of Soviet Politics*. Princeton, 1993; BRUBAKER R. *Nationhood and the National Question in the Soviet Union and Post-Soviet Eurasia: An Institutional Account // Theory and Society*. 1994. № 23. P. 47–78.

58 SUNY R.G. *Revenge of the Past...* P. 126.

ленного космополитизма имперской элиты должна была привести к созданию гомогенного пространства. Однако она воспринималась как насильственная русификация, вызвала противодействие местных элит и привела к распаду. Советский Союз, напротив, с особым вниманием относившийся к культурной автономии национальных меньшинств, одновременно двигавший идею существования «единого советского народа», новой наднациональной идентичности, привел к укреплению национальных движений, и это привело к распаду. Два противоположных проекта привели к одинаковому результату. Таким образом, факторы распада Российской империи и Советского Союза нельзя свести к всплеску национального движения или национальной политике.

АНТИИМПЕРСКАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ

Исследователи пытались найти и другие объяснения распада полиэтничных государств. Оригинальную концепцию предложил Джошуа Санборн. Он усомнился в триумфе национализма в начале XX века. Историк обратил внимание на то, что в большинстве случаев в этот период не создавалось этнически однородных национальных государств, как то подразумевал лозунг национального самоопределения. Создание новых государств могло быть результатом удачно использованной возможности, наличия физической силы, но никак не волеизъявления большинства «угнетенного народа». Санборн предложил концепцию, согласно которой распад Российской империи необходимо поставить в контекст деколонизационных процессов, ярче всего заметных в период после Второй мировой войны⁵⁹. Он писал, что деколонизация означала конец имперского политического контроля, а следовательно, конец империи как таковой⁶⁰. Иными словами, в этот период наблюдалась не борьба национальных движений за независимость, а борьба против колониализма.

Похожую интерпретацию можно дать национальным движениям конца 1980-х. Национальные движения как часть процесса деколонизации в отношении Советского Союза отмечались в исследованиях последнего периода его существования⁶¹. Роджерс Брубейкер обратил внимание на то, что «контргосударственные национализмы» не всегда заявляют о себе в этнических или этнокультурных терминах. По его мнению, если контргосу-

59 SANBORN J. *Imperial Apocalypse. The Great War and the Destruction of the Russian Empire*. New York, 2014.

60 IDEM. *War of Decolonization. The Russian Empire in the Great War // The Empire and Nationalism at War*. P. 51–52.

61 *Зарубежная литература о национальных отношениях в СССР*. М., 1991. С. 6–7.

дарственные определения нации «основываются на территории, исторических привилегиях провинций, на особых политических историях до инкорпорации в более крупное государство и т.д.», они совсем не обязательно подразумевают обращение к этнической или этнокультурной общности⁶². Так, например, «Аннулирование пакта Молотова-Риббентропа» – документа, приведшего к включению независимой Литовской Республики в состав СССР и определившего судьбы всех трех Прибалтийских республик, – являлось основным лозунгом литовского национального движения⁶³. 23 августа 1989 года, в пятидесятую годовщину пакта, литовцы вместе с латышами и эстонцами, взявшись за руки, образовали живую цепочку длиной в 600 километров. В данном случае мобилизационным фактором выступила территориальная и историческая общность, а не апелляция к общему происхождению и кровным связям.

Брубейкер стал автором концепции, которая получила большое распространение. Он предложил пересмотреть основы теории национализма. В центре его критики оказался устоявшийся конструктивистский взгляд на национальные движения. По его мнению, в работах таких авторов, как Геллнер, Андерсон, Смит, Хобсбаум, нация рассматривается как нечто существующее в действительности, хотя и созданное такими социальными процессами, как индустриализация, расширение коммуникаций, интегрирующая роль современного государства. В этом взгляды конструктивистов отличаются от примордиалистов только тем, какова сущность нации и как они возникли. Согласно Брубейкеру, нация не есть явление, которое необходимо описывать в относительных, процессуальных, динамичных категориях, а национализм возможен и без «реальной» категории нации⁶⁴. Принадлежность к нации является изменяющимся способом мышления и поведения.

Для нас важно высказывание социолога о том, что национализм и национальность не являются естественным конечным результатом долго развивающихся тенденций, но обусловлены внезапным взрывом. Это могут быть государственный коллапс или война – как явления, способные приносить «внезапную и повсеместную национализацию общественной и даже частной жизни», а сама принадлежность к нации (*nationhood*) в этот период становится чем-то, что «внезапно кристаллизуется», а не является «относительно стабильным продуктом глубинных тенденций в области развития в экономике, политике и куль-

КОНСТАНТИН ТАРАСОВ
НЕЮБИЛЕЙНАЯ ДАТА.
НАЧАЛО И КОНЕЦ
СОВЕТСКОГО ПРОЕКТА...

62 БРУБЕЙКЕР Р. *Мифы и заблуждения в изучении национализма // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма*. С. 102.

63 SENN A.F. *Op. cit.* P. 31.

64 BRUBACKER R. *Nationalism Reframed. Nationhood and the National Question in the New Europe*. Cambridge, 1996. P. 19.

туре»⁶⁵. Нация, таким образом, становится категорией практики, событием, а не продуктом длительного процесса развития⁶⁶.

Концепция Брубейкера была поддержана Санборном. Однако он использовал образы кинетической и потенциальной энергии. Национализм является «кинетическим событием, которое требует наращивания потенциальной энергии заранее». Иными словами, национальное самосознание возникает внезапно, но является продуктом тенденции глубокого развития. Такой точкой перегиба для русской нации Санборн видел Первую мировую войну⁶⁷. Всплеск национализма в этот период, если его рассматривать в концепции «внезапной» этнической мобилизации, можно также объяснить феноменом беженства. Мобилизации национализма способствовала организация комитетов беженцев, а также сам опыт взаимодействия национальных общин в местах их расселения. Они были вынуждены создавать более целостные этнические сообщества с лидерами для своего представительства⁶⁸.

Эрик Лор также высказал мнение, что мобилизация этничности в случае Российской, Габсбургской и Османской империй была спровоцирована Первой мировой войной⁶⁹. Он ставит под сомнение теории национализма, которые сосредоточены на поиске необходимых условий для формирования наций. Гораздо важнее обратить внимание на период войны, когда происходила мобилизация национализма. «Военный национализм» (термин Лора) отличался от довоенного, в частности, более остро стоящим вопросом о выживании: одно дело участвовать в читательских клубах и совершенно иное – вступать в национальные вооруженные формирования⁷⁰. По тем же законам происходила мобилизация в лагерях для военнопленных и национальных воинских подразделениях⁷¹.

Бейссингер в своей работе «Националистическая мобилизация и коллапс Советского государства» развил идеи Брубейкера на материале Советского Союза. Ему удалось собрать внушительную базу данных: 6663 протестных мероприятия и 2177 случаев массовых столкновений, которые произошли в период с 1987-го по 1992 год. Он поставил под сомнение попытки рас-

65 Ibid. P. 19–20.

66 Ibid. P. 21. Эта идея была развита в книге: БРУБЕЙКЕР Р. *Этничность без групп*. М., 2012. С. 14–21, 60.

67 SANBORN J. *The Mobilization of 1914 and the Question of the Russian Nation: A Reexamination* // *Slavic Review*. 2000. Vol. 59. № 2. P. 267–289, 282.

68 GATRELL P. *A Whole Empire Walking. Refugees in Russia during World War I*. Bloomington, 1999. P. 141–70, 195–197; *Западные окраины Российской империи*. С. 410.

69 LOHR E. *War Nationalism* // *The Empire and Nationalism at War*. P. 93.

70 Ibid. P. 106–107.

71 HAGEN M. VON. *The Great War and the Mobilization of Ethnicity* // *Post Soviet Political Order: Conflict and State-building*. London, 1998. P. 34–57; ХАГЕН М. ФОН. *Великая война и искусственное усиление этнического самосознания в Российской империи* // *Россия и Первая мировая война (материалы международного научного colloquium)*. СПб., 1999. С. 385–405.

крыть истоки национализма как логического следствия определенного социального интереса или идентичности, внедряемой предшествующей историей или возникающей под влиянием более широких социальных сил. В этом случае не рассматривается, при каких обстоятельствах происходит переход к массовому движению⁷². Ученый объясняет всплеск национальных движений, приведших к концу Советского Союза, не как итог длительного процесса формирования идентичности, но как мобилизацию в экстраординарных условиях. Бейссингер предложил рассматривать период перестройки как «насыщенную историю» (*thickened history*), то есть момент, когда события развиваются очень быстро и появляются возможности, которые ранее не были доступны. Идентичности изменяются под воздействием новых обстоятельств и стремительных событий. Бейссингер обратил внимание на то, что даже в Прибалтике националисты изначально добивались «суверенитета» и лишь затем переключились на требование независимости. Такой резкий сдвиг он объяснил изменением политической стратегии, а не трансформацией национальной идентичности.

В России концепция Брубейкера также нашла своих последователей, призывающих забыть об этносах и нациях, которые предложено понимать как категории политической практики, используемые националистами для достижения своих целей⁷³. Особое место в их исследованиях отводится роли элит в процессе конструирования наций и, соответственно, их влиянию на процесс распада. Тишков считал, что важным фактором распада СССР являлось появление этнических элит на периферии, в борьбе за власть использовавших этническую риторику, апеллировавших к этнической солидарности⁷⁴. Михаил Губогло в своих работах выделил этнические элиты как главный фактор этнической и языковой мобилизации, которая и приводит в итоге к сецессии⁷⁵.

Брубейкер, однако, предостерегал от восприятия действий элит сквозь призму инструменталистского подхода, фокуса лишь «на расчетах циничных оппортунистических элит, а не на исконных идентичностях»⁷⁶. Социолог считал, что дискурс элит играет важную роль в конструировании национальных интересов, но элиты не могут делать этого с помощью произвольной манипуляции.

72 BEISSINGER M.R. *Op. cit.* P. 10.

73 Тишков В.А. *Забыть о нации (постнационалистическое понимание национализма)* // Вопросы философии. 1998. № 9. С. 3–26; ГЕРАСИМОВ И., МОГИЛЬНЕР М., СЕМЕНОВ А. *Указ. соч.* С. 7–26; МАЛАХОВ В.С. *Указ. соч.* С. 313–316.

74 Тишков В.А. *Очерки теории и политики этничности в России.* М., 1997. С. 314; см. также: ЛАЗАРЕВ Б.М. *Можно ли было сохранить СССР? Правовое исследование.* М., 2002. С. 108.

75 Губогло М.Н. *Языки этнической мобилизации.* М., 1998.

76 БРУБЕЙКЕР Р. *Мифы и заблуждения в изучении национализма.* С. 89.

Необходимо обратить внимание на то, что о нациях и национализме начинают говорить в период зарождения массовой политики и в целом вовлечения в политический процесс народных масс, которые никакой политической роли ранее не играли. Так, в качестве начального этапа многих национальных движений в Российской империи признается период после 1860 года, когда было отменено крепостное право и начались другие важные модернизационные реформы. До этого момента имперским властям приходилось иметь дело только с элитами, с которыми удавалось договориться путем предоставления определенных привилегий. Следующим всплеском национальных движений принято считать революцию 1905–1907 годов. Каппелер называл этот период «весной народов»⁷⁷. Революция, по определению, является периодом всплеска массовой политики, моментом, когда революционные активисты ищут активной поддержки населения. Аналогично во время Первой мировой войны, «войны народов», правительствам многих стран-участниц потребовалась поддержка всего населения для массовой мобилизации. Бейссингер писал:

«Именно неспособность адаптироваться к новым условиям массовой политики привела к гибели Османскую империю, а также империи Габсбургов и Романовых. Старые формы легитимации власти пользовались все меньшим влиянием среди населения, когда интеллигенция все настойчивее добивалась представления возможности участвовать в политике широким массам населения, национальные меньшинства мобилизовались в поддержку требования самоопределения»⁷⁸.

Вполне естественно, что такой же эффект имела революция 1917 года в России. Однако участие народа в политической жизни в значительной мере было свернуто в советский период, соответственно, и национальный вопрос перестал стоять так остро. Это продолжалось до момента провозглашения гласности, что, по сути, означало возвращение массовой политики. Контрэлиты национальных меньшинств, не имевших раньше голоса, приступили в этот период к массовой мобилизации⁷⁹. Политический фактор распада Российской империи и Советского Союза, таким образом, требует прояснения. Политизация этничности, использование ее в качестве политического ресурса в борьбе за власть проявилась в обоих случаях.

77 Каппелер А. *Россия – многонациональна империя...* С. 242.

78 Бейссингер М. *Переосмысление империи после распада Советского Союза* // *Ab Imperio*. 2005. № 3. С. 58.

79 Барсенков А.С. *Введение в современную российскую историю 1985–1991*. С. 123; Чешко С.В. *Распад Советского Союза*. С. 199.

Часть исследователей связывают крах композитных государств с кризисом имперской идеологии⁸⁰. Авторы сборника «Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма» писали о «вызове империи», под которым подразумевали момент, когда неравномерная, гетерогенная структура империи перестает восприниматься как нечто естественное, как норма общества.

**О нациях и национализме начинают говорить
в период зарождения массовой политики и в целом
вовлечения в политический процесс народных масс,
которые никакой политической роли ранее не играли.**

Закат композитного государства, таким образом, начинается с того, что люди начинают мыслить о нем как об архаическом феномене. Происходит кризис имперского сознания⁸¹.

По мнению Тишкова, национальная идея стала мощным средством мобилизации масс в республиках Советского Союза. Он писал, что «интеллектуальная элита, сменившая коммунистическую идеологию на националистическую, смогла достаточно быстро начать борьбу против центра, затем и против правящих партийных элит»⁸². Появление разнообразных массовых движений приводило к спаду поддержки КПСС. Многие наблюдатели отмечали, что уменьшение роли КПСС, бывшей скрепляющим элементом советской системы, приведет к краху все государство⁸³.

Борис Лазарев указал на рост численности разнообразных неформальных объединений (культурно-исторических, националистических, экологических) и постепенное превращение их в политическую силу как на симптом разочарования в прежних идеологических устоях и напряженный поиск новых⁸⁴. Аналогично, по мнению исследователя, кризис коммунистической интернационалистической идеологии привел к возрождению идей панисламизма в Средней Азии и Азербайджане, к жела-

80 SUNY R.G. *The Revenge of the Past...* P. 1–19; Лурье С.В. *Российская империя как этнокультурный феномен // Цивилизации и культуры. Вып. 1. М., 1994. С. 130–131.*

81 ГЕРАСИМОВ И., ГЛЕБОВ С., КУСЬБЕР Я., МОГИЛЬНЕР М., СЕМЕНОВ А. *Новая имперская история и вызовы империи // Ab Imperio. 2010. № 1. С. 3–32.*

82 ТИШКОВ В.А. *Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997. С. 315; см. также: КАППЕЛЕР А. Россия – многонациональная империя... С. 288.*

83 *Зарубежная литература о национальных отношениях в СССР. С. 9.*

84 ЛАЗАРЕВ Б.М. *Указ. соч. С. 84–85; см. также: The Soviet Environment: Problems, Policies and Politics. Cambridge, 1992; DAWSON J. Eco-nationalism. Anti-nuclear Activism and National identity in Russia, Lithuania and Ukraine. Durham, 1996; ЛУКАШЕВИЧ Д.А. Распад СССР: историко-правовое исследование. Дисс. ... к.и.н. М., 2013.*

нию вернуться в русло европейской культуры в Прибалтике, к вниманию к собственным уникальным национальным традициям в Армении, Грузии и Молдавии⁸⁵.

Исследователи выдвинули ряд аргументов о необратимости распада СССР. В начале 1990-х достаточно распространенной стала идея принципиальной нежизнеспособности строя⁸⁶. Мартин Малия считал советское устройство общества, по определению, неудавшимся экспериментом. По его версии, это была искусственно созданная аномалия, обреченная на провал и возвращение к естественному ходу истории⁸⁷. Пайпс увидел «причиной причин» то, что советский режим, по определению, был утопичен. Согласно его идее, СССР изначально формировался как жестко централизованная система, лишь замаскированная под федеративное государство. Это, по мнению историка, само по себе заложило основу для распада⁸⁸.

Многие другие исследователи настроены не так пессимистично. Они приходят к выводу, что имели место лишь отдельные недостатки в советской версии социализма⁸⁹ – сама по себе она была жизнеспособна. Стремительный и внезапный распад СССР заставил искать то случайное сочетание обстоятельств, те субъективные причины, которые к этому привели. С разной степенью научности и эмоциональности в качестве таковых признаются политика главы государства Михаила Горбачева⁹⁰, деятельность Бориса Ельцина и его приближенных⁹¹ и в целом лишь политические события 1985–1991 годов, непосредственно предшествовавшие распаду⁹².

Некоторые исследователи указывают на социально-экономические предпосылки распада империй. В советской историографии национализм рассматривался через призму классовой теории. Утверждалось, что лидеры национальных движений

85 ЛАЗАРЕВ Б.М. *Указ. соч.* С. 84.

86 ВАЛОВА В.Г. *От застоя к развалу.* М., 1991; СОРМАН Г. *Выйти из социализма.* М., 1991.

87 МАЛИЯ М. *Советская трагедия. История социализма в России. 1917–1991.* М., 2002.

88 PIPES R. *The Fall of the Soviet Union // The Collapse of Communism.* Stanford, 1999. P. 42; см. также: IDEM. *Formation of the Soviet Union. Communism and Nationalism, 1917–1923.* Cambridge; London, 1980. P. 296.

89 BUNCE V. *Subversive Institutions. The Design and the Destruction of Socialism and the State.* Cambridge, 1999; ROEDER P.G. *Op. cit.*; SUNY R.G. *The Revenge of the Past...*; BRUBAKER R. *Nationhood and the National Question in the Soviet Union and Post-Soviet Eurasia...* P. 47–78; LEWIN M. *The Gorbachev Phenomenon*; LANE D. *The Rise and Fall of State Socialism.* Cambridge, 1996; *The Fall of the Soviet Empire.* Boulder, 1997; КОЭН С. *Можно ли было реформировать советскую систему?* М., 2005.

90 BROWN A. *The Gorbachev Factor.* Oxford, 1997; КУРГИНЯН С. *Седьмой сценарий.* Ч. 3. М., 1992; ЛИГАЧЕВ Е. *Кто предал СССР?* М., 2009; БЕШЛОСС М., ТЭЛБОТТ С. *Измена в Кремле: протоколы тайных соглашений Горбачева с американцами.* М., 2016.

91 ГРАЧЕВ А.С. *Кремлевская хроника.* М., 1994; ГОРЕЛИК Ф. *О причинах гибели СССР.* Луганск, 2013.

92 DALLIN A. *Causes of the Collapse of the USSR // Post-Soviet Affairs.* 1992. Vol. 8. № 4. P. 295–297; HOUGH J.F. *Democratization and Revolution in the USSR, 1985–1991.* Washington, D.C., 1997; SOLNICK S. *Stealing the State. Control and Collapse in Soviet Institutions.* Cambridge, 1998; СИДОРОВ В.А. *Советский Союз накануне распада: опыт антикризисного управления.* М., 2002; СТАНКЕВИЧ З. *Указ. соч.* М., 2001; СЛОБОДКИН Ю.М. *Кто разрушил СССР и распял Россию?* М., 1995; БАРСЕНКОВ А.С. *Реформы Горбачева и судьба союзного государства 1985–1991.* М., 2001.

действовали в интересах имущих слоев. Противоборство шло прежде всего по социальной, но не национальной линии. Борьба с такими движениями была не против народов, а против националистической контрреволюции, стремившейся оторвать низшие сословия своего этноса от единого российского революционного движения, за полную свободу от классового и национального угнетения.

Сам по себе этот тезис не свободен от тенденциозности. Однако рассмотрение социальных противоречий через призму национальных движений помогает прояснить причины межэтнических конфликтов, которые могли быть решены через создание национального государства. Некоторые народы Российской империи действительно занимали разные социальные ниши, создавая сложную сословно-этническую карту страны. Поляки доминировали на литовских, части белорусских и украинских земель⁹³. Аналогично остзейские немцы составляли политическую, культурную и финансовую элиту в губерниях с латышским и эстонским населением⁹⁴. Армяне имели сильный «средний класс» в Закавказье, занимая ключевые позиции в его главных центрах – Тифлисе и Баку⁹⁵. Появление новой интеллектуальной элиты малых народов создавало социально-политическое напряжение в этих регионах. Работы Суни по истории Закавказья показывают важность изучения классовой и этнической идентичностей, которые во взаимосвязи могут пролить свет на события 1917–1920 годов⁹⁶.

В этой же связи заслуживают внимания экономические предпосылки распада Российской империи. Екатерина Правилова продемонстрировала, как с середины 1860-х обвинение Польши в том, что она живет за счет центра, стало общим местом в публицистике. При этом по сравнению с другими окраинами (Сибирью, Закавказьем, Туркестаном) Привислинские губернии выглядели выгодной периферией с экономической точки зрения. Однако, несмотря на это, мнение, что именно Польша виновата в оскудении центра, «стало весьма расхожим»⁹⁷. Напро-

КОНСТАНТИН ТАРАСОВ
НЕЮБИЛЕЙНАЯ ДАТА.
НАЧАЛО И КОНЕЦ
СОВЕТСКОГО ПРОЕКТА...

93 *Западные окраины российской империи*. С. 346; PAGE S.W. *The Formation of the Baltic States*. Cambridge, 1959. P. 4; МИХУТИНА И.В. *Польско-советская война 1919–1920*. М., 1994. С. 46; КАСПАРАВИЧЮС А. *Российский фактор в геополитической мысли литовского истеблишмента в первой половине XX века // Россия и Балтия*. Вып. 7: Памятные даты и историческая память. М., 2015. С. 257.

94 АНДРЕЕВА Н.С. *Прибалтийские немцы и российская правительственная политика в начале XX в.* СПб., 2008. С. 78; БАХТУРИНА А.Ю. *Указ. соч.* С. 90–93; Булдаков В.П. *Хаос и этнос...* С. 70–71.

95 PIPES R. *The Formation of the Soviet Union...* P. 18.

96 SUNY R.G. *The Baku Commune, 1917–1918: Class and Nationality in the Russian Revolution*. Princeton, 1972; ИДЕМ. *The Making of the Georgian Nation*. Bloomington, 1994; ИДЕМ. *Nationalism and Social Class in the Russian Revolution: The Cases of Baku and Tiflis // Transcaucasia, Nationalism and Social Change: Essays in the History of Armenia, Azerbaijan, and Georgia*. Chicago, 1983. P. 239–258; ИДЕМ. *The Revenge of the Past...* P. 1–19.

97 ПРАВИЛОВА Е.А. *Финансы империи. Деньги и власть в политике России на национальных окраинах. 1801–1917*. М., 2006. С. 182–184. Участие окраин Российской империи в общем ВВП см.: МАРКЕВИЧ А., ХАРРИСОН М. *Первая мировая война, Гражданская война и восстановление: национальный доход в России в 1913–1928 гг.* М., 2020.

тив, накануне Первой мировой войны стали звучать упреки властей в эксплуатации финансовых ресурсов Привислинского края и препятствовании экономическому развитию Польши⁹⁸.

Перед войной обострились отношения между царской администрацией и финляндским Сеймом вследствие стремления имперских властей уравнивать размер участия Великого княжества Финляндского в военных расходах с другими окраинами⁹⁹. Попытки интегрировать Финляндию в общеимперскую экономику начались только в самый последний период существования Российской империи и воспринимались однозначно как стремление ликвидировать ее автономию¹⁰⁰. Правилова пишет:

«Региональная финансовая политика, часто служившая в многонациональных государствах одним из методов интеграции, в Российской империи использовалась как рычаг русификации, для решения внутренних проблем метрополии, решения конституционных и политических конфликтов, но отнюдь не в рамках стратегии территориального экономического развития»¹⁰¹.

Российская империя, таким образом, тормозила развитие своих окраин в пользу уменьшения бремени внутренних губерний. Причем даже попытки унификации и выравнивания вклада в общий бюджет в Польше и Финляндии воспринимались как колониальная политика.

Рассмотрение социальных противоречий через призму национальных движений помогает прояснить причины межэтнических конфликтов, которые могли быть решены через создание национального государства.

Похожая ситуация сложилась и в Советском Союзе. Ряд исследователей указывают на неравномерное развитие республик, наличие диспропорций. По данным Михаила Булгакова, Прибалтийские республики на четверть превышали среднесоюзный уровень развития, а Белоруссия, Украина, Молдавия и РСФСР имели средние показатели. От них сильно отставали в порядке убывания Казахстан, Грузия, Армения, Азербайджан. Разрыв среднеазиатских республик с лидерами в СССР был двукратным. Главными донорами в межреспубликанском распределении выступали Россия, Белоруссия, Латвия и Литва, а

98 Правилова Е.А. *Указ. соч.* С. 199.

99 Там же. С. 208–239.

100 Там же. С. 353–366.

101 Там же. С. 301.

самую большую поддержку из общесоюзного бюджета получали Казахстан и Узбекистан¹⁰². Таким образом, прежде всего Прибалтийские республики были менее всех заинтересованы в сохранении общесоюзного бюджета. Негативное воздействие Булгаков признавал в насаждении модернизационных новаций в традиционные общества Средней Азии, порождавшее ненависть к носителям модернизации, которыми выступали в основном русские и украинцы¹⁰³. Элен Каррер д'Анкос писала, что конфликт в Казахстане в 1986 году имел в том числе экономические основы. Называя Казахстан одной из самых бедных республик СССР, живущей за счет ресурсов других частей страны, она отметила значительный рост его населения. Вместе эти два фактора порождали напряженность в отношениях с центром¹⁰⁴. Ясин, основываясь на статистике тех лет, сделал вывод, что положительный баланс бюджета из всех республик имели только Россия, Белоруссия и Азербайджан¹⁰⁵.

Однако еще большее значение имеет следующий факт: от 30% до 50% населения разных республик считали, что они больше отдают в союзный бюджет, чем получают¹⁰⁶. По выражению Зигмунда Станкевича, история о том, кто кого кормит, была взята на вооружение «национал-сепаратистскими силами практически во всех республиках СССР и стала мощнейшим инструментом раскручивания антисоюзных настроений в стране»¹⁰⁷.

Таким образом, именно фактор неравномерного экономического развития союзных республик и его восприятие представляется важным для понимания ситуации, которая привела к их стремлению выделиться из состава единого государства.

Были и другие недостатки советской экономики, которые в конечном счете поставили ее на грань разрушения. Большая группа ученых видит значительные экономические предпосылки распада СССР в непомерных военных расходах, плановой системе, поддержке коммунистических режимов в Африке, Азии и Южной Америке, которые вылились в спад экономического роста, ухудшение уровня жизни, проблемы со снабжением продовольствием и товарами¹⁰⁸. По сравнению с 1950–1970-ми годами

102 Булгаков М.Б. *Экономические взаимосвязи народов // Российская многонациональная цивилизация. Единство и противоречия*. М., 2003. С. 173.

103 Там же. С. 176.

104 CARRERE D'ENCAUSSE H. *Op. cit.* P. 71–73.

105 Ясин Е. *Указ. соч.* С. 12.

106 Семенов В.М. и др. *Межнациональные противоречия и конфликты в СССР*. М., 1991. С. 103.

107 Станкевич З. *Указ. соч.* С. 76–77.

108 АРТЕМЕНКО М.Н. *Экономика кривых зеркал*. Харьков, 1995; Кудров В.М. *Советская экономика в ретроспективе*. М., 2003; ГАЙДАР Е.Т. *Гибель империи*. М., 2006; CASTELLS M., KISELYOVA E. *The Collapse of Soviet Communism. A View from the Information Society*. Berkeley, 1995; ТРАВИН Д. *Очерки новейшей истории России. Книга первая: 1985–1999*. СПб., 2010. С. 51–63; СССР и перестройка: взгляд со стороны. М., 1991. С. 95.

в 1980-е отмечалось падение темпов роста экономики более чем в два раза¹⁰⁹. Экономическая реформа, начатая в перестройку, была проведена неумело и во многом запоздала.

Новое руководство РСФСР встало на путь быстрых и радикальных экономических реформ, отвергнутый союзным руководством. Некоторые исследователи считают это событие поворотным для распада СССР¹¹⁰. Председатель Верховного Совета РФ Ельцин на сессии Верховного Совета СССР заявил:

«Какова бы ни была позиция Верховного Совета, правительства СССР, Россия начнет радикальную экономическую реформу в 1990 году. Еще тянуть и откладывать – нечего будет реформировать, экономика просто развалится... Сегодня мы отчетливо видим, что центр добровольно не уступит необходимую долю власти республикам»¹¹¹.

Конфронтация центральной республики Союза и руководства СССР принимало характер революции, происходил демонтаж советской и коммунистической системы, ограничивающих проведение реформы. В качестве революционных действий, связанных с социально-экономическими предпосылками, можно также рассматривать события 1988–1990 годов в других республиках. В 1987-м Эстония предложила план республиканского хозрасчета. Идея независимости от общесоюзного бюджета была поддержана некоторыми другими республиками¹¹². Литва сделала следующий шаг и начала не просто радикальную реформу общественного строя, а выступила за отказ от социалистического пути. Заместитель председателя Верховного Совета Литвы Кястулис Главяцкас заявил в 1991 году:

«Уверяю вас, если бы в СССР господствовали свободный рынок и открытая экономика, никто бы из такого Союза не стремился убежать. Бегут же от тоталитаризма и казарменного социализма»¹¹³.

Республики СССР сократили свои отчисления в общесоюзный бюджет, рассматривая центр в качестве тормоза на пути развития страны. В кризисных условиях союзные республики вынуждены были взять на себя все функции жизнеобеспечения. Экономическая власть начала закономерно и неуклонно перетекать в регионы.

109 Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный сборник. М., 1987. С. 51; Лопатников Л.И. *От плана к рынку. Очерки новейшей экономической истории России*. СПб., 2010. С. 37; Герасимов Г.И. *История современной России: поиск и обретение свободы (1985–2008)*. М., 2008. С. 24; Аллен Р.С. *От фермы к фабрике. Новая интерпретация советской промышленной революции*. М., 2013. С. 248–250.

110 ЛАЗАРЕВ Б.М. *Указ. соч.* С. 94–95; САКВА R. *Russian Politics and Society*. London; New York, 1996. P. 12.

111 Цит по.: ЛАЗАРЕВ Б.М. *Указ. соч.* С. 90.

112 МАУ В.А. *Экономика и власть. Политическая история экономической реформы в России, 1985–1994*. М., 1995. С. 32.

113 Цит по.: Дьяков Ю.Л. *Историческое наследие межнациональных отношений в России XX века // Россия в XX веке. Проблемы национальных отношений*. М., 1999. С. 420.

Именно борьба с идеологической системой (политический фактор) и острая необходимость перехода к рыночным отношениям для спасения экономики от краха (экономический фактор) могут быть признаны причинами отделения от СССР ряда республик. Подтверждением данного тезиса может быть то, что 53% русскоязычного населения Латвии выразили свою поддержку независимости, а в Украине даже та часть жителей, которая не владела украинским языком, готова была присоединиться к борьбе за отделение¹¹⁴.

КОНСТАНТИН ТАРАСОВ
НЕЮБИЛЕЙНАЯ ДАТА.
НАЧАЛО И КОНЕЦ
СОВЕТСКОГО ПРОЕКТА...

ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ

Стремительный крах Российской империи и СССР породил целый пласт конспирологической литературы. Еще в период революции 1917 года и гражданской войны появились мнения о финансовой поддержке большевиков со стороны Германии, о Ленине – как о немецком шпионе, в задачу которого входило уничтожение Российской империи¹¹⁵. Позже появлялись поиски «жидомасонского заговора» и влияния «ангლოსаксов» (Великобритании и США). К заговорщицкой тематике обращались и публицисты, писавшие о распаде СССР, обвиняя тайное «мировое правительство», масонов и тому подобное. Повидимому, такие «исследования» до сих пор находят своего читателя¹¹⁶. На объяснение надуманности и отсутствия вразумительной аргументации подобных версий не стоит тратить место¹¹⁷.

Однако серьезные ученые также обращаются к внешнему фактору распада империй, исходя не из домыслов, а из выявленных фактов. Алексей Миллер предложил оригинальную концепцию, в которой он исходит из идеи полицентричного мира. По его мнению, континентальные империи XX века – Россия, Германия, Австро-Венгрия, Турция – являлись «центрами притяжения», которые оспаривали право на окраины друг у друга¹¹⁸. Долгое время эта макросистема была стабиль-

114 *Зарубежная литература о национальных отношениях в СССР*. С. 10, 20.

115 О критике данного утверждения см.: Соболев Г.Л. *Тайный союзник. Русская революция и Германия. 1914–1918*. СПб., 2009; Старцев В.И. *Немецкие деньги и русская революция: ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского*. СПб., 2006; Попова С.С. *Между двумя переворотами. Документальные свидетельства о событиях лета 1917 года в Петрограде (по французским и российским архивным источникам)*. М., 2010.

116 Кузьмич А. *Заговор мирового правительства. Россия и «золотой миллиард»*. М., 1994; Козлов В.И. *Русский вопрос. История трагедии великого народа*. М., 1995; Виноградов А. *Тайные битвы XX века*. М., 1999; Платонов О.А. *Россия под властью масонов*. Киев, 2001.

117 Обзор конспирологических теорий, в том числе «плана Даллеса», см.: Яблоков И. *Русская культура заговора*. М., 2020.

118 Миллер А. *Центр и окраина. Метаморфозы проблемы в 18–21 вв. на примере отношения власти и общественного мнения в России к Украине и Белоруссии // Центр и региональные идентичности в России*. СПб.; М., 2003.

на, потому что, несмотря на частые войны между соседними империями, они придерживались «определенных конвенциональных ограничений» в своем соперничестве. Прежде всего это касалось исключения из борьбы этнического вопроса, который остро стоял в каждом из государств. Лишь после перехода к тотальной Первой мировой войне соседние империи решились использовать национальные движения в тылу противников в свою пользу¹¹⁹. Шло своего рода соревнование в цивилизационной привлекательности: оккупационная политика и Российской империи, и ее противников являлась борьбой за лояльность национальных меньшинств¹²⁰.

Против стран Антанты Германия прибегла к политике «революционизирования», означавшей поддержку антиимперских движений¹²¹. В подрывной работе против России особое внимание уделялось Финляндии и балтийским губерниям, а также Украине, кавказским народам, евреям¹²². Была создана формально независимая «Лига нерусских народов России», финансировался «Союз освобождения Украины», велись переговоры с литовскими, польскими и грузинскими националистами. Однако эти организации имели слабую связь с родиной и не приобрели большого влияния ни до событий 1917 года, ни после. Особым направлением национальной антироссийской политики являлось создание лагерей для военнопленных из народов империи. Украинцев, финнов, грузин и мусульман отделяли от остальных пленных и помещали в лагерь с лучшими условиями, где с ними велась специальная работа с целью пробудить в них национальное сознание¹²³. Однако и это не имело большого успеха. Лишь незначительное число военнопленных соглашалось вступить в ряды национальных формирований, чтобы бороться за независимость своего народа¹²⁴. Такие формирования были созданы лишь из финских и польских подданных Российской империи¹²⁵.

119 Он же. *Империя Романовых и национализм*. С. 41.

120 LIULEVICIUS V.G. *War Land on the Eastern Front: Culture, National Identity and German Occupation in World War I*. Cambridge, 2000; Бахтурина А.Ю. Указ. соч. С. 177–224.

121 Фишер Ф. *Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914–1918 гг.* М., 2017.

122 Колоницкий Б.И. *Эмиграция, военнопленные и начальный этап германской политики «революционизирования» России (август 1914 – начало 1915) // Русская эмиграция до 1917 года – лаборатория либеральной и революционной мысли*. СПб., 1997. С. 199.

123 Михутина И.В. *Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века)*. М., 2003. С. 171–183; Хаген М. фон. Указ. соч. С. 385–405; Усманова Д.И. *Мусульманское население Российской империи в условиях Первой мировой войны // Первая мировая война и конец Российской империи. Т. 1. Политическая история*. СПб., 2014. С. 597–598.

124 Нагорная О.С. *Другой военный опыт. Российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922)*. М., 2010. С. 167.

125 Новикова И.Н. *«Финская карта» в немецком пасьянсе: Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны*. СПб., 2002. С. 107; Бахтурина А.Ю. Указ. соч. С. 272–274.

Если конфронтация противников Российской империи за национальные окраины происходила во время открытого военного конфликта, то распад СССР происходил в период относительного спокойствия. И тем не менее существуют работы, выделяющие внешнеполитический фактор распада Советского Союза. Соперничество социалистической и капиталистической систем, характерное для послевоенного периода, позволило некоторым авторам утверждать, что именно внешнее воздействие привело к распаду Советского Союза¹²⁶. Часть авторов обвиняют «Запад» и конкретно США в заговоре против СССР¹²⁷. Уже из названий подобных работ можно понять мнение их создателей о причинах краха СССР: «Как убили СССР», «Разгром Советского Союза», «Растление великой империи» и прочее¹²⁸. В целом можно отметить, что эта тема сохраняет политизированный характер и в гораздо большей степени отражает умонастроения части современного российского общества, нежели представляет глубокий анализ ситуации 1991 года.

При этом необходимо указать на некоторую эволюцию взглядов сторонников подобной версии. Если в 1990-е многих участников событий обвиняли в прямой измене, то с 2000-х более распространенной является версия о «перерождении» части социалистического общества в результате «психологической войны» против СССР, во время которой многие западные ценности были восприняты как желанные¹²⁹. Советский Союз проиграл в идеологической борьбе с капитализмом, ставшим более привлекательным в качестве пути развития общества для большинства населения союзных республик¹³⁰. Кроме

КОНСТАНТИН ТАРАСОВ
НЕЮБИЛЕЙНАЯ ДАТА.
НАЧАЛО И КОНЕЦ
СОВЕТСКОГО ПРОЕКТА...

- 126** НАУМОВ Н.В. *Международные аспекты распада СССР // Российское государство и общество. XX век.* М., 1999. С. 366–395; ЗИНОВЬЕВ А.А. *Гибель русского коммунизма.* М., 2001; ШУБИН А.В. *Парадоксы перестройки. Упущенный шанс СССР.* М., 2005; АЛЕКСЕЕВ В.В., АЛЕКСЕЕВА Е.В. *Распад СССР в контексте теорий модернизации и имперской эволюции // Отечественная история.* 2003. № 5. С. 16–17.
- 127** SCHWEIZER P. *Victory: The Reagan Administration's Secret Strategy that Hastened the Collapse of the Soviet Union.* New York, 1994; GATES R.M. *From the Shadows. The Ultimate Insider's Story of Five Presidents and How They Won the Cold War.* New York, 1996; МЯЛО К.Г. *Россия и последние войны XX века (1989–2000). К истории падения сверхдержавы.* М., 2002; КОЛОМИЙЦЕВ В.Ф. *Россия. Реформы, трансформация, модернизация. Заметки политолога.* М., 2011; ТКАЧЕНКО С.В. *Технологии разрушения российской государственности: теория и практика.* М., 2012; ЕМЕЛЬЯНОВ Ю. *Большая игра. Ставки сепаратистов и судьбы народов.* М., 1990. С. 248.
- 128** КРАСИЛЬНИКОВ Б. *Разгром Советского Союза.* М., 2005; МАКСИМОВ В. *Растление великой империи.* М., 2010; ШЕВЯКИН А. *Как убили СССР. «Величайшая геополитическая катастрофа».* М., 2011; КРЕМЛЕВ С. *Как предали СССР. «Прорабы измены».* М., 2014.
- 129** Среди всего потока подобной литературы наиболее примечательны работы профессиональных историков: ФРОЯНОВ И.Я. *Падение в бездну.* М., 2002; УТКИН А.И. *Измена генсека: бегство в Европу.* М., 2009; ОСТРОВСКИЙ А.В. *Глупость или измена? Расследование гибели СССР.* М., 2011.
- 130** MOSES J.C. *Soviet Provincial Politics in an Era of Transition and Revolution 1989–1991 // Soviet Studies.* 1992. Vol. 44. № 3. P. 479; REMINGTON T.F. *Reform or Revolution? // Soviet Communism from Reform to Collapse.* Lexington, 1995. P. 330–331; ШВЕЙЦЕР П. *Победа. Роль тайной стратегии администрации США в распаде СССР и социалистического лагеря.* Минск, 1995; ЛИВЕН Д. *Указ. соч.*; СКВОРЦОВ Ю.Д. *О причинах расчленения Советского Союза. Комплексный анализ.* Харьков, 2011; ГОРЕЛИК Ф. *Указ. соч.*; КОТКИН С. *Предотвращенный Армагеддон. Распад Советского Союза.* М., 2018.

того, некоторые ученые указывают на существовавшую экономическую войну США против СССР, которую, в конце концов, социалистический лагерь проиграл¹³¹.

Однако существует и альтернативная точка зрения. Анализируя прессу 1990 года, ставшего переломным в истории СССР, авторы сборника «Зарубежная литература о национальных отношениях в СССР» сделали вывод, что Запад занял позицию невмешательства и даже одобрения силовых действий Москвы против сепаратистских действий окраин. По их мнению, это был вынужденный выбор, вызванный страхом «перед непредсказуемыми последствиями распада сверхдержавы»¹³². Некоторые наблюдатели также высказали точку зрения, по которой США был не выгоден внезапный и настолько масштабный крах советской системы¹³³. В новейших книгах Сергей Плохий и Владислав Зубок реконструируют дискуссии в Вашингтоне, показывающие, что администрация Джорджа Буша предприняла немало усилий, чтобы сохранить территориальную целостность СССР, считая, что последствия его распада могут быть опасными и непредсказуемыми¹³⁴.

* * *

Подводя итоги, можно отметить, что сопоставление истории распада Российской империи и Советского Союза может иметь большое значение для анализа сущности СССР. Для большинства исследователей ключевой его характеристикой является национальный вопрос, который остался важной составляющей нового государства, построенного, казалось бы, на иных принципах. СССР оставался композитным государством, имевшим довольно заметное имперское наследие. Интеграционные процессы и в Российской империи, и в Советском Союзе были слабы, пренебрежение к национальному вопросу приводило к обострению взаимоотношений центра и окраин.

Однако само по себе сохранение национального вопроса не делало советский проект нежизнеспособным. Этнический

131 Шубин А.В. *От застоя к реформам. СССР в 1978–1985*. М., 2001. С. 13, 16; Барсенков А.С. *Введение в современную российскую историю 1985–1991*; Швейцер П. *Указ соч.* С. 117, 269, 366–370; Орлов А.С. *Эскалация вооружений – путь в тупик // Советская внешняя политика в годы холодной войны*. М., 1995. С. 498–499.

132 *Зарубежная литература о национальных отношениях в СССР*. С. 6, 15, 19.

133 Мэтлок Дж.Ф. *Смерть империи. Взгляд американского посла на распад Советского Союза*. М., 2003. С. 567–568; Багдасарян В.Э. «Теория заговора» в отечественной историографии второй половины XIX–XX в. М., 1999; Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. *Третья мировая (информационно-психологическая) война*. М., 2000; Волков В.К. *Этноменклатура и распад государства // Свободная мысль – XXI*. 2000. № 10. С. 17.

134 Плохий С. *Последняя империя. Падение Советского Союза*. М., 2016; Зубок В.М. *Collapse: The Fall of the Soviet Union*. New Haven, 2021.

фактор начинал играть свою роль в разрушении системы лишь в сочетании с политическими и социально-экономическими обстоятельствами. До тех пор, пока вопрос этнической идентичности не был «переведен» на язык политики, пока он был не связан с серьезными социальными проблемами, этнической мобилизации не происходило. В эпоху, когда политическая коммуникация затруднена, когда нет открытого политического пространства для дискуссий, когда осложнено взаимодействие элит и масс, национальные движения находятся в скрытой форме. В этот период они часто игнорировались властями.

КОНСТАНТИН ТАРАСОВ
НЕЮБИЛЕЙНАЯ ДАТА.
НАЧАЛО И КОНЕЦ
СОВЕТСКОГО ПРОЕКТА...

Само по себе сохранение национального вопроса не делало советский проект нежизнеспособным. Пока вопрос этнической идентичности не был «переведен» на язык политики, пока он был не связан с серьезными социальными проблемами, этнической мобилизации не происходило.

Становится ясно, что распад является частью кризисной ситуации и ему предшествует дестабилизация системы в целом. Распад империи невозможен без революции, смены правящей элиты, провала центра. Распад завершает период, когда центральные власти ничего не могут сделать для выравнивания ситуации. Таким образом, центральной проблемой для СССР являлся вопрос медленного реформирования системы, сложившейся в первой трети XX века. Жизнеспособность большевиков в годы гражданской войны была связана с сочетанием насилия с политическим маневрированием.

Кроме внутренних факторов распада, существуют и внешние. В случае Российской империи это становится особенно явным. Соперничество великих держав часто выливается в конфликты за национальные окраины, поддержку националистов, что, однако, не всегда имеет фатальное значение. Создание СССР было связано с активной критикой западных государств и поддержкой антиколониализма – то есть являлось своеобразной реакцией на распад прежних империй.

Для понимания такого сложного процесса, как распад полиэтничного государства, необходимо рассматривать все факторы в совокупности, в их взаимном переплетении и влиянии. При этом для межстрановых сопоставлений нужно учитывать, что те факторы, которые в одном случае запускали необратимые процессы разрушения, в других имели гораздо меньшее значение. Я далек от того, чтобы считать распад СССР законо-

мерным или неизбежным событием. Однако такой сложный процесс невозможно сводить к случайности, заговору или роли отдельных личностей. У событий 1991 года, безусловно, были глубинные предпосылки и определенная логика.

Российская империя распадалась и пересобиралась в Советский Союз в ходе кровавейшей гражданской войны. Может показаться, что СССР распался сравнительно быстро и безболезненно. Однако именно стремительность дезинтеграции привела к огромному количеству нерешенных вопросов, в том числе территориальных претензий у целого ряда бывших союзных республик. В следующие годы почти по всей территории бывшего СССР в разное время происходили крупные конфликты. Действительно, гражданской войны в 1991 году не было, но кровь этого распада оказалась размазана тонким слоем на 31 год, прошедший со времени коллапса.

«Мы не можем обойтись без азербайджанской нефти, без туркестанского хлопка. Мы берем эти продукты, которые нам необходимы, но не так, как брали старые эксплуататоры, а как старшие братья, несущие факел цивилизации».

Григорий Зиновьев, *председатель
Петроградского Совета, 1919 год*¹

Андрей Александрович Захаров (р. 1961) – политолог, редактор журнала «Неприкосновенный запас», доцент Российского государственного гуманитарного университета.

ФЕДЕРАЛИЗМ С ИМПЕРСКОЙ СПЕЦИФИКОЙ

Описывая покорение британцами Индии, бенгальский автор конца XVIII века изображал механику этого процесса следующим образом:

«Два местных правителя борются за одну и ту же землю, и один из них [в ходе этого противоборства] решает обратиться к англичанам. [...] Англичане на своих условиях подписывают с ним некий договор и в течение какого-то времени соблюдают его, параллельно вникая в управленческие и бытовые обыкновения той страны, а также знакомясь с имеющимися в ней соперничающими группировками. Затем, обучив местную армию и заручившись поддержкой одной из партий, они одолевают другую партию, мало-помалу проникают в страну и захватывают ее целиком»².

Действительно, вся эта выдающаяся эпопея, которая разворачивалась на рубеже XVIII и XIX столетий, представляла собой показательный пример того, как неспешную федерализацию осваиваемого политического пространства можно обратить в «ползучую» территориальную экспансию.

Ключевым словом в этом беглом, но пронизательном анализе оказывается «договор»: сотни подобных соглашений, будучи подписанными индийскими, арабскими, африканскими правителями с представителями британской короны, устанавливали на вверенных им землях квазифедералистскую модель распределения компетенций – и одновременно расширяли пределы

- 1 Цит. по: Геллер М., Некрич А. *Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней*. London: Overseas Publications Interchange, 1989. С. 166.
- 2 Этого автора звали Гулям Хуссейн Хан; его перу принадлежит знаменитая работа «Хроника новых времен» (1789), из которой и взят приведенный выше фрагмент. Цит. по: FERGUSON N. *Empire: How Britain Made the Modern World*. London: Penguin Books, 2004. P. 36–37. О «Хронике новых времен», недоступной пока в русском переводе, подробнее см.: *Siyar-ul-Mutakhkherin // Banglapedia: National Encyclopedia of Bangladesh* (<https://en.banglapedia.org/index.php?title=Siyar-ul-Mutakhkherin>).

британских владений. Присваивая себе вопросы обороны и дипломатии, англичане оставляли местным нотаблям практически все остальные сферы самоуправления, включая даже сбор налогов. В результате какой-нибудь малайский крестьянин или оманский рыбак могли вообще ни разу в жизни не встретиться с английским чиновником. Это было весьма удобно для королевской администрации и довольно соблазнительно для ее клиентов, не только резервировавших за собой широкую управленческую свободу, но и заручавшихся эффективной защитой от внешних посягательств. Более того, о приобретении к подобному «имперскому федерализму» потенциальные подданные зачастую настойчиво просили сами: например, на рубеже 1870–1880-х племенные вожди дуала, проживавшие на побережье залива Камерун, неоднократно и настойчиво предлагали свои земли Великобритании, заявляя о своей готовности подчиниться английскому праву и британской короне. И подобных случаев было много, причем не только в Африке.

Несмотря на то, что народу дуала в желаемом было отказано – по свидетельству местных вождей, именно из-за того, что англичане обидно пренебрегли их просьбами, им пришлось в 1884 году перейти под покровительство германского кайзера³, – методики подобного рода применялись строителями Британской империи не раз и не два. В частности, именно таким было включение в геополитическую орбиту Лондона соседствующей с индийскими землями Малайи, некоторым княжествам которой ради приращения английских владений нарочито предоставили статус «федерируемых» территорий⁴. (Кстати, познакомившись некогда с моделью «имперского федерализма по-британски» и оценив ее, нынешняя Малайзия и сегодня остается федеративным государством.) Если же говорить о других частях света, то без использования квазифедералистского инструментария едва ли удалось бы обеспечить финальную интеграцию в состав британских владений как бурских республик Южной Африки, так и франкофонных земель Канады.

Намек, содержащийся в этих историях, вполне прозрачен. Сочетая инструменты самоуправления и разделенного правления и, таким образом, покоряя иные народы как бы «нежно» и «не до конца», архитекторы имперских государств могли менять контуры своих владений на географических картах. Иначе говоря, федералистский по сути этос вдруг оказывался востре-

3 О перипетиях торгово-политического соперничества между Британией и Германией, закончившегося в 1884 году немецкой аннексией Камеруна, см.: FANSO V.G. *Trade and Supremacy on the Cameroon Coast, 1879–1887* // НЗЕУМА М. (Ed.). *Introduction to the History of Cameroon: Nineteenth and Twentieth Centuries*. New York: St. Martin's Press, 1989. P. 63–87.

4 Подробнее о формировании и эволюции колониальной малайской федерации см. в моей статье: ЗАХАРОВ А. *Федерализм по-азиатски: Россия и Малайзия в сравнительной перспективе* // Он же. «Спящий институт»: федерализм в современной России и в мире. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 61–79.

бованным теми, кто стремился обогатить себя новыми территориями. Разумеется, такое положение дел выглядит возмутительным парадоксом: ведь федеративный принцип придумали для рассредоточения власти – то есть для поддержания свободы, а не облегчения порабощения. (Вот уж воистину прав Николай Бердяев: «Всякая объективация есть ложь»⁵ – и федерализм, по-видимому, не исключение, как ни горько это признавать.) Интересно то, что он помогал не только создавать империи, но и поддерживать их в рабочем состоянии – об этом красноречиво свидетельствует все тот же британский опыт. В частности, после злополучного расставания с частью своих североамериканских земель Англия была вынуждена пересмотреть взаимоотношения с колониальными анклавом, основанными белыми поселенцами. Лозунг «No taxation without representation» был, наконец, услышан: это произошло в конце 1830-х после нашумевшего доклада лорда Дарэма о путях умиротворения расколотою надвое Канады. В то время как поселенческим колониям решили обеспечить представительство, которого им не хватало прежде, в остальных владениях непосредственное присутствие колониальных администраторов по возможности сводили к минимуму, последовательно расширяя компетенции местных правителей; ведь, как пронципально отмечал Джон Стюарт Милль, «деспотизм людей, которые вовсе не знают подвластного народа, по всей вероятности, будет хуже деспотизма тех, кто его знает»⁶. Подобные инициативы породили феномен, известный как «имперская федерация»: представляя себя миру, этот конструкт оставался империей, но в особенностях своей внутренней механики – прежде всего в целенаправленном рассредоточении власти – весьма походил на федеративное государство⁷.

После крушения имперских порядков федерации, образовавшиеся на обломках многонациональных централизованных гигантов, присвоили себе прежние способы территориального расширения. Но если в имперский век экспансия реализовалась в двух вариантах – либо как грубый силовой захват, либо как деликатное мирное вовлечение в договорные отношения, – то после 1945 года и начала обвальнoй деколонизации жизнеспособным остался только второй из этих способов. Именно это позволило Уильяму Райкеру в 1960-е объявить федерализм единственным пригодным для современного мира легальным средством присоединения новых территорий. Более того, под-

5 Бердяев Н. *Самопознание. Опыт философской автобиографии*. М.: Международные отношения, 1990. С. 284.

6 Милль Д.С. *Рассуждения о представительном правлении*. Челябинск: Социум, 2006. С. 357.

7 О федеративных экспериментах Британской империи подробнее см.: BURGESS M. *The British Tradition of Federalism*. London: Leicester University Press, 1995.

черкивал Райкер, это «эффективная форма территориального расширения, поскольку новые члены вовлекаются в федерацию таким образом, что их территориальная идентичность не теряется, а правители сохраняют свои посты»⁸. Следствие, которое вытекает из этого сужения наличных опций, вполне понятно: спрос на федерализм оживляется в тех сферах, где в былые времена его и ожидать было нельзя – а именно, среди державников, империалистов и экспансионистов.

Сочетая инструменты самоуправления и разделенного правления и, таким образом, покоряя иные народы как бы «нежно» и «не до конца», архитекторы имперских государств могли менять контуры своих владений на географических картах. Федералистский по сути этос вдруг оказывался востребованным теми, кто стремился обогатить себя новыми территориями.

Поскольку любая федерация, по дефиниции своей, является добровольным союзом, новоявленный «федералистский империализм» придает огромное значение юридическим формальностям: отныне территориальное поглощение не должно выглядеть как неприглядное насилие – присоединение любых «новых территорий» должно обставляться набором изощренных церемониальных нюансов, регламентируемых легально. Уместно заметить, что в любом федеративном государстве есть специальное законодательство, которое регулирует возможное вступление в состав федерации новых субъектов; причем размер здесь не имеет значения – федеративное пространство, подобно имперскому, предрасположено к расширению по самой своей природе. Поэтому даже Непал – одна из самых миниатюрных федераций мира – в своем законодательстве устанавливает, что его изначальная территория способна «расширяться за счет земель, которые могут быть приобретены государством после вступления [федеративной] Конституции в силу»⁹. Стороннему наблюдателю остается лишь догадываться, откуда по соседству с этим маленьким политическим образованием, зажатым между Индией и Китаем, могут взяться претенденты на вступление в непальскую федерацию, но тут важным представляется именно сам принцип: любая федерация, даже крошечная – это потенция экспансии.

⁸ RIKER W.H. *Federalism: Origin, Operation, Significance*. Boston: Little, Brown and Company, 1964. P. 40.

⁹ КОРОЛЬКОВ В. *Федерализм в Гималаях: трудное обновление государственности в Непале* // Неприкосновенный запас. 2021. № 5(139). С. 168.

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ВПЛОТЬ ДО РАСТВОРЕНИЯ

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
ФЕДЕРАЛИЗМ И ЭКСПАНСИЯ

История той части мира, которая после Второй мировой войны начала интенсивное вызволение из-под колониальной власти, являет несколько примеров того, как это работало на практике.

В начале 1950-х императорская Эфиопия, очень хотевшая включить в свой состав только что освобожденную от итальянской оккупации Эритрею – приобретение этой бедной полоски земли означало бы для страны выход к морю и получение всех сопутствующих этому благ, – переформатировала себя в федеративное (пусть и имперское) государство. Такой путь, как объясняли Аддис-Абебе в молодой Организации Объединенных Наций, был единственно возможным: ведь эритрейцы отнюдь не скот, который можно на веревке тащить куда угодно¹⁰. Иначе говоря, добровольный союз, сопровождавшийся взаимными двусторонними обязательствами, полностью вписывался в триумфальное шествие самоопределения народов, характеризовавшее послевоенное десятилетие. Щедрые посулы эфиопов (а также сочувствовавших им американцев) вкупе с федеральной перелицовкой монархии, состоявшейся в 1952 году, заставили эритрейскую элиту пренебречь иными опциями суверенного бытия: она не стала провозглашать независимость (как хотели бывшие колонизаторы-итальянцы) и не разделилась по конфессиональному признаку с последующим уходом христиан в императорскую Эфиопию, а мусульман в англо-египетский Судан (как предлагали британцы). Однако, «съев» Эритрею, монархия Хайле Селассие I «переварила» ее менее чем за десять лет, в начале 1960-х свернув федерализм и вновь объявив себя унитарным государством¹¹. Федералистский «фокус-покус» эфиопского негуса можно было бы считать удачно проведенной экспансионистской акцией, если бы не сопряженные с ним издержки. Дело в том, что в начале 1950-х эритрейское население делилось между сторонниками провозглашения независимости и вхождения в Эфиопию примерно поровну, но федералистский урок, который «двуединая» монархия преподнесла эритрейцам, изрядно ожесточил их. К концу 1960-х националистические сантименты вытеснили из местного общественного сознания все альтернативные ориентации, в Эритрее сложилось мощное сепаратистское движение, а еще через четверть века страна вооруженным путем добилась независимости.

10 Эта образная логика воплощалась в скупом языке правовых актов. См., в частности, Резолюцию Организации Объединенных Наций по Эритрее от 2 декабря 1950 года: *История Африки в документах, 1870–2000*. М.: Наука, 2007. Т. 2 («1919–1960»). С. 391–392.

11 Подробнее об этом см.: Goumenos T. *The Pyrrhic Victory of Unitary Statehood: A Comparative Analysis of the Failed Federal Experiments in Ethiopia and Indonesia* // Kavaliski E., Zolkos M. (Eds.). *Defunct Federalisms: Critical Perspectives of Federal Failure*. Aldershot: Ashgate, 2008. P. 31–45.

На этот момент стоит обратить внимание всем, кто всерьез полагается на экспансионистский потенциал федеративных союзов. Как правило, инструментальное использование федерализма отличает неполноценные, декоративные и дефектные федерации; это означает, что, добившись своих целей, экспансионисты обычно сворачивают разговоры о союзном равноправии и рассредоточении власти, переходя к привычному для них дискурсу «вертикальных порядков», а иногда и вовсе отказываясь от федерации. Но именно здесь их подстерегает неприятность. Вкусив плоды автономного существования, уважительного отношения и политической субъектности, та или иная общность едва ли с легкостью откажется от подобных благ. Настойчиво предлагая кому-то федеративный союз, а потом резко разрывая оговоренный контракт, актор-экспансионист повергает обманутых и разочарованных в политическую фрустрацию. Одна из тонкостей заключается в том, что интересующие нас союзы заключаются *свободно*; федерация – открытая дверь, в которую при желании может войти любой страждущий. Более того, иногда неопиту предлагают с такой же легкостью и покинуть союз, «если вдруг не понравится»: в ныне здравствующей эфиопской федерации, кстати, предусмотрено право свободного выхода субъектов – ровно такое же, какое существовало в СССР, о чем будет сказано ниже. Но с началом попятного движения дверь громко захлопывается: из унитарного, имперского, авторитарного образования так просто уже не уйдешь. А вот это, накладываясь на обманутые ранее надежды, чревато уже войной.

В указанном смысле весьма показателен опыт еще одного африканского государства, также экспериментировавшего с федерализмом ради приращения собственных территорий. Речь идет о Республике Камерун, на протяжении шести десятилетий собственной истории тоже успевшей (и опять-таки причудливо) побывать в разряде федераций. В 1922 году камерунские земли, отобранные Антантой у проигравшей мировую войну кайзеровской Германии, превратились в две подмандатные территории, одна из которых управлялась французами, а другая – англичанами. Кусок, доставшийся Парижу, в территориальном и демографическом плане превышал добычу Лондона примерно в пять раз. Колонизаторы, в принципе, не делали из такого диспаритета большой проблемы: как известно, где-то убывает, а где-то, напротив, прибывает. Но подобное положение вещей тревожило местных борцов за независимость, которые на рубеже 1950–1960-х очень опасались отчуждения англофонов от франкофонов. Во второй половине 1950-х политическое избавление от европейских хозяев стало программным лозунгом националистов в обеих частях Камеруна. Но при этом будущее

своих территорий виделось им по-разному. Англоговорящие предпочитали либо мелкое, но независимое государство (Лондон был не в восторге), либо присоединение к соседней Нигерии, где тоже говорили по-английски (Лондон не возражал). Франкофоны же хотели незамедлительно приступить к строительству новой самостоятельной африканской нации, избавившейся от колониальных цепей, – с приглашением к участию в этом предприятии англоговорящих собратьев (Париж был в восторге). Иначе говоря, интересы камерунских общин, маленькой и большой, довольно резко расходились.

Именно на этом этапе франкофоны во главе с молодым харизматичным политиком Ахмаду Ахиджо обратились к федералистскому сценарию, которому предстояло выполнить функцию «наживки» в соблазнении англоговорящих элит. Новоявленный государственный руководитель понимал, что слияние двух, довольно разных, частей страны создаст в будущем проблемы, но тем не менее был готов разыграть федералистскую партию: он понимал, что в противном случае ему не удастся выполнить судьбоносную миссию – присвоить британское наследство, которое вот-вот должно было остаться бесхозным после ухода колониальных властей из Британского Камеруна¹². Будущему диктатору – а Ахиджо, как нередко бывает в Африке (и не только там), задержался у власти на десятилетия – предстояло разыграть многоходовую комбинацию: ему нужно было сначала выдать себя за истового федералиста, потом убедить своих англоязычных партнеров в том, что для них нет более выгодного варианта, нежели объединение двух частей Камеруна на федеративных основаниях, а затем понемногу свернуть интеграционный проект и перейти, как и в большинстве освобождающихся от колониализма стран, к каноническому унитаризму.

Собственно говоря, именно так все и получилось. При учреждении федерации, состоявшейся в 1961 году, англоговорящий Камерун получил пакет обещаний, который вроде бы должен был обеспечить его процветание в будущем союзном государстве. Но уже через несколько лет среди бывших подданных Британского Камеруна утвердилось убеждение, что их колонизируют повторно – на этот раз, правда, не белые, а «свои». Президентская администрация постоянно сталкивала представителей англоязычной элиты между собой, не позволяя им консолидировать свои переговорные позиции и высту-

12 TORRENT M. *Diplomacy and Nation Building in Africa: Franco-British Relations and Cameroon at the End of Empire*. London: I.B. Tauris, 2012. P. 17. О камерунском опыте «имперского федерализма» см. также: FEGUE C. *The Games Elites Play: Notes towards an Elite-Focused Understanding of the Failure of the Federal Republic of Cameroon (1961–1972)* // KAVALSKI E., ZOLKOS M. (Eds.). *Op. cit.* P. 59–70; STARK F.M. *Federalism in Cameroon: The Shadow and the Reality* // *Canadian Journal of African Studies*. 1976. Vol. 10. № 3. P. 423–442.

пать единым фронтом: ведя диалог с Ахиджо, бывший Британский Камерун никогда не говорил одним голосом. Дальнейшее было уже делом техники. В середине 1960-х президент ввел в стране однопартийную систему, что выбило из-под федеративной государственности одну из ее главных опор – региональные партии, а в мае 1972-го объявил, что федерализм Камеруну вообще больше не нужен. Проект новой унитарной Конституции вынесли на голосование уже через десять дней после его обнародования; в ходе народного волеизъявления к урнам явились 99% зарегистрированных избирателей, из которых 99% высказались за упразднение федерации. Федерация в Камеруне просуществовала немногим более десяти лет; ее свернули сразу после того, как франкофонная часть страны «проглотила» англоговорящую.

Вкусив плоды автономного существования, уважительного отношения и политической субъектности, та или иная общность едва ли с легкостью откажется от подобных благ. Настойчиво предлагая кому-то федеративный союз, а потом резко разрывая оговоренный контракт, актер-экспансионист повергает обманутых и разочарованных в политическую фрустрацию.

Важно, однако, что на этом, как и в эфиопском случае, история не закончилась. Франкофонным элитам – и стране в целом – также пришлось расплачиваться за безответственный отказ от федерализма, состоявшийся несколько десятилетий назад. Тихое негодование, нараставшее в последующий период на окраинах, прежде находившихся под опекой Лондона, сначала привело к вызреванию разнообразных конвенциональных форм протеста, а с 2017 года обернулось так называемым «англизычным кризисом»: с этого момента территории, на которых проживают англоговорящие граждане Камеруна, охвачены масштабной смутой, не утихающей уже несколько лет и напоминающей самую настоящую гражданскую войну.

ПРАВО НА ВЫХОД

Удивительные перипетии, сопровождавшие обращения африканских лидеров к федерализму, неожиданно, но логично обращают нас к опыту СССР. Бесспорно, в двух описанных кейсах меньшинства оказались обманутыми; но надо иметь в виду,

что при создании многонационального (или многоязыкового) государственного союза такая опасность присутствует всегда. В процессе образования советской федерации большевики, подобно камерунскому президенту или эфиопскому негусу спустя десятилетия, тоже считали федерализацию вынужденной и временной задумкой, от которой по мере ниспровержения мировой буржуазии можно будет отказаться. Но проблема заключалась в том, что победить капиталистов, не опираясь на помощь «трудящихся и освобожденных» народов, было невозможно. А это превращало советскую федерацию в проект, по-настоящему судьбоносный: территория планеты, над которой реяло «красное знамя труда», могла расширяться лишь преумножением участников, один за другим вливающихся в «свободное объединение народов». Срыв этой классово мотивируемой экспансии представлялся невысказанным, ибо он обрушил бы всю конструкцию мировой революции. И хотя национальные меньшинства бывшей Российской империи были в основном готовы принять то, что Уильям Райкер метко назвал «взяткой федерализма» (*the bribe of federalism*)¹³, им все-таки требовались четкие гарантии, что сделка окажется добросовестной. В итоге такие гарантии были получены: после того, как сталинский план «автономизации» был свернут в угоду ленинскому плану «федерализации», в этом качестве выступило право свободного выхода из СССР – для федеративных объединений невиданное¹⁴.

«Ни одна федеральная Конституция не содержит норм, санкционирующих односторонний выход из федерации, – писал Кеннет Уэйр в середине 1940-х. – Среди квазифедеральных конституций только советская предоставляет регионам право на отделение»¹⁵. Безусловно, у английского классика был повод удивиться – но ведь и большевиков можно понять. Они прекрасно знали, что быть в меньшинстве в многоэтничном мире, где господствуют большие *nation-states*, страшновато: как не раз свидетельствовала история, с этническими меньшинствами разное может случиться. Кроме того, было еще и право на самоопределение, которое оставалось дорогим коммунистическому сердцу: ведь именно с его помощью крушились бастионы колониальных империй; его тоже нельзя было в одночасье выбросить на свалку истории – тем более, что колоний оставалось еще в избытке. Но совмещение экспансионистских планов с парадом самоопределений – очень и очень непростая задача. Именно из этого странноватого сплава и родилась идея свободного выхода.

13 RIKER W. *Op. cit.* P. 39.

14 Подробнее см.: Геллер М., Некрич А. *Указ. соч.* С. 159–166.

15 WHEARE K.C. *Federal Government*. New York; London: Oxford University Press, 1947. P. 91.

Таким образом, территориальная экспансия, облакаемая в федералистские формы, может твориться либо «беззастенчиво», как было у некоторых постколониальных африканских лидеров, либо «с затеями», как было у основателей СССР. Беда, однако, заключается в том, что исход в обоих случаях оказывается одним и тем же. Если обхаживаемые территориально-этнические общности попытаться неприкрыто обмануть, сначала пообещав им полнейшее самоуправление, а потом впихнув вместо этого в унитарную «вертикаль власти», то они рано или поздно воспротивятся и отомстят. И Эфиопию, и Камерун постигла именно такая судьба: сегодня им приходится расплачиваться за грехи прежних руководителей. А если же не обманывать, а напротив, выдать волшебный – и бессрочный! – билет на выход, то когда-нибудь верх возьмет соблазн этим правом воспользоваться. «Спящие» институты – опасная вещь; они способны просыпаться невовремя, и с Советским Союзом получилось именно так. Кстати, стоит еще подумать, какой исход хуже.

Если обхаживаемые территориально-этнические общности попытаться неприкрыто обмануть, сначала пообещав им полнейшее самоуправление, а потом впихнув вместо этого в унитарную «вертикаль власти», то они рано или поздно воспротивятся и отомстят.

Впрочем, мог ли молодой СССР позволить себе не даровать народам, вступающим в его социалистическую семью, подобную льготу? Такое трудно себе представить, ибо в этом случае мир «свободного труда» перестал бы отличаться от мира «империалистического гнета». Рассчитывая распространить свою доктрину на все человечество, коммунисты просто обязаны были противопоставить свои проекты старым политическим формам, и именно это делало большевистскую федерацию уникальной. Промашкой же ее создателей стало то, что свертывание экспансионистской лихорадки «мировой революции» не было подкреплено одновременным упразднением права на свободное расставание с Союзом.

* * *

Подведем итоги. Как выяснилось, федерализм – прекрасное политическое приспособление, придуманное для того, чтобы чрезмерная власть не сосредотачивалась в одних руках, – мож-

но применять и для других, менее возвышенных надобностей. Предотвратить подобные опыты невозможно: экспансионистский потенциал федерализма настолько очевиден, что политическим циникам просто грех им не пользоваться. И они не раз это делали: в небольшом тексте получилось упомянуть лишь малое число примеров. Но, чем шире задействуется подобный инструментарий, тем более внушительные авансы приходится выдавать территориально-этническим общностям, вливающимся в «семью»: предельным из таких обещаний выступает право беспрепятственно покинуть государственный союз, если что-то пойдет не так.

Большевики не хотели уподобляться приверженцам отживающих общественно-политических систем – и выбрали именно такой путь, ибо никому и в голову не приходило, что из коммунистического рая можно захотеть убежать. (Гегель был прав: история, в том числе библейская, никого ничему не учит.) Совокупный результат эксперимента оказался удручающим: сполна были исчерпаны оба ресурса обсуждаемой модели – и собрание союза до шестой части суши, и его разбирание за пару месяцев.

Коммунистических руководителей давно нет с нами, Хайле Селассие и Ахмаду Ахиджо – тоже, но федерализм никуда не делся. Его экспансионистский потенциал в современном мире не только может применяться, но и активно применяется. Нам же осталось только посмотреть, чем все это завершится на сей раз.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
ФЕДЕРАЛИЗМ И ЭКСПАНСИЯ

Революция и федерация. Избранные места из дискуссий 1917–1923 годов

Федералистский проект, запущенный большевиками в 1922 году, возник не спонтанно и не одновременно. Ему предшествовала довольно бурная общественная дискуссия о вреде и пользе федерализма, начавшаяся еще после первой русской революции 1905–1907 годов и ставшая особенно горячей и острой после того, как свергнутая монархия демократическая Россия взялась за ревизию несущих конструкций своего политического бытия. Интересно, что дебаты не прекратились и после того, как Временное правительство пало – просто теперь о федерализме спорили большевики-романтики и большевики-прагматики, причем некоторые из них, пересматривая свои былые позиции, демонстрировали чудеса «марксистской диалектики». Обращение к этим дискуссиям весьма поучительно; именно поэтому мы решили предложить читателю подборку полемических текстов о сути и назначении федерализма, собранных из источников 1917–1923 годов. [НЗ]

АРХИВ «НЗ»

Желательна ли в России федерация?¹

АЛЕКСАНДР
ЯЩЕНКО

Федерализм есть компромиссная политическая теория. Федеративный строй представляет собой одну из стадий в развитии политических форм, промежуточную ступень между полным разъединением и органическим объединением. В отдельных исторических случаях он может оказаться или еще недостигнутой, или уже перейденной формой. Федеративная теория может поэтому преследовать как цели политического объединения и примирения, имея в виду соединение дотоле независимых государств, так и цели политического разделения и раздробления, имея в виду разрыв на самостоятельные части уже организованного единого государства.

Россия до сих пор была единой империей, и федерализм не в традициях нашей истории; поэтому федеративные движения носили у нас теоретический характер, практическое же значение их до сих пор было очень слабо.

В общем можно указать три главных источника федеративных течений в России: 1) анархический федерализм Герцена и Бакунина и революционного народничества; 2) националистические движения вошедших в Российскую империю народностей; 3) украинофильство.

Из больших наших политических партий федерализм как политическое требование выставлен лишь в программе партии социалистов-революционеров, признающей «возможно более широкое применение федеративного начала к отношениям между отдельными национальностями». В данном случае сказалось влияние идейных отцов революционного народничества. Последовательными федералистами, доходившими даже до чистого анархизма, были и Герцен, и Бакунин, как известно, воспринявшие в данном случае анархо-федералистские идеи Прудона. Революционное народничество, возведя в политический идеал русскую общину (коммуну), естественно, в области политических теорий оказалось родственным анархо-федералистскому коммунизму.

Федеративное движение сказалось также у нас в различных окраинных областях с нерусским населением; так федерализм входит в программу литовской демократической партии, тре-

Александр Семенович Ященко (1877–1934) – русский правовед и философ, теоретик федерализма, на момент написания статьи профессор Пермского университета, впоследствии эмигрант.

1 Текст представляет собой раздел брошюры: Ященко А. *Что такое федеративная республика и желательна ли она для России?* М.: Московская просветительная комиссия при Временном комитете Государственной Думы, 1917. С. 26–31. Текст приведен редакцией в соответствии с нормами современной орфографии.

бующей автономии Литвы с сеймом в Вильне. К федерализму склонны некоторые партии на Кавказе. Существует грузинская партия социалистов-федералистов. Армянская партия «Дашнакцутюн» признала федерализм принципом всеобщей политической организации. Наконец, некоторую склонность к федерализму можно найти также и у некоторых сибирских автономистов.

Наконец, к федерализму склоняются и некоторые круги малорусского населения. Еще в 1880-е годы Драгомановым была сделана попытка придать издавна существовавшему «украинофильству» определенный федералистский характер, сводившийся к стремлению создать новую национальную и всеобъемлющую «украинскую» культуру, которая должна была бы войти в общерусскую федерацию. Этот федерализм внезапно сильно проявил себя в нынешнюю революцию.

Отрицательно к федерализму относятся две наши главные государственные демократические партии: конституционалисты-демократы и социал-демократы; в программе и тех и других говорится о самоуправлении и праве народов на культурное самоопределение, но ничего не говорится о федерализме. И действительно, федеративная идея противоречит общему государственному духу этих партий.

Мы высказали уже наше мнение о ценности и значении федеративных форм: являясь желанными для внесения порядка в те отношения, которые находятся еще в периоде анархии, эти формы сами по себе далеки от совершенства, они лишь компромисс, лишь меньшее из зол. Федеративная форма вся построена на соглашениях, на взаимных уступках, она очень хрупка, неустойчива и слаба; для своего существования она требует совсем исключительного духа законности и привычки населения к повиновению законам и – в особенности – к решениям беспристрастного и нейтрального суда, разрешающего споры между центральной и местными властями. Но даже и у народов, наиболее способных подчиняться законам и судебным решениям, мы видим неизменную эволюцию к образованию унитарного государства.

Мы не думаем, что есть основание менять этот общий взгляд на федерализм специально по отношению к России. Жизнеспособный федерализм есть выражение роста унитарной идеи; в России же федерализм мыслим лишь как раздробление единой верховной власти, и потому он должен быть безусловно осужден.

Разумеется, унитарное устройство государства и политический централизм не одно и то же, и следует постоянно различать политическую децентрализацию от федерализма. Самоуправление есть самодеятельность общества, есть усиление

гражданской энергии, есть сила, устойчивость и жизненность общественного порядка, ибо оно создает интенсивную жизнь не в одном каком-нибудь центре, а во всей стране. Всякий же национальный, раздробляющий федерализм есть лишь крайнее выражение провинциализма, пережитой стадии политической жизни человечества, где областные различия стремятся бороться против более высокой и совершенной формы государственного бытия. Осуществлять путем федерализма национальную программу значило бы повернуть назад весь исторический ход человечества. Федерализм есть *движение*; если он возникает из единого раньше государства, то это есть движение по пути распада, разложения прежнего государства; если же он возникает из союза прежде независимых государств, то он есть движение по пути создания единого государства. Те, кто предлагает федерализацию России, должны это твердо помнить и ясно сознавать, что они призывают на путь разделения России на ряд независимых государств.

Федеративная форма построена на соглашениях, на взаимных уступках, она очень хрупка, неустойчива и слаба; для существования она требует совсем исключительного духа законности и привычки населения к повиновению законам и решениям беспристрастного и нейтрального суда.

Глубокую и блестящую оценку последствий применения федерализма к русскому государственному устройству дал в свое время известный декабрист Пестель в своей «Русской Правде». По мнению Пестеля, федеративное устройство представило бы следующие неудобства:

«Верховная власть в таком государстве по существу дела не законы дает, но только советы, ибо не может иначе привести свои законы в исполнение, как посредством областных властей, не имея особенных других принудительных средств. Ежели же область не захочет повиноваться, то, дабы к повиновению ее принудить, надобно междоусобную войну завести, из чего явствует, что в самом коренном устройстве находится уже семя к разрушению. Особые законы, особый образ правления и особые от того происходящие понятия и образ мыслей еще более ослабят связь между разными областями. На верховную же власть будут области смотреть как на вещь нудную и неприятную, и каждое областное правительство будет рассуждать, что оно бы гораздо лучше устроило государственные дела в отношении к своей области, без участия

верховой власти. Вот новое семя к разрушению. Каждая область, составляя в федеративном государстве, так сказать, маленькое отдельное государство, слабо к целому привязано будет и даже во время войны может действовать без усердия к общему составу государства, особенно если лукавый неприятель будет уметь прельстить ее обещаниями о каких-нибудь особенных для нее выгодах и преимуществах. Частное благо области, хотя и временное, однако же все-таки сильнее действовать будет на воображение ее правительства и народа, нежели общее благо всего государства; не приносящее, быть может, в то время очевидной пользы самой области. Слово "государство" при таком образовании будет слово пустое, ибо никто нигде не будет видеть государства, но всякий везде только свою частную область, и потому любовь к отечеству будет ограничиваться любовью к одной своей области. Что же в особенности касается до России, то, дабы в полной мере удостовериться, до какой степени федеративное образование государства было бы для нее пагубно, стоит только вспомнить, из каких разнородных частей сие огромное государство составлено. Области его не только различными учреждениями управляются, не только различными гражданскими законами судятся, но совсем "различными языками" говорят, совсем различные веры исповедуют, жители оных различные происхождения имеют, к различным державам некогда принадлежали; и потому ежели сию разнородность еще более усилить через федеративное образование государства, то легко предвидеть можно, что сии разнородные области скоро от коренной России тогда отложатся и она скоро потеряет тогда не только свое могущество, величие и силу, но даже, может быть, и бытие свое между большими или главными государствами... А посему, соединяя все сии обстоятельства в общее соображение, постановляется коренным законом Российского государства, что всякая мысль о федеративном для него устройстве отвергается совершенно, яко пагубнейший вред и величайшее зло. Избегать надлежит всего того, что посредственно или непосредственно, прямо или косвенно, открыто или потаенно к таковому устройству государства вести бы могло».

Национальность и союзный строй (федерация)²

МИХАИЛ
РЕЙСНЕР

Вопрос о национальности не надо смешивать с другим – о необходимом самоуправлении или даже об автономном устройстве на местах. Право национальной свободы, принадлежащее каждому гражданину, еще в гораздо большей степени принадлежит массе граждан, живущих в тех или иных областях. Но, когда мы будем рассматривать дело устройства новой России, мы должны здесь принять во внимание более важные начала, нежели национальность.

Духовная культура – вещь необходимая, она дает смысл всему нашему существованию. Но она мыслима только там, где уже существует культура материальная: нищий и голодный, больной или измученный работой не способен ни к какой духовной культуре – его прежде всего надо накормить и дать ему отдых.

Так и при устройстве государства. Процветание наук и искусств, даже в самом национальном духе, вещь превосходная: в своей духовной культуре народ созидает великие сокровища на утешение всем людям. Но опять-таки – духовной культуре должна предшествовать материальная, иначе духовная культура станет уродливой и больной или же погибнет вовсе.

Конечно, бывали случаи, когда в деспотических странах рабовладельцы создавали утонченную и подчас изящную национальную культуру. Так иногда на жирном навозе и падали вырастают удивительно красивые и яркие цветы, но в них почти всегда скрывается яд разложения и заразы – гнилое дерево часто светится особым светом.

Некогда и у нас на Руси были пророки больной культуры, гнилой национальности. Выросшие на ужасах крепостного права, писатели-славянофилы считали вполне возможным сочетать нищету и грязь с высоким развитием духа. Многие из них даже утверждали, что у русского человека душа тем становится чище и лучше, чем мучительнее страдает его тело от грязи, побоев и болезней!

Эти писатели-славянофилы находили даже, что весь смысл нашей духовной красоты заключается в рабских добродетелях, смирении и послушании, глупости и простоте; хотели предста-

Михаил Андреевич Рейснер (1868–1928) – русский и советский правовед, на момент написания статьи приват-доцент Санкт-Петербургского университета, один из разработчиков Конституции РСФСР 1918 года, автор Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви.

2 Текст представляет собой раздел брошюры: РЕЙСНЕР М. *Революция и федерация*. Пг.: Книгоиздательство Белопольского, 1917. С. 25–32. Текст приведен редакцией в соответствии с нормами современной орфографии.

вить, будто высший образец для русского человека – слюнявый и смиренный юродивый, Иванушка-Дурачок, который безропотно переносит кнут и цепи или же беспомощно обливает их своими чистыми слезами.

Хотели уверить нас, будто только в позоре и мучении, распятый, подобно Христу на кресте, под терновым венцом рабства и палкой мучителей русский народ единственно может достичь национального совершенства, стать народом-богоносцем, носителем вселенской правды.

Понятно отсюда, что некоторые из этих национальных пророков сделали еще один шаг, и, чтобы поднять русский народ до величайшего совершенства, они предложили прямо заколотить его в гроб и упрятать в могилу: «Россию надо заморозить», – сказал один из них, г-н Леонтьев.

Мы рассуждаем иначе, мы желаем, чтобы национальным благом были не смирение, а достоинство, уважение к себе и другим. Мы стремимся к созданию песен счастья, а не безысходного горя, мы жаждем ярких цветов, полных звуков, светлой мысли, прекрасных видений.

Такую культуру может дать лишь здоровый человек, полный надежды и сил, человек общественного труда и общественного братства.

Вот почему на первый план мы ставим *хозяйственную организацию местности* и желаем, чтобы для разделения России на области, для устройства самоуправления были приняты во внимание прежде всего хозяйственные интересы. С этой точки зрения нельзя управлять Сибирью из Петрограда, а Кавказом – из Москвы, но вся страна должна быть разделена так, чтобы народные богатства и народный труд в каждой области получили свое выборное управление, чтобы народное хозяйство в каждой области нашло своего хозяина и областной народ мог бы заведывать всем, что касается его области: дорогами, рынками и промышленным надзором, земледельческой помощью, фабричной инспекцией, общественными банкам и казной, кооперативами и так далее.

И, подобно областному народу, так же должен поступить народ губернии, уезда, волости, города и сельского общества. Все, что не касается общины, должно быть передано уезду; все, что не касается уезда, должно быть передано губернии; все, что непосредственно не подлежит губернии, передается в распоряжение области. Так обществу должна быть предоставлена самая широкая власть; община ближе всего к народу, а народ есть первый и главный источник всякого благосостояния и материальной культуры.

Лишь после решения вопроса о хозяйственном самоопределении могут быть подняты вопросы о *самоопределении нацио-*

нальном. Не беда, если в силу хозяйственной необходимости область получит границы, которые не совсем совпадают с пределами национального расселения. В свободной стране национальные права отнюдь не должны быть привязаны к определенному клочку земли. Но, конечно, представляет большие удобства совмещение хозяйственного самоуправления со средоточием определенной народности. Единство духовной культуры сильно поможет и хозяйственному процветанию.

Не беда, если в силу хозяйственной необходимости область получит границы, которые не совсем совпадают с пределами национального расселения. В свободной стране национальные права отнюдь не должны быть привязаны к определенному клочку земли.

Насколько важно не увлекаться одной национальностью, показывает хотя бы тот факт, что образование на русских окраинах независимых государств из тамошних народностей привело бы прямо к чудовищному результату: земледельческая Россия оказалась бы отрезанной от всех морей – в одном месте киргизской республикой, в другом казацкой, в третьем украинской, с запада латышской и эстонской, – и ей для вывоза остался бы Ледовитый океан. Пожалуй, тогда сбылись бы и пожелания русского националиста г-на Леонтьева!

Не менее важным, чем хозяйственное разделение, является *политическое самоуправление в республике*. Как мы видим на примере великих демократий, там почти везде укрепился союзный строй, который состоит в том, что единая общая или союзная республика создает под своим главенством республики областные для того, чтобы этим путем ослабить тяжесть общенародной силы, распределить власть между столицей и местными соединениями в надлежащей пропорции и приблизить народную власть к ее великому источнику – самому народу.

Так, на основе прежде всего хозяйственного, а затем, где нужно, и национального начала создается *автономия местная*, политическая, которая состоит в том, что каждая местность – область, губерния, уезд – сама создает себе в рамках общего закона свои учреждения законодательные, правительственные и судебные, сама при их помощи издает себе законы и свою особую конституцию, заведует финансами, народным здравием, просвещением, полицией и всем, что представляет местный интерес.

И здесь опять-таки повторяется тот порядок, который так резко отличает собой союзный строй от всякого другого: *чем власть выше и дальше от народа, тем меньше ей доверено дел, чем власть ближе к народу на местах, тем шире ее круг ведомства, хотя она и ограничена территориальными (земельными) границами местного управления.* Такое разделение властей есть величайшая защита свободы.

Не национальность должна стоять на первом месте, а свобода. Только там, где господствует свобода, развивается и национальность, а следовательно, и духовная культура получает свое особое, неподражаемое выражение.

Ввиду этого так трудно было примирить вражду национальностей в Австрии и старой царской России, и так легко было это устроить в Американских Соединенных Штатах или в Швейцарии. Две последние республики попросту совсем не знают национального вопроса. Они прямо предоставили своим согражданам свободу и обеспечили ее союзным строем, автономией областей и широким самоуправлением.

И в результате в Швейцарии, а тем более в Америке, все народности и национальные культуры процветают, на свободной республиканской земле звучат речи всего мира, издаются газеты и обучают детей на всех языках, просвещают, пишут, играют на сцене, двигают науку и проповедуют в церквях члены всех национальностей во вселенной.

Национальный вопрос разрешается только свободой.

А свобода немыслима без союзного устройства, автономии и самоуправления.

Союзная республика освобождает все национальности.

В № 5 «Дела народа» появилась статейка: «Россия – союз областей». Предлагается в ней ни больше ни меньше, как превращение России в «союз областей», «федеральное государство». Слушайте: «Пусть федеральное Российское государство примет от отдельных областей (Малороссия, Грузия, Сибирь, Туркестан и т.д.) атрибуты суверенитета. [...] Но да даст оно отдельным областям внутренний суверенитет. Да будет создан предстоящим Учредительным собранием Российский союз областей».

Сказанное поясняет автор статейки (Иосиф Окулич) следующим образом:

«Пусть будет единая российская армия, единая монета, единая внешняя политика, единый верховный суд. Но да будут свободны в самостоятельном творчестве новой жизни отдельные области единого государства. Если американцы уже в 1776 году [...] союзным договором создали “Соединенные Штаты”, то неужели мы в 1917 году не можем создать прочного союза областей?»

Так говорит «Дело народа».

Нельзя не признать, что статейка во многом интересна и во всяком случае оригинальна. Заинтересовывает также ее тон, высокаторжественный и так сказать «манифестичный» («да будет», «пусть будет»!).

При всем том следует заметить, что в целом она представляет какое-то странное недоразумение, в основе же этого недоразумения лежит более чем легкое обращение с фактами из истории государственного строя Северо-Американских Соединенных Штатов (а также Швейцарии и Канады).

Что говорит нам эта история?

В 1776 году Соединенные Штаты представляли собой не федерацию, а конфедерацию дотоле независимых колоний или штатов. То есть были независимые колонии, но потом для защиты общих интересов против главным образом внешних врагов колонии заключили между собой союз (*конфедерация*), не переставая быть вполне независимыми государственными единицами. В шестидесятых годах XIX столетия происходит перелом в политической жизни страны: северные штаты требуют более прочного политического сближения штатов вопреки южным

Иосиф Виссарионович Сталин (1878–1953) – советский диктатор, на момент написания статьи один из лидеров партии большевиков.

3 Статья была опубликована в газете «Правда» 28 марта 1917 года. Текст печатается по изданию: Сталин И. В. *Сочинения*. Т. 3. М.: Государственное издательство политической литературы, 1946. С. 23–31.

штатам, протестующим против «централизма» и ратующим за старый порядок. Возгорается «гражданская война», в результате которой северные штаты берут верх. В Америке устанавливается *федерация*, то есть союз суверенных штатов, *делящих* власть с федеральным (центральным) правительством. Но такой порядок продолжается недолго. Федерация оказывается такой же переходной мерой, как и конфедерация. Борьба между штатами и центральным правительством не прекращается, двоевластие становится невыносимым, и в результате дальнейшей эволюции Соединенные Штаты из федерации превращаются в *унитарное* (слитное) государство с едиными конституционными нормами, с ограниченной автономией (не государственной, а административно-политической) штатов, допускаемой этими нормами. Название «федерация» по отношению к Соединенным Штатам превращается в пустой звук, пережиток прошлого, давно уже не соответствующий действительному положению вещей.

То же самое нужно сказать о Швейцарии и Канаде, на которые так же ссылается автор упомянутой статейки. Те же независимые штаты (кантоны) в начале истории, та же борьба за более прочное их объединение (война с Зондербундом в Швейцарии, борьба англичан с французами в Канаде), то же превращение в дальнейшем федерации в унитарное государство.

О чем же говорят эти факты?

Только о том, что в Америке, как и в Канаде, и в Швейцарии, развитие шло *от* независимых областей *через* их федерацию к унитарному государству, что тенденция развития идет не в пользу федерации, а *против* нее. Федерация есть переходная форма.

И это не случайно. Ибо развитие капитализма в его высших формах и связанное с ним расширение рамок хозяйственной территории с его централизующими тенденциями требуют не федеральной, а унитарной формы государственной жизни.

Мы не можем не считаться с этой тенденцией, если не беремся, конечно, повернуть назад колесо истории.

Но из этого следует, что неразумно добиваться для России федерации, самой жизнью обреченной на исчезновение.

«Дело народа» предлагает проделать в России опыт Соединенных Штатов 1776 года. Но есть ли хоть отдаленная аналогия между Соединенными Штатами 1776 года и Россией наших дней?

Тогда Соединенные Штаты представляли собой собрание независимых колоний, не связанных между собой и желавших связаться по крайней мере конфедеративно. И это их желание было вполне понятно. Представляет ли нынешняя Россия что-либо подобное? Конечно, нет! Для всех ясно, что области в России (окраины) *связаны* с центральной Россией экономи-

ческими и политическими узами и, чем демократичнее Россия, тем прочнее будут эти узы.

Далее. Для того, чтобы установить в Америке конфедерацию или федерацию, необходимо было *объединить* не связанные еще между собой колонии. И это было в интересах экономического развития Соединенных Штатов. Но для того, чтобы превратить Россию в федерацию, пришлось бы *порвать* уже существующие экономические и политические узы, связывающие области между собой, что совершенно неразумно и реакционно.

Наконец, Америка (так же, как и Канада, и Швейцария) разделяется на штаты (кантоны) не по национальному признаку, а по географическому. Там штаты развились из колоний-общин, независимо от их национального состава. В Соединенных Штатах имеются несколько десятков штатов, между тем как национальных групп всего семь–восемь. В Швейцарии существуют 25 кантонов (областей), тогда как национальных групп всего три. Не то в России. То, что принято в России называть областями, нуждающимися, скажем, в автономии (Украина, Закавказье, Сибирь, Туркестан и другие), есть не простые географические области вроде Урала или Поволжья, а определенные уголки России с определенным бытом и (не русским) национальным составом населения. Именно поэтому автономия (или федерация) штатов в Америке или Швейцарии не только не решает национального вопроса (она и не преследует такой цели!), но даже не ставит его. Между тем автономию (или федерацию) областей России для того, собственно, и предлагают, чтобы поставить и решить национальный вопрос в России, ибо в основе разделения России на области лежит национальный признак.

Не ясно ли, что аналогия между Соединенными Штатами 1776 года и Россией наших дней искусственна и нелепа?

Не ясно ли, что федерализм в России не решает и не может решить национального вопроса, что он только запутывает и усложняет его донкихотскими потугами повернуть назад колесо истории?

Нет, предложение проделать в России опыт Америки 1776 года положительно непригодно. Половинчато-переходная форма – федерация – не удовлетворяет и не может удовлетворить интересов демократии.

Решение национального вопроса должно быть настолько же жизненным, насколько радикальным и окончательным, а именно:

1) право на отделение для тех наций, населяющих известные области России, которые не могут, не хотят остаться в рамках целого;

2) политическая автономия в рамках единого (слитного) государства с едиными нормами Конституции для областей, от-

лично известных известным национальным составом и остающихся в рамках целого.

Так и только так должен быть решен вопрос об областях в России.

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА, СДЕЛАННОЕ В 1924 ГОДУ

Настоящая статья отражает господствовавшее тогда в нашей партии отрицательное отношение к федеративному устройству государства. Это отрицательное отношение к государственному федерализму наиболее резко выражение получило в известном письме Ленина Шаумяну в ноябре 1913 года. Ленин говорит в этом письме:

«Мы за демократический централизм, безусловно. Мы против федерации. [...] Мы в принципе против федерации – она ослабляет экономическую связь, она негодный тип для одного государства. Хочешь отделиться? Проваливай к дьяволу, если ты можешь порвать экономическую связь, или вернее, если гнет и трения “сожителства” таковы, что они портят и губят дело экономической связи. Не хочешь отделяться? Тогда, извини, за меня не решай, не думай, что ты имеешь “право” на федерацию» (см. т. XVII, стр. 90).

Характерно, что в резолюции по национальному вопросу, принятой Апрельской конференцией партии в 1917 году, вопрос о федеративном устройстве государства остался совершенно не затронутым. В резолюции говорится о праве наций на отделение, об автономии национальных областей в рамках единого (унитарного) государства, наконец, об издании основного закона против каких бы то ни было национальных привилегий, но ни одного слова не сказано о допустимости федеративного устройства государства.

В книжке Ленина «Государство и революция» (август 1917 года) партия, в лице Ленина, делает первый серьезный шаг к признанию допустимости федерации как переходной формы «к централистической республике», сопровождая, впрочем, это признание рядом серьезных оговорок. Ленин говорит в этой книге:

«Энгельс, как и Маркс, отстаивает, с точки зрения пролетариата и пролетарской революции, демократический централизм, единую и нераздельную республику. Федеративную республику он рассматривает либо как исключение и помеху развитию, либо как переход от монархии к централистической республике, как “шаг вперед” при известных особых условиях. И среди этих особых условий выдвигается национальный вопрос. [...] Даже в Англии, где и географические условия, и общность языка, и история многих сотен лет, казалось бы, “покончила” с национальным вопросом отдельных

мелких делений Англии, даже здесь Энгельс учитывает ясный факт, что национальный вопрос еще не изжит, и потому признает федеративную республику “шагом вперед”. Разумеется, тут нет ни тени отказа от критики недостатков федеративной республики и от самой решительной пропаганды и борьбы за единую, централистически-демократическую республику» (см. т. XXI, стр. 419).

Только после Октябрьского переворота становится партия твердо и определенно на точку зрения государственной федерации, выдвигая ее как свой собственный план государственного устройства советских республик на время переходного периода. Впервые эта точка зрения получила свое выражение в известной «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» в январе 1918 года, писанной Лениным и одобренной Центральным Комитетом партии. В этой декларации сказано: «Советская Российская республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация Советских национальных республик» (см. т. XXII, стр. 174).

Официально эта точка зрения была утверждена партией на ее VIII съезде (1919 год). Известно, что на этом съезде была принята программа РКП. В этой программе говорится: «Как одну из переходных форм на пути к полному единству партия выставляет федеративное объединение государств, организованных по советскому типу» (см. «Программу РКП»).

Таков путь, пройденный партией от отрицания федерации к признанию ее как «переходной формы к полному единству трудящихся разных наций» (см. «Тезисы по национальному вопросу», принятые II конгрессом Коминтерна).

Эту эволюцию взглядов нашей партии по вопросу о государственной федерации следует объяснить тремя причинами.

Во-первых, тем, что ко времени Октябрьского переворота целый ряд национальностей России оказался на деле в состоянии полного отделения и полной оторванности друг от друга, ввиду чего федерация оказалась шагом вперед от разрозненности трудящихся масс этих национальностей к их сближению, к их объединению.

Во-вторых, тем, что самые формы федерации, наметившиеся в ходе советского строительства, оказались далеко не столь противоречащими целям экономического сближения трудящихся масс национальностей России, как это могло казаться раньше, или даже – вовсе не противоречащими этим целям, как показала в дальнейшем практика.

В-третьих, тем, что удельный вес национального движения оказался гораздо более серьезным, а путь объединения наций – гораздо более сложным, чем это могло казаться раньше, в период до войны или в период до Октябрьской революции.

Федор Федорович Кокошкин (1871–1918) – российский правовед и политик, один из учредителей Конституционно-демократической партии, на момент написания статьи Государственный контролер Временного правительства.

В настоящее время вопрос об автономии принадлежит к числу наиболее жгучих вопросов, выдвигаемых жизнью.

Он стоит перед нами в чрезвычайно обостренной форме и главным образом именно потому, что он тесно связывается с национальным вопросом. Эта связь характерна, и в ней лежит все существо дела в данный момент. На этой связи вопросов об автономии и национального мне придется прежде всего остановиться.

Без всякого сомнения, вопрос об автономии – или скажу шире: вопрос о децентрализации на ее разнообразных ступенях в форме ли местного самоуправления, местной автономии или федерации – близко соприкасается практически с национальным вопросом. Децентрализация в той или иной ее форме всегда служит могущественным средством для удовлетворения потребности народностей в самоопределении, в частности, в культурном самоопределении. Но нужно помнить, что автономия и вообще та или иная форма централизации не является единственным средством для этой цели, что культурное самоопределение национальностей может пойти не только по пути территориальной децентрализации, но и по иным путям. Мы знаем государства, не децентрализованные в форме автономии или федеративного строя, где тем не менее вопрос о национальностях разрешен к общему удовлетворению. Я укажу, например, на Бельгию, которая не знает местной автономии и не является федеративным государством и где, однако, две национальности – фламандская и валлонская – свободно и мирно развиваются, не мешая друг другу. Можно указать и на федерации, где вопрос национальный разрешается не в связи с вопросом о децентрализации, а общегосударственным путем: например, хотя бы политическое целое федеративного типа, которое представляет собою южноафриканские колонии Англии, где живут рядом голландцы и англичане. Обе эти национальности перемешаны во всех отдельных частях Южно-Африканского союза. Вопрос о голландском и английском языке регулируется общегосударственным законодательством на началах полного равноправия этих языков. Таким образом,

⁴ Текст представляет собой раздел брошюры: Кокошкин Ф. *Автономия и федерация*. М.: Лештуковская паровая скоропечатня «Свобода», 1917. С. 3–18. Текст приведен редакцией в соответствии с нормами современной орфографии.

децентрализация не является единственным средством для культурного самоопределения национальностей.

С другой стороны, нужно помнить, что децентрализация не может служить исключительно только цели национального самоопределения. Децентрализация имеет другие задачи, она вытекает и из других потребностей, помимо национальных, а именно: вытекает из потребности перенести на места часть функций по управлению или по законодательству государства для осуществления их сообразно разнообразию местных условий, причем в число этих местных условий национальные особенности могут входить только как составная часть, но не составляют единственное содержание этих условий. Мы знаем примеры широкой децентрализации государства, находящейся вне зависимости от национального вопроса, децентрализации чисто территориальной, устанавливаемой в пределах одной и той же национальности. Такой характер носит автономия большей части колоний Англии.

Децентрализация вытекает из потребности перенести на места часть функций по управлению или по законодательству государства для осуществления их сообразно разнообразию местных условий, причем национальные особенности не составляют единственное содержание этих условий.

Итак, признавая практическую связь вопросов об автономии и национального, не нужно, однако, сливать их в одно целое. В те времена, когда еще составлялась программа нашей партии, в частности, еще до образования нашей партии на земском съезде, когда ставился вопрос о децентрализации и о национальностях, в докладе земского бюро и в прениях на съезде мы определенно подчеркнули, что оба указанные вопроса для того, чтобы быть правильно решенными, должны быть различаемы друг от друга. Но характерная особенность настоящего момента заключается в том, что эти вопросы в представлении широких кругов населения сливаются воедино и отождествляются. Это слияние выражается в известной формуле, весьма популярной в настоящее время среди известных кругов, в лозунге «национально-территориальной автономии», требующем разделения России на автономные области по национальностям, а также в другой формуле, еще более широкой и еще более популярной: в требовании введения в России федеративной республики, причем, хотя требование федеративной республики само

по себе не имеет прямой связи с национальным вопросом, но выдвигающие эту форму обыкновенно рассматривают федеративную республику как средство для удовлетворения национальных потребностей и понимают под федерацией федерацию национальностей. С этой точки зрения нам прежде всего и нужно оценивать ту программу автономии и федерации, которая выдвигается в настоящее время многими группами и партиями.

Прежде всего нужно еще раз повторить, что начало федеративное и начало национальное не только не тождественны между собой, но при последовательном своем развитии могут вступить в непримиримое противоречие между собой. Один из английских политических деятелей, лорд Грей, сказал, что федерализм и национализм противоречат друг другу, что федерализм ведет к единству и миру, а национализм – к разделению и вражде. Это выражено очень резко. Я не стал бы настаивать на полной справедливости во всех отдельных случаях этой резкой формулировки. Но в ней заключается значительное ядро истины. Между федерализмом и национализмом действительно существуют противоречия, которые, быть может, ярче всего способны сказаться в России. Но прежде, чем говорить о России, бросим взгляд на соотношение двух принципов, о которых мы говорим, в других странах.

Если мы обратимся к существующим федеративным государствам, то мы встретимся с фактом, который может удивить всех, кто полагает, что федеративная форма устройства неразрывно связана с разрешением национального вопроса. Нет ни одной федерации в мире, которая была бы построена на национальных началах, иначе говоря, на разделении государства на его составные части по национальностям. Если возьмем, например, федерацию, в которой живут три национальности – Швейцарию, – то мы увидим, что разделение Швейцарии на кантоны не совпадает с разделением на национальности. Немцы, наиболее многочисленная народность Швейцарии, вовсе не объединены в одну целую единицу, а наоборот, разбиты на пятнадцать или шестнадцать кантонов. Французы, которые составляют следующую по численности национальность, разделены на пять кантонов, и одни только итальянцы – наименьшая национальность, входящая в состав Швейцарской федерации, – по историческим причинам объединены в одном кантоне Тессин. Далее, сами границы кантонов не совпадают с национальными границами. В одном из самых больших кантонов, в Берне, объединены обе крупнейшие национальности. Это кантон отчасти немецкий, отчасти французский. То же самое наблюдается во всех остальных федерациях, существующих в мире: нигде не проведено в них национальное разделение. Если возьмем Северо-Американские Соединенные Штаты, где

живут разнообразные национальности, то увидим, что разделение территориальное не имеет там ничего общего с разделением национальности по территории союза. Если мы возьмем те федерации, которые находятся в зависимости от суверенитета Англии и где живут различные национальности, то увидим там то же самое. В Южно-Африканской федерации, о которой я уже говорил, точно так же голландцы или буры, с одной стороны, и англичане, с другой, живут вместе в одних и тех же составных частях государства. Все эти факты не случайные: есть причины, препятствующие возможности устройства федеративно-национального государства. Мы лучше всего поймем эти причины, если остановимся на примере нашего отечества.

В самом деле, если бы в России было принято принципиальное решение вопроса о том, чтобы образовать из России федеративное государство на началах национального разделения, если были бы призваны специалисты по государственному праву и им было бы поручено выработать план такой федерации, то они, несомненно, встретились бы с непреодолимыми затруднениями. В самом деле, то, что препятствует устройству в России федерации на национальных началах, – это прежде всего крайняя неравномерность численности всех национальностей, которые входят в состав России, и неравномерность занимаемых ими территорий. Федерация предполагает если не полное равенство составных частей, то во всяком случае их сравнимость, их соизмеримость, их приблизительно одинаковый удельный вес. Между тем как раз этого условия не имеется налицо при национальном разделении России на составные части. Какова могла бы быть такая русская федерация, построенная на национальных началах? В нее вошла бы Великороссия в количестве около 80 миллионов населения, Украина – я не настаиваю на точных цифрах, а беру грубо-приблизительно – в количестве 25–30 миллионов населения и затем ряд средних и мелких национальностей, включительно до самых мелких, насчитывающих лишь несколько сот тысяч членов в своей среде.

Каким же образом построить федерацию из таких неравных составных частей? Тут прежде всего возникает вопрос о той компетенции, которая должна принадлежать составным частям этой федерации – национально-территориальным автономным штатам. Эта компетенция может быть отмерена либо широко, по образцу государственной автономии, либо узко, по образцу провинциальных автономий, но в том и другом случае мы встретимся с непреодолимыми затруднениями. Если представить себе, что будет принят масштаб провинциальных автономий и узких компетенций составных частей федерации, то тогда с этим масштабом невозможно будет подойти к наиболее крупным национальностям. В самом деле, как

представить себе, чтобы Украина с 25–30-миллионным населением – крупное политическое тело, превышающее по своей населенности Испанию, немного уступающее Италии, – чтобы это среднее европейское государство так сказать по своим размерам, занималось в лице своих центральных органов теми второстепенными делами, которые входят в область провинциальных автономий, чтобы оно разрешало какие-нибудь вопросы о дорогах, о санитарном благоустройстве, об охране лесов и вод или другими вопросами хозяйственно-культурной жизни, но не касалось первостепенных политических вопросов. Такое положение представить себе трудно. Конечно, такую огромную область это бы не удовлетворило ни в коем случае. Такое положение дела привело бы, кроме того, к тому, что в самой Украине, в пределах этого политического тела, водворилась бы крайняя централизация. Если функции, не самые высшие политические, а средние и низшие, будут сосредоточены в руках центрального органа – Украины, то тогда все составные части ее будут подчинены нивелирующему централистическому режиму и одна из самых главных целей федерации – децентрализация – не будет достигнута. Будет наоборот: в делах значения второстепенного Кубанская область, например, которую украинцы-автономисты считают входящей в состав Украины, и, с другой стороны, украинская часть Бессарабии будут подчинены одним и тем же нормам, одному и тому же управлению. Я не говорю уже о Великороссии; здесь противоречие между узкой компетенцией и величиной политического тела выступит в еще более ярком виде. Великороссия, даже будучи обособлена от других частей России, по населенности и по своему политическому значению явилась бы великой державой. Возможно ли такому политическому телу дать право заниматься только местными провинциальными делами?

Если же поступить наоборот, если в пределах федерации для каждой составной части России компетенцию отмерить широко, так широко, как это соответствовало бы величине наиболее крупных национальностей, то надо сказать, что компетенция центральной власти оказалась бы сведенной почти к нулю. Целый ряд широких политических задач современного государства отойдет к этим крупным автономным телам, и в том числе те функции государства, которые в настоящее время приобретают с каждым годом все большее и большее значение, которые непрерывно растут, а именно: функции социально-политические, рабочее законодательство, урегулирование торговли и промышленности и так далее. Если представить себе, что эти функции отойдут к этим более автономным телам, то государство в лице своей центральной власти окажется лишенным этих главнейших функций. Наступит еще

одно последствие, чрезвычайно важное: придется эту широкую компетенцию распространить на мелкие национальные тела. Какая-нибудь маленькая национальность, занимающая какой-нибудь небольшой уголок территории – как, например, молдаване в Бессарабии, – будет также претендовать на те же самые функции, которые имеют другие национальности. Эти функции ей придется предоставить, и Россия окажется изрезанной на множество крупных и мелких, большей частью даже мелких, частиц, в которых целый ряд важнейших функций государственной власти будет постоянно осуществляться обособленно от центра. Мы будем постоянно наталкиваться в России на границы – границы, за которыми начинается совсем другой уклад жизни, совсем другое правовое устройство, совсем другие социально-политические задачи. Можно сомневаться в том, чтобы Россия в таком составе, в таком виде могла действительно осуществлять те государственные функции, которые она должна осуществлять, чтобы русский народ сохранил место среди других народов в мире.

Мне могут сказать, что можно найти еще другой выход: можно отмерить компетенцию составных частей России неравно, можно большим национальностям дать широкие права автономии, а мелким национальностям – узкие, но если мы только встанем на этот путь, то мы сейчас же упираемся в государственно-правовой тупик. Построить здание федерации при этом будет совершенно невозможно. Дело в том, что тогда окажется невозможным организовать центральный парламент, основной жизненный нерв государства, ибо если крупным национальностям будут отмерены широкие права, то тем самым эти крупные национальности будут решать обособленно, независимо от других, у себя дома целый ряд важнейших дел, а мелкие национальности таких важнейших дел у себя дома решать не будут, и эти важнейшие дела мелких национальностей будут подлежать разрешению общегосударственного парламента.

Как же поступить в таком случае с представительством крупных национальностей в общегосударственном парламенте? Оставить их представительство в государственном парламенте по этим делам? Но тогда мы будем иметь самую чистую и одиозную форму опеки крупных национальностей над мелкими. Представители Великороссии и Украины и, может быть, других крупных национальностей будут заседать в общероссийском парламенте и, составляя там большинство, решать для других национальностей те дела, которые они сами для себя решают не в общегосударственном парламенте, а в местных сеймах, они будут управлять мелкими национальностями, опекать их.

Если же взять другой выход, если признать, как это делается в некоторых государствах, имеющих автономные части, что

раз автономные области имеют в своем заведовании известные дела, то представители таких областей по этого рода делам не должны заседать в центральном парламенте, то ведь тогда общероссийский парламент совсем разрушается, ибо какой же может быть общероссийский парламент, в котором при обсуждении общих дел не будут заседать представители огромной части России, представители двух третей России – Великороссии и Украины? Это будет не общероссийский парламент, а какой-то союзный парламент мелких национальностей России. Таким образом, прежде всего с точки зрения предоставления отдельным автономным частям России той или иной компетенции, принцип национального разделения России приводит к безвыходный тупик.

Но в федеративном устройстве есть еще одна сторона, по отношению к которой попытки организовать федерацию с разделением по национальностям сталкиваются с непреодолимыми затруднениями. Один из существенных притоков федерации в точном смысле этого слова есть участие составных частей федеративного государства в центральной власти. Это участие осуществляется в федерациях путем образования второй палаты, в которой участвуют представители штатов как таковых, причем по общему правилу, за единственным исключением – Германии, о которой я буду говорить ниже, – эти представители отдельных частей государства имеют в такой верхней федеративной палате по равному голосу. Каждый штат Соединенных Штатов в сенате американском имеет такой же голос, как и другой соседний штат. В этом именно и заключается гарантия прав тех несuverенных государств – штатов, которые входят в состав суверенного федеративного государства. Представим себе опять федеративную Россию на началах национального разделения. Как предоставить равный голос в этой верхней палате отдельным национальностям, входящим в состав России? Мыслимое ли это дело, чтобы в решении важнейших государственных дел восьмидесятиmillionный великорусский народ имел такой же голос, как любая национальность, насчитывающая несколько сот тысяч членов? Это, конечно, нелепо. И такая федерация была бы именно заранее осуждена на смерть с самого своего начала.

Может быть, мне скажут, что можно отмерить неравные голоса отдельным составным частям федерации, и, может быть, мне укажут на ту федерацию, где действительно в органе, ответственном верхней палате других федеративных государств, отдельным составным частям государства отмерены неравные голоса. Может быть, мне приведут в пример Германию, где отдельные германские государства в союзном совете имеют голоса неравные. Но нужно сказать, что, во-первых,

в Германии это неравенство голосов образовалось по историческим условиям, оно ведет свое начало еще от германского союза, который предшествовал германской федерации и представлял собой договорное соединение суверенных государств. Далее, нужно сказать, что это неравенство голосов возможно потому, что в Германии существует национальное единство. В Германии вопрос об этом количестве голосов не есть вопрос о количестве голосов той или другой национальности, это вопрос о количестве голосов тех или иных составных частей одного немецкого народа, и это уже сглаживает в значительной степени затруднения. И наконец, что всего важнее, Германская империя, в отличие от других федераций, построена не на началах равноправия ее составных частей, а на началах гегемонии Пруссии. Правда, в союзном совете голоса Пруссии несколько уменьшены сравнительно с тем, на что она имела бы право по количеству населения, но, с другой стороны, Пруссия вознаграждена тем, что она в иной форме и благодаря иному принципу осуществляет в Германии далеко идущую гегемонию, и эта гегемония Пруссии неразрывно связана с монархией; она основана на том, что король Пруссии является в то же время и германским императором.

В республике гегемонии в такой форме организовать нельзя. Но, если бы можно было организовать у нас в иной форме гегемонию наиболее крупной политической единицы над другими, такое решение вопроса явилось бы, очевидно, совершенно неприемлемым для остальных частей. В Германии гегемония Пруссии если не пользуется сочувствием в других частях империи, то терпится ими опять-таки благодаря национальной однородности государства. Там речь идет не об отношениях между различными национальностями, а об отношениях одних немцев к другим. У нас говорить об организации гегемонии Великороссии или, может быть, соединенной гегемонии Великороссии и Украины над другими народностями России, конечно, серьезно нельзя. Излишне даже ставить этот вопрос на рассмотрение. А между тем иначе нельзя построить какого-нибудь равновесия между отдельными составными частями. Дать равный голос нельзя – если дать неравные голоса, то как же их измерять? Если измерять их численностью населения, то Великороссия будет иметь абсолютное большинство в такой федеративной палате, ибо если до последнего времени могло еще быть спорным вопросом, представляла ли Великороссия большинство населения – некоторые говорили, что великороссы составляют немного меньше половины населения, – то теперь, с отделением Польши с ее 12-миллионным населением, стало несомненно, что великороссы имеют в государстве некоторое, хотя, быть может, незначительное большинство. Но при абсолютном пре-

обладании в верхней федеративной палате одного из штатов самая такая палата теряет свой смысл и гарантия внутреннего равновесия составных частей федерации уничтожается.

Возможно одно возражение против вышеприведенных соображений, и это возражение выставляется иногда защитниками национально-федеративной программы. Они указывают, что если не все затруднения, то часть из них могли бы быть устранены таким образом, что принцип национального разделения и автономии и федерации не был бы проведен полностью, а был бы проведен только отчасти, в применении лишь к некоторым национальностям, а в остальных частях России был бы применен принцип чисто территориального разделения России в зависимости от экономических, местных и иных бытовых условий. Практически этот вопрос сводится обыкновенно к тому, что так как огромная численность великорусской национальности есть одно из препятствий к устройению национальной федерации или автономного устройства России на национальных началах, то предлагают, чтобы великорусская национальность была разделена, а остальные национальности были объединены. По этим планам великорусская национальность должна распасться на целый ряд автономных областей, а Литва, Украина, Белоруссия и другие должны составить целые этнографические объединенные единицы. Принцип национально-территориальной автономии проводится по отношению ко всем, или по крайней мере по отношению ко всем крупным народностям России, за исключением одной – великорусской. Я не буду говорить здесь о нелогичности и несправедливости такого плана. С этой стороны вопрос и без того совершенно ясен, но, сверх того, этот план практически неосуществим. Конечно, великорусская национальность в тех условиях, в которых она жила до сих пор, не испытывает тех острых национальных стремлений и не обнаруживает склонности к образованию внутри России какого-нибудь обособленного тела. Но, ведь когда будет поставлен вопрос о национальном обособлении, о переустройстве России на национальных началах, когда национальности выделятся как политические единицы со своими требованиями и стремлениями, стремление отстаивать в тех же формах свои национальные интересы неизбежно возникнет и в великорусской национальности и она будет в будущем для ограждения своих национальных интересов также стремиться к объединению и обособлению, и тогда, значит, такое решение вопроса ничего не устроит. Нельзя же путем своеобразного применения афоризма «Divide et impera» («Разделяй и властвуй») насильно раздробить великую национальность, чтобы дать возможность устроить федерацию на национальных началах по отношению к другим национальностям. И кто имеет право соглашаться от имени

великороссов на такое устройство, при котором они были бы разъединены, а другие народности России объединены?

РЕВОЛЮЦИЯ И ФЕДЕРАЦИЯ.
ИЗБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ ДИСКУССИИ 1917–1923 ГОДОВ

Я считаю, по всем указанным соображениям, что построение российской федерации, основанной на началах национального разделения, представляет задачу государственного строительства практически неосуществимой. По крайней мере неосуществимой в данную эпоху истории. Я не знаю, может быть, мы движемся навстречу какой-нибудь новой эпохе, может быть, она создаст какие-нибудь новые государственные формы, которые нам и не снились, может быть, в соответствии с изменением человеческой психологии изменятся и основания для построения форм государства, но сейчас, стоя на почве данных условий, на почве данных законов государственного строительства, построить в России федерацию народностей невозможно. Государственное строительство имеет в каждый исторический момент свои непреложные законы, и изменить эти законы не могут самые пламенные желания.

Нельзя же насильно раздробить великую национальность, чтобы дать возможность устроить федерацию на национальных началах по отношению к другим национальностям. И кто имеет право соглашаться от имени великороссов на такое устройство, при котором они были бы разъединены, а другие народности России объединены?

Вопрос ведь ставится, говоря наглядно, таким образом. Национальности, указывающие на необходимость федерации России на национальных началах, хотят, так сказать, заранее в будущем государственном здании России устроить для себя ту или иную комнату, приспособленную к их требованиям. Ошибка их в том, что они недостаточно вникают в условия осуществимости общего плана всего здания. Сторонники национальных автономий не предлагают точного детального плана федеративной России, основанной на национальных началах. Они обыкновенно обращаются к всероссийским партиям с такими заявлениями: вот наши требования, вы должны их осуществить, мы хотим иметь в будущем здании России такую-то комнату, а что касается всего здания целиком, это уже ваше дело, стройте, как хотите и как умеете, дайте только нам такую комнату, какую мы хотим. А между тем построить здание при выполнении всех отдельных требований оказывается невозможным. Устраивая комнаты в том виде, в каком их требуют, нельзя проложить главные бал-

ки, соорудить необходимые контрфорсы, обеспечить прочность кровли и стен. Я лично думаю, что разделение России по национальному принципу логически ведет в лучшем случае не к федерации, не к союзному государству, не к тому, что немцы называют «Bundesstaats», а к другим формам политического сожития народов – оно ведет к так называемому союзу государств, к конфедерации, к «Statenbund», по немецкой терминологии, то есть ведет не к федеративному государству, сохраняющему за центральной государственной властью суверенитет, тогда как остальные части не суверенны, а к свободному союзу суверенных государств, соединенных на началах международного договора. Такая форма политического сожития народов осуществлялась в различные исторические эпохи и, может быть, осуществима и теперь, хотя историей, по-видимому, она осуждена: все конфедерации или союзы государств, которые существовали в XVIII и XIX веках – американский, германский, швейцарский, – превратились затем в союзные государства или федерации. Во всяком случае, если бы конфедерация народностей и была осуществима в России, нужно прямо сказать, что она ведет к распадению России, к разрушению государственного единства и образованию союза самостоятельных национальных суверенных государств.

До сих пор я говорил преимущественно о юридической стороне вопроса, я рассматривал его с точки зрения государственно-правового строительства, но необходимо коснуться и политической стороны вопроса, политического значения постановки этого вопроса в настоящее время в Учредительном собрании одновременно с установлением русской Конституции. С каким бы глубоким сочувствием мы ни относились к пожеланиям национальностей, нельзя скрывать от себя, что постановка этого вопроса ставит задачу упрочения свободного строя в России в чрезвычайно трудное – чтобы не сказать безвыходное – положение. Мы имеем перед собою и без того выдвинутые жизнью чрезвычайно сложные проблемы, прежде всего задачу превращения полуабсолютистской России через революцию в государство демократически республиканское с совершенно иным характером государственного строя и государственных задач. Эта задача, сама по себе колоссальная, легла на плечи русского народа во время тяжелой войны. Выдвигается затем задача социальных преобразований, которая тоже чрезвычайно трудна в настоящих условиях. С постановкой вопроса о федерации на национальных началах или национально-территориальной автономии к этим двум задачам хотят прибавить третью, и гораздо более трудную, чем первые две. Нужно подумать о том, безграничны ли силы всероссийского народа, безгранична ли его созидательная и строитель-

ная сила? Ведь ни у какого народа силы не могут быть безграничны. Выдержит ли наш народ в данный момент истории страшную тяготу всех этих задач одновременно? Опасения, вызываемые этим вопросом, у нас усилятся, если мы только ясно и определенно представим себе, при каких условиях может осуществиться преобразование России на началах национально-территориальной автономии или на началах федерации национальностей.

В самом деле, в Учредительном собрании, прежде чем оно установит республиканскую Конституцию России, в тот момент, когда еще Конституции у нас никакой не будет, будет поставлен вопрос о разделении России на национально-автономные части. Все, кто знаком с этим вопросом, знают хорошо, какие непримиримые разногласия существуют уже теперь в этом отношении, и не только разногласия между великорусской и иными национальностями, но прежде всего споры этих последних между собой. Уже теперь резкий и непримиримый спор ведется между белорусами и литовцами по поводу разграничения их национальных областей в Западном крае. Обе стороны, собираясь в будущем создать свою национально-территориальную автономию, полагают, что без Вильны и большей части Виленской губернии их планы неосуществимы. Если мы обратимся к Закавказью, то встретимся с такими же острыми проблемами, там ведется такой же непримиримый спор между грузинами, армянами и мусульманами о разделении Закавказья. Все эти споры встанут неизбежно и в Учредительном собрании – и при признании необходимости немедленного введения национально-автономного или национально-федеративного устройства, – все эти споры будут стоять на дороге к установлению Конституции России. И пока спорные вопросы не будут разрешены, до тех пор нельзя будет устанавливать никакой Конституции России.

В каком же положении очутится государственное строительство при таких условиях? Не нужно скрывать от себя, что эти междунациональные споры, раз вопрос будет поставлен, могут дойти до самой острой формы, могут дойти, может быть, даже до вооруженного столкновения. Я думаю, что картина России в таком случае во время занятий в Учредительном собрании может напомнить картину Австрии во время революции 1848 года, когда такие же непримиримые споры национальностей привели, наконец, к крушению всей австрийской революции. Я думаю, что перед нами огромная опасность, на которую нельзя закрывать глаза, опасность колоссальная – крушение русской революции и русской республики под ударами разгоревшихся национальных страстей.

Организация Российской Федеративной Республики:

беседа Иосифа Виссарионовича Сталина
с сотрудником газеты «Правда»⁵

В связи с возникшей в последние дни на страницах советской печати дискуссией о принципах и способах конструкции Российской Федерации наш сотрудник обратился с предложением высказаться по этому вопросу к народному комиссару по делам национальностей, товарищу Сталину.

На поставленный нашим сотрудником ряд вопросов товарищ Сталин дал следующий ответ.

БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ФЕДЕРАЦИИ

Из всех существующих федеративных объединений наиболее характерными для буржуазно-демократического строя являются американская и швейцарская федерации. Исторически они сложились из независимых государств – через конфедерацию к федерации, – причем на деле они превратились в унитарные государства, сохранив лишь форму федерализма. Весь этот процесс развития – от независимости к унитаризму – шел через ряд насилий, угнетений и национальных войн. Достаточно вспомнить войну южных штатов Америки с северными и войну Зондербунда с остальными кантонами Швейцарии. Нельзя при этом не отметить, что кантоны Швейцарии и штаты Америки строились не по национальному признаку и даже не по экономическому, а совершенно случайно – в силу случайного захвата тех или иных территорий эмигрантами-колонистами или сельскими общинами.

ЧЕМ ОТЛИЧАЕТСЯ ОТ НИХ НАХОДЯЩАЯСЯ В ПРОЦЕССЕ СЛОЖЕНИЯ РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

Федерация же, которая строится теперь в России, представляет, должна представить совершенно другую картину.

Во-первых, выделившиеся в России области представляют вполне определенные единицы в смысле быта и националь-

⁵ Беседа была опубликована в газете «Правда» 3-го и 4 апреля 1918 года. Текст печатается по изданию: Сталин И. В. *Сочинения*. М.: Государственное издательство политической литературы, 1947. Т. 4. С. 66–73.

ного состава. Украина, Крым, Польша, Закавказье, Туркестан, Среднее Поволжье, Киргизский край отличаются от центра не только по своему географическому расположению (окраины!), но и как целостные экономические территории с определенным бытом и национальным составом населения.

Во-вторых, области эти составляют не свободные и независимые территории, а насильственно втиснутые в общероссийский политический организм единицы, которые стремятся теперь получить необходимую свободу действий в виде федеративных отношений или полной независимости. История «объединения» этих территорий представляет сплошную картину насилий и угнетения со стороны старых российских властей. Установление в России федеративного строя будет означать освобождение этих территорий и населяющих их народов от старого империалистического гнета. От унитаризма – к федерализму!

В-третьих, там – в западных федерациях – строительством государственной жизни руководит империалистическая буржуазия. Неудивительно, что «объединение» не могло обойтись без насилий. Здесь, в России, наоборот, политическим строительством руководит пролетариат – заклятый враг империализма. Поэтому в России можно и нужно установить федеративный строй на основе свободного союза народов.

Такова существенная разница между федерацией в России и федерациями на Западе.

Принципы конструкции Российской Федерации

Из этого ясно, – продолжает товарищ Сталин, – что Российская Федерация представляет союз не отдельных самостоятельных городов (как это думают карикатуристы из буржуазной прессы) или вообще областей (как это полагают некоторые наши товарищи), а союз определенных исторически выделившихся территорий, отличающихся как особым бытом, так и национальным составом. Дело тут вовсе не в географическом положении тех или иных областей или даже не в том, что те или иные участки отделены от центра водными пространствами (Туркестан), горным кряжем (Сибирь) или степями (тот же Туркестан). Этот географический федерализм, пропагандируемый Лацисом, не имеет ничего общего с провозглашенным III съездом Советов федерализмом. Польша и Украина не отделены от центра горным хребтом и водными пространствами. Тем не менее никому не приходит в голову утверждать, что отсутствие этих географических признаков исключает право названных областей на свободное самоопределение.

С другой стороны, несомненно, – говорит товарищ Сталин, – что своеобразный федерализм московских областников, старающихся искусственно объединить вокруг Москвы четырнадцать губерний, так же не имеет ничего общего с известным постановлением III съезда Советов о федерации. Нет сомнения, что центральный текстильный район, охватывающий всего несколько губерний, представляет некоторую целостную экономическую единицу и как таковой он, несомненно, будет управляться своим областным органом как автономной частью Высшего совета народного хозяйства. Но что может быть общего между захудалой Калугой и промышленным Иваново-Вознесенском и по какому признаку их «объединяет» нынешний областной совнарком, уму непостижимо.

Состав Российской Федеративной Республики

Очевидно, субъектами федерации должны быть и могут быть не всякие участки и единицы и не всякая географическая территория, а лишь определенные области, естественно сочетающие в себе особенности быта, своеобразие национального состава и некоторую минимальную целостность экономической территории. Таковы Польша, Украина, Финляндия, Крым, Закавказье (причем не исключена возможность, что Закавказье разобьется на ряд определенных национально-территориальных единиц вроде грузинской, армянской, азербайджанско-татарской и прочих), Туркестан, Киргизский край, татаро-башкирская территория, Сибирь и тому подобное.

ПРАВА ФЕДЕРИРУЮЩИХСЯ ОБЛАСТЕЙ. ПРАВА НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ

Пределы прав этих федерирующихся областей будут выработаны во всей своей конкретности в ходе строительства Советской Федерации в целом, но общие штрихи этих прав можно наметить теперь же. Военное и военно-морское дело, внешние дела, железные дороги, почта и телеграф, монета, торговые договоры, общая экономическая, финансовая и банковская политика – все это, должно быть, будет составлять область деятельности центрального Совета Народных Комиссаров. Все остальные дела – и прежде всего формы проведения общих декретов, школа, судопроизводство, администрация и так далее – отойдут к областным совнаркомам. Никакого обязательного «государственного» языка – ни в судопроизводстве, ни в школе. Каждая область выбирает тот язык или те языки, ко-

торые соответствуют составу населения данной области, причем соблюдается полное равноправие языков как меньшинств, так и большинств во всех общественных и политических установлениях.

КОНСТРУКЦИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Конструкция центральной власти, способы ее построения определяются особенностями Российской Федерации. В Америке и Швейцарии федерализм привел на деле к двухпалатной системе: с одной стороны – парламент, выбираемый по принципу общих выборов, с другой стороны – федеральный совет, конструируемый штатами или кантонами. Это та же двухпалатная система, ведущая на деле к обычной буржуазной законодательной волоките. Нечего и говорить, что трудовые массы России не примирятся с такой двухпалатной системой. Мы уже не говорим о полном несоответствии этой системы элементарным требованиям социализма.

Нам кажется, – продолжает товарищ Сталин, – что высшим органом власти Российской Федерации будет избранный всеми трудовыми массами России съезд Советов или заменяющий его Центральный Исполнительный Комитет. Причем придется распрощаться с буржуазным предрассудком о непогрешимости «принципа» всеобщего избирательного права. Избирательное право будет, должно быть предоставлено лишь тем слоям населения, которые эксплуатируются или во всяком случае не эксплуатируют чужого труда. Это естественный результат факта диктатуры пролетариата и деревенской бедноты.

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ОРГАН ВЛАСТИ

Что касается органа исполнительной власти Российской Федерации, то есть центрального Совета Народных Комиссаров, то он будет избираться съездами Советов, мы полагаем, из кандидатов, выставленных центром и федерирующимися областями. Между ЦИК и Советом Народных Комиссаров не будет и не должно быть, таким образом, так называемой второй палаты. Нет сомнения, что практика может выработать и, должно быть, выработает другие, более целесообразные и эластичные, формы сочетания интересов областей и центра в деле конструкции власти. Но одно несомненно: какие бы формы ни выработала практика, они не воскресят изжитой и похороненной нашей революцией двухпалатной системы.

ПЕРЕХОДНАЯ РОЛЬ ФЕДЕРАЛИЗМА

Таковы, – продолжает наш собеседник, – по моему мнению, общие контуры складывающейся на наших глазах Российской Федерации. Многие склонны считать федеративный строй наиболее устойчивым и даже идеальным, причем ссылаются часто на пример Америки, Канады, Швейцарии. Но увлечение федерализмом не оправдывается историей. Во-первых, Америка, как и Швейцария, уже не представляют федераций: они были федерациями в 60-е годы прошлого столетия; они превратились на деле в унитарные государства с конца прошлого века, когда вся власть была передана от штатов и кантонов центральному федеральному правительству.

История показала, что федерализм Америки и Швейцарии есть переходная ступень от независимости штатов и кантонов к полному их объединению. Федерализм оказался вполне целесообразной формой как переходная ступень от независимости к империалистическому унитаризму, но он был изжит и отброшен, как только созрели условия для объединения штатов и кантонов в единое государственное целое.

ПРОЦЕСС ПОЛИТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ. ФЕДЕРАЛИЗМ В РОССИИ – ПЕРЕХОДНАЯ СТУПЕНЬ К СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ УНИТАРИЗМУ

В России политическое строительство идет в обратном порядке. Здесь принудительный царистский унитаризм сменяется федерализмом добровольным для того, чтобы с течением времени федерализм уступил место такому же добровольному и братскому объединению трудовых масс всех наций и племен России. Федерализму в России, – закончил свою беседу товарищ Сталин, – суждено, как и в Америке, и в Швейцарии, сыграть переходную роль к будущему *социалистическому* унитаризму.

Конфедерации, федерации и Союз социалистических советских республик⁶

НИКОЛАЙ
ПАЛИЕНКО

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ФЕДЕРАЦИИ

Как мы видели, федерация в собственном смысле, в отличие от конфедерации, является не только союзом государств, но и государством.

Составные части федерации, оставаясь, как и в конфедерации, государствами, образуют, однако, своим союзом общее для них государство и общую для них всех и верховную государственную власть. Эта союзная власть законодательствует, управляет и судит по всем вопросам, которые признаны имеющими общее значение для всех членов федерации и поэтому переданы союзной Конституцией в верховное ведение союзной власти. Устройство федерации обусловлено предшествующими договорами и соглашениями государств, но затем оформлено и определено в союзной Конституции как Основном верховном законе федерации. Эта Конституция устанавливается общесоюзным верховным органом с одобрения всех членов союза.

Верховенство союзной власти над членами федерации выражается в том, что, ведая определенными в союзной Конституции общими делами, федеративная власть имеет при этом право верховного надзора и контроля над исполнением союзных законов и распоряжений местными властями государств-членов союза, а также над соблюдением ими союзной Конституции и союзных постановлений. Несогласные с союзной Конституцией и другими законами и постановлениями союзной власти законы и распоряжения отдельных государств (членов союза) не действительны и не подлежат применению. Правительство государств-членов федерации могут быть законно принуждены к исполнению постановлений союзной власти и не имеют права, как в конфедерации, ссылаясь на свой суверенитет, свое верховенство, отказаться от соблюдения постановлений союзной власти, признать их для себя недействительными и выйти по собственной воле из союза. Федеративное государство является союзом юридически нерасторжимым для отдельных членов союза. Союзное устройство может быть изменено, рас-

Николай Иванович Палиенко (1869–1937) – украинский правовед, на момент написания статьи профессор Харьковского университета.

⁶ Текст представляет собой фрагмент брошюры: Палиенко Н. И. *Конфедерации, федерации и Союз социалистических советских республик*. Б. м.: Государственное издательство Украины, 1923. С. 43–54.

ширено, или сужено, или даже вовсе упразднено, но только в том порядке, который указан для изменения в федеративной Конституции, и во всяком случае по постановлению верховных органов союзной власти, хотя бы и с одобрения большинства государств союза.

Всякие споры о пределах власти между федерацией и ее членами, споры членов союза между собою и равно споры граждан различных государств в союзе решаются федеративными судами или федеративными правительственными и законодательными учреждениями, то есть самою же федеративною властью. Но, с другой стороны, и члены федерации, ее составные части, подчиняясь верховной власти образованного ими федеративного государства, не обращаются в его провинции, хотя бы и автономные. Они перестают быть суверенными, так как подчинены в ряде отношений общему государству, его принудительной власти, но сохраняют свою государственность, имеют власть, не уполномоченную федерацией, а свою собственную власть, сами устанавливают, с соблюдением только известных условий (например относительно формы правления, прав граждан и некоторых других), свои конституции, свои законы, имеют свои законодательные, правительственные и судебные учреждения, свое гражданство и свою территорию.

Они могут быть очень самостоятельны в своем внутреннем управлении, как это особенно мы видим в Соединенных Штатах Америки, или очень ограничены, как в современной Германии, но политическая мощь и средства этих государств, благодаря их сплочению в союзное государство, возрастают. Особые интересы отдельных государств специально представлены в том учреждении союзной власти, которое состоит из делегатов этих государств (Сенат в Соединенных Штатах Америки, Кантональный совет в Швейцарии и Рейхсрат в Германии). Граждане государств-членов союза, являясь также гражданами федерации, пользуются ее защитой вовне и в пределах всей федерации.

История образования и развития федераций показывает, что условия международной жизни, запросы внутренней политики, необходимость единообразного и планомерного проведения экономических мероприятий и организации государственной обороны вызывают последовательное превращение конфедераций в федерации, а затем и в самой федерации – усиление авторитета и расширение полномочий и деятельности федеративной власти.

Федеративное государство и конфедерация, как мы видели, очень сходны по внешним своим формам. Но конфедерация представляет собой более свободный и слабый союз государств, с формальным признанием их суверенитета, верховенства и независимости и с правом добровольного выхода

из союза. Конфедерация представляет поэтому только товарищество договорившихся об определенном общем управлении (общих учреждениях и делах), совершенно самостоятельных государств.

Союзные учреждения в конфедерации – не новая, возвышающаяся над союзными государствами власть, хотя бы и образованная ими самими, а лишь их уполномоченные – делегатские учреждения. Какую форму союза избирают соединяющие государства, зависит всегда от условий времени, отношений государств, от их экономических и политических интересов и соображений, и прежде всего от исторической подготовки к совместной жизни в общих политических формах. При этом между конфедерацией и федерацией ярко выраженного типа могут быть различные переходы, приближающие их к той или другой форме. Прочность союза народов и государств зависит не только от правовых форм его организации, но от всей совокупности его социальных и политических основ. Во всяком случае правовая организация и деятельность союзной власти в конфедерации тем совершеннее, чем более устройство ее приближается к системе федеративного государства.

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика и союзные с нею Социалистические Советские Республики

РСФСР в организации своей власти восприняла также известные федеративные начала. В состав ее входит ряд политических организаций различных народностей, которым дано наименование «Автономные Социалистические Советские Республики». А именно: Дагестанская, Горская, Башкирская, Киргизская, Татарская, Крымская, Якутская, Туркестанская и Карельская Автономные Социалистические Советские Республики.

Основы организации этих автономных республик установлены декретами Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и могут быть изменены только властью верховных центральных учреждений РСФСР. Строятся эти республики на общих началах Конституции РСФСР, которая является для них всех общим верховным законом. Каждая из них имеет свои местные Советы (и их Съезды), свой Центральный Исполнительный Комитет, Совет Народных Комиссаров и [самих] Народных Комиссаров. Иностранные дела и внешняя торговля находятся целиком в ведении центральных учреждений РСФСР. Военными делами ведают местные военные комиссариаты, но они непосредственно подчинены ближайшему Окружному Военному Комиссариату РСФСР.

Борьба с контрреволюцией остается также в ведении местных органов Госполитуправления РСФСР, которые образуются по соглашению с местными Советами Народных Комиссаров. В целях сохранения единства финансовой и хозяйственной политики РСФСР на всей ее территории Народные Комиссариаты автономных республик по этим делам остаются в непосредственном подчинении соответствующих Народных Комиссариатов СССР и обязаны исполнять их инструкции и распоряжения.

Прочие же Народные Комиссариаты автономных республик – внутренних дел (без Управления почт и телеграфов), юстиции, народного просвещения, здравоохранения, социального обеспечения и земледелия – автономны в своих действиях и ответственны через Центральный Исполнительный Комитет своей автономной республики перед Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом. Финансовыми средствами автономные республики снабжаются из общих средств РСФСР. Автономные республики имеют свое представительство при Народном Комиссариате по Национальным Делах РСФСР. Личный состав этого представительства (председатель и два члена от каждой республики) утверждается ВЦИКом.

Автономные республики РСФСР по характеру своей власти, которая истекает от верховной власти РСФСР и находится в подчинении верховным органам РСФСР, скорее подходят к указанному нами выше типу так называемых автономных областей (с законодательными полномочиями). Конституция РСФСР (статья 10) так определяет эти автономные организации и их положение:

«Советы областей, отличающихся особым бытом и национальным составом, могут объединяться в автономные областные союзы, во главе которых, как и во главе всяких могущих быть образованными областных объединений вообще, стоят областные советы и их исполнительные органы. Эти автономные союзы входят на началах федерации в Российскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику».

Федеративное начало здесь выражается в том, что автономные республики участвуют как особые политические органы в организации и деятельности высших органов РСФСР через свои особые представительства.

Но РСФСР вступила еще в договорные, конфедеративные отношения с другими суверенными Социалистическими Советскими Республиками – Украинской, Белорусской, и Закавказской Федерацией (Грузинской, Азербайджанской, Армянской республик).

Каждая из этих «Союзных Республик» связана с РСФСР отдельными союзными договорами различного содержания. Оставаясь по договорам с РСФСР независимыми и юридически рав-

ноправными с нею республиками, они более или менее широко объединяются с РСФСР в сфере управления. Наиболее тесное и широкое объединение установлено союзными рабоче-крестьянскими договорами РСФСР с Украинской Социалистической Советской Республикой и Белорусской Социалистической Советской Республикой. Именно военное, хозяйственное и финансовое управление УССР и БССР были объединены в заведывании соответственных семи Наркоматов РСФСР: Военных и морских дел, Высшего Совета Народного Хозяйства, Внешней торговли, Финансов, Труда, Путей сообщения, Почт и телеграфов. Эти объединенные Народные Комиссариаты, входя в состав Совнаркома РСФСР, имеют в Советах Народных Комиссаров Союзных Республик своих уполномоченных, утверждаемых и контролируемых ЦИКом и Съездом Советов Союзной Республики. Руководство и контроль объединенных Наркоматов осуществляется через Всероссийские Съезды Советов и Центральный Исполнительный Комитет, в которые УССР и БССР посылают своих представителей на основании постановлений Всероссийского Съезда Советов.

Юридически такое соединение этих республик с РСФСР основано на договорах, на началах взаимного признания равноправия и независимости договорившихся сторон. Вследствие такой формы объединения и признания суверенитета союзных республик все законодательные постановления РСФСР в области объединенного управления для своей силы в союзных республиках требуют утверждения их (регистрации) со стороны законодательных учреждений союзных республик. Таким образом, отношения РСФСР с Союзными Советскими Республиками построены на основах конфедерации. При этом, как сказано, правовая связь РСФСР со всеми «Союзными» советскими республиками не определялась до сих пор одним общим союзным актом, общей федеративной Конституцией, а лишь договорами и законами отдельных республик. Между тем тесная социально-политическая связь советских республик, тождественность их социальных основ и задач, основных положений их конституций и законодательств, их внешней политики и внутреннего управления, уравнение прав граждан одной республики с гражданами другой, многовековое сожительство их населения под одной и той же государственной властью бывшей Российской империи является твердым основанием для организации федерации социалистических советских республик.

В сторону реформ союзных отношений советских республик сделан важный шаг еще Белорусским ЦИКом и на 3-й сессии Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета 1922 года. В резолюции ВУЦИКа (16 сентября 1922 года) имен-

но по докладу правительства о взаимоотношениях советских республик между прочим указано:

«Пятилетний опыт государственного управления и практика взаимоотношений между советскими республиками требуют сделать дальнейший шаг в области федеративного строительства, поэтому сессия ВУЦИКа, подчеркивая полную равноправность всех договорившихся советских республик и полную добровольность их тесного рабоче-крестьянского союза, считает необходимым поручить правительству войти в переговоры с правительством советских республик об оформлении общесоюзных законодательных и исполнительных органов (союзный ЦИК и СНК) и, в частности, органов, руководящих внешней – как общей, так и торговой – политической. Соответствующее изменение в союзных договорах внести в ближайший VII Съезд Советов».

Действительно, и с общей точки зрения ясно, что государства, строящиеся на социалистических началах, не разъединяемые противоречиями капитализма и империализма, безусловно нуждаются хотя бы в общих центральных органах, проводящих общую планомерную хозяйственную, экономическую политику и, таким образом, в силу самих оснований их существования и задач их деятельности должны объединяться, поскольку они сохраняют свою государственность, по конфедеративной или федеративной системам.

Отношения РСФСР с Союзными Советскими Республиками построены на основах конфедерации. Правовая связь РСФСР со всеми «Союзными» советскими республиками не определялась до сих пор одним общим союзным актом, общей федеративной Конституцией, а лишь договорами и законами отдельных республик.

РЕФОРМА СОЮЗА ССР

Объединение советских республик с РСФСР в хозяйственном, финансовом и военном управлении – в силу Конституции РСФСР (для автономных республик) и особых союзных договоров (с Украиной, Белоруссией и Закавказской Федерацией) – подготовило почву для организации более широкой и развитой формы их Союза путем создания общих союзных верховных ор-

ганов власти и общего порядка союзного законодательства и управления.

Правительствами и Съездами Советов союзных республик в 1922 году были рассмотрены и намечены основы «Союза Социалистических Советских Республик». В частности, VII Всеукраинский Съезд Советов признал руководящими началами при организации Союза: 1) теснейшее единство политики советских республик в области международной и хозяйственной, 2) достаточный, совместимый с интересами общесоюзного целого, простор проявления их хозяйственной самостоятельности и 3) самостоятельность развития национально-культурного строительства. За каждой республикой должно быть далее признано право свободного выхода из Союза. Был намечен и ряд организационных положений, относящихся к устройству союзной власти (отчет о VII Всеукраинском Съезде Советов в «Коммунисте» № 287 от 14 декабря 1922 года).

Также X Всероссийский Съезд Советов признал своевременность объединения советских республик на началах добровольности и равноправия республик и сохранения за каждой из них права свободного выхода из Союза и поручил избранной Съездом делегации совместно с делегатами Украины, Белоруссии и Закавказской Федерации выработать декларацию об образовании Союза и договор об основах его организации, имея в виду учреждение соответствующих союзных законодательных и исполнительных органов и единство или слияние некоторых Наркоматов: Военно-морского, Путей сообщения, Иностранных дел, Внешней торговли, Почт и телеграфов (Известия ВЦИК № 295 от 28 декабря 1922 года).

30 декабря 1922 года в Москве открылся I Съезд Советов Союза, образованный в составе всех правомочных делегатов X Всероссийского Съезда Советов, делегатов УССР, БССР и Закавказской Федеративной Социалистической Советской Республики (Грузии, Азербайджана и Армении). Всего с решающими головами 1667 делегатов и с совещательными голосами 548, причем с решающими голосами от РСФСР – 1217, УССР – 354, Закавказской Федерации – 73 и БССР – 23 делегата⁷. Съезд этот рассмотрел и единодушно принял в основах декларацию об образовании Союза Социалистических Советских Республик и договор об образовании Союза с тем, однако, чтобы эти декларации и договор были переданы на заключение ЦИКов республик и по рассмотрении их отзывом ЦИКом Союза был утвержден окончательный текст договора. Затем договор должен быть введен в действие и предложен Съезду Советов Союза на окончательное утверждение (ратификацию).

7 Доклад мандатной комиссии Съезда // Известия ВЦИК. 1921. № 1.

I Съезд Советов Союза также избрал Центральный Исполнительный Комитет Союза в составе 371 члена и 138 кандидатов. Из 371 члена ЦИКа Союза избрано от РСФСР 270, от УССР – 68, от Закавказской Федерации – 26 и БССР – 7.

Декларация указывает те основания, которые вызвали образование Союза СССР, а именно:

- «а) восстановление народного хозяйства оказалось невозможным при раздельности существования республик;
- б) необходимость создания единого фронта советских республик перед лицом капиталистического окружения;
- в) само строение советской власти, интернациональной по своей классовой природе, толкает трудящиеся массы советских республик на путь объединения в одну социалистическую семью.

Союз должен обеспечить внешнюю безопасность, внутреннее хозяйственное преуспевание и свободу национального развития народов. Союз должен быть добровольным объединением равноправных народов, и за каждой республикой обеспечивается право свободного выхода из Союза; доступ в Союз открыт всем социалистическим советским республикам, как существующим, так и могущим возникнуть в будущем.

Таким образом, Союз явится «шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику».

В принятом в основах своих союзном договоре договаривающиеся союзные республики: Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика, Украинская Социалистическая Советская Республика, Белорусская Социалистическая Советская Республика и Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика (Грузия, Армения, Азербайджан) заменяют прежние свои договоры (отдельные союзные договоры с РСФСР) одной общей союзной Конституцией, основы которой даются в договоре. Создается общее «Союзное государство» – Союз Социалистических Советских Республик – с общей союзной властью, органами которой являются Съезд Советов Союза, Центральный Исполнительный Комитет Союза и его Президиум, Совнарком Союза и Союзные Народные Комиссары по определенным в договоре отраслям управления, Союзный Верховный Суд. Членами Союза являются все указанные республики, гражданами Союза – граждане этих республик. Законодательство союзной власти должно непосредственно, без всякого утверждения властей республик приводиться в исполнение во всем Союзе. По некоторым вопросам управления союзная власть имеет исключительную компетенцию, по другим она устанавливает только основы законодательства и дает общее направление; другие отрасли управления остаются ис-

ключительно всецело в ведении самих республик. Некоторые народные комиссариаты республик руководятся директивами союзных народных комиссаров республик, другие народные комиссары республик являются совершенно самостоятельными. Граждане советских республик являются в то же время и гражданами Союза.

Мы не приводим здесь самого текста договора и касаемся его только в самых общих чертах, так как намеченный текст союзного договора не окончателен и подлежит еще, как мы указали выше, дальнейшей разработке в республиках и в ЦИКе Союза. Необходимо точнее разграничить полномочия союзной власти и властей республик, полнее определить организацию союзной власти и обеспечить совместную с Союзом самостоятельность республик. В этом отношении являются чрезвычайно важными те руководящие постановления, касающиеся организации Союза, которые были приняты в Москве в апреле 1923 года в резолюции XII Съезда Коммунистической Партии, а именно: а) чтобы при построении центральных органов Союза было обеспечено равенство прав и обязанностей отдельных республик как во взаимных между ними отношениях, так и в отношении центральной власти Союза; б) чтобы в системе высших органов Союза был учрежден специальный орган представительства всех без исключения национальных республик и национальных областей на началах равенства, с возможным учетом представительства всех национальностей, входящих в состав этих республик. Предполагается именно организовать ЦИК Союза в составе двух палат, из коих первая будет являться представительством всего трудящегося населения Союза, и члены ее будут избираться местными Губернскими Съездами Советов всего Союза, вторая же будет состоять из представителей отдельных республик, национальных областей и трудовых коммун. Резолюция, кроме того, требует, в) чтобы исполнительные органы Союза были сконструированы на началах, обеспечивающих реальное участие в них представителей республик и удовлетворяющих нужды и потребности народов Союза; г) чтобы были предоставлены республикам достаточно широкие финансовые и, в частности, бюджетные права, обеспечивающие возможность проявления их собственной государственно-административной и хозяйственной инициативы; д) чтобы органы национальных республик и областей строились по преимуществу из людей местных, знающих язык, быт, нравы и обычаи соответствующих народов.

Означенные партийные директивы и указанные выше предложения правительств союзных республик относительно договора будут приняты в соображение Центральным Исполнительным Комитетом Союза при составлении и утверждении

окончательного текста союзного договора, подлежащего затем введению в действие по утверждению его ЦИКом Союза. По ратификации же союзного договора II Съездом Советов Союза он получит окончательное утверждение и явится, таким образом, новой союзной Конституцией советских республик, определяющей устройство первой в истории Федерации Социалистических Советских Республик. Лишь Бухарская и Хорезмийская (Хива) Народные Советские Республики, не будучи еще социалистическими, не войдут в состав членов Союза ССР, но останутся с ними, как и до настоящего времени с РСФСР, в тесных союзных договорных отношениях.

Подготовка к публикации Андрея Захарова

«Белым был – красным стал»: Валентин Катаев и Всеволод Иванов

БОРИС
СОКОЛОВ

Валентин Петрович Катаев и Всеволод Вячеславович Ива́нов – известные советские писатели, авторы классических произведений социалистического реализма, занимавшие номенклатурные должности в официозных писательских организациях. Оба удостоены звания Героя Социалистического Труда. Катаев был главным редактором журнала «Юность», Иванов – редактором «Красной нови», председателем Литературного фонда и секретарем правления Союза писателей СССР. И парадоксальным образом, как и в случае с Николаем Тихоновым¹, «белый опыт» не только не помешал, но помог карьере Катаева и Иванова в советской литературе.

Борис Вадимович Соколов (р. 1957) – историк, филолог, член ассоциации ПЭН-Москва.

ВАЛЕНТИН КАТАЕВ. ЗАСТЕНЧИВЫЙ БЕЛОГВАРДЕЕЦ

Валентин Катаев, в отличие от Тихонова, не скрывал, что в Первую мировую войну был офицером царской армии. Хотя не

1 Это вторая статья из миницикла, посвященного гипотезам – и уже установленным фактам – участия писателей-классиков соцреализма в гражданской войне в рядах белых армий. В первой рассказывается о предполагаемой службе Николая Тихонова в армии Юденича: Соколов Б. *Соцреалист во стане белых воинов?* // Неприкосновенный запас. 2022. № 5(146). С. 30–66.

ОТНОШЕНИЕ
К «СОВЕТАМ» –
ПЕРСОНАЛЬНЫЕ/
КОЛЛЕКТИВНЫЕ
СТРАТЕГИИ

БОРИС СОКОЛОВ

«БЕЛЫМ БЫЛ – КРАСНЫМ
СТАЛ»: ВАЛЕНТИН КАТАЕВ
И ВСЕВОЛОД ИВАНОВ

вполне понятно, кончил он службу там прапорщиком или подпоручиком. Но в данном случае это вопрос не принципиальный. Своим биографам Катаев рассказывал, что весной 1919-го служил в Красной армии и командовал артиллерийской батареей, а в Одессу вернулся только после окончательного освобождения ее от белых, в феврале 1920 года². Однако документальных подтверждений службы Катаева в Красной армии до сих пор не найдено. Можно допустить, что в действительности Катаев у красных не служил, а выдумка про красную артиллерийскую батарею призвана замаскировать его реальную службу у белых.

Единственный раз в 1942 году, при заполнении личной карточки члена Союза писателей СССР на вопрос «Служил ли в армиях и отрядах, боровшихся против советской власти?» Катаев ответил: «Был мобилизован в 1920 году Деникиным, прослужил 4 дня в запасной артиллерийской бригаде, дезертировал»³. Здесь все было неправдой – и про мобилизацию, и про срок и место службы, и про то, что якобы в боях не участвовал, поскольку призван в запасной ардивизион.

Все эти утверждения опровергаются одним документом. В архиве семейства Буниных сохранилось катаевское письмо от 15 (28) октября 1919 года со станции Вапнярка, которое сопровождала пометка Веры Николаевны Муромцевой от 20 июня 1930 года: «Разбирала письма. Попалось письмо Катаева с белого фронта»:

«Дорогой учитель Иван Алексеевич, вот уже месяц, как я на фронте, на бронепоезде “Новороссия”. Каждый день мы в боях и под довольно сильным артиллерийским обстрелом. Но Бог пока нас хранит. Я на командной должности – орудейный начальник – и команду башней. Я исполняю свой долг честно и довольно хладнокровно и счастлив, что Ваши слова о том, что я не гожусь для войны, не оправдались. Работаю от всего сердца. Верьте мне. Пока мы захватили 5 станций. Это значительный успех.

Часто думаю о Вас. Несколько раз читал Ваши стихи в “Южном слове”. Они прекрасны. С каждым новым Вашим стихотворением я утверждаюсь во мнении, что Вы настоящий и очень большой поэт. Завтра напишу Вам большое письмо с приложением своих стихов, которые прошу пристроить в Одессе куда-нибудь, напр., в “Россию”. Привет Вере Николаевне.

Ваш Валентин Катаев»⁴.

Почему же в 1942-м крайне осторожный Катаев признал, пусть и с оговорками, свою службу в Вооруженных силах Юга

2 Галанов Б.Е. *Валентин Катаев. Размышления о Мастере и диалоги с ним*. М.: Художественная литература, 1989. С. 11.

3 Шаргунов С.А. *Катаев: «Погоня за вечной весной»*. М.: Молодая гвардия, 2016. С. 96.

4 *Устами Буниных. Т. 2* / Под ред. М. Грин. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1981. С. 221–222.

России? А вот почему. С середины октября 1941 года Одесса находилась под румынской оккупацией. В городе могли оставаться знакомые, видевшие Катаева в конце 1919-го или в начале 1920-го в форме и в офицерских погонах, и они вполне могли поделиться своими воспоминаниями в местной прессе. А это грозило Валентину Петровичу очень большими неприятностями. Поэтому он, упреждая потенциальную возможность разоблачения, решил заранее озвучить версию о четырехдневной службе у белых по мобилизации с последующим дезертирством. Между тем из тона катаевского письма Бунинным можно скорее заключить, что Катаев по своему желанию пошел служить в Добровольческую армию.

Точно так же не вызывает сомнения, что он и ранее служил в Добровольческой армии. 13 (26) февраля 1919 года Муромцева отметила в дневнике: «На “Среде” Валя Катаев читал свой рассказ о Кранце, Яну второй раз пришлось его прослушать»⁵. Здесь не говорится о военной службе Катаева, зато 21 марта (3 апреля) 1919 года Муромцева пишет: «Позвонил Катаев. Он вернулся совсем с фронта. [...] Радио: Клемансо пал. В 24 часа отзываются войска. Через 3 дня большевики в Одессе»⁶. В этот день из-за ложных слухов о падении французского кабинета министров под руководством Жоржа Клемансо было принято решение об эвакуации войск Антанты из Одессы. Очевидно, Катаев поступил в Добровольческую армию (она находилась в Одессе с декабря 1918-го) в период с конца февраля до марта 1919 года, но уже 3 апреля вернулся в Одессу. Был он добровольцем или попал в Добровольческую армию по мобилизации – не ясно, но вероятнее первое, так как мобилизация офицеров в тот период в Одессе толком не проводилась.

А вот по поводу целей пребывания Катаева в Одессе при большевиках в апреле–августе 1919 года и позднее, с февраля 1920-го, существуют прямо противоположные точки зрения. Вера Муромцева зафиксировала в дневнике 30 марта (12 апреля) 1919 года:

«Группа молодых поэтов и писателей, Катаев, Иркутов, с острым лицом и преступным видом, Олеша, Багрицкий и прочие, держали себя последними подлецами, кричали, что они готовы умереть за советскую платформу, что нужно профильтровать собрание, заткнуть рты буржуазным, обветшалым писателям. Держали себя они нагло, цинично и, сделав скандал, ушли. [...] Говорят, подоплека этого такова: во-первых, боязнь за собственную шкуру, так как почти все они были добровольцами, а во-вторых, им кто-то дал денег на альманах, и они боятся, что им мало перепадет»⁷.

5 Устами Буниных. Т. 1 / Под ред. М. Грин. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1977. С. 100.

6 Там же. С. 105.

7 Там же. С. 109.

БОРИС СОКОЛОВ

«БЕЛЫМ БЫЛ – КРАСНЫМ
СТАЛ»: ВАЛЕНТИН КАТАЕВ
И ВСЕВОЛОД ИВАНОВ

БОРИС СОКОЛОВ

«БЕЛЫМ БЫЛ – КРАСНЫМ
СТАЛ»: ВАЛЕНТИН КАТАЕВ
И ВСЕВОЛОД ИВАНОВ

Возможно, в связи с этим инцидентом Бунин 25 апреля записал в «Окаянных днях»:

«Был В. Катаев (молодой писатель). Цинизм нынешних молодых людей прямо невероятен. Говорил: “За сто тысяч убью кого угодно. Я хочу хорошо есть, хочу иметь хорошую шляпу, отличные ботинки”»⁸.

Также весьма показательна запись в дневнике Муромцевой от 8 (21) апреля, из которой также можно заключить, что Катаев был добровольцем:

«Когда был у нас Федоров [писатель, познакомивший Катаева с Буниным. – Б.С.], мы рассказали ему о поведении Катаева на заседании. Александр Михайлович смеется и вспоминает, как Катаев прятался у него в первые дни большевизма:

– Жаль, что не было меня на заседании, – смеется он, – я бы ему при всех сказал: скидывай штаны, ведь это я тебе дал, когда нужно было скрывать, что ты был офицером»⁹.

Катаев работал в советском информационном агентстве – Бюро украинской печати (БУП) – и готовил культурную программу к празднованию Первомая 1919 года¹⁰. 15 (28) мая Муромцева записала в дневнике: «Охотников в Красную армию нашлось очень мало: почти никто не явился ни из буржуев, ни из пролетариата. Вероятно, начнутся скоро обыски и облавы. Будут искать уклоняющихся»¹¹. Вряд ли она упустила бы отметить, что Катаев пошел служить в Красную армию.

Сергей Шаргунов, автор вышедшей в 2016 году биографии Валентина Катаева, утверждает:

«Катаев оказался именно в 58-й дивизии – он сам сказал об этом критику Людмиле Скорино, что записано в ее книге “Писатель и его время”: “Я остался с четырьмя пушками. Стал командиром батареи. Нас примерно в районе будущего Днепрогэса переформировали. Дали лошадей, снаряды... Подчинили командиру пехотной части 58-й дивизии. Срочно бросили куда-то в сторону деникинского наступления. Мы доехали до Лозовой, дальше двигаться было нельзя”»¹².

Согласно Шаргунову, на службу в Красную 58-ю стрелковую дивизию Катаева забрали в мае, а в июне эшелон, в котором ехал Катаев, был разбит артиллерией белых, после чего писатель попал в Полтаву¹³.

8 Бунин И. А. *Окаянные дни*. М.: Современник. 1991. С. 75.

9 *Устами Буниных*. Т. 1. С. 113.

10 Шаргунов С. А. *Указ. соч.* С. 80.

11 *Устами Буниных*. Т. 1. С. 122.

12 Шаргунов С. А. *Указ. соч.* С. 89.

13 Там же. С. 694–695.

Факты опровергают эту версию. Начнем с того, что 58-я стрелковая дивизия Красной армии появилась только 27 июля 1919 года, когда этот номер был присвоен Крымской стрелковой дивизии¹⁴. К тому моменту, когда была сформирована 58-я стрелковая дивизия, станция Лозовая уже больше месяца была занята денкиинцами – и эшелон с Катаевым никак не мог прибыть туда из красной Одессы. 58-я стрелковая дивизия вообще не вела боев за Лозовую. Кроме того, совершенно непонятно, каким образом и когда Катаев мог попасть из Лозовой в Полтаву, а потом из Полтавы в Одессу. История со службой у красных понадобилась Катаеву для того, чтобы его произведения о гражданской войне воспринимались читателями, в том числе и в высоких номенклатурных кабинетах, как написанные человеком, сражавшимся на «правильной» стороне.

Раз Катаеву пришлось выдумывать для своего биографа историю с 58-й дивизией, становится весьма вероятным, что в действительности он в годы гражданской войны в Красной армии никогда не служил. В связи с этим весьма вероятной становится гипотеза Александра Немировского о том, что Катаев все время пребывания в Одессе красных, с апреля по август 1919 года, оставался в городе и продолжал работать в БУП¹⁵. Муромцева после долгого перерыва – с 12 (25) апреля – вновь упоминает Катаева только 24 августа (6 сентября) 1919 года:

«Вчера был Валя Катаев. Читал стихи. Он сделал успехи. Но все же самомнение его во много раз больше его таланта. Ян долго говорил с ним и говорил хорошо, браня и наставляя, советовал переменить жизнь, стать выше в нравственном отношении, но мне все казалось, что до сердца Вали его слова не доходили. Я вспомнила, что какая-то поэтесса сказала, что Катаев из конины. Впрочем, может быть, подрастет, поймет. Ему теперь не стыдно того, что он делает. Ян говорил ему: “Вы злы, завистливы, честолюбивы”. Советовал ему переменить город, общество, заняться самообразованием. Валя не обижался, но не чувствовалось, что он всем этим проникается»¹⁶.

Из этой записи следует, раз Бунин советовал Катаеву переменить город, то, следовательно, тот с апреля никуда из Одессы не выезжал. А то, что Бунин советовал младшему собрату по перу «переменить жизнь», может свидетельствовать в пользу того, что Катаев по-прежнему трудился в БУПе. Дневники Буниных опубликованы со значительными купюрами. В момент их публикации Катаев был еще жив, и публикатор могла воз-

¹⁴ <https://web.archive.org/web/20131029202148/http://grazdansk.abour.ru/1-0-20-0000083-000-0-0.html>.

¹⁵ НЕМИРОВСКИЙ А.А. *Гражданская война Валентина Катаева* (<https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9D/nemirovskij-aleksandr/grazhdanskaya-vojna-valentina-kataeva>).

¹⁶ *Устами Буниных. Т. 1. С. 147.*

БОРИС СОКОЛОВ

«БЕЛЫМ БЫЛ – КРАСНЫМ
СТАЛ»: ВАЛЕНТИН КАТАЕВ
И ВСЕВОЛОД ИВАНОВ

держаться от обнародования каких-то компрометирующих его фрагментов. Но в то же время в издание вошло катаевское письмо от 15 (28) октября 1919 года, однозначно доказывающее, что он сражался на стороне белых. Судя по этому письму, Катаев оказался на фронте в 20-х числах сентября 1919-го. Это заставляет предположить, что он поступил на службу на бронепоезд «Новороссия» вскоре после зафиксированного Верой Николаевной разговора с Буниным и, возможно, под влиянием этого разговора.

Александр Немировский считает, что Катаев не просто так оставался в Одессе при большевиках, а состоял в подпольной белогвардейской организации. Единственным аргументом в пользу этой версии Немировский считает тот факт, что Катаева сразу же приняли на офицерскую должность командира орудийной башни бронепоезда¹⁷. Действительно, тех офицеров, которые ранее служили в Красной армии, в Добровольческую армию, как правило, брали рядовыми, чтобы прежде «искупили вину». Однако, судя по всему, в Красной армии Катаев не служил, а лишь работал в одном из советских учреждений. На такое осенью 1919 года деникинцы уже смотрели сквозь пальцы. В конце концов, Катаеву надо было где-то работать, чтобы получать паек и не умереть с голода, а несоветских учреждений при большевиках в Одессе не было. Артиллеристы же белым были нужны. Катаев, хотя и окончил пехотное училище, ранее служил фейерверкером (унтер-офицером) в артиллерии. Так что само по себе назначение на офицерскую должность на бронепоезде не может служить доказательством участия Катаева в белогвардейском подполье в апреле–августе 1919 года. Так что предположение Немировского по-прежнему ждет фактических доказательств.

Всего Катаев во время своего «второго пришествия» в Добровольческую армию воевал около четырех месяцев как против красных, так и против петлюровцев. За это время он мог быть награжден производством, но вряд ли более чем одним. В этом случае Катаев мог закончить гражданскую войну подпоручиком или поручиком (в зависимости от того, признали или нет в Добровольческой армии его производство в подпоручики в 1917-м). В январе 1920 года бронепоезд «Новороссия» был оставлен по приказу командования на станции Тирасполь, а экипаж в составе корпуса генерала Николая Бредова совершил знаменитый переход в Польшу. Но Катаева среди них уже не было. В начале января он заболел сыпным тифом и был помещен в одесский госпиталь. Из-за болезни он не мог эвакуироваться в Крым. Незадолго до эвакуации родители за-

17 Немировский А.А. Указ. соч.

брали его из госпиталя домой, что, вероятно, помогло скрыть его службу у белых. В конце марта Катаев был арестован ЧК по делу о так называемом «Заговоре на маяке». В катаевской повести «Уже написан Вертер» (1980) автобиографический герой в этом заговоре действительно участвовал. Заговорщики собирались захватить маяк в момент прихода десанта из врангелевского Крыма, чтобы большевики не могли отключить его, а затем поднять восстание. Судя по всему, этот заговор был чекистской провокацией, на которую попались более ста человек, в большинство своем расстрелянных. Катаева спас его друг, чекист Яков Моисеевич Бельский (Бельский-Биленкин) (1897–1937), при содействии начальника следственно-судной части Одесского губернского военного комиссариата и председателя Военно-следственной коллегии П.П. Туманова¹⁸.

В советское время Катаев иногда, будучи нетрезвым, признавался, что служил у белых офицером. Так, Всеволод Иванов записал в дневнике 19 апреля 1948 года:

«Катаев и Зоценко в Ленинграде. Катаев позвонил: “Миша. У меня есть 10 тысяч, давай их пропьем”. Приехал на одной машине, она ему не понравилась – велел найти “Зис-110”. Нашли. За обед заплатил 1200. Уезжая, вошел в купе и поставил три бутылки шампанского. – Объясняя свое поведение в инциденте с Зоценко, Катаев ему сказал: “Миша. Я думал, что ты уже погиб. А я – бывший белый офицер”»¹⁹.

Надежда Кольшикина вспоминала, как Катаев инструктировал ее мужа, будущего известного переводчика Марата Брухнова, в годы Великой Отечественной войны:

«Перед уходом на фронт Валентин Катаев, знавший Марата, как он говорил, еще до его рождения, посоветовал никогда не шутить при старших по званию: “Если ты пошутил при начальстве и тебя не поняли – пиши пропало. Возненавидят, отомстят и пошлют в такое пекло, что никакой героизм не поможет. И вообще держи язык за зубами”. Кстати, сам Катаев виртуозно владел этим искусством»²⁰.

Валентину Катаеву было что скрывать. Но под конец жизни он все-таки выразил свое подлинное отношение к коммунистам и ЧК в повести о гражданской войне «Уже написан Вертер» (1980), где «красный террор» показан довольно правдиво. Тем не менее Катаев, как и Тихонов, был благодарен Сталину

БОРИС СОКОЛОВ

«БЕЛЫМ БЫЛ – КРАСНЫМ
СТАЛ»: ВАЛЕНТИН КАТАЕВ
И ВСЕВОЛОД ИВАНОВ

18 Киянская О.И., Фельдман Д.М. *Очерки истории русской советской литературы и журналистики 1920-х – 1930-х годов. Портреты и скандалы*. М.: Форум, 2015. С. 18–21.

19 Иванов В.В. *Дневники* / Сост. М.В. Иванов, Е.А. Папкова. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2001 (<https://coollib.net/b/433146-vsevolod-vyacheslavovich-ivanov-dnevniki/read?ysclid=l488bzcrq7546820169>).

20 Шаргунов С.А. *Указ. соч.* С. 337–338.

БОРИС СОКОЛОВ

«БЕЛЫМ БЫЛ – КРАСНЫМ
СТАЛ»: ВАЛЕНТИН КАТАЕВ
И ВСЕВОЛОД ИВАНОВ

за возрождение российского великодержавия. Близкий к Катаеву писатель Аркадий Львов (Бинштейн) зафиксировал его ксенофобско-имперский отзыв об Украине и украинцах:

«Хохлы [...] не любят не только евреев, они не любят нас, казапов, тоже. Они всегда хотели иметь самостийну Украину и всегда будут хотеть. Нет, – тут же пояснил он, – не думайте, что я к ним что-то имею. У меня даже есть среди них друзья, Збанацкий²¹, например, очень порядочный, интеллигентный человек, но, в общем, я хорошо помню их, особенно по Харькову, где я жил в двадцать первом году. Надо было находиться тогда там, чтобы понять, что такое украинский национализм. Теперь многие думают, что власти в Москве допускали тогда всякие перегибы, а я вас уверяю: никаких перегибов не было, а была просто нормальная реакция на всякие местные выкрутасы. И вообще я плохо понимаю их: что, им плохо живется, они не полные хозяева у себя, на Украине? Даже здесь, в Кремле, они составляют, наверное, половину правительства»²².

Всеволод Иванов. Из чего сделан «Бронепоезд 14-69»

В отличие от Тихонова и Катаева, Всеволод Иванов в Первой мировой войне не участвовал. А вот о характере его участия в гражданской войне полной ясности нет. В автобиографии 1922 года Всеволод Вячеславович писал:

«С 1917 года участвовал в революции. После взятия чехами Омска (был я тогда в Красной гвардии), когда одношاپочников моих перестреляли и перевешали, – бежал я в Голодную Степь и, после смерти отца (казаки думали: я его убил – отец был царелюб, хотели меня усамосудить), дальше за Семипалатинск к Монголии. Ловили меня изредка, потому что приходилось мне участвовать в коммунистических заговорах. Так от Урала до Читы всю колчаковщину я скитался, а когда удалось мобилизовать, то прикомандировали меня, как наборщика, к передвижной типографии Штаверха. Паспорт у меня был фальшивый: “Евгений Тарасов”»²³.

В 1928 году в справочнике «Писатели современной эпохи», составленном во многом со слов самих писателей, об участии Всеволода Иванова в гражданской войне говорилось немного подробнее:

21 Григорий (Юрий) Олиферович Збанацкий (1914–1994) – украинский писатель, бывший командир партизанского соединения имени Щорса.

22 Львов А.Л. *Простота неслыханной ереси (Необходимое дополнение к исповеди В. Катаева «Алмазный мой венец»)* // *Время и мы*. 1979. № 40. С. 170.

23 *Всеволод Иванов* // *Литературные записки*. 1922. № 3. 1 августа. С. 26.

«В Омске был корректором и зав. ин. отд. Губисполкома. Участвовал в войне Колчака с большевиками (был мобилизован в белую армию). Взят был в плен близ станции “Тайга”, где чуть не расстрелян партизанами. Позднее едва не умер в вагоне от тифа. В Ново-николаевске руководил работами (зимой) по закапыванию в землю 40.000 белых солдат, убитых и замерзших. Потом опять странствовал от Иркутска до Урала»²⁴.

21 октября 1939 года Всеволод Иванов в письме Сталину казался в своих прегрешениях периода гражданской войны:

«В 1918 году я был членом партии с.-д.-интернационалистов (группа “Новая жизнь”) в гор. Омске, будучи одновременно рабочим-наборщиком. Политическое мое развитие тогда стояло на чрезвычайно низком уровне, достаточно сказать, что в марте 1917 года, когда произошел переворот, представители двух партий, меньшевики и эсеры, в гор. Кургане предложили мне вступить в партию, то я, чтобы не обидеть знакомых, сразу вступил в обе партии, не видя между ними никакой разницы. Теперь это может прозвучать остроумно, но тогда я не острил. Итак, в 1918 году, при наступлении чехов, я вступил вместе с членами с.-д.-интернационалистов в Красную гвардию и сражался до отхода советских войск из Омска. Меня забыли на охране пороховых складов. Я уехал в поселок, но вынужден был оттуда бежать, так как мой брат, случайно, убил отца и казаки обвиняли меня в убийстве, так как мой отец был монархист, а про меня они знали, что я бывший красногвардеец. Я вернулся в Омск и поступил в типографию. Я долго мучился, ожидая ареста. Однажды, уже осенью 1919 года, ровно, пожалуй, двадцать лет назад, меня на улице Омска встретил типографщик и редактор кадетской газеты в Кургане Татаринев, у которого я когда-то конфисковал типографию, схватил меня за руку и кликнул полицейского. Я ударил его слегка по уху, он упал. Я скрылся. Я пошел к своему знакомому, сибирскому писателю А. Сорокину, и тот предложил мне поступить в типографию “Вперед”, выпускавшую такую же, под тем же названием, колчаковскую газетку. Я поступил туда, будучи представлен редактору как писатель-наборщик. Газетка выходила в количестве 500 экзмп. Не подумайте, что малым тиражом пытаюсь снизить свою вину. Она так же громадна и так же мучит меня эти двадцать лет, как если б я писал в “Тан” или “Тайме”. Словом, редактор попросил написать ему рассказ, затем статью. Я не хотел показывать ему, что не хочу или что я бывший красный, да и по совести говоря, я устал и замучился. К тому же и семейная моя жизнь была не сладка. Словом, я написал в эту газетку несколько статей, антисоветских, и один или два рассказа. Позже, в этой же типографии, я сам набрал и напечатал книжку своих рассказов, но ни одной статьи и рассказа из тех, о которых я говорю, я не включил. Это легко проверить, так как эта книжка у меня имеется. И опять-таки я не хочу этим снижать своей вины,

БОРИС СОКОЛОВ

«БЕЛЫМ БЫЛ – КРАСНЫМ
СТАЛ»: ВАЛЕНТИН КАТАЕВ
И ВСЕВОЛОД ИВАНОВ

24 Писатели современной эпохи. Био-библиографический словарь русских писателей XX века. / Под ред. Б.П. Козьмина. М.: ДЭМ, 1991. Т. 1. С. 246, 136.

БОРИС СОКОЛОВ

«БЕЛЫМ БЫЛ – КРАСНЫМ
СТАЛ»: ВАЛЕНТИН КАТАЕВ
И ВСЕВОЛОД ИВАНОВ

а просто указываю на то, что я и тогда чувствовал свое паденье. Больше за мной никаких антисоветских поступков не числится»²⁵.

Но, как кажется, Всеволод Иванов покался не во всех своих грехах, утаив главный из них. Одно дело – печатать в колчаковских и других белогвардейских газетах антисоветские статьи. Этим занимались почти все те будущие советские писатели, которым пришлось сколько-нибудь длительное время находиться на контролируемых белыми территориях. Голод не тетка, и, если другой профессией, кроме литературной, писатели не владели, приходилось писать в белогвардейские газеты, так как это порой становилось единственным способом добыть пропитание себе и семье. Советская власть за это строго не наказывала, а часто вообще не наказывала. Например, Самуил Маршак, оказавшись в Екатеринодаре при Деникине, печатал антисоветские и даже антисемитские стихи и фельетоны под псевдонимом «Доктор Фрикен», но впоследствии ему это никогда не ставили в вину²⁶. Сошел с рук даже антисемитский фельетон «Два комиссара»²⁷.

Жили-были два “наркома”,
Кто не слышал их имен?
Звали первого Ерема,
А второго – Соломон.

Оба правили сурово,
Не боясь жестоких мер.
У того и у другого
Был в кармане револьвер.

Не повезло лишь некоторым писателям, слишком активно сотрудничавшим с белой пропагандой. Так, Сергей Ауслендер (1886–1937) в 1918–1919 годах служил в Омске пресс-секретарем Верховного правителя России, адмирала Колчака, был автором его официальной биографии. В 1922 году один из руководителей ВЧК/ОГПУ Вячеслав Менжинский его простил и позволил легализоваться. Но в 1937 году Ауслендера расстреляли по обвинению в «контрреволюционной агитации», припомнив старые грехи²⁸. Однако в подавляющем большинстве случаев работа в белой печати сама по себе не считалась преступлением.

Вот только у Всеволода Иванова, как представляется, в прошлом была не только служба в белой печати. Вновь обратимся к его автобиографии 1922 года:

25 Иванов В.В. *Указ. соч.*

26 См.: Вьюгин В.Ю. *Политика поэтики: очерки из истории советской литературы*. СПб.: Алетейя, 2014. С. 195–229.

27 Утро Юга. 1919. 14 (27) марта.

28 Сергей Абрамович Ауслендер // *Жертвы массового террора, Бутовский полигон НКВД, 1937–1938 гг.* (www.sinodik.ru/?q=био&id=78349).

«Когда поезд окружили партизаны, комендант поезда прапорщик Малиновский сказал мне:

– Давай свою шинелишку, а сам мою бобровую шинель возьми. Я побегу, тут в сторону дорога открыта.

Я отдал. Прапорщик не убежал, и в полуверсте его зарубили. Подошли партизаны (в белых халатах – чтоб на снегу не заметно), старичка-генерала какого-то пристрелили у вагонов, мичмана с отмороженным ухом и человек тридцать добровольцев, выданных железнодорожниками»²⁹.

Иванова же взяли в плен, но потом отпустили благодаря заступничеству одного из его знакомых.

Судьба прапорщика Малиновского оказалась гораздо более счастливой, чем она представлялась писателю Всеволоду Иванову в 1922 году. В автобиографии Родиона Малиновского, будущего Маршала Советского Союза, а тогда комбрига, написанной 28 декабря 1938 года, говорилось:

«Дальше Омска было трудно пробираться – поезда ходили только воинские, лед на Иртыше ломали, через несколько дней, когда уже Петропавловск был взят Красной армией, я на рассвете пробрался через Иртыш перед проходом ледокола и пошел по целине, по снегу, держась телеграфных столбов железной дороги на зрительное расстояние, по дорогам идти нельзя было – по ним тянулись бесконечные колонны отступающих колчаковцев, пройдя весь день и ночь, на другой день к вечеру я совершенно выбился из сил и выбрался на дорогу, к этому времени уже опустевшую от колчаковских колонн. Немного пройдя по дороге, я наткнулся на разведку 240 Тверского стрелкового полка 27-й дивизии, был остановлен и обыскан, разведчики нашли у меня в кармане Французский военный крест (за бои в 1918 г. я был трижды награжден Французским Крестом де Гер) с мечами, вот в этих мечах и все заключалось, разведчики посчитали, что я не солдат, а офицер, потому что солдатам никогда не давали крестов с мечами, и решили просто меня расстрелять, кстати, недалеко от дороги были кусты. “Тащи его в кусты, и крышка”, – слышал я возгласы. Мной овладела сильная обида и злость, и я стал так сильно ругаться, как никогда не ругался, в это время один из разведчиков подал голос: “А то, ребята, давайте доведем его до штаба”. А ему в ответ: “Охота тебе с ним возиться, ну, и веди”, – так меня этот разведчик довел до ближайшего села, в котором расположился штаб батальона на ночлег. Командир б-на выслушал меня и позвал доктора, чтобы тот как ученый человек проверил мои французские документы, доктор проверил их и подтвердил, что документы на самом деле французские – это солдатская книжка и продовольственный аттестат, выданный в Марселе при погрузке на пароход, – они у меня и сейчас есть»³⁰.

БОРИС СОКОЛОВ

«БЕЛЫМ БЫЛ – КРАСНЫМ
СТАЛ»: ВАЛЕНТИН КАТАЕВ
И ВСЕВОЛОД ИВАНОВ

29 Литературные записки. 1922. № 3. 1 августа. С. 26.

30 Родион Яковлевич Малиновский (Автобиография) // Военно-исторический журнал. 1990. № 4. С. 15.

При таких обстоятельствах Родион Малиновский в ноябре 1919 года поступил в Красную армию.

Ни Всеволод Иванов, ни Малиновский всей правды в автобиографиях не писали. Начнем с того, что партизаны белых маскировочных халатов не носили, это скорее признак регулярной Красной армии, с которой и столкнулись Иванов с Малиновским. Последний определенно пишет в автобиографии, что наткнулся не на партизан, а на красноармейцев.

Малиновский действительно служил во французском Иностранном легионе уже после того, как Русский экспедиционный корпус во Франции был расформирован. Об этом он в автобиографии 1938 года сообщил, но утверждал, что закончил службу там командиром пулемета. В действительности же Малиновский закончил службу там командиром пулеметного взвода. Во французской армии тогда эта должность была сержантской, а вот в русской армии – офицерской. Тот факт, что он служил прапорщиком в колчаковской армии, Малиновский успешно скрывал почти всю свою жизнь. Лишь в 1954 году первая жена маршала Лариса Николаевна Шарабарова (Малиновская) написала донос председателю Центральной избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет СССР Николаю Швернику, где указывала, что отцом Малиновского был не безвестный сапожник, а жандармский полковник Яков Бургонь (в действительности – одесский полицмейстер, полковник, а при выходе в отставку – генерал-майор армейской пехоты Яков Иванович Бунин) и что Малиновский вместе с Георгиевским крестом получил первый офицерский чин, то есть прапорщика³¹. Последнее тоже соответствовало действительности, так как 4 сентября 1919 года представитель адмирала Колчака во Франции, генерал Дмитрий Щербачев, издал приказ о награждении солдат Русского легиона. Среди них был и ефрейтор Родион Малиновский, удостоенный Георгиевского креста 3-й степени³². В 1920 году Малиновский написал пьесу «Подвиги жизни» – о Ле-Куртинском восстании Русского экспедиционного корпуса во Франции в июне–сентябре 1917 года и о последующем участии автобиографического героя Петра Степина в гражданской войне. Действие пятой картины пьесы разворачивается в Сибири, через два года после Ле-Куртинского восстания, в последние месяцы 1919-го. Степин и его товарищ, солдат Скворцов, так же настроенный пробольшевистски, прибывают в армию Колчака в потрепанном обмундировании, характерном

31 Жиринов Е. *Произошел. Увидел. Победил* // Коммерсантъ Власть. 2006. № 40. 8 мая. С. 60 (www.kommersant.ru/doc/671733). Никаких последствий для Малиновского этот донос не имел, возможно, из-за того, что маршал в тот момент был близок к Хрущеву.

32 Попова С.С. *Боевые награды Маршала Советского Союза Р.Я. Малиновского* // Военно-исторический журнал. 2004. № 5. С. 31.

для освобожденных из германского плена. Они предъявляют документы, что являются офицерами, хотя и представляются чужими фамилиями:

«Явление 4-е. Те же и прапорщик Оглоблин.

Степин: Очень приятно. Я агент особого отряда контрразведки. Сотник Ордынцев. А вот мой коллега (указывает на Скворцова) того же отряда, корнет Блоуфель (Степин подает два документа).

Оглоблин (берет под козырь): Извиняюсь, господин сотник!»

Степин и Скворцов оказываются в запасном батальоне, там убеждают солдат перейти к красным партизанам, уверяя, что сами они «и есть настоящие красные», а их офицерские документы подложные. Степин убивает колчаковского офицера, который пытается им помешать³³.

В пьесе Малиновский наградил автобиографического героя пролетарским происхождением, участием в Ле-Куртинском восстании и пробольшевицким настроением. Автор же пьесы пролетарского происхождения не имел, в Ле-Куртинском восстании не участвовал, так как в это время лежал в госпитале, и большевикам не сочувствовал, так как служил в колчаковской армии. Но сцены с офицерскими документами, как представляется, имеют некоторые основания в реальности. Среди сослуживцев Малиновского в Красной армии могли распространяться слухи о том, что он офицер, и пьеса должна была доказать, что его офицерство было притворным.

Родион Малиновский написал также неоконченный автобиографический роман о своей юности и участии в Первой мировой войне, который издавался под названиями «Солдаты России» и «Первая память». В последнем издании была впервые опубликована заключительная глава о прибытии автобиографического героя, солдата Вани Гринько, во Владивосток и последующего путешествия по Сибири осенью 1919 года³⁴. Замечу, версия автобиографии и романа о том, что Малиновский мог добраться от Владивостока до Омска, имея только документы Иностранного легиона на французском языке, не выдерживает никакой критики. По всей вероятности, Малиновский имел офицерские документы, но либо уничтожил их, либо оставил в шинели, которую отдал Всеволоду Иванову. В последней главе «Первой памяти» Гринько, хотя и является рядовым, спокойно посещает казино, предназначенное только для офицеров, что можно расценить как скрытое указание на офицерство Малиновского. А в финале Гринько сталкивается с конным разъездом красных, что подтверждает убежденность Иванова в том, что прапорщик Малиновский мог быть именно зарублен, а не застрелен.

33 Рукопись пьесы хранится в домашнем архиве Натальи Родионовны Малиновской.

34 Малиновский Р.Я. *Первая память. Автобиографический роман*. М.: Новый хронограф, 2016. С. 611–633.

БОРИС СОКОЛОВ

«БЕЛЫМ БЫЛ – КРАСНЫМ
СТАЛ»: ВАЛЕНТИН КАТАЕВ
И ВСЕВОЛОД ИВАНОВ

Малиновский по роду своей военной профессии был начальником пулеметной команды белого бронепоезда. Товарищ Всеволода Иванова, Николай Иванович Анов (1891–1980), тоже писатель и тоже Иванов (Анов – это псевдоним), бывший с ним в Омске, в мемуарах свидетельствует, что, когда в 1917 году в Омске большевики брали власть, Всеволод служил в красной гвардии именно в пулеметном отряде³⁵. Так что он вполне мог служить в пулеметной команде Малиновского. А поскольку Всеволод Иванов не участвовал в Первой мировой войне (скорее всего был освобожден от призыва по зрению), то служить на бронепоезде он, по всей вероятности, пошел добровольно. Кстати сказать, Анов подтверждает знакомство и тесные связи Всеволода Иванова с упомянутым Сергеем Ауслендером и служившим в колчаковской армии поэтом Георгием Масло-вым, что само по себе может свидетельствовать о тогдашней политической ориентации будущего автора классической соц-реалистической повести «Бронепоезд 14-69»³⁶. Что же до расстрелянного красными мичмана, упомянутого в автобиографии 1922 года, то он мог быть начальником артиллерии бронепоезда (у белых на бронепоездах артиллеристами часто служили морские офицеры).

Если гипотеза о службе Всеволода Иванова на бронепоезде верна, то Малиновский мог послужить прототипом одного малосимпатичного персонажа «Бронепоезда 14-69» – прапорщика Обаба. Описание внешности Обаба: «упадая коротко стриженной головой в огромные, как степные дороги, плечи»³⁷ – очень напоминает портрет Малиновского. Как и будущий маршал, Обаб «из выслужившихся добровольцев»³⁸. Интересно, что с этим персонажем постоянно ассоциируются синие французские обмотки, которые имеются у одного из солдат бронепоезда. У Малиновского же такие обмотки остались от службы в Иностранном легионе.

В середине октября 1919 года советские войска Восточного фронта, отразив контрнаступление колчаковской армии, перешли в наступление на Петропавловск и столицу Колчака, Омск, взятый практически без боя 14 ноября. В ожесточенных боях за Петропавловск 30-го и 31 октября принимали участие два бронепоезда Сибирского казачьего войска – «Тагил» и «Забияка», впоследствии захваченные красными³⁹.

О возникновении замысла повести «Бронепоезд 14-69» Всеволод Иванов писал в автобиографии 1959 года:

35 Не исключено, что в действительности это произошло уже в 1918 году.

36 Анов Н. И. *На литературных перекрестках. Воспоминания*. Алма-Ата: Жазушы, 1974. С. 38–39, 53–54.

37 Всеволод Иванов. «Бронепоезд 14-69»: *Контексты эпохи* / Сост. Е. А. Папкина, под ред. Н. В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 10.

38 Там же. С. 42.

39 Шулдяков В. А. *Гибель Сибирского казачьего войска. 1917–1920*. М.: Центрполиграф, 2004. Т. 1. С. 500.

«Однажды весной 1921 года я приехал на пригородную станцию [Петрограда. – Б.С.], чтобы прочитать очередную лекцию о Льве Толстом команде бронепоезда. Не знаю, видел ли я прежде когда-либо бронепоезд. Во всяком случае эта громада, окрашенная в защитный цвет и стоявшая в тупике, поразила меня. [...] Когда лекция окончилась, командир завел речь не о творчестве Льва Толстого, а о том, как действовал на Украине бронепоезд во время гражданской войны. Речь его вызвала воспоминания среди бойцов, и, когда я вернулся на перрон вокзала, стало понятно, почему с таким потрясенным сердцем я глядел недавно на бронепоезд.

Вспомнился номер сибирской дивизионной красноармейской газеты – две крошечные страницы желтовато-бурой оберточной бумаги. Здесь я впервые прочел о бронепоезде 14-69. Я не утверждаю, что бронепоезд шел именно под этими цифрами – может быть, цифры паровоза были совсем другими, может быть, даже он назывался “Тремящий”, “Полярный”, “Разящий”. И не помню, было ли в газете официальное сообщение о подвиге партизан, очерк или просто отчет о митинге, – помню, было что-то короткое и вместе с тем потрясающе героическое!

Судите сами.

Отряд сибирских партизан, вооруженный только берданками и винтовками, захватил блиндированный бронепоезд белых вместе с его орудиями, пулеметами, гранатами и опытной командой! Для того, чтобы хоть на мгновение остановить мчащийся бронепоезд, партизан Син Бин-у, один из тех кули, которых царское правительство во множестве наняло и увезло на фронт для окопных работ, китаец лег на рельсы и был раздавлен бронепоездом. Машинист на секунду высунулся из паровоза, чтобы взглянуть на рельсы, на которых лежал китаец, и тотчас же был застрелен партизанами! Бронепоезд – один в тайге. Партизаны разобрали вокруг него рельсы и дымом “выкурили” команду.

Мне вспомнились одна за другой подробности захвата бронепоезда, которые я слышал от раненых красноармейцев и партизан.

И решил писать о западносибирских партизанах!

Я стал часто ездить на пригородную станцию в бронепоезд, чтобы читать лекции. Одновременно я узнавал специальное – термины, команду, – я ведь никогда не служил в армии, а несколько недель моего пребывания в Красной гвардии не сделали меня таким уж большим знатоком военного дела»⁴⁰.

Здесь Иванов всячески стремится убедить читателей, что детали, связанные с бронепоездом времен гражданской войны, знает исключительно по литературным и устным источникам, а не из личного опыта. Однако есть основания полагать, что у него был опыт пребывания на белом бронепоезде и участия на нем в боях. Тем более, что газетную заметку, на которую он ссылается, разыскать так и не удалось.

40 Иванов Всеволод Вячеславович // Советские писатели. Автобиографии: В 2 т. М.: ГИХЛ, 1959 (www.detskiysad.ru/raznlit/avtobiografia_ivanov.html).

В автобиографиях и воспоминаниях Всеволод Иванов утверждал, будто бы он вместе с вагоном газеты «Вперед» добрался до станции Ояш (или до станции «Тайга») в конце декабря 1920 года. Там его остановили партизаны или красноармейцы («На станции Ояш мы, наконец, встретили партизан») ⁴¹. Однако последняя публикация Иванова в этой газете вышла еще 16 октября под названием «“Ходи” и “капитана”» и под псевдонимом «Иван Лыков». 20 октября он также участвовал в вечере в городском театре Ишима, устроенном драмкружком газеты «Вперед». После этого никаких связей будущего автора «Бронепоезда 14-69» с газетой «Вперед» не прослеживается. Последние публикации Иванова в белогвардейской печати появились 4-го и 5 ноября в газете Сибирского казачьего войска «Сибирский казак». Это был очерк «У черты (Очерк фронта)» под псевдонимом «Вс. Тараканов» ⁴².

Напрашивается предположение, что после 20 октября, в последние недели перед захватом Красной армией колчаковской столицы Омска, Всеволод Иванов работал уже не в газете «Вперед», а в «Сибирском казаке» (сам писатель был из сибирских казаков, и речь шла об обороне его родных мест). Тогда Омск защищали главным образом части сибирских и оренбургских казаков, так как большинство остальных частей колчаковской армии уже утратили боеспособность. Вполне возможно, что редакция «Сибирского казака» помещалась в одном из двух бронепоездов сибирских казаков, действовавших под Омском. В этом случае Всеволод Иванов вполне мог познакомиться с прототипом своего «Бронепоезда 14-69» и даже принять участие в последних боях как боец пулеметной команды бронепоезда. Нет никаких данных, кроме сообщений самого Иванова о том, что он действительно отступил на восток от Омска вместе с остатками колчаковской армии. Анов сообщает:

«На другой день после прихода Красной армии в Омск мы уже выпускали “Известия Омского ревкома”. “Известия ревкома” существовали недолго. Из Петропавловска приехала редакция “Советской Сибири” во главе с Ем. Ярославским. Я стал работать там выпускающим. Через месяц я свалился от сыпного тифа, и мое место выпускающего “Советской Сибири” занял Всеволод Иванов» ⁴³.

Анов ни разу не упоминает, что к моменту вступления красных в Омск Всеволод Иванов в городе отсутствовал; более того, как мы видим, он пишет, что уже в середине декабря Иванов сменил его на посту выпускающего редактора «Советской Си-

⁴¹ Всеволод Иванов. «Бронепоезд 14-69»: Контексты эпохи. С. 358, 715.

⁴² Там же. С. 714.

⁴³ Анов Н. И. Указ. соч. С. 50.

бири». Вряд ли он успел бы к этому времени добраться до Омска со станции Ояш, если поезд газеты «Вперед» был там захвачен красными в конце декабря. Кроме того, Всеволод Иванов смог утаить свое сотрудничество в колчаковской печати, иначе его не назначили бы на такую должность. Наиболее вероятной представляется версия, что после захвата бронепоезда красными Всеволод Иванов добрался до Омска и там встретил их приход.

Не знаю, свиделись ли еще когда-нибудь Малиновский и Иванов. Маршал вряд ли запомнил Иванова по 1920 году. Но в годы Великой Отечественной войны, когда Малиновский стал командующим фронтом, его портрет публиковали в газетах, и Всеволод Вячеславович мог узнать своего командира. Так что впоследствии они чисто теоретически могли встретиться в Москве и обсудить чудесное спасение Малиновского, казалось бы, от верной смерти.

Итог

Свои произведения, посвященные гражданской войне, Катаев («Уже написан Вертер»), и Всеволод Иванов («Бронепоезд 14-69») написали, главным образом используя свой белогвардейский опыт. В боях на стороне красных ни один из этих писателей, как и Николай Тихонов, не участвовал (а Всеволод Иванов никогда не был у красных партизан). Валентин Катаев и Всеволод Иванов в гражданскую войну сражались с красными. Правда, у Иванова этот этап был очень коротким и исчислялся немногими неделями или даже днями. Поддерживать «политику партии и правительства» Катаев и Иванов стали из-за конъюнктурных соображений, в душе относясь к этой политике весьма критически. Необходимость подобного отказа от убеждений приводила их, как и в случае Тихонова, к тяжелому пьянству. 17 сентября 1942 года Всеволод Иванов записал в дневнике:

«Фадеев и Катаев пьют без просыпа: пространства для производства водки-то им хватит. Катаев пьет так, что даже Фадеев должен был ему посоветовать уехать на время: “А то за тобой уже посматривают”»⁴⁴.

Если уж прославившийся своим алкоголизмом Александр Фадеев просил Катаева умерить пыл, то это говорит о многом. О пьянстве Катаева сохранилось немало свидетельств. Вера Николаевна Муромцева, жена Бунина, 15 августа 1946 года за-

⁴⁴ ИВАНОВ В. В. *Указ. соч.*

БОРИС СОКОЛОВ

«БЕЛЫМ БЫЛ – КРАСНЫМ
СТАЛ»: ВАЛЕНТИН КАТАЕВ
И ВСЕВОЛОД ИВАНОВ

писала в дневнике, что третья жена писателя Константина Симонова, актриса Валентина Серова, рассказывала «о Вале Катаеве»:

«Он иногда запивает на 3 дня. То не пьет, не пьет, а затем, кончив повесть, статью, иногда главу, загуливает. Я думаю, что он несколько иначе все воспринимает, чем они, вот и тянет забыться. Все-таки он почти четверть века дышал нашей культурой»⁴⁵.

Юрий Юшкин писал:

«Последняя жена [Катаева] бегала от его пьяных побоев в писательском доме № 17 по Лаврушинскому переулку, скрываясь за первой открывшейся дверью; подлинность же этого не вызывает сомнения, ибо об этом мне рассказывала вдова Всеволода Иванова – Тамара Владимировна (в свое время бывшая женой И. Бабеля), которая не раз давала приют у себя (в квартире 42) жене Катаева (из квартиры 43)»⁴⁶.

Об этом же – в воспоминаниях Михаила Викторовича Ардова, который цитирует Фадеева:

«Катаев зашел ко мне на дачу, мы с ним крепко выпили, но нам спиртного не хватило. И хотя была глубокая ночь, мы стали ходить по соседним дачам и просить водку взаймы. И нам ее всюду давали, потому что хозяева очень боялись, что мы у них останемся».

И тот же Ардов приводил мнение своего отца, Виктора, именно с пьянством связывавшего позднее вступление Катаева в партию – в 1958 году: «Катаеву уже за шестьдесят: врачи запретили пить, по дамской части он уже не ходок... Значит, теперь “аморалку не пришьют”, а поощрения будут, и немалые»⁴⁷. Конечно, главной причиной вступления Катаева в партию было его назначение главным редактором журнала «Юность». На такой должности партийность была необходима. Но правда и то, что в послесталинские времена на бытовые пороки высокопоставленных номенклатурных работников уже во многом смотрели сквозь пальцы. В частности, Александру Твардовскому пьянство, еще более тяжелое, чем катаевское, никто не ставил в вину.

В пьяном виде писатели иногда говорили вещи запретные. Всеволод Иванов 6 июня 1942 года записал в дневнике:

«Пошел в гости к генеральше Т., пил и зверски напился. Произносил речи, в которых проскальзывало иногда уничтожение цензуры

⁴⁵ Устами Буниных. Т. 2. С. 257.

⁴⁶ Юшкин Ю.Б. *Из чего и как сплетал «Венец» Катаев...* // С.А. Есенин. *Жизнь моя, или ты приснилась мне...* (<https://esenin.ru/o-esenine/vospominaniia/iushkin-iu-iz-chego-i-kak-spletal-venec-kataev?>).

⁴⁷ Ардов М.В. *Вокруг Ордынки. Портреты. Новые главы* // Новый мир. 2000. № 5 (https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2000/5/vokrug-ordynki-3.html).

и Союза писателей. Генеральша, очень милый человек, но страшно боящаяся, как бы писатель “не отколол чего-нибудь”, глядела на меня испуганными глазами»⁴⁸.

БОРИС СОКОЛОВ

«БЕЛЫМ БЫЛ – КРАСНЫМ
СТАЛ»: ВАЛЕНТИН КАТАЕВ
И ВСЕВОЛОД ИВАНОВ

Как мы видим, ни Всеволод Иванов, ни Тихонов с Катаевым не были исключением – классики соцреализма, особенно скрывавшие свои предыдущие политические убеждения и факты биографии, в сталинское время (и позже) пили много, пытаясь примириться с обстоятельствами жизни и карьеры, которую они сами себе выбрали. Сам же сюжет трансформации «белого» военного опыта в образцовых произведениях соцреализма требует, как нам кажется, особого внимания литературоведов. Что до цены, которую Иванов, Тихонов и Катаев (и немало других советских писателей) заплатили за возможность сделать карьеру официального классика, то она была дорогой – и дело не только в пьянстве, но прежде всего в сознательном отказе от собственных представлений о том, как и о чем следует писать, что удручающим образом сказалось на качестве их литературной продукции.

P.S.

Уже после того, как работа над первой статьей цикла (о Николае Тихонове) была закончена, мне удалось обнаружить в сборнике «Памятка ливенца» фотографию «Сторожевой пост ливенской дивизии, расположенный под дер. Килли» (эта деревня ныне относится к Кингисеппскому району Ленинградской области). Впоследствии она была опубликована⁴⁹. Как мне кажется, запечатленный здесь на заднем плане высокий офицер, который держит в кармане правую руку, – это Тихонов. Тогда данная фотография может служить подтверждением, что в Северо-Западной армии поэт служил в рядах 5-й Ливенской дивизии.

Теоретически кто-нибудь из сотрудников ОГПУ/НКВД мог бы опознать на фотографии Тихонова. Но риск такого развития событий был небольшой. Нет уверенности, что сборник «Памятка ливенца» вообще попал в СССР до Второй мировой войны. Но, даже если попал, вряд ли бы кому-нибудь пришло в голову искать Тихонова на опубликованных там фотографиях. Да и качество фотографии невысокое, поэтому со стопроцентной уверенностью идентифицировать на ней Тихонова нельзя.

⁴⁸ Иванов В.В. *Указ. соч.*

⁴⁹ *Белая Россия 1917–1922. Фотоальбом* / Под ред. В.Ж. Цветкова, Б.С. Пушкарева. М.: Посев, 2003. С. 256.

БОРИС СОКОЛОВ

«БЕЛЫМ БЫЛ – КРАСНЫМ
СТАЛ»: ВАЛЕНТИН КАТАЕВ
И ВСЕВОЛОД ИВАНОВ

*Илл. 1, 2. Фотография
«Сторожевой пост
ливенской дивизии,
расположенный под
дер. Килли» с – предпо-
ложительно – Николаем
Тихоновым на заднем
плане и его же более
поздняя фотография.*

А еще в «Памятке ливенца» удалось найти написанный в 1919 году по образцу «Марша александрийских гусар» «Марш ливенцев», где есть один очень красноречивый куплет⁵⁰:

Лишь двинутся наши отряды,
Коммуна от страха бежит,
И нет ей, проклятой, пощады,
Попался – так значит, висит.

В свете этого можно предположить, что ругался с комиссарами Николай Тихонов примерно таким образом: «Попался, сволочь краснопузая! А ну, ребята, тащи его вон на тот сук!»

50 СЕВЕРИН А. *Марш ливенцев // Памятка ливенца. 1919–1929.* Рига, 1929. С. 149.

«Покрасневшие»: белоэмигранты, смирившиеся с Советами

АЛЕКСЕЙ
ВОВК

КТО ТАКИЕ «ПОКРАСНЕВШИЕ»

В изучении русского зарубежья заслуживает внимания феномен белых эмигрантов, принявших советскую власть: так называемых «совпатриотов» – или, как мы именуем их в этом тексте, «покрасневших» белоэмигрантов. Если термины «белоэмигрант» и «совпатриот» знакомы читателю, то понятие «покрасневший белоэмигрант» нуждается, вероятно, в пояснении. Под таковым имеется в виду лицо, эмигрировавшее в ходе революции и гражданской войны, поначалу настроенное к советской власти и коммунизму негативно, но позже изменившее свое отношение – вплоть до полной поддержки компартии и получения советского гражданства. Появление «покрасневших» было явлением не массовым, но весьма заметным, поскольку за перерождением подобных эмигрантов следовала активность, проявлявшаяся в просоветской пропаганде, нелегальной деятельности, участии в войне в Испании и антинацистском подполье. Наиболее ярко «покрасневшие» проявили себя во Франции в 1930–1940-х годах.

В отличие от белой эмиграции, пользующейся большим вниманием ученых, работы о «покрасневших» редки, причем в них затрагиваются, как правило, периоды либо начального изгнания (1920-е), либо Второй мировой войны. Первые научные материалы, в которых упоминались «покрасневшие» белые или в которых им предоставлялось слово, вышли во время оттепели и разрядки. Среди них, что вполне объяснимо, выделялись публикации, изданные в Советском Союзе и во Франции¹. Правда, вплоть до конца 1960-х в научной литера-

Алексей Юрьевич Вовк (р. 1984) – историк, специалист по истории русской эмиграции, старший преподаватель Российского государственного гуманитарного университета (Москва).

1 См., например: Александровский Б.Н. *Из пережитого в чужих краях*. М.: Мысль, 1969; Любимов Л. *На чужбине*. М.; Ташкент: Узбекистан, 1979; *О чем не говорилось в сводках* / Сост. И.И. Куликов, Ю.А. Плотников, Б.Л. Сахаров. М.: Госполитиздат, 1962; Нечаев Г.А. *Родина зовет! Партизанские газеты на русском языке во Франции* // Советская печать. 1965. № 5. С. 33–35; Он же. *Об участии советских людей в движении Сопротивления на севере и востоке Франции в годы Второй мировой войны* // Новая и новейшая история. 1964. № 4. С. 118–129; Он же. *Против общего врага: Советские люди во французском движении Сопротивления*. М.: Наука, 1972; Семиряга М.И. *Советские люди в европейском Сопротивлении*. М.: Наука, 1970; Тихонова З.Н. *Иван Троян – герой французского Сопротивления* // Вопросы истории. 1966. № 11. С. 151–155; LAROCHE G. *On les nommait des étrangers. Les immigrés dans la Résistance*. Paris: Les Éditeurs Français réunis, 1965.

туре эмигрантов предпочитали называть «советскими партизанами» или «русскими по происхождению»². В дальнейшем советские историки стали обращаться также к довоенной активности совпатриотов и их послевоенной репатриации³. Однако подобные труды полны идеологических штампов, передегиваний и умолчаний.

Поворот в изучении проблемы происходит в конце XX – начале XXI веков, когда в России становятся доступными эмигрантские⁴ и зарубежные⁵ издания, выходят мемуары «покрасневших»⁶, появляются работы о просоветских организациях зарубежья и их членах⁷. Отметим, что не все из них выполнены на высоком уровне. По нашему мнению, разговор о «покрасневших» должен касаться не только всплеска советского патриотизма, пришедшегося на 1944–1946 годы, но и изучения предшествующей перестройки белоэмигрантского сознания в 1930-е, а также реакции этих людей на события международной политики. И, конечно же, надо говорить о дальнейших судьбах героев нашей работы и об отношении к ним в диаспоре.

«ДЕЛО ИСКУПЛЕНИЯ НАШИХ ГРЕХОВ»

Итак, целью многих пореволюционных эмигрантов было желание попасть домой, поэтому возникшая уже в 1922 году в Бол-

- 2 См., например: Антошин А.В. *Русский Париж – за Советский Союз? Идеиные искания русских эмигрантов во Франции (вторая половина 1940-х гг.)*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2017. С. 5, 6.
- 3 *Почему мы вернулись на Родину: свидетельства реэмигрантов* / Сост. А.П. Осадчая, А.Л. Афанасьев, Ю.К. Баранов. М.: Прогресс, 1987; Шкаренков Л.К. *Агония белой эмиграции*. М.: Мысль, 1987.
- 4 Варшавский В.С. *Незамеченное поколение*. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына; Русский путь, 2010; Вестник русских добровольцев, партизан и участников Сопrotивления во Франции. 1946. № 1–2; Хенкин К. *Русские пришли*. Тель-Авив: Книготоварищество «Москва-Иерусалим», 1984.
- 5 Courtois S., Peschanski D., Rayski A. *Le sang de l'étranger. Les immigrés de la MOI dans la Résistance*. Paris: Fayard, 1989; Pavlova A. *Les Russes et les Soviétiques en France durant la Seconde guerre mondiale: entre collaboration et résistance*. Mémoire de Master 2 recherche. Histoire. 2015.
- 6 Борисов Н.В. «Пароль – Франция! Девиз – Советский Союз!» // Отчизна. 1990. № 1–5; Костицын В.А. «Мое утраченное счастье...»: воспоминания, дневники / Сост. В.Л. Генис. М.: Новое литературное обозрение, 2017; Кочетков А.Н. *Иду к тебе. 1936–1945*. Forest Hills: T&V Медиа, 2013; Рощин Н.Я. *Парижский дневник*. М.: ИМЛИ имени А.М. Горького РАН, 2015.
- 7 См., например, мои работы: Вовк А.Ю. *Деятельность Союза русских патриотов во Франции (по материалам архива Дома русского зарубежья)* // *Российская эмиграция в борьбе с фашизмом. Международная научная конференция, Москва, 14–15 мая 2015 года* / Сост. К.К. Семенов, М.Ю. Сорокина. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2015; Он же. *Основание и издание газеты «Русский патриот»: из истории русскоязычной печати французского Сопrotивления* // *Издательское дело российского зарубежья (XIX–XX вв.): сборник научных трудов*. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына; Институт российской истории РАН, 2017; Он же. *Русский эмигрант во французской тюрьме и лагере для «нежелательных иностранцев» Верне* // *Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований*. 2018. № 3(14). С. 110–129; Он же. *Русские бойцы интернациональных бригад и члены эмигрантских организаций в лагерях Франции* // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2019. Т. 10. № 2(76) (<https://history.jes.su/s207987840004618-8-1>).

гории первая организация потенциальных репатриантов так и называлась – «Союз возвращения на родину» («Совнарод»). Его лидеры отказались от идей Белого движения и призывали «начать дело исправления наших ошибок, сознательно или бессознательно нами совершенных, дело искупления наших грехов»⁸. Подобные настроения, подогреваемые советскими амнистиями 1921-го и 1923 годов, а также политикой Лиги Наций, наблюдались во всех странах русского расселения и стимулировали массовую репатриацию. Но к концу десятилетия возвращение приостановилось: во-первых, въезд разрешался лишь «простым солдатам, обманом и силой принужденным воевать»⁹; во-вторых, в СССР неуклонно крепло подозрительное отношение к соотечественникам, прибывающим из-за рубежа¹⁰. В отличие от предыдущего периода, в 1930-е репатриация стала делом крайне сложным. Возвращенцы старались не падать духом: «Отказывают, значит, нельзя по-другому. Значит, мы здесь нужнее»¹¹. Они почти ничего не знали о судьбе товарищей-одиночек, уехавших в то десятилетие. Между тем почти все они были репрессированы.

Из-за того, что въезд в СССР теперь разрешался лишь немногим, в диаспоре сложился довольно большой пул людей, желавших репатрироваться, но не имевших возможности это сделать. В основном это были, как вспоминал один возвращенец, бывшие подданные Российской империи: солдаты Русского экспедиционного корпуса и белых армий; уехавшие на заработки жители приграничных с СССР стран, а также проживающие за границей советские граждане¹². Больше всего возвращенцев было во Франции, стране с самой крупной, 80-тысячной, русской диаспорой, которые группировались вокруг созданного здесь в 1925 году собственного «Совнарода» (в мае 1937 года эта структура была преобразована в «Союз друзей советской родины» – СДСР). Центр организации находился в Париже, а в местах компактного проживания русских, включая Лион, Лилль, Марсель и Ниццу, действовали полтора десятка филиалов¹³. Точное количество возвращенцев неизвестно. Согласно разным источникам, их насчитывалось от 3975 человек в 1929 году до тысячи человек (вместе с семьями) перед

АЛЕКСЕЙ ВОВК

«ПОКРАСНЕВШИЕ»:
БЕЛОЭМИГРАНТЫ, СМЕРИВ-
ШИЕСЯ С СОВЕТАМИ

8 Цит. по: ШКАРЕНКОВ Л. К. *Указ. соч.* С. 75.

9 Гуссефф К. *Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920–1939 годы)*. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 97.

10 Лор Э. *Российское гражданство: от империи к Советскому Союзу*. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 283.

11 Кочетков А. Н. *Указ. соч.* С. 47, 58.

12 *Письмо П. Пелехина*. Архив Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына (ДРЗ). Ф. 25. Оп. 1. Д. 72. Л. 2.

13 Подробнее см.: Вовк А. Ю. «Союз друзей Советской родины». Париж, улица де Бюси, 12 // Диалог со временем. 2021. № 74. С. 363–377.

войной¹⁴. По одним данным, к ноябрю 1928 года через «Совнаррод» прошли 4,5 тысячи; по другим данным, к весне 1935-го – восемь тысяч¹⁵.

Посвятив первые годы агитации за возвращение, СДСР перешел к «обличению предательской по отношению к русскому народу деятельности ряда эмигрантских групп»¹⁶. Временами в этом ему помогали и другие объединения, хотя евразийцы, милюковцы из «Республиканско-демократического объединения» или оборонцы не разделяли идеологию СДСР полностью. Тем более, что по уставу в нем могли состоять только лица, признающие «правительство СССР законным». Для членов организаций, «преследующих цели, противные целям Союза друзей советской родины»¹⁷, был установлен запрет. Это проводило черту между СДСР и почти всей эмигрантской массой, хоть в чем-то несогласной с коммунистическим режимом. Возвращенцы тянулись к идейно близким французам (многие русские состояли в коммунистической партии и в левых профсоюзах), а также к советскому полпредству. По мнению некоторых исследователей, «Совнаррод» вообще курировался советскими дипломатами¹⁸. В свою очередь нам тоже известны свидетельства возвращенцев и документы французской полиции, подтверждающие связь с полпредством¹⁹.

Каким образом и почему люди приходили в СДСР? Ими двигали ностальгия и неустроенность беженской жизни, которые усиливались мировым экономическим кризисом и неприязнью местного населения. Кроме того, на эмигрантов угнетающе действовали многочисленные склоки и бесконечные скандалы в диаспоре, связанные как с пореволюционными изгнанниками, так и с советскими невозвращенцами – о некоторых из подобных случаев будет сказано ниже. Нездоровая атмосфера вовсе не укрепляла веру в «Белое дело» в среде эмигрантской молодежи. Выросшие за годы войны и изгнания люди не познали спокойной жизни на бывшей родине и теперь невольно

14 См.: Бочарова З.С. *Русский мир 1930-х годов: от расцвета к увяданию зарубежной России // Русский мир в XX веке: В 6 т.* / Под ред. Г.А. Бордюгова, А.Ч. Касаева. М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014. Т. 3. С. 198; Эйснер А.В. *Двенадцатая интернациональная*. М.: Советский писатель, 1990. С. 74; Любимов Л. *Указ. соч.* С. 229.

15 См.: *Биографические и исторические справки из комментариев к полицейскому отчету 1948 года о русской колонии в Париже // Закат российской эмиграции во Франции в 1940-е гг. История и память* / Науч. ред. Д. Гузевич. Париж; Новосибирск, 2012. С. 166; *10 лет Союза возвращения на родину* // Наш Союз. 1935. № 64–65. С. 2.

16 Бочарова З.С. *Указ. соч.* С. 197.

17 *Выдержки из устава Союза друзей советской родины* // Наша Родина. 1937. № 2. С. 16.

18 См., например: Бочарова З.С. *Указ. соч.* С. 197.

19 См.: *Обзор французского МВД о положении русской эмиграции в Европе и о ее связях с гитлеровским правительством // Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Документы и материалы* / Под ред. В.А. Авдеева, И.И. Басика. Курск, 2017. Т. 9. С. 856; Эфрон А.С. *История жизни, история души: В 3 т.* М.: Возвращение, 2008. Т. 1 («Письма 1937–1955 годов»). С. 9; Эфрон Г.С. *Дневники: В 2 т.* М.: Вагриус, 2007. Т. 1 («1940–1941 годы»). С. 323; Он же. *Указ. соч.* Т. 2 («1941–1943 годы»). С. 100.

тянулись к России советской. С грустными реалиями беженства контрастировали триумфальные новости, широким потоком поступающие из дома. Их важнейшим поставщиком был журнал «Наш Союз» (позднее «Наша Родина»). Причем даже если его публикации и оставляли у кого-то сомнения в успешном строительстве новой жизни, то их напрочь рассеивали публично читаемые письма из России. По словам современника, от подобного послания «веяло родиной», оно будило «гордость за свою родину, уверенность в будущем, в правомочности, прочности новой жизни»²⁰. Таким образом, блуждая по разным организациям в поисках приложения своих сил, часть эмигрантов, в конце концов, оказывалась в «Совнароде»²¹.

АЛЕКСЕЙ ВОВК

«ПОКРАСНЕВШИЕ»:
БЕЛОЭМИГРАНТЫ, СМИРИВ-
ШИЕСЯ С СОВЕТАМИ

Выросшие за годы войны и изгнания люди не познали } спокойной жизни на бывшей родине и теперь } невольнo тянулись к России советской. }

В этом отношении характерен пример Александра Тверитинова, который до СДСР прошел через савинковскую организацию, «Республиканско-демократическое объединение» и масонов. Став позднее одним из лидеров СДСР, Тверитинов был выслан французскими властями в СССР, где получил обвинения в шпионской и контрреволюционной деятельности и умер в заключении²². По похожему сценарию сложилась судьба капитана Беневоленского (имя неизвестно). Будучи антисоветским активистом, он нелегально приезжал в СССР, где встречался с подставными заговорщиками, которые убеждали его в том, что народ «идет за большевиками». Задушевные беседы с «единомышленниками» привели Беневоленского сначала к переоценке ценностей, потом в «Союз» – а затем к работе на советские спецслужбы²³. Наконец, показательно живое участие в жизни французских левых и «Совнарода» приняли бывшие гардемаринь; таковых была целая группа, в которую входили Георгий Клименюк, Федор Лидле, Павел Пелехин, Николай Роллер, Дмитрий Смирягин, Георгий Шибанов. На момент эвакуации белых ни один из них не был старше 22 лет.

20 Кочетков А.Н. *Указ. соч.* С. 80–81.

21 См. ответы на анкету «Почему я стал возвращенцем»: Наш Союз. 1935. № 64–65. С. 11–13; № 66. С. 11–13; № 67. С. 13.

22 Александр Александрович Тверитинов: крестный путь на Родину // История, культура и традиции Рязанского края (<http://www.history-ryazan.ru/node/5880>).

23 Хенкин К. *Указ. соч.* С. 89–91.

АЛЕКСЕЙ ВОВК

«ПОКРАСНЕВШИЕ»:
БЕЛОЭМИГРАНТЫ, СМЕРИВ-
ШИЕСЯ С СОВЕТАМИ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ЛЕГАЛЬНАЯ И НЕЛЕГАЛЬНАЯ

В парижском центре СДСР, находившемся на улице де Бюси, дом 12, работали столовая и библиотека. Имелись также драматическая студия, молодежный кружок и кружок политграфомы. Для знакомства с советской культурой устраивались просмотры фильмов (демонстрировались «Юность Максима», «Дети капитана Гранта», «Броненосец Потемкин»), чтение книг (читались «Кондуит и Швамбрания», «Тихий Дон», «Поднятая целина»), встречи с приезжавшими из СССР деятелями культуры. Похожая деятельность, но в меньших масштабах велась и в филиалах СДСР²⁴. Доклады о Ленине, пятилетке, индустриализации, как и проводимые женским отделом утренники, подтверждали новаторски-коммунистический характер организации. Но зато спектакли, детские елки, вечера «с концертом, лотереей, буфетом и танцами» были очень похожи на привычную эмигрантскую активность. Несмотря на разрыв с белыми соотечественниками, возвращенцы приходили на их собрания, из-за этого часто заканчивавшиеся драками²⁵. Контактная с французскими левыми, «покрасневшие» участвовали в их мероприятиях – например, вместе продавали газеты или митинговали²⁶.

С 1926 года выходил печатный орган возвращенцев, называвшийся «Наш Союз» (с 1937-го – «Наша Родина») и нацеленный на противостояние белоэмигрантской прессе²⁷. Изначально 14-страничный журнал-еженедельник превратился в 1928–1929 годах в четырехполосную газету, выходившую дважды в неделю. В 1930–1933 годах ее редактором был Кирилл Ружин²⁸. Позже «Наш Союз» вернулся к журнальному формату, на этот раз ежемесячному. Этот полиграфически качественный продукт изобилует обличающими материалами, о чем красноречиво свидетельствовали его заголовки: «Работа» грузинской эмиграции», «Эмигрантщина», «Преступная игра вождей» и так далее. Подобные статьи дополнялись материалами о репатриации, включая отчеты об отъездах в Москву и письма вернувшихся с описаниями новой жизни. Публиковались также хроника «Совнарода», тексты о внешней и внутренней политике СССР (рубрики «Молодежь Страны Советов», «Из советского быта», «На страже советских рубежей»). Постепенно последние стали преобладать, занимая до трех чет-

24 Вовк А. Ю. *«Союз друзей Советской Родины»...* С. 368, 369.

25 Кочетков А. Н. *Указ. соч.* С. 51–52; *«Даже если бы мы тогда могли заглянуть в будущее...»: Рассказывает А. П. Столыпин // Посев.* 1983. № 9(1316). С. 39.

26 Кочетков А. Н. *Указ. соч.* С. 41, 85, 89, 90.

27 Бочарова З. С. *Указ. соч.* С. 197.

28 *Письма Геннадия Нечаева.* Архив ДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 75. Л. 2.

вертей всего журнального объема. В «Нашей Родине» также писали об успехах Советского Союза в разных сферах (статьи «Хозяева Арктики», «Канал Москва–Волга», «Наша Родина – великая индустриальная держава»), представляли советские республики (рубрика «По Советскому Союзу»), перепечатавали материалы советской прессы. «Кризису зарубежья» была посвящена рубрика «В эмиграции», в которой преобладали нападки на младороссов, газету «Последние новости» и Русский общевоинский союз. Новшеством «Нашей Родины» стала рубрика «Русские эмигранты в рядах антифашистов», посвященная гражданской войне в Испании.

Наряду с открытой работой «Совнарод» занимался и подпольной деятельностью. В частности, заметную роль в организации играл Сергей Эфрон – бывший участник Белого движения, переосмысливший свои взгляды и за рубежом оказавшийся в рядах евразийцев и возвращенцев. Во Франции он был завербован НКВД и сам привлекал агентов, создав целую информационную сеть²⁹. Позднее на допросах в СССР он рассказывал о 24 завербованных: одни следили за Троцким, другие воевали в Испании, третьи ликвидировали врагов³⁰. Вместе с заданиями Эфрон выделял агентам и средства на их выполнение³¹. Скорее всего подобная секретная работа велась и другими «покрасневшими» – например, председатель лионского отдела Николай Качва, не вдаваясь в детали, вспоминал о вербовке эмигрантов «для работы по специальной линии»³².

Приведем несколько примеров такой работы. В 1936 году французскими властями был арестован один из ведущих журналистов правой газеты «Возрождение» Николай Алексеев, которого заподозрили в шпионаже в пользу Германии. На инцидент обратила внимание местная левая пресса, призвавшая к высылке из страны лидеров белых и закрытию «Возрождения». Алексеев в итоге был оправдан; при этом выяснилось, что его преследованию способствовало обращение в полицию Михаила Штранге, который, по некоторым данным, являлся завербованным Эфроном агентом НКВД³³. Следует отметить, что этот человек не раз выступал в СДСР с докладами, а после

АЛЕКСЕЙ ВОVK

«ПОКРАСНЕВШИЕ»:
БЕЛОЭМИГРАНТЫ, СМИРИВ-
ШИЕСЯ С СОВЕТАМИ

29 См.: Лосская В. *Марина Цветаева в жизни. Неизданные воспоминания современников*. М.: Культура и традиции, 1992. С. 181–183; Хенкин К. *Указ. соч.* С. 91.

30 Роговин В.З. *Партия расстрелянных*. М., 1997; «Продолжительность жизни»: *Беседа с Кириллом Хенкиным* // Радио Свобода. 2002. 8 сентября (www.svoboda.org/a/24203412.html). («Радио Свобода» внесено Министерством юстиции Российской Федерации в реестр СМИ, выполняющих функции иностранного агента. – *Примеч. ред.*)

31 KUNZI D., HUBER P. *Paris dans les années 30: Sur Serge Efron et quelques agents du NKVD* // Cahiers du monde russe et soviétique. 1991. Vol. 32. № 2. P. 288–290.

32 Качва Н.С. *Воспоминания*. Архив ДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 21. Л. 9.

33 Подробнее о Штранге см.: Вовк А.Ю. *Ученый, шпион, партизан? Штрихи к биографии Михаила Штранге (1907–1968)* // *Право на имя: биографика 20 века. Семнадцатые чтения памяти Вениамина Иофе. 29–30 июня 2020. Сборник докладов*. СПб.: Мемориал, 2021. С. 23–34.

репатриации утверждал, что поддерживал связь с советским консульством и выполнял его «отдельные поручения»³⁴.

В сентябре 1937 года в Швейцарии был застрелен советский разведчик-невозвращенец Игнатий Рейсс, а в Париже похищен глава военной эмиграции генерал Евгений Миллер. В этой связи эмигрантская пресса рассуждала о «большевицкой работе» Эфрона и его помощников, а французская печать указывала на причастность СДСР к отправке добровольцев в Испанию, описывала созданную этой организацией сеть информаторов и требовала от властей активных действий³⁵. Полиция довольно быстро установила причастных к убийству Рейсса – ими оказались сотрудники советского торгпредства, местные коммунисты и российские эмигранты, – но действовать не спешила: в результате подозреваемые скрылись³⁶. Медлительность правоохранителей объяснялась тем, что в 1932–1935 годах Франция подписала с СССР договоры о взаимопомощи и ненападении, взяв на себя обязательство «не поддерживать [...] военных организаций, имеющих целью вооруженную борьбу против другой Стороны»³⁷. По этой причине французские власти смотрели сквозь пальцы на незаконные действия советских агентов. Между тем исследователи, изучавшие документы французской и швейцарской полиции, не раз обращали внимание на тот факт, что Эфрон и СДСР работали на советскую разведку³⁸.

Испания

Возвращенцы приняли участие в гражданской войне в Испании, куда отправились до двухсот членов СДСР³⁹. Однако, несмотря на лояльное отношение французских властей к анти-

34 См.: Хроника Союза // Наша Родина. 1939. № 3. С. 15; № 6. С. 15; ШТРАНГЕ М. М. *Автобиографии. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки*. Ф. 591. К. 2. Ед. хр. 19. Л. 3, 13, 15.

35 См.: *Левое крыло евразийства* // Возрождение. 1937. 29 октября. С. 5; *L'enquête sur l'assassinat de Reiss et la perquisition rue de Bucy* // Le Matin. 1937. 24 octobre. P. 1–2. VERAN G.-Ch. *Skobline, Miller, Reiss, etc. conduisent aux même "témoins"* // Le Petit Parisien. 1937. 24 octobre. P. 1, 5; RACHART P. *Les perquisitions rue de Bucy mettent en relief l'activité soviétique en France* // Le petit journal. 1937. 25 octobre. P. 4.

36 Подробнее см.: ЗЕНЗИНОВ В. «Мокрое дело» в Лозанне // Меч. 1938. № 21. С. 4–5; № 22. С. 4–5; № 23. С. 4–5.

37 *Договор о ненападении [между Союзом Советских Социалистических Республик и Французской Республикой] от 29 ноября 1932 года* // *Документы внешней политики СССР*. М.: Политиздат, 1969. Т. 15 («1 января – 31 декабря 1932 г.»). С. 639.

38 См.: КЕМБАЛЛ Р. «Ни с теми, ни с этими» – тернистый путь Марины Цветаевой // *Одна или две русских литературы? Международный симпозиум, созванный факультетом словесности Женевского университета и Швейцарской академии славистики. Женева, 13–15 апреля 1978 года*. Лозанна, 1981. С. 41–51; KUNZI D., HUBER P. *Op. cit.* P. 285–310.

39 Всего на стороне республиканцев воевали около трехсот белоэмигрантов. Подробнее см.: *Российская эмиграция в борьбе с фашизмом...* С. 116–117.

фашистам, просоветским русским попасть на фронт было трудно, так как их нередко путали либо с «белыми русскими», либо с гражданами СССР, который официально в войне не участвовал. Появление русских в Испании могло привести к дипломатическим осложнениям⁴⁰. Позднее одни возвращенцы говорили, что надо было воевать «за правое дело»⁴¹ и «что нельзя там не быть, если ты не трепло и трус»⁴²; другие писали, что надо «искупить свою невольную вину»⁴³; наконец, третьи полагали, что, «согрешив оружием, оружием же и искупит»⁴⁴. Все эти мотивы объединяет одно: отвоевав на стороне бывших врагов – красных, – потом можно будет вернуться домой. Таково было обещание «Совнарода»⁴⁵. Похожим образом думали и в Кремле: «Разрешается возвращение в СССР тем из бывших русских белогвардейцев, которые честно дрались на стороне республиканских войск в Испании и вследствие ранений или болезни сейчас не могут активно участвовать в дальнейшей борьбе»⁴⁶.

Русские антифашисты проявили себя на войне по-разному; чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть характеристики Коминтерна. О своем опыте они регулярно писали в журнале Союза. Любопытно, что в их письмах стилистика эмигрантских мемуаров («под убийственным орудийным и пулеметным огнем, напоминающим времена великой войны, мы заняли замок, разгромив лучшие части итальянцев») соседствовала со штампами советской печати («я готов получить еще три таких ранения, чтобы участвовать еще в трех подобных разгромах международного фашизма, что положило бы конец его существованию»)⁴⁷.

Участие эмигрантов в войне на стороне республиканцев спровоцировало в зарубежье горячую дискуссию. Так, правая газета «Сигнал», размещая фотографию антифашистов, снабдила ее красноречивым заголовком «Растление русской души»⁴⁸. Большой скандал вызвали публикации влиятельной в диаспоре газеты «Последние новости». В них сообщалось, что в Испанию вербовали «безработных, завсегдаев бес-

АЛЕКСЕЙ ВОВК

«ПОКРАСНЕВШИЕ»:
БЕЛОЭМИГРАНТЫ, СМИРИВ-
ШИЕСЯ С СОВЕТАМИ

40 Эйснер А.В. *Указ. соч.* С. 75.

41 Там же. С. 81.

42 Кочетков А.Н. *Указ. соч.* С. 88.

43 *Автобиография и воспоминания Николая Роллера*. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 553. Оп. 1. Д. 5. Л. 19.

44 Эфрон А.С. *Указ. соч.* Т. 2. С. 130.

45 Эйснер А.В. *Указ. соч.* С. 19.

46 *Шифротелеграмма Я.К. Берзина М.И. Розенбергу о возвращении в СССР эмигрантов, воевавших в Испании, 16 января 1937 // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938 / Под ред. А.Н. Яковлева. М.: Международный фонд «Демократия», 2004. С. 41.*

47 Языков П. *Бой под Гвадалахарой // Наш Союз*. 1937. № 5. С. 10.

48 *Растление русской души // Сигнал*. 1937. № 3. 20 марта. С. 1.

платных столовых и ночлежных»⁴⁹. Безусловно, жизнь эмигранта была тяжела, и подобное иногда действительно имело место. Так, член «Совнарода» Ариадна Эфрон именно в таком ключе описывала безработного бывшего полковника Владимира Глиноецкого; однако она добавляла, что, получив разрешение на отъезд, этот опустившийся человек преобразился – стал «совсем другой, помолодевший, распахнутый, оживший, а не оживленный»⁵⁰. То есть участие беженца в войне было, по мнению «покрасневших», не игрой жизнью отчаявшегося человека, а борьбой за правое дело. Что же касается членов «Совнарода»/СДСР, оставшихся во Франции, то они были не так активны и помогали республике в индивидуальном порядке: переправляли еду, оружие и добровольцев⁵¹.

Возвращенцы покидали Испанию частями: одни уходили с Интербригадами в конце 1938 года, другие уже после поражения республики в феврале 1939-го. По прибытии во Францию их интернировали вместе с сотнями тысяч испанцев⁵². Довольно скоро апатия проигравших сменилась подъемом: смертность в лагерях снижалась, налаживался быт, можно было заниматься спортом и самообразованием. Свою роль играла и надежда на скорое освобождение, подталкивавшая интернированных к программе-максимум, состоявшей из трех пунктов: «учеба, активность, гигиена»⁵³. Эти настроения отражены в одной из лагерных стенгазет: «Когда на собрании нашего коллектива мы решили соблюдать гигиену и жить культурно, то наш барак взялся выполнить обязательства по-стахановски»⁵⁴.

Изменения в жизнь лагерников внес советско-германский договор 1939 года, после заключения которого в Советском Союзе и его сторонниках стали видеть союзников Гитлера. После начала войны на основании декрета об интернировании «подозрительных и нежелательных иностранцев» и запрета компартии по Франции прокатились несколько волн арестов. Членов просоветских организаций, как правило, направляли в прославившийся суровыми условиями лагерь Верне, функционировавший и после поражения Франции. «Покрасневших», как и других коммунистов, охватила тоска, и тогда подпольная парторганизация приняла решение «выйти за проволоку» – то есть разрешить своим членам соглашаться на работы в Германии⁵⁵.

49 Цит. по.: *Российская эмиграция в борьбе с фашизмом...* С. 114, 115.

50 Эфрон А.С. *Указ. соч.* Т. 2. С. 130.

51 *Письма Геннадия Нечаева.* Архив ДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 75. Л. 3; *Н.С. Качва.* Там же. Д. 22. Л. 1.

52 Подробнее о возвращенцах в лагерях см.: Вовк А.Ю. *Русский эмигрант во французской тюрьме...*; Он же. *Русские бойцы интернациональных бригад...*

53 Кочетков А.Н. *Указ. соч.* С. 17.

54 *Статьи, заметки, стихотворения* [материалы интернированных во французских лагерях]. РГАСПИ. Ф. 545. Оп. 4. Д. 66. Л. 8.

55 *Автобиография и воспоминания Николая Роллера.* РГАСПИ. Ф. 553. Оп. 1. Д. 5. Л. 48.

СОПРОТИВЛЕНИЕ

АЛЕКСЕЙ ВОВК

«ПОКРАСНЕВШИЕ»:
БЕЛОЭМИГРАНТЫ, СМЕРИВ-
ШИЕСЯ С СОВЕТАМИ

Новая страница в истории наших героев была перевернута 22 июня 1941 года. Нападение Германии на СССР, помимо всплеска германофилии, способствовало подъему в зарубежье оборонческого движения и просоветских симпатий⁵⁶. Выстраивание картины, отражающей участие эмигрантов в Сопротивлении, несмотря на многочисленные исследования, осложняется рядом факторов. Во-первых, в условиях подполья русские не стремились раскрывать сведения о себе. Во-вторых, многочисленные выходцы из России, состоявшие в Сопротивлении, почти сразу после войны оказались в Советском Союзе и потому почти не оставили историкам-французам информацию о себе. В-третьих, в СССР подготовка трудов об эмигрантах была ограничена идеологическими рамками. В-четвертых, исследователи зачастую рассматривают состояние эмиграции в 1939–1945 годах в дихотомии «за Германию или за СССР», игнорируя другие возможные позиции. Наконец, в-пятых, некоторые историки, обращаясь к этой теме, откровенно фантазируют. (К фантазиям можно, например, причислить сообщения о гибели семи тысяч русских в Сопротивлении или рассуждения об антигерманских настроениях большей части диаспоры⁵⁷.)

Сопротивление во Франции заметно активизировалось после того, как во Второй мировой войне наступил перелом, а немецкий оккупационный режим ужесточился. В октябре 1943 года в Париже возвращенец Георгий Шибанов, предварительно установивший контакт с М.О.И. («Main-d'œuvre immigrée» – созданная коммунистами профсоюзная организация, объединявшая рабочих-иммигрантов), созвал встречу старых товарищей, на которой был учрежден «Союз русских патриотов» (СРП). О деятельности этой структуры на сегодня известно довольно много⁵⁸. В годы войны СРП был разделен на три секции, занимавшиеся помощью военнопленным, работой с власовцами и агитацией в эмигрантской среде, а каждая секция подразделялась на «тройки». Репрессии, обрушившиеся на организацию,

56 О реакции зарубежья на это событие см.: Бэйда О. *«Сшиблись два антихриста». 22 июня 1941 года в оценке русской эмиграции* // Неприкосновенный запас. 2014. № 3(95). С. 143–161.

57 См., например: Дом-музей Марины Цветаевой. *Специальный проект «Русский la Résistance»* (<https://dommuseum.ru/speczproekty/resistance>); ЛЕБЕДЕНКО Р.В. *Указ. соч.* С. 182–183.

58 См.: Вовк А.Ю. *Деятельность Союза русских патриотов во Франции...*; Он же. *Основание и издание газеты «Русский патриот»...*; Горинов М.М. *Участник движения во Франции Н.С. Качва (по материалам архива Дома русского зарубежья)* // *Российская эмиграция в борьбе с фашизмом...* С. 130–144; Он же. *Судьба участника антифашистской борьбы во Франции Н.Н. Роллера* // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2020. № 10. С. 96–106; Кочетков В.А. *Биография Алексея Николаевича Кочеткова* (<https://anru.t-n-v.com/>); Он же. *Биография Георгия Владимировича Шибанова* (<https://gsru.t-n-v.com/>); Решетников С.В. *Русские эмигранты-сопротивленцы против восточных батальонов вермахта во Франции (1943–1944)* // Журнал российских и восточноевропейских исследований. 2019. № 1(16). С. 105–122.

были настолько сильны, что прибывшему из Лиона Николаю Качве пришлось в марте 1944 года налаживать всю работу заново; помимо прочего, он восстановил издание газеты и привлек в СРП группу лионцев. Кроме М.О.И. и компартии, «патриоты» нашли поддержку среди бывших младороссов и милюковцев. В этом, кстати, заключалось важное отличие русского подполья от французского, разделявшегося на правых и левых⁵⁹.

Рядовые члены СРП продавали получаемые от коммунистов «марки солидарности», собирали одежду, обувь и продукты, укрывали семьи арестованных товарищей⁶⁰. Отдельные «патриоты» привлекались как переводчики и связные, работающие в партизанских отрядах, гарнизонах власовской «Русской освободительной армии» (РОА) и лагерях восточных рабочих («остовцев»). Последним эмигранты помогали налаживать контакты с местным Сопротивлением, а также организовывать саботаж и побег⁶¹. Для городского подпольщика было важно как можно быстрее переправить беглеца к партизанам, поскольку, как сообщалось в одном из рапортов, потеря времени вела к «лишним финансовым расходам, а также консервации людей на квартирах в Париже, что небезопасно в отношении слежки со стороны наших противников»⁶². Угроза была вполне реальной: за первую половину 1944 года СРП пережил шесть провалов⁶³, причем в некоторых из них были повинны используемые оккупантами русскоязычные агенты. Например, Алексея Шапошникова в Лионе схватили после доноса шоферов-эмигрантов⁶⁴; Николай Сотников в Париже был арестован с помощью фальшивого советского военнопленного⁶⁵; Фаладей Сафронов в Шербуре был задержан после аналогичного визита «власовца»⁶⁶.

Одним из начинаний СРП было издание газеты «Русский патриот». Несмотря на разгром, пережитый редакцией в марте 1944 года, издание довольно быстро восстановилось. Работа велась по одной и той же схеме: сначала подготовка номера, потом печать на ротаторе, затем распространение по «тройкам», а также среди сочувствующих и врагов. В «Русском патриоте» выходили материалы об эмигрантах-коллорационистах («Предатели за работой»), о событиях в СССР и на Восточном

59 Кривошеин И.А. *Отчет о резистантской работе И.А. Кривошеина* // Вестник русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции. 1946. № 1. С. 38.

60 *Материалы о деятельности организации «Русский патриот»*. ДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 42. Л. 3.

61 *Рапорт П. Лисицына*. РГАСПИ. Ф. 553. Оп. 1. Д. 4. Л. 155–157 об.; *Рапорт И. Трояна*. Там же. Д. 2. Л. 56–59 об.

62 *Доклад по кадрам*. Там же. Д. 2. Л. 25. Л. 25 об.

63 Борисов Н.В. «*Пароль – Франция! Девиз – Советский Союз!*». № 3. С. 28.

64 *Charochnokoff Alexis. Dossier № 3879*. Archives du département du Rhône et de la metropole de Lyon. 3335W22, 3335W12.

65 *Письма Н.С. Качвы*. Архив ДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 25. Л. 12.

66 Кочетков А.Н. *Указ. соч.* С. 31–33.

фронте (о них узнавали по радио), а также об оккупации. Издание объясняло читателям, как можно проявить «подлинный патриотизм»: в частности, «Русский патриот» призывал солдат восточных батальонов дезертировать («К бойцам и командирам РОА»). Историограф СРП и один из редакторов газеты Николай Борисов подчеркивал ее уникальность как единственного антифашистского русского периодического издания Западной Европы – «выразителя особых русских, советских интересов»⁶⁷. Всего в подполье были выпущены тринадцать номеров тиражом от трехсот до пятисот экземпляров, распространявшихся преимущественно в парижском регионе. Хотя полномасштабному разворачиванию работы препятствовали аресты, недостаточное финансирование и пассивность диаспоры, подпольная деятельность СРП завершилась только с освобождением Парижа. Установить точное количество членов СРП невозможно, имеющиеся цифры варьируют от 30 до 120 подпольщиков. Возможно, что через СРП прошли несколько сотен человек. Мы также знаем, что тринадцать из них погибли от рук оккупантов или умерли из-за болезней⁶⁸.

АЛЕКСЕЙ ВОВК

«ПОКРАСНЕВШИЕ»:
БЕЛОЭМИГРАНТЫ, СМИРИВ-
ШИЕСЯ С СОВЕТАМИ

ПОСЛЕВОЕННАЯ ЭЙФОРΙΑ

В первые послевоенные годы Советский Союз пользовался большой популярностью во Франции. В условиях двустороннего сотрудничества генерал де Голль не мешал советской стороне проводить репатриацию, зачастую насильственную, а также целенаправленно разлагать эмигрантское сообщество⁶⁹. Эмиграция, по выражению современника, «пережила некое смятение, некие увлечения, несбыточные надежды»⁷⁰. «Советский патриотизм», собственно, и был наглядным выражением этих чувств: в зарубежье громко заговорили о «правоте» советской власти и ее перерождении⁷¹. Как замечал тогда Иван Бунин, «русские все стали вдруг красней красного; у одних страх, у других хлопство, у третьих стадность»⁷². В отдельных случаях советофильство исходило от тех же лиц, которые еще недавно сотрудничали с немцами⁷³. Некоторые из них – «приспособленцы» и «злонамеренные интриганы» – вступили в СРП, что повлекло

67 Борисов Н.В. *Наше прошлое* // Советский патриот. 1947. № 149. 29 августа. С. 2.

68 *Рукопись Николая Васильевича Борисова*. Историко-литературный музей города Пушкина. КП-6776. Л. 216.

69 *Закат российской эмиграции во Франции в 1940-е гг...* С. 114–119, 129.

70 Зайцев Б. *Бердяев* // Бердяев Н.А. *Самопознание (Опыт философской автобиографии)*. М.: Книга, 1991. С. 387.

71 Будницкий О.В. *1945 год и русская эмиграция: из переписки М.А. Алданова, В.А. Маклакова и их друзей* // *Ab Imperio*. 2011. № 3. С. 244.

72 Бунин И.А. *Дневники 1881–1953*. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. С. 327.

73 Бердяев Н.А. *Указ. соч.* С. 339, 340.

за собой напряженность внутри организации⁷⁴. Как писал сторонний наблюдатель, в 1945 году «игра на националистических струнках» эмиграции была свернута, а СРП превратился во «вспомогательную организацию советских органов»⁷⁵.

Несмотря на все это, среди совпатриотов царил эйфория: они бесконечно проводили встречи и торжественные собрания. СРП разросся до шести тысяч человек и 78 отделов⁷⁶. 10 марта 1945 года он был переименован в «Союз советских патриотов» (ССП), в составе которого имелись женская, молодежная, спортивная и артистическая секции, амбулатория, четверговая школа. Под его крышей устраивались лекции и кинопоказы, работали молодежные лагеря, десятитысячным тиражом издавалась «самая значительная в колонии», по оценкам французской полиции, газета⁷⁷. Доходы от ее продажи в совокупности с членскими взносами и прибылью от выставок и концертов формировали бюджет ССП⁷⁸. 14 июня 1946 года стал для всех совпатриотов большим праздником: в этот день в СССР был обнародован указ о восстановлении в советском гражданстве подданных Российской империи, проживавших на территории Франции⁷⁹. Результатом законодательной новации стала выдача эмигрантам примерно 10–11 тысяч советских паспортов⁸⁰. Эта мера, как и вообще вся активность совпатриотов, делила зарубежье: одни были в восторге, другие негодовали⁸¹.

В зарубежье громко заговорили о «правоте» советской власти и ее перерождении. В отдельных случаях советофильство исходило от тех же лиц, которые еще недавно сотрудничали с немцами.

Принятие советского гражданства бывшими апатридами привело в августе 1947 года к очередной реорганизации: ССП

74 Борисов Н.В. «Пароль – Франция! Девиз – Советский Союз!». № 5. С. 29; Костицын В.А. *Указ. соч.* С. 595.

75 Франсуа. «Советские патриоты» в Париже (письмо из Парижа) // Социалистический вестник. 1946. № 7–8. С. 187–188.

76 В.Г. Деканозов – В.Н. Меркулову: «О Союзе советских патриотов», 22 октября 1945. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 0136. Оп. 29. Д. 33. Папка 198. Л. 129.

77 *Российская эмиграция во Франции в 1940-е. Полицейский отчет 1948 года «La colonie russe de Paris» («Русская колония в Париже»)* / Публикация Д. Гузевича, Е. Макаренкова // *Диаспора: новые материалы*. Т. 8. Париж: Athenaeum; СПб.: Феникс, 2007. С. 436.

78 Там же. С. 412.

79 Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 июня 1946 года «О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Франции» // *Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 – июль 1956)*. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956. С. 68.

80 *Закат российской эмиграции во Франции в 1940-е гг...* С. 118.

81 *Пасхальный свет на улице Дарю: дневники Петра Евграфовича Ковалевского 1937–1948 годов*. Нижний Новгород: Христианская библиотека, 2014. С. 464, 465, 468.

превратился в «Союз советских граждан» (ССГ). В правление были избраны старые возвращенцы Николай Качва, Василий Ковалев и другие. Организация продолжила прежний курс. Один из активистов писал:

АЛЕКСЕЙ ВОVK

«ПОКРАСНЕВШИЕ»: БЕЛОЭМИГРАНТЫ, СМИРИВШИЕСЯ С СОВЕТАМИ

«В секциях “Союза советских граждан”, в его библиотеке, в редакции “Советского патриота” нам открылся новый мир: родина. Он открывался в ее изучении, а главное, в общении с советскими людьми, которое не было нам доступно целую вечность»⁸².

ССГ способствовал организации отъезда старых и новых советских граждан; последних уехало до шести тысяч человек⁸³. Добавим, что временами помощь в сборе вчерашних военнопленных и «остовцев» начинала напоминать настоящую охоту⁸⁴.

Летом 1947 года Францию охватили забастовки; в ситуации острого политико-экономического кризиса руководство страны согласилось принять «план Маршалла»⁸⁵. В условиях набиравшей обороты «холодной войны» такой курс отдалил Францию от СССР, усилив антикоммунистические настроения. В конце 1947-го полиция, действуя нарочито жестко, провела сборный пункт Борегар, вслед за чем последовали отзыв советской репатриационной миссии, высылка из Франции 24 представителей ССГ и закрытие указанного пункта⁸⁶. Активная организация, числившая в своих рядах большое количество иностранцев, могла бесппроблемно существовать до тех пор, пока это было выгодно Франции.

Оказавшиеся дома совпатриоты удивлялись советским реалиям. «Почему я назначен в Ульяновск, а не в Тбилиси к родственникам?» – недоумевал один; «Мы предоставлены сами себе», – огорчалась другая⁸⁷. Жизнь обретших родину тысяч людей в основном складывалась тяжело: у них немедленно возникли проблемы с трудоустройством, добыванием средств к существованию и оформлением пенсий, а некоторых вообще осудили по 58-й статье. Сожалели ли они о своем решении вернуться, были ли они правы? Отвечая на эти вопросы, мы склонны согласиться с историком, который пишет о заблуждениях и трагедии «тех патриотов России, которые не всегда были достойно оценены любимой ими родиной»⁸⁸.

82 Любимов Л.Д. *Указ. соч.* С. 348.

83 *Закат российской эмиграции во Франции в 1940-е гг...* С. 118.

84 Там же. С. 111, 112.

85 ВЕРТ А. *Франция. 1940–1955.* М.: Издательство иностранной литературы, 1959. С. 311–315.

86 *Закат российской эмиграции во Франции в 1940-е гг...* С. 129–133.

87 *Записная книжка Качвы.* Архив ДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 24. Л. 30; *Письмо Е.Г. Галай.* Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 15. Л. 46.

88 Антошин А.В. *Указ. соч.* С. 13.

ВАДИМ
МИХАЙЛИН

Лакунилингус, или О прагматических аспектах советских языков умолчания

*Вадим Михайлин
(р. 1964) – историк
культуры, социальный
антрополог, переводчик,
профессор Саратовско-
го государственного
университета.*

В глухие брежневские времена, когда обитателям советских городов и весей казалось, что мир навсегда застыл в состоянии этакого сумеречного гомеостаза, наиболее продвинутая – и, как правило, творческая в самых разных смыслах слова – часть этих обитателей любила при случае пожаловаться на несправедливость бытия. Повод для такого рода жалоб был очевиден. Публичная сфера советского образа жизни была строго регламентирована, и даже там, где эта регламентация не имела жесткой нормативно-правовой базы, действовало привычное российское правило: все, что не разрешено, запрещено. Сама система запретов далеко не всегда имела под собой сколько-нибудь оформленные основания: и если применительно к любой деятельности, имеющей экономическое или политическое измерение, творческий подход легко подводился под статьи действующего административного и уголовного права, то в области художественного самовыражения роль мерил дозволенного и недозволенного выполнял скорее некий набор конвенций, который – в зависимости от намерений и возможностей конкретного актора – можно было если и не слишком радикально, то все-таки достаточно заметно сдвинуть в ту или другую сторону, подведя под конкретный творческий жест соответствующее идеологически грамотное обоснование.

Тем не менее даже этот относительно пластичный – в позднесоветские времена – механизм оставался прежде всего запретительным, так что истинная «свобода творчества» была возможна только за его пределами, а следовательно – и за пределами публичных советских пространств. И сам способ жизни позднесоветского человека, для которого ничем не ограниченное самовыражение в той или иной сфере – художественной, научной (если речь шла о гуманитарных науках), эзотерической или экономической – являлась значимой ценностью, вынужденно предполагал необходимость поиска разного рода «карманов бытия», которые предоставляли возможность так или иначе выстраивать собственное поведение в соответствии с этой ценностью.

Представление о том, что именно «Софья Власьевна» создает непреодолимые препятствия на пути к единственно правильным творческим стратегиям, было весьма распространенным.

Как и связанное с ним представление о том, что снятие цензурных ограничений неизбежно вызовет на просторах СССР небывалый подъем во всех мыслимых видах креативной деятельности и рождение нового золотого века, который откроет всему миру то, что так долго лежало в запасниках творческого воображения. Этот золотой век кому-то грезился в великорусских декорациях, кому-то в «западных», а кому-то – в декорациях национальных культур, возрожденных из колониального пепла и противопоставленных культуре имперской. Вот если бы Андрея Битова начали печатать всерьез... А если бы Андрей Тарковский получил свободу говорить то, что и как он хочет... Какие искрометные комедии снимал бы Эльдар Рязанов, если даже в глухие застойные времена он умудрится говорить с экрана на «нормальном», неофициозном языке – и делает это смешно...

Но вот советская власть начала сперва сдавать позиции, а потом и вовсе рухнула. Андрей Битов не сделался новым Джойсом, оставшись крепким российским постмодернистом – ничуть не лучше и не хуже множества крепких постмодернистов, значимых, но несколько провинциальных в контексте мирового литературного процесса. Тарковский уехал за границу и умер еще до падения СССР, но успел снять – вне зоны досягаемости каких бы то ни было советских источников давления – «Жертвоприношение». Очень тарковский фильм, про то же, про что он снимал всю жизнь, но только значительно слабее, чем «Андрей Рублев», который был создан в невыносимой постхрущевской атмосфере, или «Зеркало», созданное в атмосфере победившего брежневского застоя, еще более невыносимой. Ну а Рязанов... Рязанов просто разучился снимать комедии. Безвкусные и несмешные «Старые клячи» и «Привет, дуралеи!» производят впечатление, будто автор просто наугад запускал руку в пыльный мешок со старыми трюками, актерскими и сюжетными штампами – и второпях фиксировал все это на камеру. И самое главное: это кино напрочь лишено обаяния.

Данный текст – попытка проследить одно из возможных оснований, согласно которому с уходом советской власти не то что новый золотой век русской культуры, но даже век серебряный или бронзовый так и не наступил. И основание это я стану искать в логике, достаточно парадоксальной – связанной с тем, что причиной не то что резкого взлета, но, напротив, резкого падения уровня «культурной продукции»¹ от позднесоветской к ранней постсоветской традиции стала именно обретенная свобода творчества, заставившая отказаться (за неуместностью и неадекватностью актуальному положению вещей) от поздне-

1 И прежде всего в области кино – искусства, прежде всех прочих завязанного на сугубо антропологических измерениях зрительского восприятия.

ВАДИМ МИХАЙЛИН
ЛАКУНИЛИНГУС, ИЛИ
О ПРАГМАТИЧЕСКИХ
АСПЕКТАХ СОВЕТСКИХ
ЯЗЫКОВ УМОЛЧАНИЯ

советских языков умолчания. Поскольку, как вышло на поверку, весь этот сложный и всепроникающий комплекс режимов умолчания – существовавший не только на уровне государственных институтов, но и на уровнях микросоциальной и индивидуальной самоцензуры – для позднесоветской культуры был настолько значим, что с его отменой сама эта культура попросту сдулась.

УМОЛЧАНИЕ КАК БАЗОВОЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ДЕЙСТВИЕ

Для начала мне следует обозначить собственную позицию касательно самого этого понятия – умолчания, – которое, с моей точки зрения, применимо к явлению, представляющему собой одно из базовых социокультурных действий². Существует оно в двух режимах, которые проще всего обозначить как умолчание первичное и вторичное.

Первичное умолчание имеет смысл понимать как преднамеренное (со стороны актора) смещение ситуативных рамок для некоторых включенных в ситуацию участников – что ведет к неравномерному доступу к значимой информации³. Рамки при этом можно либо сузить, зарезервировав необходимую информацию только за частью всей группы, либо переформатировать, исказив перспективу и определив те или иные внешние по отношению к ситуации факторы как значимые для ее восприятия. Один способ смещения рамок вполне может сочетаться с другим, но, как бы то ни было, результатом этого действия становится выстраивание социального порядка, построенного на неравномерном доступе к информации, в данном контексте представляющей собой ресурс, который можно сгенерировать буквально из ничего – а затем выстроить элитарную позицию на распределении доступа к нему⁴. Тот актер, который осуществляет само действие умолчания, таким образом пытается

- 2 С одной стороны, представленная здесь позиция исходит из оснований, близких к тем трактовкам «молчания» (*silence*), которые привычны для лингвистов. Значимые элементы сообщения становятся таковыми только во взаимодействии с «пустотой», с тем, что не высказано и не может быть высказано. Любая осмысленность представляет собой относительную величину в идеологически напряженной системе присутствий и отсутствий (см.: HALL S. *Signification, Representation, Ideology: Althusser and the Post-Structuralist Debates* // *Critical Studies in Mass Communication*. 1985. № 2. P. 91–114). С другой стороны, меня прежде всего интересует не природа осмысленного сообщения как таковая, а материя, куда более приземленные, связанные с прагматикой социального поведения, в котором осмысленное сообщение выполняет инструментальную роль, позволяя выстраивать и поддерживать социальные порядки.
- 3 В данном понимании первичное умолчание обозначает примерно то же явление, которое лингвисты и специалисты по теории коммуникации именуют «манипулятивным молчанием» (*manipulative silence*). См.: HUSKIN T. *Textual Silence and the Discourse of Homelessness* // *Discourse & Society*. 2002. Vol. 13. № 3. P. 351–352.
- 4 С представленной здесь точки зрения элитарность есть преимущественное право доступа к тем или иным социально значимым ресурсам, а также к праву распоряжаться ими.

обеспечить себе (или некоторому ограниченному числу участников) контроль над дальнейшим поведением всей группы, зарезервировав за собой право на интерситуативность, основанное на управлении ситуацией извне, за счет ресурсов, недоступных другим ее участникам. Сам актер для этого должен обладать как минимум двумя позициями, будучи одновременно включен в искомую ситуацию на правах значимого участника – и оставаясь за ее пределами как внешний наблюдатель.

ВАДИМ МИХАЙЛИН
ЛАКУНИЛИНГУС, ИЛИ
О ПРАГМАТИЧЕСКИХ
АСПЕКТАХ СОВЕТСКИХ
ЯЗЫКОВ УМОЛЧАНИЯ

Актер, который осуществляет действие умолчания, пытается обеспечить себе контроль над дальнейшим поведением всей группы, зарезервировав за собой право на интерситуативность, основанное на управлении ситуацией извне, за счет ресурсов, недоступных другим ее участникам.

Вторичное умолчание – это умолчание как сообщение, которое целенаправленно привлекает внимание к опущенной информации. При этом те данные, которые умалчиваются, должны быть вписаны в ситуативные рамки, принятые как автором сообщения, так и аудиторией, находиться в поле зрения обеих сторон и восприниматься как естественное информационное наполнение уже существующей ниши. Прагматические аспекты подобного действия так же ориентированы на манипуляцию аудиторией, но механизм задействуется более тонкий. Автор сообщения «подмигивает» адресату поверх текста, выстраивает рамку такого фейкового сообщничества. Он льстит адресату, который предположительно должен обратить внимание на лакуну и «понять намек» – тем самым получив не просто подтверждение собственной компетентности в некой области знания, но нечто гораздо более значимое. Фактически для реципиента моделируется такой режим первичного умолчания, где он оказывается по нужную сторону границы, которая пролегает между элитарной позицией, предполагающей доступ к ресурсу (информированности), и позицией профанной. При этом профанная позиция, как правило, обозначается дополнительно (через прямое высказывание, конструирование «некомпетентных» персонажей и так далее), не позволяя реципиенту забыть о «полученном благе». Вторичное умолчание – это своеобразная имитация акта дарения, где подарком является право на интерситуативность – при том, что интерситуативность эта существует только в пределах воображаемой ситуации, сконструированной специально, чтобы реализовать акт умолчания.

Кроме того, существуют несколько стратегий, связанных с нарушением режимов умолчания. Первый можно назвать «ошибкой дурака»: это экспликация лакуны, очевидной прочим участникам коммуникации. «Дурак» разрушает удовольствие, получаемое другими, срывая акт «взаимного дарения», «обмена интерситуативностью». Как правило, для нарушителя режимов умолчания подобный жест чреват тем, что его самого тем или иным способом «выносят за рамки».

Вторая стратегия строится на демонстративном возвращении уже смещенных кем-то ситуативных рамок в «исходное», «единственно правильное» положение, на восстановлении *status quo* – и служит основой для выстраивания соответствующей моральной (и социальной) позиции. Актор привлекает внимание к «несправедливому» утаиванию «истинных» ситуативных рамок, тем самым покушаясь на право элиты самостоятельно выстраивать режимы доступа к информации и свободно распоряжаться этим ресурсом. Понятно, что подобный жест просто не может не вызывать защитной реакции со стороны тех, чья элитарная позиция оказывается под угрозой. Отчего эта, вторая, стратегия достаточно регулярно маскируется под «ошибку дурака» – на чем основана знаменитая *Narrenfreiheit*, «свобода шута», впрочем, возможная скорее в художественных реалиях, чем в актуальной реальности.

Социальные режимы умолчания имеют смысл если не жестко привязывать, то во всяком случае соотносить с разными уровнями ситуативного кодирования⁵.

На семейном уровне ситуативного кодирования «прописываются» режимы, связанные с априорно действующим иерархическим принципом доступа к регулированию ситуативных рамок и, соответственно, к ситуативно значимой информации. «Прозрачность» здесь носит анизотропный характер. Каждая ступень в иерархии социальных статусов прямо связана с расширением как права на доступ к информации, так и права на собственную «непрозрачность» для более низких социальных статусов. Как результат, в социальных средах, для которых семейный уровень ситуативного кодирования является базовым (или одним из базовых), неизбежна кровная заинтересованность элит в как можно более полной перспекции, «опрозрачивании» всех нижестоящих статусов⁶ и, одновременно, в конструировании представлений о себе самих как о наделен-

5 Подробнее см.: Михайлин В. *О ситуативности репутаций: возвращение Одиссея* // Отечественные записки. 2014. № 1(58). С. 52–84.

6 Термин обоснован в: Он же. *Конструирование новой советской идентичности в «оттепельном» кино // Человек в условиях модернизации XVIII–XX вв.* Екатеринбург: УрО РАН, 2015. С. 312–320; и уточнен в: Он же. *Ex cinere: проект «советский человек» из перспективы post factum* // Неприкосновенный запас. 2016. № 4(108). С. 137–160.

ных неким сакральным знанием, не подлежащим переводу на профанные языки.

Соседский уровень ситуативного кодирования предполагает режимы умолчания, основанные на «паритете непрозрачности», признании за партнером по коммуникации права на утаивание ситуативно значимой информации ровно в той мере, в которой он готов признать аналогичное право за вами. Ситуативные рамки выстраиваются с учетом «зон умолчания», резервированных за каждым из акторов. При этом необходим дополнительный прогностический механизм, позволяющий достраивать недостающую информацию, «догадываться о недосказанном». Среди прочего он предполагает наличие конвенций, предполагающих возможность – и даже обязанность – время от времени нарушать режимы умолчания и регулирующих подобные нарушения. Такого рода «прорывы в откровенность» служат гарантией доверия, необходимого для поддержания соответствующих режимов социального взаимодействия. Для этого существуют специальные «жанры слива» (от изливания души в дружеской беседе до сплетни), привязанные к соответствующим поведенческим ситуациям и даже применительно к более или менее широким публичным пространствам, институционализированные (от деревенского колодца до «желтой прессы») – и уравновешенные не менее конвенциональными механизмами и институтами «принуждения к приличиям».

На *стайном* уровне строгость иерархических порядков, поддерживаемых максимально жесткими методами, компенсируются ситуативным распределением ниш в этих порядках, что приводит к «обязывающей необязательности» и самих порядков, и связанных с ними ролей. «Назначение» ситуативных рамок здесь, как правило, носит сугубо волюнтаристский и временный характер, что создает на месте границ между доступной и умалчиваемой информацией обширную и устойчивую серую зону. Сам факт существования ее, во-первых, заставляет доминирующие статусы постоянно подозревать статусы нижестоящие в «недостаточной прозрачности», а самих себя – в недостаточно полном владении критически значимой информацией. Во-вторых, нижестоящие статусы и в самом деле заинтересованно пользуются преимуществами, которые предоставляет им серая зона, по возможности компенсируя «информационные потери» от регулярно смещающихся ситуативных рамок. В-третьих, публичное пространство неизбежно параноизируется, превращаясь в зону сплошных имитативных стратегий, основанных на постоянно действующих режимах умолчания. Насаждаемая сверху мелочная регламентация всего и вся, сопровождаемая предельно жесткими режимами контроля, наталкивается на постоянно действующую «итальян-

ВАДИМ МИХАЙЛИН
ЛАКУНИЛИНГУС, ИЛИ
О ПРАГМАТИЧЕСКИХ
АСПЕКТАХ СОВЕТСКИХ
ЯЗЫКОВ УМОЛЧАНИЯ

скую забастовку»; при этом «верхи» привычно умалчивают о собственной некомпетентности и недостаточном владении информацией, а «низы» – о неполной лояльности и о «неискренности». Что, конечно же, не исключает вполне реальных прорывов в лояльность или компетентность – но сами эти прорывы зачастую неотличимы от имитации. Стайный уровень ситуативного кодирования – законная вотчина самых разнообразных, связанных между собой и перетекающих друг в друга режимов умолчания, как правило, достаточно внятных для всех участников коммуникации и оттого дающих почву для зыбких, «бликующих» семиотик – и для производства проективных реальностей, на этих семиотиках основанных. Как то, собственно, и было характерно для реальности позднесоветской.

ДВА ИСТОЧНИКА, ДВЕ СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ СОВЕТСКИХ РЕЖИМОВ УМОЛЧАНИЯ

Здесь мы сталкиваемся с ситуацией, которая на первый взгляд может показаться парадоксальной, поскольку, если исходить из анализа публичной советской риторики (вне зависимости от того, существовала эта риторика на уровне решений очередного съезда КПСС или на уровне «скрытого учебного плана», заложенного в структуру «искренного» оттепельного фильма), вывод должен быть предельно однозначным: перед нами стратегии умолчания, густо замешанные на патерналистских установках, – то есть в обозначенной выше терминологии, характерные не для стайного уровня ситуативного кодирования, для уровня семейного.

И в самом деле проект создания «советского человека» по происхождению своему был сугубо просветительским и потому не мог не нести в себе – на самом базовом, системообразующем уровне – прямых отсылок к тем способам, которыми было принято воспринимать человека и человеческую социальность у европейских культурных элит в старом добром XVIII веке. Отсюда, собственно, и тотальный патернализм, предполагающий постоянное присутствие в каждой конкретной ситуации некой компетентной, рационально мыслящей и действующей инстанции, одновременно – 1) включенной в ситуацию на правах активной и заинтересованной формирующей силы и 2) способной воспринимать ее *sub specie aeternitatis*, в теоретически «снятом» режиме соотносительности с предельно общим «замыслом»⁷. В пределе

7 Ср. со стандартной масонской риторикой, в которой постоянно сводятся и различаются между собой «духовная» деятельность, ориентированная на постижение замысла Архитектора Вселенной и на уточнение собственного места в этом замысле, и деятельность «материальная», направленная на вполне конкретное «обтачивание необработанных камней».

эта инстанция именовалась «исторической необходимостью», но в миру являла себя через целенаправленную деятельность партии, которая была вооружена передовой теорией, позволяющей прозревать ту самую историческую необходимость. Применительно к конкретным ситуациям ведущая и направляющая роль партии осуществлялась через ее агентов, каждый из которых, даже будучи несовершенно сам по себе, неизбежно превращался в носителя высшей рациональности и высшего морального права – и, по определению, был причастен к некоей, соразмерной с его местом в иерархии, сумме высшего знания. При этом «Человек» – вполне в просветительских традициях трактуемый как понятие, предельно общее, наделенное набором общих же эссенциальных качеств, – воспринимался как *tabula rasa*, по которой эта внеположенная ему компетентная инстанция может и должна прописывать единственно верный маршрут становления и развития – при каждодневном присмотре и руководстве, осуществляемых той же инстанцией, но в ее мирской, деятельной ипостаси.

Поскольку советское публичное пространство мыслилось как тотальное и никакая его диверсификация не просто не приветствовалась, но даже и не предполагалась, тотальный характер имела и сама обозначенная выше концепция человека, и основанные на ней формирующие стратегии – *всякий* советский человек как представитель принципиально новой общественной формации был «воспитан». Сам процесс этого воспитания мыслился как обучающий, с *постепенным* расширением поля компетентности до, в идеале, финального выравнивания всех позиций: до полного и окончательного растворения истинного знания в реальном социальном теле, состоящем из отдельных, но в равной степени «сознательных» индивидов. Пока же это идеальное послезавтра не наступило, социальная иерархия, во-первых, остается необходимым и желательным инструментом «воспитания», а во-вторых, неизбежно сцеплена с иерархией доступа к истинному знанию. И в самом деле не станет же учитель математики, владеющий методами матанализа, обучать матанализу первоклассников, которые еще не успели освоить таинств сложения и вычитания, не говоря уже о таблице умножения и десятичных дробях.

Вне зависимости от степени соотнесенности советской версии марксизма с каким бы то ни было реальным знанием о механизмах, регулирующих поведение отдельного человека или целой группы, подобная картина реальности предлагала крайне удобную модель накопления социального капитала. Причем модель, предельно понятную не только индивиду с дипломом о высшем образовании и с практикой чтения классиков марксизма-ленинизма в анамнезе – но и людям из совершенно

ВАДИМ МИХАЙЛИН
ЛАКУНИЛИНГУС, ИЛИ
О ПРАГМАТИЧЕСКИХ
АСПЕКТАХ СОВЕТСКИХ
ЯЗЫКОВ УМОЛЧАНИЯ

иных страт. Для советской интеллигенции, вне зависимости от степени принятия каждым конкретным учителем, писателем или врачом догматической стороны учения, удобство этой модели во многом объяснялось ее привычностью – поскольку XVIII век царил в интеллигентских головах и в дореволюционные времена⁸. Он мог рядиться в охранительно-абсолютистские одежды или в одежды либерально-просветительские, но ключевых антропологических установок при этом не менял.

Не менее привычной для российской интеллигенции была и позиция посредника между публичными дискурсами и дискурсами частными, которая позволяла переводить нужды и чаяния народных масс на язык больших идей (с тем, чтобы придать им общественно значимый статус и довести до сведения властных элит) – и в свою очередь адаптировать и транслировать большие идеи «в народ»⁹. Просветительский пафос в этой ситуации неизбежно обогащался акцентами на собственной миссии – а патерналистские режимы умолчания, помимо сугубо рационалистических и прагматических мотиваций, приобретали еще и мотивации духовно-мистического характера.

В случае с формированием советских режимов умолчания ситуацию существенно усложняло то обстоятельство, что процесс этот отнюдь не был односторонним, и, помимо элитарных компонент, так или иначе замешанных на просветительском дискурсе, в нем принимала участие куда менее заметная на сторонний взгляд струя: деревенская, восходящая к значительно более архаичным, чем XVIII век, антропологическим концептам и сама по себе достаточно разнообразная¹⁰. И – неизмеримо более мощная, как по числу носителей, так и по окончательному вкладу в габитус позднесоветского и постсоветского человека.

Деревня – замкнутый мир, с набором жестких рамок, регулирующих не только человеческое поведение, но и распределение информации, значимой для этого мира, и режимы доступа к ней. Причем вне этих рамок находится большой и

- 8 Ответ на неизбежно возникающий в связи с этим вопрос о степени преемственности между дореволюционной русской интеллигенцией и интеллигенцией советской, надеюсь, хотя бы отчасти будет дан чуть ниже.
- 9 Подробнее об особенностях русского интеллигентского сознания, отличающих его от сознания «западного» интеллектуала, см.: ГАСПАРОВ М.Л. *Интеллектуалы, интеллигенты, интеллигентность // Российская интеллигенция: история и судьба*. М.: Наука, 1999. С. 5–14. О посреднической позиции русской интеллигенции и о связанных с ней особенностях самопозиционирования см.: МИХАЙЛИН В. *Скромное обаяние позднесоветского интеллигента: об одном каноническом типаже Олега Янковского // Отечественные записки*. 2014. № 5(62). С. 137–153.
- 10 Архангельский помор обладал набором представлений о себе и о том, что правильно и что неправильно в доступном для него публичном поле, существенно отличающимся от рязанского землепашца. Отходник не разумел сельского старосту; старший сын из крепкого хозяйства – младшего, пожизненно обреченного быть бесплатным батраком для собственных родственников; забранный в солдаты деревенский «атаман» не понимал выкупившегося за пять лет до реформы и вошедшего в купеческое сословие миллионщика – и так далее.

опасный мир, обладающий собственными информационными ресурсами, отчасти совместимыми с ресурсами деревенскими, отчасти принципиально чужими и непонятными. И этот мир является источником постоянной угрозы для мира собственно деревенского: он способен производить полезные и даже удивительные вещи, но гораздо чаще из него исходят вещи, очевидно опасные для деревни в целом или для отдельных ее обитателей.

ВАДИМ МИХАЙЛИН
ЛАКУНИЛИНГУС, ИЛИ
О ПРАГМАТИЧЕСКИХ
АСПЕКТАХ СОВЕТСКИХ
ЯЗЫКОВ УМОЛЧАНИЯ

Поскольку советское публичное пространство мыслилось как тотальное и никакая его диверсификация не просто не приветствовалась, но даже и не предполагалась, тотальный характер имела и концепция человека, и основанные на ней формирующие стратегии.

Кроме того, он вызывает постоянное – опасливое – любопытство. Во-первых, исходя из соображений сугубо прагматического и прогностического порядка: предугадав очередную исходящую оттуда напасть, к ней можно хоть как-то подготовиться. Во-вторых, информация, полученная из большого мира и дающая некоторое, сколь угодно далекое от реальности знание о нем, представляет собой мощнейший ресурс воздействия на односельчан. Преимущество интерситуативности работает и здесь: позиция посредника, проводящего импульсы из одной среды в другую, позволяет не только быть «в курсе», но и использовать полученную информацию (и возможность исказить ее через умалчивание и заинтересованную реинтерпретацию) для того, чтобы контролировать внутреннюю деревенскую политику. Акторы, получавшие преимущественный доступ к этому ресурсу, менялись от эпохи к эпохе. До отмены крепостного права это были старики, главы «сильных» семей, извлекавшие постоянную ренту из возможности давить на односельчан, совмещая проходящую через них «барскую волю» с собственными интересами¹¹, – и, наоборот, перераспределять общедеревенские ресурсы в свою пользу, исполняя перед барским управляющим традиционный спектакль на тему

11 Один из наиболее жестких механизмов, построенных на этом ресурсе, позволял контролировать внутрисемейную ситуацию – к примеру, не допускать выделения женатых сыновей в самостоятельные домохозяйства угрозой отдать (через подконтрольный механизм сельских «выборов») в рекруты. Стивен Хок приводит крайне любопытную в этом отношении статистику: средний возраст российских рекрутов в 1834–1849 годах составлял 25,7 лет (при том, что брать можно было начиная с семнадцати), причем в большинстве своем они были женаты. См.: Хок С.Л. *Крепостное право и социальный контроль в России: Петровское, село Тамбовской губернии*. М.: Прогресс-Академия, 1993. С. 141–144.

«худости» сельского общества. Сразу после революции сходную нишу выстроили для себя вернувшиеся с фронтов Первой мировой солдаты, усвоившие азы эсеровской, большевистской или анархистской риторики и активно изображавшие перед представителями новой власти «сознательных крестьян»¹². К концу 1920-х им на смену пришли – и «раскулачили» – их же собственные младшие братья, использовавшие коллективизацию, чтобы поломать внутрисемейные и внутридеревенские механизмы принуждения: то самое поколение «сталинских выдвиненцев», руками которых чуть позже был осуществлен внутрисистемный антибольшевистский переворот середины–конца 1930-х¹³.

Кроме этой «внешнеполитической» системы позиций, которые позволяли оперировать ситуативными рамками и «включать» режимы умолчания, была еще и «внутриполитическая». Деревня представляет собой сложный конгломерат в достаточной степени автономных микросоциальных полей – прежде всего семейных. Причем порядки доступа к информации во вне- и внутрисемейных пространствах существенно разнятся между собой: для первых базовым является семейный уровень ситуативного кодирования, для вторых, с некоторыми оговорками, – соседский.

Внутрисемейные пространства предполагают неизбежную для семейного уровня ситуативного кодирования анизотропность. Младшие статусы полностью «прозрачны» для старших и лишены права на собственные закрытые информационные ресурсы; старшие обладают полным правом требовать от младших «информационной прозрачности» в порядке тотального принуждения, а не реципрокного обмена. Более того, демонстрация права на умолчание сама по себе является атрибутом внутрисемейной власти и потому задействуется при любом удобном случае. В этом есть своя прагматика. Деревенское воспитание в значительном большинстве построено на своего рода игре в угадайку: ты сам должен понять, как следует реагировать на те или иные вызовы. Если ты что-то делаешь не так, тебя наказывают – и рано или поздно ты понимаешь, как правильно. Тебе могут что-то объяснить, а могут не объяснить вообще ничего – поскольку сам принцип воспитания прежде всего предполагает формирование своеобразной «подконтрольной самостоятельности». Старший не дает подробных указаний – он проверяет и оценивает результаты; младший не запрашивает инструкций – он делает на свой страх и риск. Поэтому он постоянно виноват, постоянно ощущает присутствие

12 См.: Фицпатрик Ш. *Сталинские крестьяне*. М.: Российская политическая энциклопедия, 2008. С. 44.

13 Подробнее об этом см.: Михайлин В. *Лукавый и ленивый: раб как антропологическая проблема* // Новое литературное обозрение. 2016. № 6(142). С. 389–424.

всевидающего родительского ока – но разве можно выполнить весь объем деревенских работ по семейному самообеспечению, если после каждого выданного сыну или дочери задания будет следовать озадаченное «паа-аап..?».

Каждое домохозяйство в русской деревне представляет собой абсолютно замкнутый мир, со всех сторон обнесенный – от сторонних глаз – хозяйственными постройками и глухим забором. То, что происходит внутри этого пространства, не касается вообще никого из посторонних: там могут происходить вполне ужасные вещи, но в любом случае они квалифицируются как «дело семейное». «Законный» доступ извне к внутрисемейной информации осуществим исключительно через кого-то из старших, подконтролен им и зачастую обставлен ритуализированными практиками. На общедеревенский сход отец выходит вместе со взрослыми сыновьями, но само их участие в этом демократическом институте не предполагает никакой самостоятельности. И отец, и представители других семейных групп, да и сами они прекрасно отдают себе отчет в том, что они ресурс социального давления, во всем возможном спектре вариантов. Отношения же между семейными группами, полномочными представителями которых являются отцы, построены – по законам соседского уровня ситуативного кодирования – на паритете непрозрачностей. Мы умалчиваем ровно столько, сколько умалчиваете вы; и каждая из сторон кровно заинтересована в том, чтобы вскрыть эти режимы умолчания. Поэтому есть специальные ситуации и места, в которых происходят такого рода «вскрытия». Прежде всего это, конечно, праздники – особенно те из них, что имеют привязку к внутрисемейным контекстам и потому позволяют «заглянуть за забор»: свадьбы, сватовства, похороны, проводы, крестины, вечерки и так далее. Но есть механизмы и вполне повседневные – вроде тех, что связаны, скажем, со «случайными» разговорами у колодца, в сельском магазине или у завалинки. Здесь действуют режимы провокации, навета и сплетни: ты вбрасываешь информацию, чаще всего недостоверную или достоверную не вполне, с любовно обустроенными и демонстративно оформленными лакунами – а затем отслеживаешь особенности реакции и делаешь выводы. Сами эти практики также неизбежно служат предметом отдельного отслеживания и анализа – в том числе и в режимах провокации, сплетни и навета. Кто к кому подошел (или не подошел), заглянул в окно или через забор, кто и как между собой переглянулся – любое действие является социальным и считается как социальное. Нейтральных действий не существует, в любом случае ты посылаешь вовне некую информацию касательно того, что у тебя «за забором».

ВАДИМ МИХАЙЛИН
ЛАКУНИЛИНГУС, ИЛИ
О ПРАГМАТИЧЕСКИХ
АСПЕКТАХ СОВЕТСКИХ
ЯЗЫКОВ УМОЛЧАНИЯ

Как и в любом архаическом сообществе, здесь существует вполне устойчивая граница между культурной и коммуникативной памятью. Культурная память обладает более или менее нейтральным статусом. Это ресурс общезначимой информации, которая представляет собой некую ценность, принадлежит всем и может использоваться с повседневными прагматическими целями, но доступ к которой не является предметом постоянного и заинтересованного контроля¹⁴. В отличие от культурной, коммуникативная память предельно диверсифицирована и обусловлена механизмами заинтересованного контроля во всех своих сегментах – собственно, об этом и шла речь чуть выше.

Кроме того, отдельное поле, зримо или незримо присутствующее в деревенском пространстве, представляет собой память «внешняя», принадлежащая большому миру, не пересекающаяся с собственно деревенской культурной памятью и зачастую с ней конкурирующая. Она обладает высоким статусом, но заранее прописанные и доступные каждому механизмы подключения к ней отсутствуют: их нет ни на уровне бытового научения (семейного, соседского или уличного), ни на уровне эмоциональных практик соперничества, ни на уровне сколько-нибудь понятных культурных кодов, которые могли бы выступить в качестве опосредующей инстанции между культурной и коммуникативной составляющими. Поэтому режимы ее использования во внутридеревенской «политике» ситуативны и непредсказуемы – за счет чего, собственно, и рождается тот ресурс влияния, которым пользовались разного рода деревенские посредники в общении с внешним миром. Общую систему отношения к этой «внешней» памяти можно охарактеризовать словосочетанием «опасливая заинтересованность». Она принципиально непрозрачна – а потому *не требует верификации*. Человек, который, приехав в родную деревню, говорит, что он «Ленина видел», обеспечивает себе особый статус вне зависимости от того, состоялась между ним и Ильичом долгая и оживленная беседа, видел он вождя мирового пролетариата на фотографии в газете – или вообще не видел. По большому счету, память эта сплошь состоит из режимов умолчания, при этом весьма красноречивых и обладающих высоким потенциалом ситуативного воздействия. То есть, переводя в предложенную выше систему терминов, она исходно прописывается на стайном уровне ситуативного кодирования, на «языке песочницы».

А теперь представим себе, что огромная масса людей, наделенных именно таким восприятием «большой» культурной памяти, подвергается шоковой, молниеносной, по историческим меркам, урбанизации. С моментальным разрушением сложных

¹⁴ Ср. особые статусы и статусные роли, связанные с сохранением и актуализацией культурной памяти: сказители, «сведущие старики», просто хорошие рассказчики и импровизаторы.

социальных связей и режимов опознания, с необходимостью воспринимать колоссальные объемы разнородной информации, которую ты все равно не в состоянии не то что усвоить, но даже классифицировать, поскольку у тебя сбиты привычные когнитивные настройки, с радикальной трансформацией всех сфер бытовой, профессиональной и коммуникативной деятельности и так далее. Что все эти люди – составившие, кстати, значимое большинство населения в быстро растущих советских городах (не говоря уже о моногородах, рабочих поселках, военных городках – и, в пределе, о зонах и спецпоселениях) – оказались отключены от знакомых им механизмов культурной и коммуникативной памяти и погружены в поле той самой «большой» «внешней» памяти, к которой они привыкли относиться с опасливым любопытством; которую привыкли использовать прагматически и ситуативно и применительно к которой с их точки зрения отсутствуют сколько-нибудь надежные механизмы верификации.

ВАДИМ МИХАЙЛИН
ЛАКУНИЛИНГУС, ИЛИ
О ПРАГМАТИЧЕСКИХ
АСПЕКТАХ СОВЕТСКИХ
ЯЗЫКОВ УМОЛЧАНИЯ

УМОЛЧАНИЕ ПО-СОВЕТСКИ

Советский человек привык жить с ощущением, что где-то рядом с ним есть некий таинственный источник информации «про все». Московского профессора и чукотского оленевода, армейского капитана и матроса речного флота объединяло существующее на уровне всеобщего знания представление о том, что «нам не все говорят», о постоянном функционировании закрытого для «простого советского человека» ресурса знаний, значимых для понимания того, «как все на самом деле», и доступных немногим избранным, причастным к верхним этажам компетентностной иерархии, которая неизбежно совпадала (или была близко совместима) с иерархией государственной.

Следствий у такого положения вещей было несколько. Во-первых, это неизбежно приводило к повышению символической ценности «закрытой» (и, шире, любой) информации и к сильнейшему информационному голоду, усугубленному еще и феноменом «железного занавеса», автаркической отгороженностью СССР от всего остального мира. Причем доступ к информационным ресурсам воспринимался в том числе как механизм системного повышения собственного статуса. А это в свою очередь способствовало выстраиванию символических иерархий, основанных на доступе к информации, которые сами по себе – в режиме обратной связи – превращались в мотивирующий фактор.

Во-вторых, возникал феномен, который можно обозначить как «искушение лакуной»: тяга к созданию и приватизации за-

крытых информационных зон, а также к конструированию для себя позиции посредника, обладающего властью допускать или не допускать других людей (другие группы и даже целые институты) к закрытой информации. Подобные практики были распространены чрезвычайно широко и охватывали едва ли не все сферы жизни советского человека – прежде всего, конечно, те, что имели то или иное публичное измерение. Так, любой человек, имеющий опыт общения с академической средой советских времен, не мог не столкнуться с подобными моделями поведения – не всеобщими, но вполне распространенными и привычными. Специалист, занимающийся конкретной темой и обладающий «выходом» на связанные с темой источники (спецхраны, личные библиотеки, зарубежные коллеги и так далее), зачастую отказывал другим специалистам не только в доступе к этим источникам, но и в информации о том, что эти источники вообще существуют, и/или о том, что он имеет к ним какое-то отношение – поскольку режим «свободного доступа» воспринимался как покушение на собственную элитарную позицию. Позднесоветский гуманитарий – в массе своей – был озабочен не авторским правом, но правом собственности на первичную, «сырую» информацию, сам факт доступа к которой уже давал квазиавторский статус.

Противоположная посредническая стратегия – культуртрегерская – позволяла получать символические выгоды от деятельности, сопряженной с более или менее компетентной репрезентацией инокультурного (или наделенного каким-либо другим качеством инаковости) материала перед лицом благодарной аудитории, получившей – благодаря тебе – возможность причаститься таинств. Автор этого текста на излете советской и в начале постсоветской эпохи сам отдал дань этой стратегии, причем сразу в двух профессиональных областях: в качестве преподавателя зарубежной литературы и в качестве переводчика. Благо, что в те незамутненные времена для «нормального» советского интеллигента (то есть уже обогащенного тем или иным объемом информации о русском серебряном веке, Сальвадоре Дали и англоязычном модернизме, но взыскующего большего) серьезная «западная» культура оставалась едва ли не сплошным слепым пятном с редкими вкраплениями Фолкнеров, Шагалов и *Pink Floyd*’ов.

Престижные ниши, которые обеспечивали своему обладателю преимущественный доступ к закрытому для широкой публики (и даже для профессионалов) ресурсу, в СССР зачастую имели четко выраженное институциональное измерение, связанное, скажем, со статусом «выездного» специалиста, получившего возможность посещать международные конференции, принимать участие в совместных проектах, состоять в междуна-

родных научных обществах, пользоваться хорошими библиотеками и заводить горизонтальные научные связи по ту сторону «железного занавеса»¹⁵. Внутри конкретной дисциплинарной или тематической области «выездной» превращался в сакрализованную авторитетную фигуру, чье суждение было если и не окончательной инстанцией, то во всяком случае имело особый вес. Понятно, что подбор и утверждение внутрицеховых демидургов целиком и полностью контролировались как партийными структурами, так и структурами госбезопасности, что создавало для «компетентных органов» дополнительный, встроенный режим влияния на академическое сообщество¹⁶.

В свою очередь для простых смертных поиск источников информации неизбежно предполагал специфическое социально-коммуникативное измерение, связанное с выявлением потенциальных «держателей ресурса» и налаживанием отношений с ними – как правило, не бескорыстных, даже если выгода при этом сводилась к благам сугубо символического порядка. Фактически, информация и право доступа к ней становились такой же составляющей «экономики дефицита», как доступ к распределению очередей на квартиры или к поставкам промтоваров. И превращались в объект желания уже в сугубо психоаналитическом смысле термина: в предмет обладания, коллекционирования, любования, вытеснения, не говоря уже об опредмечивании в режимах самопозиционирования. Кроме того, доступ к информации зачастую был напрямую сцеплен с доступом к ресурсам сугубо материального плана: в режиме, связанном либо с социальной иерархизацией (номенклатура), либо с заинтересованным обменом, либо же с тем и другим одновременно (блат).

Подобные практики умолчания работали и в ситуациях, в которых, казалось бы, места для них попросту нет. Маленький

ВАДИМ МИХАЙЛИН
ЛАКУНИЛИНГУС, ИЛИ
О ПРАГМАТИЧЕСКИХ
АСПЕКТАХ СОВЕТСКИХ
ЯЗЫКОВ УМОЛЧАНИЯ

15 Не говоря уже о других источниках символического (а зачастую и не только символического) капитала, которые предполагал статус «выездного», – скажем, о возможности привозить «фирменные» предметы потребления, обладавшие статусом, близким к сакральному. Способность привезти из-за границы аутентичный кассетный магнитофон или «White Album» Битлз автоматически делала человека участником сети престижного обмена с выраженными номенклатурными обертонами.

16 И вызывало понятное раздражение со стороны «невыездных» коллег, неизмеримо более многочисленных и зачастую склонных к критической оценке реального профессионального статуса «выездных» – что, в сопоставлении с неизбежными «гэбэшными» коннотациями, могло превратить конкретного «выездного» в фигуру, вполне одиозную. Подобного рода контексты полезно принимать во внимание при оценке ожидаемого и реального восприятия конкретных культурных явлений в позднем СССР. Так, писатель Горчаков, блестяще сыгранный Олегом Янковским в «Ностальгии» (1983) Андрея Тарковского, просто не мог не вызывать соответствующих подозрений у любого «грамотного» советского гражданина. Поскольку околачиваться месяцами в капиталистической стране с некой смутной (и вполне условной) миссией по сбору информации о никому не известном русском композиторе конца XVIII века, да еще и в сопровождении персонального гида-переводчика, в 1970-х мог только человек, сугубо номенклатурный, да еще и состоявший в особых отношениях с советскими спецслужбами – вроде того же Юлиана Семенова. Что, конечно же, не могло не сказаться как на восприятии истории, рассказанной в фильме и густо замешанной на привычной интеллигентской проблематике (культ страдания, поиск особого пути, и так далее), так и на восприятии тех творческих поз, которые любил принимать Андрей Тарковский.

начальник, собирающийся в Москву, чтобы «порешать вопросы» на более высоком структурном уровне, мог спросить совета у кого-то из подчиненных, с которым состоял в доверительных отношениях и на мнение которого привык полагаться, касательно подарка, необходимого для того, чтобы «растопить лед» и выказать уважение к московскому чиновнику. При этом он отказывался называть не только имя и должность своего визави, но даже его пол, чем, конечно же, ставил человека, у которого просил совета, в весьма затруднительное положение. Другой, куда более распространенный случай: авторитетный специалист по конкретной узкой теме берет в библиотеке, обслуживающей его институцию (университет, музей, НИИ), все издания, связанные с областью его интересов и – в силу все той же предрасположенности системы к информационному дефициту – имеющиеся там в одном экземпляре каждое, запирает их у себя дома или в специальном шкафчике на рабочем месте, после чего годами не возвращает их в библиотеку.

Стоит ли говорить, что одним из неизбежных следствий подобного положения вещей становилась маниакальная одержимость секретностью, существовавшая повсеместно и транслируемая по множеству разноуровневых каналов – от государственной пропаганды¹⁷ до слухов и городских легенд¹⁸. К ней советский человек привыкал с детства. Еще в детсадовском возрасте он непременно знакомился со «Сказкой о военной тайне, о Мальчише-Кибальчише и его твердом слове» – с конца 1950-х, вероятнее всего, по мультипликационному фильму Александры Снежко-Блоцкой (1958), который крутили на мультсеансах в кинотеатрах и по телевизору как минимум раз в год, – или

17 Одна из самых востребованных тем в советском плакатном искусстве была связана именно с нарушением режима секретности и с теми катастрофическими последствиями, к которым это нарушение приводит. Тема эта дала понятный всплеск во время Великой Отечественной войны – и в этом отношении советская пропаганда ничем не отличалась от пропаганды других воюющих стран. Однако если в США или в государствах Западной Европы к 1950-м годам она практически сходит на нет, то в СССР продолжает педалировать еще достаточно долго и строго коррелирует с едва ли не самым востребованным широкой советской публикой кинематографическим жанром – шпионским детективом. Эта корреляция среди прочего сказывается и на том, что призывающий к соблюдению режимов секретности плакат к лобовым призывам прибегает сравнительно редко, причем случаи эти по большей части приходятся как раз на военный период («Не болтай!» Нины Ватолиной и Николая Денисова, 1941), хотя печатаются и позже («Строго храни государственную и военную тайну!» Аркадия Интезарова и Николая Соколова, 1952). Гораздо чаще плакаты, связанные с данной тематикой, используют «говорящие» сцены, которые отсылают зрителя к штампам кинематографического нарратива о шпионах и их отечественных пособниках («Не болтай у телефона! Болтун – находка для шпиона» Петра Голубя, 1951; «Болтун – находка для врага» Виктора Корецкого, 1953; «Болтовня, сплетни – на руку врагу» Константина Иванова и Вениамина Брискина, 1954; «В письме домой, смотри, случайно не разболтай военной тайны!» Константина Иванова, 1954; «Не болтай! Строго храни государственную и военную тайну!» Юрия Чудова, 1958 – и так далее). Отдельный интерес представляет распределение антропологических типов «наших» людей и «врагов», так же коррелирующее с кинематографическими конвенциями – подробнее об этом см.: Михайлин В., Беляева Г. *«Наш» человек на плакате: конструирование образа* // Неприкосновенный запас. 2013. № 1(87). С. 89–109.

18 См. в этой связи: Архипова А. *Опасные советские вещи. Городские легенды и страхи в СССР*. М.: Новое литературное обозрение, 2020.

по диафильму Григория Сояшникова и Владимира Геогджаева, вышедшему годом ранее. До этого – по оригинальной повести Аркадия Гайдара¹⁹; впрочем, эти варианты ничуть не исключали друг друга, учитывая тиражи и программный характер текста. В любом случае эта адаптация канонического агиографического сюжета о мученической смерти за веру была обогащена крайне выигрышной фигурой умолчания – сюжетом о некоей «Военной Тайне», которую каждый советский ребенок знает с детства и которая является одновременно символом веры и универсальным сверхоружием, гарантирующим победу над любым врагом. Причем если содержание этой Тайны для маленьких читателей и зрителей так и оставалось непроясненным, то знание о том, что она есть и представляет собой таинственную и могучую силу, фиксировалось. Фигуру шпиона советский ребенок так же научался опознавать еще до того, как начинал смотреть шпионские фильмы: скажем по иллюстрациям Ивана Семенова к повести Юрия Дружкова «Приключения Карандаша и Самоделкина», где Шпион Дырка в классическом нуарном костюме является одним из самых запоминающихся персонажей.

ВАДИМ МИХАЙЛИН
ЛАКУНИЛИНГУС, ИЛИ
О ПРАГМАТИЧЕСКИХ
АСПЕКТАХ СОВЕТСКИХ
ЯЗЫКОВ УМОЛЧАНИЯ

Доступ к информационным ресурсам воспринимался как механизм системного повышения собственного статуса. Это в свою очередь способствовало выстраиванию символических иерархий, которые сами по себе – в режиме обратной связи – превращались в мотивирующий фактор.

В-третьих, одним из продуктов сложившегося в позднем СССР разреженного информационного пространства со спорадически разбросанными по нему зонами изобилия – любовно обустроенными, превращенными в столицы маленьких частных империй и в своего рода информационные «точки G» – стал собственно «лакунилингус»: язык умолчаний. Который – как и положено любому аргю – был построен на параллельных и связанных между собой процессах актуализации и умалчивания информации, известной «компетентным» участникам ситуации общения. И который во всех своих возможных составляющих стал предметом активной инструментализации.

19 «– Что же это за страна? – воскликнул тогда удивленный Главный Буржуин. – Что же это такая за непонятная страна, в которой даже такие малыши знают Военную Тайну и так крепко держат свое твердое слово?» (Гайдар А. *Сказка о военной тайне, о Мальчише-Кибальчише и его твердом слове*. М.: ОГИЗ «Молодая гвардия», 1933. С. 13).

Он использовался в процессах, связанных с конструированием «публики своих»: с его помощью проводились границы зон и сообществ, создавались «стеклянные потолки», выстраивались иерархии и режимы доверия, отсекались нежелательные участники коммуникации, запускались и сворачивались сеансы демонстративного поведения, велась борьба за контроль над конкретными ситуациями, определялись и сверялись объемы символического капитала – и так далее. И, конечно же, будучи целиком и полностью построенным на коннотативных семиотиках, он не мог не стать основой для самостоятельной смеховой культуры, определяемой обычно как «советский» или «позднесоветский юмор».

Ну, и, в-четвертых, в позднесоветском Союзе сформировалась особая эстетика умолчаний, которая позволяла авторам, работавшим в самых разных видах и жанрах – от частушки до киноэпопеи, – легко и просто актуализировать то свойство любого фикционального текста, которое, пожалуй, прежде всех прочих его свойств способно объяснить природную притягательность искусства. Грамотный автор не только дает реципиенту (зрителю, слушателю, читателю) возможность балансировать на грани двух реальностей, актуальной и проективной, – он ему еще и льстит, предполагая за ним особого рода компетентность: компетентность наблюдателя, одновременно включенного в предложенную ему ситуацию и способного занять позицию за ее пределами. Что, собственно, и дает ему возможность если и не полностью расшифровывать нужные коды, то по крайней мере догадываться о существовании скрытых смысловых пластов, получая от самого этого процесса удовольствие, немаловажное для общего эстетического эффекта. Именно эта эстетика, неотъемлемая составная часть пространства тотального информационного дефицита, и была наиболее ценной и действенной составной частью едва ли не любого творческого процесса, связанного с производством проективных реальностей. Даже тексты, исходно предназначенные для идеологического воздействия, не были в данном отношении исключением, активно разрабатывая, скажем, фирменную для советской пропаганды ерническую интонацию «очевидного намека», в равной степени характерную и для классики документального кино²⁰, и для жанра романа-доноса – неважно, заказного или «идушего от самого сердца»²¹.

20 Закадровый голос в «Обыкновенном фашизме» Михаила Ромма стал прецедентным явлением не только для советской журналистики и кинодокументалистики. Современные российские масс-медиа уже достаточно давно успели превратить роммовские многозначительно ироничные интонации в назойливый пропагандистский штамп.

21 Самый очевидный в этом отношении пример – хрестоматийная «Тля», написанная в разгар антисемитской компании рубежа 1940–1950-х и опубликованная в 1964-м, на волне нарождающегося консервативного поворота во внутренней политике СССР.

Позднесоветский человек с младых ногтей приучался не только к тому, что где-то за ближним горизонтом есть великая и загадочная Военная Тайна из сказки о Мальчише-Кибальчише, но и к принципиальной многослойности и «недопроговоренности» любого текста, имеющего отношение к актуальной действительности. Он жил эстетикой умолчаний, радовался ей и искал ее – и при случае иронизировал над ней, добавляя к уже существующим полупрозрачным слоям еще один. Традиция позднесоветского анекдота знает как минимум два вполне самостоятельных жанра, построенных на разных способах подобной иронизации. В одном случае – с серией анекдотов «про Штирлица» – это прямая пародия на «закадровую многозначительность»²². В другом – с анекдотами, которые у исполнителей и слушателей получили не вполне очевидное название «абстрактных», – демонстративное доведение «неполной прозрачности» до абсурда, не предполагающего какой бы то ни было значимой связи между означаемыми и означающими²³.

Итак, неотвязное ощущение присутствия «где-то рядом» ресурса тайного знания, совмещение степени близости к этому знанию с социальной иерархией и восприятие информационного голода как неотъемлемой части общей «экономики дефицита» порождало целую систему практик, связанных как с получением информации, так и с ее утаиванием – и, конечно же, ничуть не менее разнообразную и разноуровневую систему соответствующих установок. Одна из таких установок, связанная на представлении о символических и иерархических перспективах, которые открывает обладание документально подтвержденным знанием, была связана с гипертрофированной символической ценностью образования – прежде всего образования высшего. Слесарь шестого разряда, получавший вдвое, если не втрое больше, чем университетский доцент, и впятеро против учителя средней школы, настаивал на том, чтобы его сын шел учиться в вуз – поскольку в будущем это позволит «выйти в люди». Собственно, в данном отношении он мало чем отличался от родителей нынешних российских студентов, которые – несмотря на очевидную перенасыщенность сферы обслуживания продавцами и кассирами с дипло-

ВАДИМ МИХАЙЛИН
ЛАКУНИЛИНГУС, ИЛИ
О ПРАГМАТИЧЕСКИХ
АСПЕКТАХ СОВЕТСКИХ
ЯЗЫКОВ УМОЛЧАНИЯ

22 Вернулся Штирлиц в СССР, получил Героя Советского Союза, очередное звание, выплату за пятнадцать лет. На радостях пошел в кабак, ужрался до чертей, вышел и мордой в лужу – [бааа-бах]! Голос за кадром (*исполнитель имитирует копеляновские интонации*): «Он проснется... ровно... через двадцать пять минут».

23 Сидит на елке пеликан. Видит, летит по небу стая напильников. И главный напильник: «Эй, внизу! Где тут направление на север?» Пеликан: «Вон там!» (*исполнитель указывает рукой в сторону воображаемого севера*). Сидит дальше. Смотрит, еще одна стая напильников. «Эй, на земле! Где север?» – «Там!» (*исполнитель машет рукой в ту же сторону*). Сидит дальше. Смотрит, летит еще один напильник, торопится, тощит весь, замызганный, кургузый. Пеликан ему: «Эй, там, наверху! Тебе на север? Твои все вон туда полетели!» (*исполнитель с подчеркнутой готовностью указывает в привычном направлении*). – «А мне [все равно], я без ручки...».

мами о высшем образовании – продолжают настаивать на том, что диплом *tuv sein*.

Другая установка, порожденная прежде всего тотальным информационным дефицитом, заставляла воспринимать любые сведения, полученные из официальных источников как принципиально неполные, исходно включающие в себя фигуры умолчания, дабы оградить некое сакральное знание, рассчитанное на более высокие степени посвященности в тайны мира сего. Эта неполнота полученной информации не означала полного недоверия к ней. Формула «нам не все говорят» предполагала не только наличие неких действительно компетентных инстанций, способных размечать информационное поле по своему усмотрению, но и особую, по-своему изысканную игру в угадывание скрытых смыслов, умение читать между строк, поскольку именно между строк и спрятано все самое важное. В силу той же логики позднесоветский человек был склонен обращать особое внимание на альтернативные источники информации – от слухов и городских легенд до сам- и тамиздата, – не доверяя им, опять же, всецело, но прозревая в них доказательство того, что и в покрове Исиды можно при желании найти пару прорех. В свою очередь общая зыбкость информационного пространства порождала потребность в простейших объясняющих конструкциях, «всеобщей теории всего», которая «на самом деле» стояла бы за привычными риторическими клише и фигурами умолчания²⁴.

Позднесоветский человек с молодых ногтей приучался к принципиальной многослойности и «недопроговоренности» любого текста, имеющего отношение к актуальной действительности. Он жил эстетикой умолчаний, радовался ей и искал ее – и при случае иронизировал над ней, добавляя к уже существующим полупрозрачным слоям еще один.

Еще одна установка, ориентированная скорее на «дефицитную» парадигму, отвечала за тот ажиотажный спрос, который возник в последние годы существования СССР и в первые постсоветские годы на любую информацию, связанную с действовавшими в Союзе гласными и негласными запретами и практиками умолчания. Основными «территориями запрета»

²⁴ О роли, которую информационный голод сыграл в формировании позднесоветской мистико-символистской традиции см.: Михайлин В. *Знаки на стене: первый фильм Андрея Тарковского и советский New Age* // Неприкосновенный запас. 2021. № 2(136). С. 131–161.

для простых советских граждан были: «секс»²⁵; «мистика»²⁶; «восточные боевые искусства» – и, естественно, любая чувствительная информация, касающаяся советской истории и актуального положения дел в СССР. Наступление сперва горбачевской «гласности», а затем, после краха советской империи, и действительно практически ничем не ограниченной свободы слова не просто сняло эти запреты, но превратило соответствующие тематически области в горячие точки информационного поля. В конце 1980-х – начале 1990-х на одной шестой части суши утвердился такой лютый и самозабвенный *New Age* пополам с сексуальной революцией и сенсационной публицистикой, который, наверное, и не снился Тимоти Лири в светлую эпоху американских 1960-х. Перестроечный человек, незаметно и вполне логично трансформировавшийся в человека 1990-х, был заинтересованным и неразборчивым потребителем мощного информационного потока, в котором бок о бок плескались Д.А.Ф. де Сад, Кашпировский, тайны НКВД, жидо-масонский заговор и Брюс Ли.

Лучшим доказательство того, что этот спрос обслуживал запрос сугубо символического плана и слабо коррелировал с реальными запросами аудитории, можно считать историю

ВАДИМ МИХАЙЛИН
ЛАКУНИЛИНГУС, ИЛИ
О ПРАГМАТИЧЕСКИХ
АСПЕКТАХ СОВЕТСКИХ
ЯЗЫКОВ УМОЛЧАНИЯ

25 Предельно обобщенное понятие, под которое подпадала не только порнография, но – потенциально – любая информация, содержащая эротические коннотации. При этом по границам этого смыслового поля, как обычно в советской практике, существовала обширная серая зона, и в каждом конкретном случае окончательное решение о допустимости или недопустимости попадания того или иного текста, изображения или перформанса в советское публичное поле принималось с оглядкой на никак не определенное и ничем не регулируемое множество обстоятельств и «компетентных мнений». Что, конечно же, приводило к инструментализации самого понятия, позволяя в зависимости от ситуации актуализировать или не актуализировать запретительные механизмы. Двое одетых актеров, лежащих на сцене в начале второго действия театрального спектакля в провинциальном ТюЗе, могли вызвать страшный скандал в местной прессе (с публикацией профессионально написанных статей, подписанных неприметными учителями из районных школ, с заглавиями вроде «Не могу смотреть в глаза подростку»), а затем и увольнение режиссера – если художественному руководителю театра нужно было «решить кадровый вопрос». При этом в идущих большим экраном и, соответственно, доступных несравнимо большему количеству юных зрителей фильмах вполне могла многозначительно мелькнуть в кадре обнаженная спина или даже грудь актрисы, играющей девочку-подростка («Чужие письма» Ильи Авербаха, 1975) – а то и, действительно, самой настоящей советской школьницы («Переходный возраст» Ричард Викторова, 1968). Причем в обоих случаях «флэш» был вполне продуманным режиссерским ходом, четко рассчитанным на то, чтобы произвести на зрителя эротически «заряженное» впечатление и усилить эмоциональные акценты на вполне конкретных элементах общего высказывания.

26 Понятие, почти столь же размытое – хотя применительно к «мистике» практика умалчивания работала несколько иначе, с опорой на вполне конкретный *modus operandi*, имевший под собой длинную череду прецедентов. Если в актуальной отечественной традиции складывался консенсус о приемлемости для включения в пантеон классиков или просто в круг имен, значимых для очередной разновидности советского канона, той или иной фигуры, не стерильной по данному параметру, стерильности просто нужно было достичь, превратив все соответствующие обстоятельства в фигуру умолчания. Масоны становились просветителями (каковыми, собственно, чаще всего и являлись); ученые ренессансной формации, не проводившие границ между естественнонаучной и оккультной ипостасями знания (поскольку были не в курсе, что подобная граница существует), превращались в математиков, физиков и химиков; ну а гётевский «Фауст» в школьных изданиях печатался без второй части и с комментариями, из которых следовало, что ко всяческой магии и прочему оккультизму Гёте относился сугубо критически – и высмеивал их в своем бессмертном творении.

с публикацией в 1993 году «черного» джойсовского «Улисса» тиражом в 51 000 экземпляров²⁷. Тираж разлетелся как горячие пирожки, у книжных магазинов выстраивались очереди²⁸, после чего были допечатаны еще 100 000 – которые безнадежно зависли на складах. Количество граждан самой читающей страны в мире, действительно готовых получать удовольствие от сложной модернистской прозы, можно оценить по тиражам соответствующих авторов в России уже XXI века, в которой книги в большинстве своем люди покупают для того, чтобы действительно их читать, а не в качестве предмета престижного/ажитажного спроса. Уже в 2000 году питерский «Симпозиум» выпустил того же «Улисса» тиражом всего в 5000 экземпляров – и тираж расходился не один год. Но в 1993-м книгу купили десятки тысяч потребителей, большинству из которых так и не суждено было стать ее читателями, – а издательство вложило в титаническую допечатку, рассчитывая на то, что счет бывшим советским гражданам, готовым причаститься *Bloomsday*, пойдет уже на сотни тысяч²⁹.

История с заоблачными тиражами постперестроечного Джойса выводит нас еще на одну установку, свойственную бывшему советскому человеку и тесно связанную с практиками умолчания. Имитация здесь равноценна реальному обладанию, поскольку позволяет достичь единственной по-настоящему желаемой цели: мимикрии под более высокий социально-иерархический статус, сопряженный с правом на доступ к информации, закрытой для простых смертных. Ибо желанной для советского – и постсоветского – человека является не всеобщая свобода информации, а индивидуальная свобода утаивания информации, которая воспринимается как властный ресурс и первоочередной критерий элитарного статуса. Конечно же, каждая из перечисленных выше особенностей никоим образом не представляет собой уникальное собственно советское явление. Но – как и во многих других случаях – отечество наше есть рай для антрополога: то, что в других местах приходится вскрывать, очищать от защитной окраски и дешифровать, здесь подается через прямое самопозиционирование.

27 Джойс Дж. *Улисс*. М.: Республика, 1993.

28 Шаповал С. *Русский Джойс нового тысячелетия. Интервью с Сергеем Хоружим* // Русский журнал. 2001. 24 июля (http://old.russ.ru/krug/20010724_p.html).

29 В том же году «белый» трехтомный «Улисс» вышел еще и в «Знаке» тиражом в 50 000 экземпляров. Если бы сам Джойс смог при жизни увидеть все триста тысяч томов русского «Улисса» и комментарии к нему, «Поминки по Финнегану» он явно написал бы на русском и только на русском – и завещал бы издать не ранее 1993 года.

Вернемся к вопросу, почему в постсоветской России прекрасные режиссеры перестали снимать хорошее кино. Хорошее позднесоветское кино было сплошь построено на эстетике намеков и умолчаний – причем на всех уровнях: от диалогов до операторской работы, от актерской игры до режиссерских игр с цензурой – как непосредственно в процессе производства картины, так и на этапе ее «сдачи». Именно в этой эстетике – по-своему весьма изысканной и требовавшей достаточно объемной связки «ключей» – его привык воспринимать и зритель, по крайней мере зритель адресный, который с давно минувших времен парадного сталинского классицизма так же успел выстроить свою рецептивную эстетику, сплошь построенную на ожидании намеков и умолчаний.

Культура рубежа 1980–1990-х годов – это культура Исиды, даже не разоблаченной, а раздетой: поскольку разоблачение предполагает тщательное сохранение эстетической дистанции и являет зрителю обнаженную натуру, классическую или прерафаэлитскую Венеру, а не голую соседку по лестничной площадке. Радикально упростив способы доступа к той самой информации, которая так долго была предметом общегражданского возжелания, она параллельно разрушила и те сложные, тонко нюансированные каналы, по которым советский зритель привык получать удовольствие от причастности к таинствам. Советский человек, для которого сама возможность попробовать кальвадос или кока-колу была чем-то вроде ритуала инициации, буквально за несколько лет преисполнился убежденностью в том, что краснодарский яблочный самогон и напиток «Байкал» были, пожалуй, вкуснее.

Есть еще один нюанс. За тридцать лет, прошедших со времен культурной революции конца 1950-х – середины 1960-х, европейские и американские кинематографисты научились снимать качественную эротику, атмосферные хорроры, боевики с прекрасно поставленными сценами боев и завораживающие мистические триллеры. Для отечественного кино это был чужой язык, на котором хотелось сразу заговорить громко, чужая территория, которая казалась предельно доступной и прозрачной, поскольку кино «мы» и так умели снимать умнее и тоньше, чем «они», а теперь ко всей этой умности и тонкости нужно было всего лишь добавить несколько пряных ингредиентов – на уровне жанров и тем, ранее бывших под запретом. В итоге в рязановских «Дуралеях» Татьяна Догилева появляется топлес ровно через полторы минуты после того, как заканчиваются начальные титры – причем это ее появление никак не продвигает сюжет, не задает никаких ракурсов, зна-

чимых для дальнейшего восприятия картины, да и вообще не оправдано ничем, кроме желания показать в кадре Догилеву топлес. Режиссеру кажется, что зритель именно этого и хочет и что в этом есть некая смелость, прежде недоступная и потому неотразимо обаятельная. Но зритель уже успел посмотреть классику европейской и американской эротики, отснятую в 1970–1980-х – все эти «Эммануэли», «Греческие смоковницы» и «Девять с половиной недель», – где эротика звучала ради самой себя, а не в качестве необязательной вкусовой добавки к несмешной комедии: и где она была качественно снята. «Пираты XX века» могли быть самым кассовым советским фильмом на излете брежневского застоя – и, несомненно, сыграли свою роль в приобщении советского зрителя к самым примитивным способам подачи насилия, экзотики и эротики – но к началу 1990-х о них никто уже и не вспоминал.

Культура рубежа 1980–1990-х годов радикально упростив способы доступа к информации, которая так долго была предметом общегражданского вожделения, параллельно разрушила и те сложные, тонко нюансированные каналы, по которым советский зритель привык получать удовольствие от причастности к таинствам.

Что же до Тарковского... Дующий в кадре на протяжении целой минуты ветер вечности уже к концу 1980-х воспринимался как манерность. Та референтная база, со стороны которой дул этот ветер, канула в историю, и российскому авторскому кино предстояло найти и новую референтную базу, и новый язык, не менее гибкий и обаятельный, чем тот, на котором когда-то говорило со своим зрителем великолепное позднесоветское кино.

Вклад Александра Меня в толкование русской истории

История не повторяется. И все-таки бывает так, что в голосах дня нынешнего явно слышится что-то из прошлого. Именно это для многих наблюдателей происходило в Екатерининском зале московского Кремля за несколько дней до 24 февраля 2022 года. Владимир Путин сидит примерно в пятидесяти метрах от своего Совета Безопасности, члены которого – в большинстве своем мужчины – расположились полукругом. Перед лицом верховной власти они не выглядят уверенными. У Сергея Нарышкина, директора могущественной Службы внешней разведки, дрожит голос. Он путается в словах. Можно «нашим западным партнерам дать последний шанс»? – в противном же случае России придется принимать решение, о котором идет речь [на заседании]. «Что значит “в противном случае”? – перебивает Путин с ухмылкой. – Вы предлагаете начать переговорный процесс?» Нарышкин колеблется: «Нет, я...» Путин снова перебивает: «Или признавать суверенитет их, республик?» Нарышкин заикается: «А я...» Путин откидывается назад: «Говорите прямо!» Нарышкин пытается юлить: «Я поддерживаю предложение...» Путин перебивает его: «Поддержу? Или поддерживаю?» – «Поддерживаю предложение о вхождении Донецкой и Луганской народных республик в состав Российской Федерации», – следует ответ. Путин снова усмежается: «Мы об этом не говорим». Камера фокусируется на других членах Совбеза, которые взирают на происходящее с застывшими лицами.

За спинами участников этой сцены маячит фигура Сталина. Возможно, в данном случае Путину приписывают слишком многое, но все-таки подобное публичное унижение, как и показательные процессы – это явно что-то из сталинского репертуара (как, впрочем, и из репертуара Мао Цзэдуна времен «культурной революции»). Александр Мень – православный священник и теолог, убитый 9 сентября 1990 года², под

Клаус Мертеc (р. 1954) – редактор немецкого журнала «*Stimmen der Zeit*».

- 1 Сокращенный перевод выполнен по: MERTES K. *Kult um den Autokraten. Alexander Mens Beitrag zur Deutung der russischen Geschichte* // *Stimmen der Zeit: Die Zeitschrift für christliche Kultur*. 2022. № 5. S. 323–334. Текст печатается с любезного разрешения редакции журнала и автора, предоставленного «НЗ» в августе 2022 года.
- 2 «*Stimmen der Zeit*» уже обращался к наследию Александра Меня, см.: НАМАНТ Y. *Alexander Men. Priester in Zeiten der Säkularisierung* // *Stimmen der Zeit*. 2020. № 9. S. 665 ff.

занавес перестройки, – в одном из своих сочинений размышлял о связи между религией, культом личности и секулярным государством³. В свете внутренней эволюции, переживаемой Россией при Путине, этот текст стоит перечитать еще раз – не в последнюю очередь потому, что Мень остается голосом русского православия, резонирующим и сегодня. Причем его позиция противостоит иной русско-православной перспективе, запечатленной, скажем, в заявлениях патриарха Кирилла, который обвиняет в нынешнем конфликте Запад. Мень, вероятно, расценил бы нынешние страницы российской истории как скоропостижный конец светлой надежды, жестоко обманутой суровой реальностью. Во-первых, об этом свидетельствует единый фронт государственной власти и православной церкви. Во-вторых, он проявляется в отношении к правозащитным организациям – таким, например, как «Мемориал», вся деятельность которого была посвящена документальному изобличению преступлений сталинизма. Наконец, в-третьих, его подтверждает и ретроспективная идеализация Сталина, в том числе и в православных кругах, причем начавшаяся довольно давно⁴.

МИФОЛОГИЗИРОВАННЫЙ ЛИДЕР

Мень начинает свое повествование с воспоминания юности. После того, как его одноклассник погиб из-за несчастного случая на тренировке, «находившиеся рядом с ним в последние минуты рассказывали, что, умирая, он говорил со Сталиным, который пришел взять его к себе». Прежде Мень никогда не замечал у своего школьного товарища особой «идейности» и потому был встревожен. «В тот момент, – пишет он, – у меня впервые мелькнула догадка: “Ведь это религия!”». А отсюда возникал вполне естественный вопрос: «Как это могло случиться? [...] Каким образом человек, действовавший у себя дома как завоеватель на оккупированной территории, смог оказаться в роли земного божества?»

Что не кажется Меню убедительным, так это психологизированные отсылки к характеру Сталина – весьма похожие, кстати, на современные попытки объяснить нынешнюю эскалацию особенностями путинского характера. Мень полагает,

3 См.: MENS A. *Religion, "Personenkult" und säkularer Staat* // ПОСНОШАЈЕВ I. *Stellen wir die Altäre auf... Alexander Men zum Verhältnis von Kirche und Staat*. Frankfurt am Main: Lembeck, 2007. S. 88–136. [Статья Александра Мень «Религия, “культ личности” и секулярное государство. Заметки историка религии» ниже цитируется по ее оригинальной русскоязычной версии. См.: www.alexandermen.ru/books/trudnput/relocultl.html – Примеч. перев.]

4 Ср., например: WINDISCH E. *Ikone: Russland streitet um Stalin* // Tagesspiegel. 2008. 29 November (www.tagesspiegel.de/gesellschaft/panorama/russland-streitet-um-stalin-6220126.html).

что проблема гораздо глубже. Приписывание же Сталину гениальности, пусть даже извращенной, представляется ему столь же ошибочным шагом: «Он не обладал ленинским интеллектом, не был великим писателем, как Юлий Цезарь, не проявил личной отваги. [...] Он даже не был блестящим оратором, способным заразить толпу своим энтузиазмом». Предположение, будто Сталина – который, кстати, был грузином – можно считать «явлением чисто российским», тоже неверно, ибо «как тогда объяснить аналогичные явления в других странах: обожествление Мао Цзэдуна, диктатуру Пол Пота, [...] автократию (пусть иначе окрашенную) в Германии, Италии?». Подлинную причину заинтересовавшего его феномена Мень усматривает скорее в особом внутреннем напряжении, в котором постоянно пребывает человек: в этом узле, рассуждает автор, переплелись, с одной стороны, общечеловеческое «стадное сознание», требующее подчинения жесткой руке, а с другой стороны, «извечное и оправданное стремление человеческого духа обрести высшую истину, смысл бытия». Если первое стремление можно записать в разряд атавизмов, то второе характеризует человека как существо культурное и духовное. Успех сталинщины Мень объясняет тем, что, «создав религиозный вакуум, она соединила в общее русло атавистические и духовные стремления людей, сумела слить в сознании народа верховный идеал, “меру всех вещей”, с мифологизированной фигурой Вождя и тем самым наделила его атрибутами божественности и безграничной власти».

Подобное положение вещей Мень считает «глубоко трагичным». Переосмысление сталинизма, согласно его убеждению, требует более глубокого просвещения – или, говоря точнее, самопросвещения – человеческой природы, а затем и нового толкования под этим углом зрения всей российской истории. Мень уверен, что подобный разворот поначалу будет воспринят значительной частью людей, вовлеченных в свое время в поддержание сталинского культа, как посягательство на их самые сокровенные убеждения – и это наполнит процесс ловушками и опасностями. Глядя из дня сегодняшнего, следует, наверное, добавить и еще кое-что. После памятного 1989 года Запад так и не смог разобраться в том невероятно запутанном положении, которое к тому времени сложилось в России. Не распознав всей сложности ситуации, он предрекал россиянам западное счастье потребительского типа, символами которого выступали «McDonalds» и «Mercedes». Получилось же так, что сегодня, когда коммунизм как источник осмысленности иссяк, старые мифы, подогнанные под современность, вновь начали обслуживать потребности русских людей – в плане как поисков высшего смысла, так и подчинения сильному лидеру.

КУЛЬТ ПРАВИТЕЛЕЙ И СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ

Но вернемся все же к культу Сталина, поскольку Мень пытается встроить «псевдорелигию» сталинизма в мировую историю религий. Он хочет подвергнуть ее теологической деконструкции, чтобы в результате этой процедуры остался не просто вакуум, заполненный богатыми полками супермаркетов и сверкающими фасадами банков. «Начать придется издалека, с седой древности», – говорит наш автор. Старейшая из известных форм власти была основана на магии: таком представлении об извечном космическом порядке, которому, с одной стороны, необходимо подчиняться, но на который, с другой стороны, можно влиять с помощью особых магических обрядов. На смену магизму приходит культ монарха, обожествленного царя. Сила божественного правителя, однако, не абсолютна: он не способен пренебрегать законами космоса, но должен следовать им и охранять их. Иначе говоря, ему необходимо быть благочестивым. Именно таким образом полагаются пределы понятия единоличного правления, которые в древнем Израиле и Афинах поступательно расширяются. Более того, пророческая традиция Израила усматривает в царской власти лишь «терпимое зло, своего рода уступку несовершенству людей» – отступничество от Бога-Творца, который вовсе не желает быть частью государственной машины (1 Цар. 8:7). Так же и образованные классы эллинистической эпохи относились к желанию своих правителей снабдить себя культовым антуражем – скорее со скепсисом и иронией; ярким примером тому служит Александр Македонский. Тот, кто раз распознал плацебо как таковое, уже не сможет обманывать себя, выдавая его за настоящее лекарство. Особенно четко это прослеживается на примере культа римского императора и сакрализации власти в Средиземноморье. «На сей раз политический расчет, граничащий с цинизмом, был особенно очевиден, – пишет Мень. – Для Августа культ его личности являлся лишь инструментом в политической игре».

Христианство, явившись, превратилось в духовную силу, радикально отвергнувшую культовое почитание главы государства. Принимая существующий порядок – «ведь при всем своем несовершенстве Римская империя унаследовала и развивала греческую идею права, законности», – оно тем не менее выдвинуло на первый план свободу совести. «Должно повиноваться больше Богу, нежели человекам», – говорится в Новом Завете (Деян. 5:29). Иначе говоря, новая религия присвоила себе право критиковать деятельность императора (смотри, например, Апокалипсис Иоанна Богослова). Христа же она представляла «Ликом Вечности», никак не годившимся в качестве проекции

потаенных желаний правителей. Провозглашение христианства государственной религией, состоявшееся в 313 году при императоре Константине, открыло, по мнению Меня, во многом «трагический для Церкви период», поскольку «в свете Евангелия сами идеи “государственной религии” и “христианского государства” представляются весьма сомнительными и спорными». В итоге оно обернулось «религиозно-политическим диктатом, “христианскими” гонениями против инакомыслящих». К провидцам, предчувствовавшим подобный исход политического союза престола и алтаря и противившимся ему, Меня экуменически причисляет таких христианских деятелей, как Иоанн Златоуст, Ян Гус, Филипп Московский, Франциск Ассизский, Андрей Рублев. Этих персонажей он считает кем-то вроде ветхозаветных пророков Израиля.

КЛАУС МЕРТЕС
КУЛЬТ АВТОКРАТА

После памятного 1989 года Запад так и не смог разобраться в том невероятно запутанном положении, которое к тому времени сложилось в России. Не распознав всей сложности ситуации, он предрекал россиянам западное счастье потребительского типа, символами которого выступали «McDonalds» и «Mercedes».

С утверждением конфессионального плюрализма, произошедшим в западной церкви после Возрождения и Реформации, начинается переход к секуляризации власти. Проблема автократии, полагает Меня, не разрешилась, но была вытеснена в светскую плоскость:

«Теории Макиавелли оправдывали одну из сильнейших человеческих страстей – волю к власти. [...] Поэтому “макиавеллизм” стал в высшей степени заманчивой моделью для автократии, стремившейся освободиться от религиозных ограничений».

Вместе с тем отделение церкви от государства, осмысление человека в качестве высшей ценности и развитие научного мышления стимулировали становление и распространение демократии как новаторской формы правления. В этой связи очередной «трагической главой в истории христианства» стало то, что «многовековая инерция, привычка видеть в религии форму государственной идеологии» привели к сопротивлению церкви поступательному утверждению демократии и секуляризма. Платой за это среди прочего стало оформление светской версии библейской эсхатологии, выраженной в без-

границной вере в прогресс, которая сделалась характерной чертой Нового времени.

ГОСУДАРСТВО И ЦЕРКОВЬ В РОССИИ

Затем Мень обращается к «российскому варианту» европейского религиозно-исторического развития. Указывая на тот факт, что в период трех революций 1905–1917 годов основную массу населения России составляли верующие, без участия которых революционные события были бы невозможны, он задается вопросом: «Но если разрушение старого порядка осуществлялось руками верующих, то как понять все дальнейшее развитие событий?». Речь идет, конечно же, об эскалации государственного насилия в отношении религии в Советском Союзе.

Еще в самом начале своей истории Киевская Русь переняла от Византии концепцию «симфонии» государственной и церковной власти. На основе этой концепции церковь успешно боролась с центробежными силами, исходившими от различных княжеств. Во времена монгольского владычества она помогла сохранить русскую национальную культуру. В XVI веке Россия расширилась при Иване IV Грозном. Именно он первым из русских владык венчался на царство – одновременно отвергнув «нравственный авторитет церкви, которая в лице митрополита Филиппа выступила против его кровавой тирании». Примечательно, что в 2016 году, когда в Орле открывался памятник Ивану Грозному, ректор Московского государственного университета в своем обращении назвал тирана не иначе как «символом российской государственности»⁵. В свою очередь Путин восхищается тем, как Иван IV защищал русское православие от католицизма; при этом убийство царем собственного сына Ивана президент считает легендой, придуманной мстительным папским нунцием⁶. Так или иначе, но в Смутное время, последовавшее за кончиной Ивана IV, церковь сыграла выражено патриотическую роль. Когда же монархия восстановила свои силы, государство вновь набросилось на церковь. Упразднив патриаршество, пишет Мень, Петр I учредил синодальную систему, полностью подчинявшую церковь самодержавию.

Накануне революций 1905–1917 годов Русская православная церковь находилась в полнейшей зависимости от государства. Подобный союз креста и престола подрывал доверие

5 Цит. по: Ректор МГУ им. М.В. Ломоносова Виктор Садовничий поздравил губернатора Орловской области с установкой памятника царю Ивану Грозному (<http://orel-region.ru/index.php?head=1&op=news&unit=8237>). – Примеч. перев.).

6 См.: SCHMID U.M. *Putins Welt. Geschichte ist Gegenwart* // Neue Züricher Zeitung. 2022. 3 März.

к церкви, причем со стороны как народа, так и интеллигенции. В то же время, впрочем, по словам Меня, «нравственная энергия христианства перетекала в русло нерелигиозных, оппозиционных, освободительных движений». Именно по этой причине, как он полагает, верхушка русского православия увидела в крушении монархии прежде всего возможность для коренного обновления. С торжественной интронизацией патриарха Тихона (1865–1925), состоявшейся 5 ноября 1917 года, Русская православная церковь впервые за 217 лет обрела первоиерарха. Октябрьская революция повлекла за собой отделение церкви от государства: страна открылась для конфессионального плюрализма. Мень в этой связи цитирует Ленина:

«Ни один чиновник не должен даже иметь право спрашивать кого ни на есть о вере: это дело совести, и никто тут не смеет вмешиваться. Не должно быть никакой “господствующей” веры или церкви». Декретом Совета народных комиссаров от января 1918 года устанавливалось, что отныне «каждый гражданин может исповедовать любую религию или не исповедовать никакой».

Мень полагает, что необходим более нюансированный взгляд на новое начало, открывшееся после 1917 года:

«Думается, уже давно пора расстаться с легендой, которая все еще кочует из книги в книгу, будто патриарх Тихон предал новую власть анафеме. Он лишь отлучил от таинств тех верующих, которые участвовали в беззакониях, жестокостях, расправах».

Согласно Меню, последовавшая затем «настоящая война против религии» была обусловлена среди прочего и тем, что «значительная часть иерархов и церковных людей оказалась неготовой к радикальным переменам и отнеслась к ним с открытой или молчаливой враждебностью». Надежды же новаторов, высказывавшихся в поддержку советской власти, оказались на деле не более чем иллюзиями. Попытка митрополита Сергия спасти положение своим заявлением о капитуляции, обнародованным 29 июля 1927 года, не остановила гонений, которые государственная власть обрушила на православную церковь и остальные конфессии. Антирелигиозная пропаганда переключилась на продвижение светской эсхатологии. Мень цитирует стихотворение Сергея Есенина «Инония» (1918), в котором пророк новой, антирелигиозной религии проклинает старый, религиозный мир:

Языком вылижу на иконах я
Лики мучеников и святых.
Обещаю вам град Инонию,
Где живет божество живых

Новый на кобыле едет к миру Спас.
Наша вера – в силе.
Наша правда – в нас!

Здесь словно готовится «явление» Сталина. В начале Второй мировой войны этот «новый Спас» снова признал значимость Русской православной церкви для патриотического сплочения народа. Устранив православных новаторов, он укрепил традиционалистскую линию митрополита Сергия, избранного в 1943 году патриархом.

Рассуждая о культе Сталина, можно было бы согласиться с Марксом в том, что «насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым». Однако Мень подчеркивает реакционный, а не революционный характер событий, развернувшихся с утверждением сталинизма. Уже к 1929 году, когда началась расправа с крестьянством, отделение церкви от государства обратилось в полную зависимость первой от второго. Примеряя на себя светский вариант тирании, подобной правлению Ивана IV, Сталин провозглашает себя «отцом народов». Тем самым он заполняет религиозный вакуум, возникший из-за политической линии на искоренение религии. Мень, не скрывая иронии, пишет:

«Его силой встает солнце, его силой держатся крылья орла в небе. [...] Если ты ранен в бою, не отчаивайся, “рану зажми, слезы утри, имя заветное вслух повтори”, и тогда “с воздухом синим, с течением рек силу пришлет тебе тот человек”. Он царит повсюду».

Вопреки позиции религиозной критики, которая преуменьшает значение культа Сталина, ссылаясь на то, что религия во все времена использовалась не столько по назначению, сколько с целью легитимации насилия, Мень считает, что сталинизм был основан на сознательном воспроизводстве лжи. Кроме того, в той мере, в какой антирелигиозная пропаганда могла изображать священнослужителей прежнего культа лишь циничными сказителями, стремящимися одурачивать народ, она открывала для себя возможность вопреки всем противоречиям поставить ложь на службу истинному культу – культу правителя. По мнению Мень, даже убежденный атеист должен уметь признать, «что идея Верховного Добра и Разума, которая требует от человека этического поведения, содержит глубокий духовный смысл». По этой причине он настаивает на том, что, хотя могут существовать различные точки зрения на исторические религии, «в отношении культа Сталина двух мнений быть не должно, если мы не хотим снова вернуться в кровавый хаос».

Оглядываясь назад, на опыт диктатур XX века, Меня усматривает в нем возможность «увидеть “со стороны” облик духовной тирании, патернализма, игры на инфантильных чувствах и массовых неврозах» – а это в свою очередь позволяет извлечь уроки на будущее. По мнению Меня, противоядие от возврата к культу личности «связано с честным и последовательным принятием принципа секулярного государства, которое служит интересам граждан независимо от их вероисповедания». Таким был язык надежды времен перестройки. Сегодня же, тридцать лет спустя, приходится с сожалением констатировать, что эта надежда совсем не оправдалась. Идеологически путинская Россия, да и сам Путин апеллируют к той форме патриотизма, которая значительной частью населения воспринимается как «типично русская» и которая абсурдным образом «перекидывает мосты» и к Сталину, и к православной церкви.

В той мере, в какой антирелигиозная пропаганда могла изображать священнослужителей прежнего культа лишь циничными сказителями, стремящимися одурачивать народ, она открывала для себя возможность поставить ложь на службу культу правителя.

Осознавать это больно, особенно если принять во внимание, что такой мужественный человек, как Александр Солженицын, лауреат Нобелевской премии по литературе 1970 года и сам жертва сталинского террора, автор «Архипелага ГУЛАГ» и яркий христианский подвижник, в путинское время считается одной из эталонных фигур. Вернувшись в постсоветскую Россию и увидев эксцессы «дикого капитализма» ельцинской эпохи, Солженицын не только приветствовал начатое новым президентом «наведение порядка», но и рекомендовал объединить Россию, Белоруссию и Украину в одно государство.

Западные представления о российском лидере в очередной раз оказываются несостоятельными, поскольку в них упускается из виду тот факт, что все происходящее, по выражению Мишеля Ельчанинова, «в голове Путина», не ограничивается только этой самой головой⁷. Представители славянофилов XIX столетия, подобные Николаю Данилевскому, антибольшевистские писатели-эмигранты, а также современные интеллектуалы, убежденные в уникальности русской культуры и

7 Упомянув здесь имя французского философа, эссеиста и журналиста, автор имеет в виду следующую его книгу: ELTSCHEANINOFF M. *Dans la tête de Vladimir Poutine*. Arles: SOLIN – Actes sud, 2015. – *Примеч. перев.*

выстроившие на этой аксиоме все свое мировоззрение, в путинское правление выходят из забвения или набирают популярность. К подобным фигурам следует, в частности, отнести Ивана Ильина (1882–1954), чьи останки в 2005 году были перевезены из швейцарского Цолликона в Россию и перезахоронены в Москве. Такие произведения Ильина, как книга «Сущность и своеобразие русской культуры» (1944) или представляющая апологию воинствующего христианства статья «О сопротивлении злу силой» (1925), цементируют фундамент для патриотического переосмысления православия и формирования новой, еще более устойчивой «симфонии» церкви и государства, которая, не нуждаясь далее в отмежевании от антирелигиозного сталинизма, может возродить свои прежние религиозные смыслы. С помощью подобного инструментария последовательному переосмыслению подвергается вся история прошлого века.

Глубокое разочарование, вызываемое подобным развитием событий, укоренилось в реформаторских кругах еще со времен перестройки. Оно хорошо просматривается в коротком интервью с Людмилой Улицкой, российской писательницей и лауреатом Премии Александра Меня (2008)⁸, записанном в конце февраля 2022 года:

«Frankfurter Allgemeine Zeitung»: Поддерживает ли большинство российского населения точку зрения, согласно которой Украина принадлежит России?

Людмила Улицкая: Полагаю, многие в России разделяют такую позицию.

FAZ: Чем Европа может помочь в сложившейся ситуации?

Л.У.: Я думаю, ничем. Ведь это не вопрос экономики, здесь необходимо менять мышление».

Отвечая на вопрос, касающийся возможности потери Путиным поддержки политической и военной элиты – этой надеждой, как известно, на сегодняшнем Западе тешат себя многие, – писательница говорит: «Думаю, определенная вероятность есть. Но переход власти в руки военных вряд ли сулит стране что-то хорошее. А альтернативной политической силы в России сейчас просто нет»⁹.

Что же касается православия, то здесь отрезвляющая истина состоит в том, что «линия Сергия», которую уже Меня в свое время считал возобладавшем в Московской патриархии трен-

8 Премия Александра Меня до 2011 года присуждалась Католической академией Роттенбург-Штутгарт за особый вклад в культурное сближение России и Германии «в интересах мирного и гуманного построения общеевропейского дома».

9 См.: *Es gibt in Russland keine Kraft, die Putin stoppt. Ljudmila Ulitzkaja im Interview von Simon Strauss // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2022. 28 Februar (www.faz.net/aktuell/feuilleton/schriftstellerin-ljudmila-ulitzkaja-warum-niemand-putin-stoppt-17838388.html).*

дом, получила дальнейшее развитие и теперь формирует облик русского православия. Разумеется, культ личности Путина не сможет достичь высот культа личности Сталина. Но в том и нет нужды, поскольку в рамках русской православной традиции носители государственной власти традиционно воспринимают и представляют самих себя в религиозном ключе. Взаимное инструментальное использование государством и церковью друг друга принимается населением, которое, как и Путин, воспринимает распад Советского Союза как национальную катастрофу, усугубленную двусторонним унижением – от экономического упадка страны и от потери ею статуса мировой державы. Мень писал свой текст в то время, когда национальная гордость русского народа находилась в низкой точке. Между тем сегодня две трети населения России идентифицируют себя с православием, что хорошо сочетается с подъемом национальной гордости и обособлением от западного культурного влияния. Ценой же описанного конструкта оказываются полнейший отказ от критической оценки взаимоотношений церкви и государства после октябрьской революции 1917 года, а также нежелание сторонников православия взглянуть на себя «со стороны», на что Мень и другие очень надеялись в перестроечные времена.

КЛАУС МЕРТЕС
КУЛЬТ АВТОКРАТА

Сокращенный перевод с немецкого Маргариты Шакировой

Великие коммунисты в современной истории Ливана¹

Николя Шауи

Когда завершились события 1958 года², Абу Зухейр³ предложил, чтобы я посвятил себя партийной работе. В то время я раздумывал, не вернуться ли к моей старой профессии учителя в государственных школах. В конце концов я согласился [с предложением Шауи]. Меня назначили ответственным за ряд партийных организаций в столице, а вскоре я вошел в руководство партии в Бейруте и его пригородах. Возглавлял наши структуры Оганес Агбашьян,

- 1** Перевод выполнен по изданию: MURUWWA K. *Aš-šuyū 'iyūn al-arba' al-kibār fī tārikh Lubnan al-hadīth*. Beirut, 2009. Отрывок публикуется с разрешения издательства «Dar Al Saqi». Здесь и далее примечания переводчика.
- 2** Имеется в виду короткая гражданская война мая–сентября 1958 года. Ливанская коммунистическая партия участвовала в ней на стороне противников президента Камиля Шамуна, который стремился изменить Конституцию, чтобы переизбраться на второй срок. Помимо коммунистов, оппозиция включала в себя арабских националистов и часть традиционных политических элит. Конфликт завершился избранием нового президента. См.: АТТИЕ С. *Struggle in the Levant: Lebanon in the 1950s*. London; New York: I.B. Tauris Publishers, 2004. P. 160–202.
- 3** Абу Зухейр – кунья (арабское имя по сыну) Никола Шауи (1912–1983). Он стал генеральным секретарем Ливанской коммунистической партии (ЛКП) в 1964-м, когда она окончательно отделилась от Сирийской компартии, и возглавлял ее до 1979 года.

АРХИВ «НЗ»

член политбюро. Мое назначение было формально одобрено в начале 1960 года. Я приступил к активной работе, которая требовала полной самоотдачи. [...]

Именно в том году разразился кризис в отношениях между Советским Союзом и Китаем. Меня вызвали на расширенное заседание ЦК. Там Хасан Крейтам представил доклад о конференции в Москве, которая закончилась конфликтом и расколом. Ливанская компартия (ЛКП) встала на сторону Советского Союза против Китая со всеми вытекающими из этого решения последствиями. Чем это закончилось, всем хорошо известно: Советский Союз развалился, а Китай встал на путь, который во всем противоречил курсу Мао Цзэдуна.

А тем временем в нашем регионе происходили исторические события. Одно из них – распад Объединенной Арабской Республики (ОАР)⁴. Падение республики сопровождалось дебатами, которые начались с шепота, а закончились криками. Предметом споров становились всевозможные вопросы, идеологические и политические: в чем заключается суть этого исторического этапа, как арабским странам следует выстраивать отношения, каково будущее наших стран и мира.

В этот период в Советском Союзе появилась теория некапиталистического развития. Ее авторы исходили из того, что для построения социализма страны «третьего мира» не обязаны проходить капиталистическую стадию развития – в силу отсталости этих стран и слабости их рабочего класса. Создатели теории утверждали, что мировая социалистическая система может послужить временной заменой рабочего класса и его партии в отдельных странах. Теория некапиталистического развития гласит, что «революционные демократы» в союзе с СССР проводят свои страны через необходимые трансформации и это позволяет избежать капиталистического этапа.

Эта теория активно обсуждалась в рядах коммунистического движения: одни поддерживали ее, другие – отвергали. [Халед] Багдаш⁵ был одним из тех, кто выступал против. [...]

КАРИМ МУРУВВА

ВЕЛИКИЕ КОММУНИСТЫ
В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ
ЛИВАНА

Карим Мурувва (род. 1930) – ливанский политик, с середины 1960-х входил в руководство Ливанской коммунистической партии. Родился в шиитской семье на юге Ливана, получил религиозное образование в Ираке. После возвращения в Ливан учился на филолога, работал школьным учителем, публиковался в сирийской и ливанской коммунистической прессе.

- 4 В 1958 году Египет и Сирия образовали Объединенную Арабскую Республику (ОАР). Накануне этого события группа сирийских офицеров, не уведомляя гражданское руководство, прилетела в Египет и предложила объединиться. Сирийские военные были сторонниками панарабизма и всецело поддерживали египетского президента Гамалы Абдель Насера. Среди их мотивов были также опасения, что власть в Сирии захватит местная коммунистическая партия. ОАР была распущена в результате военного переворота в Сирии в сентябре 1961 года. Подробнее см.: DAWISHA A. *Arab Nationalism in the Twentieth Century. From Triumph to Despair*. Princeton: Princeton University Press, 2002. P. 193–201.
- 5 Халед Багдаш (1912–1995) возглавлял Сирийскую коммунистическую партию с 1934 года до самой смерти (с перерывом в 1968–1970 годах). Переводил Карла Маркса на арабский, в 1939–1946 годах учился в Москве. На выборах 1954 года, самых конкурентных в истории Сирии, Багдаш стал первым арабским коммунистом, прошедшим в парламент. С начала 1970-х сотрудничал с режимом Хафиза аль-Асада, в 1972-м Сирийская компартия вошла в Национальный прогрессивный фронт под руководством правящей партии «Аль-Баас». MUBAYED S. *Steel & Silk: Men & Women who Shaped Syria, 1900–2000*. Seattle: Cune, 2006. P. 194–197.

В 1964 году Ливанская коммунистическая партия стала независимой от сирийской. Под руководством Николая Шауи ЛКП постепенно превратилась из партии-сателлита Советского Союза в партию, которая самостоятельно решает, какую политику проводить, какие позиции занимать и как составлять свою программу. При этом ЛКП поддерживает тесные связи с СССР как предводителем коммунистического движения во всем мире. [...]

Определенная ирония была в том, что, судя по всему, Советский Союз рассматривал отделение ливанской компартии от сирийской как своего рода наказание для Халеда Багдаша за его [идеологические] позиции, упомянутые выше. От нового руководства [ЛКП] СССР потребовал полной лояльности в вопросах внешней и внутренней политики. С этим согласились некоторые представители старой гвардии. Однако Шауи и новые члены руководства, которые заняли свои посты благодаря разделению ЛКП и Сирийской компартии, сразу выступили против.

Очень быстро это противоречие привело к ожесточенному конфликту в руководстве партии. Столкнулись два видения. Одно представлял Шауи и новые товарищи, которые настаивали на обновлении партии и стремились к большей независимости ЛКП. За альтернативный курс выступала старые коммунисты, которые хотели и дальше во всем следовать за КПСС, не ставя решения Советов под сомнение. Дело дошло до того, что во время одного из заседаний Хасан Крейтэм⁶ заявил, что партия формирует свои позиции на основе заявлений ТАСС. Советский Союз решительно вмешался в конфликт на стороне членов ЛКП с более длительным опытом пребывания в партии. Но это судьбоносное противостояние завершилось победой сторонников обновления ЛКП.

[...]

Однако впоследствии под давлением Москвы Николая Шауи уступил и на время оказался заложником политики, которую проводили СССР и старая гвардия в ЛКП. Он уступил, потому что принципиально доверял Советскому Союзу. Шауи отказался от своих требований и вернулся на прежние позиции, но вскоре выяснилось, что СССР обманул его. Советский Союз обвинил [протееже Николая Шауи] Жоржа Хауи в работе на американские спецслужбы. [...] Когда Шауи понял, что попал в ловушку, он стал думать, как вывести партию из сложного положения. В этот период мучительных раздумий и поисков [Николя Шауи] столкнулся с огромным давлением и угрозами.

⁶ Хасан Крейтэм входил во фракцию сторонников Багдаша в руководстве ЛКП. Исключен из партии в 1967 году. ISMAEL T., ISMAEL J. *The Communist Movement in Syria and Lebanon*. Gainesville: University Press of Florida, 1998. P. 71.

В результате он даже упал в обморок на одной из встреч, которая проходила в советском посольстве в Бейруте и на которой присутствовал посол СССР [Петр] Дедушкин – важный участник заговора против партии.

Несмотря на давление, Шауи решил вернуться на свои прежние позиции и добиваться обновления партии в вопросах идеологии, политики и партийной организации. Он вновь стал требовать, чтобы молодые кадры занимали важные посты в партии. В этом ему помогали товарищи из нового поколения, которые по инициативе Шауи стали членами политбюро и ЦК после отделения ЛКП от Сирийской компартии.

[...]

Заслуживает упоминания то обстоятельство, что эти молодые кадры в своей политической и интеллектуальной деятельности пользовались поддержкой подавляющего большинства [ливанских] коммунистов, партийных и народных организаций⁷, в первую очередь – лидеров профсоюзного движения. Эта фракция подготовила меморандум, в котором изложила свое видение политического и идеологического развития партии, и попыталась передать документ Советам. Однако советский посол отказался принять делегацию и ознакомиться с меморандумом. [...]

Я в это время находился в Москве. Там я проходил курс в институте подготовки кадров для коммунистических партий. Тем не менее я продолжал следить за борьбой и дебатами, которые разворачивались в ЛКП. Когда мое обучение завершилось, советские товарищи не дали мне вернуться в Ливан. Это было произволом с их стороны и со стороны старой гвардии ЛКП в Бейруте. И хотя в Москве знали, что я вхожу в руководство партии как член политбюро и секретариата, они настаивали на том, чтобы я оставался в СССР, и обвиняли меня в троцкизме, маоизме и так далее. Меня отпустили лишь после того, как вмешался глава института, который был солидарен со мной и моими молодыми товарищами в Ливане. Некоторые из них окончили институт, которым он заведовал. Он отнес Брежневу мою жалобу, в которой я просил позволить мне вернуться на родину. В итоге мне разрешили уехать.

Когда я вернулся в Бейрут, первым, кто меня встретил, был товарищ Николая [Шауи]. Это была важная встреча. Он рассказал мне историю конфликта во всех подробностях, сначала и до момента, когда он осознал, что против него и ЛКП плетутся

7 Под «народными организациями» автор подразумевает общественные организации, тесно связанные с ЛКП. В арабских странах коммунистические партии нередко действовали через союзы студентов, женщин, крестьян, рабочих и так далее. Ливанская компартия была серьезной силой в профсоюзном движении. См.: ISMAEL T. *The Rise and Fall of the Communist Party of Iraq*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 58, 79.

интриги в Москве и Бейруте. Затем мы принялись обсуждать, как нам вывести партию из кризиса.

И мы начали действовать. Было собрано заседание ЦК ЛКП под руководством Шауи. На встрече комитет принял серьезные политические и организационные решения. Важнее всего было то, что ЦК призвал провести Второй съезд партии⁸ и сформировать комитет, ответственный за подготовку к нему. Было решено разработать новую программу ЛКП и новый устав, который уважал бы демократические принципы (насколько это было возможно в этот период). [...]

Интересно, что вскоре после того заседания ЦК, которое положило конец кризису и постановило провести съезд, КПСС пригласила ЛКП на праздник, посвященный пятидесятилетию октябрьской революции. В делегацию под руководством Никола Шауи вошли Артин Мадоян⁹, Жорж аль-Баталь и я. Нас приняли в здании ЦК КПСС с тем же вниманием, что и делегации от других коммунистических партий. Чуть позже к нам присоединился [ливанский коммунист] Фарук Маасрани, который приехал на празднества как представитель Ливанского движения за мир. Нас радушно приняли [секретарь ЦК и член политбюро ЦК КПСС Михаил] Суслов, [секретарь и заведующий международным отделом ЦК КПСС Борис] Пономарев, [замглавы международного отдела ЦК КПСС Ростислав] Ульяновский и другие сотрудники аппарата ЦК, которые не так давно обвиняли Жоржа Хауи в связях с американской разведкой, а меня – в троцкизме и маоизме и не давали мне вернуться в Ливан после года учебы в Москве. Характерно, что, выслушав рассказ Никола Шауи, Суслов обратился к Артину Мадояну и спросил: «А что вы думаете, товарищ Мадоян?». Мадоян ответил: «Я доверяю этой молодежи». Этот диалог демонстрировал степень доверия между Мадояном и Советами, которая сохранилась до конца его жизни. Мне также показалось, что Никола Шауи заранее договорился об этом с Мадояном, чтобы Мадоян мог укрепить свои позиции в новых условиях, когда после Второго съезда партия взяла новый курс. [...]

Я сопровождал Шауи во многих поездках по арабским и зарубежным странам в составе партийных делегаций. Я люблю вспоминать о четырех из них. Первая – это путешествие в Багдад в 1972 году. [...] Вторым важным визитом была поездка в Москву, на пятидесятилетний юбилей создания СССР. Тогда

8 Первый съезд ЛКП проходил с 31 декабря 1943-го по 2 января 1944 года. Второй съезд состоялся в 1968 году. SULEIMAN M. *The Lebanese Communist Party // Middle Eastern Studies*. 1967. Vol. 3. № 2. P. 140.

9 Артин Мадоян – ливанский политик армянского происхождения, который играл видную роль в ливанском коммунистическом движении. В начале 1924 года он стал одним из основателей армянской коммунистической организации «Лига Спартак» в Бейруте. Впоследствии она слилась с ливанской компартией, а Артин Мадоян вошел в руководство ЛКП. ISMAEL T., ISMAEL J. *Op. cit.* P. 13.

Шауи познакомил меня со многими руководителями коммунистических партий и социалистических государств. Третья поездка была в Париж в 1976-м. Французская компартия провела фестиваль в поддержку борьбы нашей партии против сирийского вторжения в Ливан [в ходе ливанской гражданской войны]. К этому моменту Советский Союз, государства соцлагеря, арабские компартии и коммунисты из множества стран объявили нам бойкот¹⁰. [...] Четвертой поездкой был визит на Кубу в 1977 году. Нас сопровождал Морис Нахра, член ЦК ЛКП. Встреча с Фиделем Кастро была непростой, поскольку у нас были разные позиции по поводу сирийской интервенции. Тем не менее мы договорились по другим вопросам. [...]

Было очевидно, что будущий преемник Шауи на посту генерального секретаря – это Жорж Хауи, а не кто-либо другой из молодых в партийном руководстве. Это стало понятным сразу после возвращения Хауи из его полудобровольного изгнания, то есть с конца 1968 года. Николая, очень любивший Жоржа, глубоко доверял ему и был очень рад, что этому человеку предстоит возглавить партию. Он не скрывал своих чувств по поводу будущей роли Жоржа, который двигался к ней стремительно, как ракета.

Я не могу не упомянуть, что Николай Шауи полностью доверял своим молодым товарищам и они участвовали в принятии важных решений и разделяли ответственность за них. Важнейшим из них, принятым лишь после глубоких и тяжелых дискуссий, стало решение вступить в гражданскую войну [1975–1990] сразу после ее начала. Шауи и его товарищи взяли на себя ответственность за последствия некоторых решений, которые привели к очередному расхождению с Советским Союзом, в первую очередь – за позицию ЛКП по Сирии. Вскоре после ввода сирийских войск в Ливан [в 1976-м], в начале 1977 года Шауи и Надим Абд ас-Самад поехали в Москву, чтобы встретиться с советским руководством и обсудить с ним новые реалии. Конфликт между ЛКП и КПСС оказался настолько серьезным, что «Правда» не сообщила о визите, хотя обычно газета писала о встречах руководства СССР с братскими партиями. Подобное произошло впервые в истории наших отношений.

[...]

Надим [Абд ас-Самад] вернулся в Ливан, а Николай, заботясь о своем здоровье, остался в Будапеште, вдали от конфликта между ЛКП, с одной стороны, и сирийцами и Советами, – с другой. Тогда же было решено, что в качестве меры предосторожности Артин Мадоян отправится в Москву, а Юсуф Хаттар аль-Хелу – в Узбекистан. Однако Шауи не смог остаться в Бу-

10 Это произошло из-за конфликта по поводу ввода сирийских войск в Ливан в 1976 году: СССР поддержал Дамаск, а ЛКП поддержала независимость своей страны.

дапеште надолго. Когда я навещал его, он жаловался, что ему тяжело в изгнании, несмотря на всю помощь, которую предоставляли венгры. Было решено, что он вернется. Помня об этом тяжелом опыте изгнания, позже, в 1982 году, когда Израиль напал на Ливан и осадил Бейрут, Шауи отказался уехать за границу, невзирая на опасность. [...]

ЖОРЖ ХАУИ

В первой половине 1960-х Жорж был одним из тех партийных кадров, которые начали задавать вопросы о том, как положение в Ливане связано с ситуацией в арабском мире и на международной арене. Они намекали на необходимость полностью пересмотреть позиции ЛКП по различным вопросам. В центре дискуссий было отношение партии к фигуре [египетского] президента Гамаль Абдель Насера¹¹. В ЛКП возникло течение, которое стремилось с максимальной точностью и объективностью понять эту фигуру, сыгравшую историческую роль в жизни арабского мира, и определить истинное значение Абдель Насера без того, чтобы оправдывать его ошибки или преуменьшать его значимость. Это произошло после того, как распалась ОАР, а президент Абдель Насер попытался извлечь уроки из этого опыта.

Главной целью этих дискуссий было стремление изменить линию партии в отношении ливанского патриотизма и [пан-арабского] национализма, а также их значения для Ливана, которое базировалось на истории, культуре и общей судьбе. Обсуждения также были вызваны переменами, которые происходили в мире и влияли в том числе на арабские страны. Закономерно, что именно в этот период споры по поводу перемен и позиция Жоржа и его товарищей способствовали окончательному отделению ЛКП от Сирийской компартии. Ее вождь Халед Багдаш настаивал на том, чтобы в своей политике, идеологии и организации партия оставалась верна принципам сталинизма.

Выше я уже упоминал этот исторический эпизод, его обстоятельство и счастливое разрешение. В этом противостоянии Жорж был самым заметным представителем сторонников перемен, даже более видным, чем старшие и более опытные товарищи, в том числе я. Все мы помогли Жоржу занять это положение, которого он добился благодаря своим способностям и смелости, оригинальным идеям, умению четко определять

11 Гамаль Абдель Насер (1918–1970) – президент Египта в 1956–1970 годах. Во второй половине 1950-х, когда Абдель Насер был очень популярен в арабском мире, многие панарабские националисты называли свою идеологию «насеризмом». Насеристы считали, что арабские страны должны объединиться именно под руководством египетского лидера.

генеральную линию партии и ее задачи, а также проницательности в вопросах, которые касались ближайшего будущего Ливана, арабских стран и мира в целом. Чтобы избавиться от Жоржа, Советы обвинили его в работе на спецслужбы США. Однако это не испугало ни его самого, ни его сподвижников, а лишь укрепило их убеждения и побудило продолжить бороться до конца за обновление и перемены в ЛКП.

И все же он решил по доброй воле покинуть Ливан, чтобы облегчить процесс обновления в партии, который к этому времени наткнулся на определенные трудности. Противники перемен использовали все возможные средства, в том числе самые отвратительные и низкие. Поэтому, принимая решение об отъезде, Жорж исходил из того, что нельзя позволить оппонентам использовать обвинения в работе на американцев и тем самым остановить обновление партии. С горечью он отправился в Бельгию, надеясь, что этот мрачный период закончится рассветом, после которого партия будет играть новую роль в жизни Ливана. [...]

Не прошло и года с отъезда Жоржа, как его товарищи одержали решительную победу над советским вмешательством [во внутренние дела ЛКП] и теми, кто во всех идеологических, политических и организационных вопросах следовал за СССР. Венцом победы стало проведение Второго съезда партии в 1968 году, который привел к коренным переменам в идеологии ЛКП, ее политической линии и организации ее деятельности. [...]

Будучи человеком широкого ума, Жорж не дал обвинениям, которые Советы выдвинули против него, привести к вражде между ЛКП и Советским Союзом. Он и партия попросту игнорировали эти нападки. В конечном счете Советы также сделали вид, будто ничего не произошло, и полностью восстановили отношения с партией и лично с Жоржем. В свою очередь, будучи одним из руководителей ЛКП, Жорж продолжил признавать КПСС предводителем мирового революционного движения в том, что касается борьбы против империализма и войн, за укрепление мира и защиту права народов на самоопределение. А Советы продолжили работать с Жоржем как лидером ЛКП и одним из наиболее выдающихся лидеров арабского коммунистического движения. В итоге СССР был вынужден признать право ливанской компартии определять свою политику на национальном, региональном и международном уровнях, право свободно формулировать свои идеи. Кроме того, ЛКП добились права дать новое определение марксизму и следовать ему в теории и на практике. [...]

Олицетворением достижений Жоржа и его товарищей по партийному руководству из поколения 1960-х, которые действовали под руководством и при поддержке Николая Шауи,

стал великий идеологический поворот, случившийся на Третьем съезде ЛКП в 1972 году. На съезде было представлено новое понимание социализма и идей Маркса. По своей сути и новизне это была беспрецедентная идея в истории коммунистического движения в арабском мире. В ее основе лежала мысль о том, что социализм вопреки господствующему представлению, которое распространяли Советы, по своей сути является демократическим проектом и опирается на плюрализм в обществе как на естественный закон жизни и условие реализации предназначения человека, то есть свободы, прогресса и счастья человеческого общества. И если Жорж и был впереди нас, своих товарищей, в своем понимании социализма, то это потому, что он извлек уроки из советского опыта построения социализма. Он остался верен этому пониманию вплоть до момента, когда его убили¹², даже после того, как он покинул пост генерального секретаря партии в 1992 году, оставшись важной фигурой в истории ЛКП.

[...]

Третий съезд ЛКП был важен не только для деятельности партии внутри Ливана, но и для нашей линии по арабским вопросам. Съезд призвал арабские страны действовать сообща по совместным проблемам, в первую очередь по палестинскому вопросу. Представители 24 арабских партий – коммунистических и националистических, оппозиционных и правящих – подписали декларацию с этим призывом. Обсуждения этой инициативы привели к основанию Фронта участия в палестинской революции. Его президентом был избран Камаль Джумблат¹³, а исполнительным секретарем стал Надим Абд ас-Самад, один из руководителей ЛКП.

[...]

Когда в 1975 году началась гражданская война [в Ливане], Жорж играл особую роль в «Ливанском национальном движении»¹⁴, в особенности благодаря его отношениям с руководителями палестинского сопротивления. Из-за этого Жорж

- 12** Жорж Хауи был убит в 2005 году. Как нередко бывает с политическими убийствами в Ливане, это преступление осталось нераскрытым. Помимо Хауи, в середине 2000-х были убиты немало критиков сирийского контроля над Ливаном: среди них журналист и историк Самир Кассир, редактор и издатель одной из ведущих газет «Ан-Нахар» Джибран Туэйни, лидер христианской партии «Катаиб» Пьер Жмайель-младший и другие.
- 13** Камаль Джумблат (1917–1977) на протяжении многих лет был депутатом ливанского парламента, неоднократно входил в правительство; в 1949 году основал «Прогрессивно-социалистическую партию». Джумблат принадлежал к одной из двух главных политических династий ливанских друзов, а электоральный вес «Прогрессивно-социалистической партии» основывался на крестьянах-друзах, чьи семьи были исторически связаны с его родом.
- 14** «Ливанское национальное движение» – военно-политическая коалиция преимущественно мусульманских партий и ополчений, которая действовала на первых этапах гражданской войны в Ливане. Лидером Движения был Камаль Джумблат. Альянс включал левые и панарабистские организации и тесно сотрудничал с некоторыми палестинскими движениями, в первую очередь с ФАТХ под руководством Ясира Арафата (1929–2004).

оказался одним из лидеров этого объединения, которое отважно вступило в бой, чтобы защитить независимость и суверенитет Ливана и обеспечить принципиальную практическую поддержку делу Палестины [со стороны Ливана] на новом этапе палестинской революции¹⁵. Как известно, в то время главным лозунгом палестинской революции была борьба за создание независимого палестинского государства на территории Палестины. [...]

Хотя в политике ЛКП и не было экстремизма, присущего некоторым левым партиям, которые во всех вопросах были солидарны с палестинским сопротивлением и его политикой в Ливане после Каирского соглашения¹⁶, наша партия закрывала глаза на многие ошибки палестинцев. Действительно, политика ЛКП по отношению к палестинскому сопротивлению была двойственной, и впоследствии партия поплатилась за это.

Тут следует упомянуть, что Жорж опубликовал ряд статей в нескольких ливанских газетах и журналах. В них он критиковал подход, к которому призывали новые левые с подачи всех палестинских организаций, но прежде всего движение ФАТХ¹⁷. Они исходили из того, что палестинская революция имеет право вмешиваться во внутренние дела арабских стран, если это способствует достижению ее целей. [...]

Весной 1976 года сирийское руководство решило ввести войска в Ливан – якобы для того, чтобы положить конец гражданской войне. Как только это произошло, в лагере сторонников союза, куда входило «[Ливанское] национальное движение» и палестинское сопротивление, стали раздаваться голоса, призывавшие противостоять вторжению¹⁸. Жорж Хауи призывал

15 Одним из основных противоречий, которые привели к гражданской войне в Ливане, был статус палестинских организаций. Хотя ливанцы сочувствовали палестинским беженцам, появление палестинских вооруженных формирований в конце 1960-х и их поведение стали острым политическим вопросом. Палестинские боевики похищали ливанцев (военных и гражданских), вступали в перестрелки (с военными и гражданскими ливанцами, а также друг с другом), открыто носили оружие за пределами лагерей беженцев, устанавливали блокпосты на дорогах и так далее. См.: EL-KHAZEN F. *The Breakdown of the State in Lebanon, 1967–1976*. Cambridge: Harvard University Press, 2000.

16 Речь идет о заключенном ранее Соглашении между ливанским правительством и Организацией освобождения Палестины, которое фактически легализовало палестинские вооруженные формирования, но налагало на них определенные ограничения. В конечном счете палестинские организации не соблюдали этого соглашения, что способствовало дестабилизации Ливана. См.: HANF T. *Koexistenz im Krieg. Staatszerfall und Entstehen einer Nation im Libanon*. Baden-Baden: Nomos, 1990. P. 255.

17 ФАТХ («Движение за национальное освобождение Палестины») – палестинское движение, основанное Ясиром Арафатом. С конца 1960-х ФАТХ остается крупнейшим палестинским движением, которое входит в Организацию освобождения Палестины (ООП); с 1969 года лидер ФАТХ также возглавляет ООП (с 1969-го и до своей смерти в 2004 году это был Ясир Арафат, с 2004-го – Махмуд Аббас).

18 Фактически Сирия вступила в гражданскую войну на стороне преимущественно христианских партий и их ополчений, которые противостояли «Ливанскому национальному движению» и его палестинским союзникам. Сирийское руководство опасалось, что если радикальные пропалестинские силы захватят власть в Бейруте, то это приведет к израильскому вторжению и оккупации Ливана. Это создало бы военные риски для Сирии, в частности, угрозу израильского наступления на Дамаск из долины Бекаа. См.: HINNEBUSCH R. *Syrian Policy in Lebanon and the Palestinians* // Arab Studies Quarterly. 1986. Vol. 8. № 1. P. 5–6.

подойти к вопросу благоразумно и не рисковать, вступая в бой без особых шансов на успех. [...]

Арабские правительства не могли смириться с началом наступления [отрядов «Ливанского национального движения» и палестинцев] на горные районы с преимущественно христианским населением¹⁹. Их позиция, изложенная на саммитах в Эр-Рияде и Каире, дала возможность Сирии ввести войска. [...]

Исторический парадокс заключался в том, что Советский Союз и арабские коммунистические партии поддержали арабские правительства. И вместо того, чтобы осудить сирийскую интервенцию, они осудили позицию ЛКП, «[Ливанского] национального движения» и палестинского сопротивления. Руководство ЛКП пыталось побудить союзников по Движению учесть тот факт, что арабы и Советы были против нас, и не вступать в бой с сирийскими силами. Но партнеры по ливанско-палестинскому союзу требовали активных действий. Они не прислушались к нашему анализу и прогнозам, а у нас не было иного выбора, кроме как сохранить верность союзникам. И так ЛКП со всей ее боевой мощью присоединилась к борьбе против сирийской интервенции.

[...]

Жорж Хауи был прагматичным политиком высшего класса. Его отношение к сирийскому руководству было построено как на смелой критике политики Сирии, публичной и непубличной, так и на постоянном стремлении не сжигать мосты, чтобы в будущем можно было исправить отношения между двумя братскими странами и действовать в общих интересах.

На основе этого прагматизма и исходя из национальных интересов Ливана и арабских стран Жорж и руководство ЛКП сотрудничали с палестинским руководством с высочайшей ответственностью. Порой эта ответственность требовала критиковать – в различных формах – политику и практику палестинцев. Это было нашей принципиальной позицией, но мы делали это с известной гибкостью, дабы избежать конфликта.

[...]

Однако в конце 1983 года между ЛКП и палестинским сопротивлением, в том числе движением ФАТХ и его лидером Ясиром Арафатом, разгорелся трагический конфликт. После того как силы Организации освобождения Палестины покинули Бейрут в 1982 году в соответствии с планом Филиппа Хабиба²⁰, Ясир Ара-

19 Имеется в виду область Горный Ливан, где христиане составляют большинство населения. На протяжении всей гражданской войны большую часть этой области контролировали христианские ополчения, которые воевали против палестинцев и их ливанских союзников.

20 Филипп Хабиб (1920–1992) – американский дипломат, в 1981–1983 годах был специальным посланником президента Рональда Рейгана на Ближнем Востоке. В 1982-м, когда израильская армия вторглась в Ливан, чтобы ликвидировать Организацию освобождения Палестины, Хабиб выступил посредником в переговорах между Израилем и ООП.

фат внезапно вернулся [в Ливан], прибыв в Триполи по морю. Стоило ему приплыть в Триполи, как он вступил в союз с «Движением исламского таухида» под руководством шейха Саида Шаабана²¹. Благодаря этому союзу палестинцы поставили под свой контроль столицу севера. Компартии пришлось дорого за это заплатить: 35 коммунистов стали жертвами резни, [которую устроили исламисты] в офисе ЛКП в районе порта. [...]

Конфликт между компартией и Ясиром Арафатом продлился до 1987 года. В тот год в Москве с размахом праздновали семидесятую годовщину октябрьской революции. В квартире, где я проживал как гость ЦК КПСС, мы – Жорж Хауи и я – встретились с Ясиром Арафатом и объяснили ему наше отношение к политике, которую ООП проводила под его руководством, и ясно дали понять, что она создает риски для будущего как палестинцев, так и Ливана. В следующем году мы встретились еще раз, чтобы помириться окончательно. Встреча состоялась в Праге. [...]

[...]

Но самой смелой позицией Жоржа было его отношение к распаду Советского Союза. Он заявил с полной уверенностью, что СССР распался из-за совокупности ошибок и прегрешений, которые лежали в основе того, как в Союзе реализовали социалистический проект. Советские практики далеко ушли от сути идей Маркса, его метода диалектического материализма и социалистического проекта по изменению мира. В СССР относились к его несколько устаревшим представлениям как к догме, не подлежащей обсуждению и обновлению, хотя по сути именно обновление было одной из ключевых идей Маркса. Говоря об этом, Жорж все больше убеждался, что социалистический проект нуждается в коренных преобразованиях как с точки зрения формулировок, так и с точки зрения понятий, связанных с его реализацией. В условиях современного мира, которые фундаментально отличаются от того, что представлял себе Маркс 150 лет назад, социализму нужно новое понимание, новое оформление и новый горизонт. Ведь социализм – это выражение мечты человечества о новом мире, свободном от эксплуатации и принуждения, мире, способном использовать великие достижения науки в интересах счастья человека, его освобождения и прогресса.

Сокращенный перевод с арабского и примечания Максима Жабко

21 «Движение исламского таухида» – исламистская фундаменталистская организация, основанная Саидом Шаабаном в 1982 году. Движение вдохновлялось исламской революцией в Иране 1979 года и было образовано из небольших вооруженных формирований, которые контролировали отдельные районы Триполи. Изначально эти группировки вдохновлялись панарабским национализмом и симпатизировали палестинцам. Осенью 1983 года «Движение исламского таухида» – при поддержке Ясира Арафата – поставило Триполи под свой контроль. В октябре 1985-го Триполи перешел под контроль сирийской армии. См.: ROUGIER B. *The Sunni Tragedy in the Middle East: Northern Lebanon from al-Qaeda to ISIS*. Princeton: Princeton University Press, 2015. P. 11–13.

АЛЕКСАНДР
ПИСАРЕВ

Труд, любовь и слова никогда не будут прежними

Обзор российских
интеллектуальных журналов

Александр Александрович Писарев (р. 1988) – исследователь, переводчик, преподаватель, младший научный сотрудник Института философии РАН.

Темы номеров, попавших в этот обзор, оказались на редкость классическими, пусть даже обсуждают их авторы на актуальном материале. Впрочем, сегодня все, что считалось и считается актуальным, может вмиг устареть или исчезнуть и единственным жестким десигнатором становится все чаще повторяемое в дискуссиях слово *прежнее* – в прежних условиях, в прежней системе координат – пароль беспочвенного междувременья. «Художественный журнал» и «Stasis», не сговариваясь, посвятили номера труду в постфордистском капитализме. Если одни подозревают, что искусство стало экспериментальной площадкой новых форм эксплуатации, то вторые ищут пути освобождения от отчуж-

**ОБЗОР
ЖУРНАЛОВ**

дения, обновленного дематериализацией труда. «Логос» же в одном номере обращается к семантическим словесным смещениям и играм, чтобы в следующем перейти к дискуссиям о любви и кино, из которых такие смещения и игры неустраимы. «Ab Imregio» продолжает обсуждение реформ русистики в связи с событиями в Украине, а также посвящает целый блок реалиям конфессионального государства.

ИСКУССТВО МЕЖДУ ТРУДОМ И ДАРОМ

«Художественный журнал» (2022. № 121) посвящен «Художественной политэкономии». Как отмечается в редакционном предисловии, основой системы современного искусства с конца XIX века было перемещение художественной работы как материального продукта труда художника через три точки: мастерская – галерея (рынок) – коллекция. Этот путь соответствовал пути любого другого промышленного товара. Однако с тех пор изменился характер художественного продукта, появлялось все больше нематериальных форм. Одновременно рос сектор нематериального производства услуг, знания, досуга, аффектов. Менялась не только траектория художественной работы, но и все вовлеченные в это перемещение роли, экономические отношения и нарративы. Поэтому ориентирами журнальной дискуссии стали следующие вопросы:

«Какие же художественные формы адекватны новым нематериальным формам труда? Какова новая политэкономия искусства? Что обеспечивает производство произведений, не имеющих объектных форм и, следовательно, не способных удовлетворить товарный фетишизм коллекционера?» (с. 3).

Предваряя дискуссию, стоит отметить, с чем связана первичная трудность обсуж-

дения этих реалий вне сообщества. Искусство как самостоятельная практика возникает из современного капиталистического разделения труда, в котором оно занимает место *нетрудовой деятельности*, высшего проявления человеческого духа. Это скрывает труд, которым оно является (с. 44), постоянно смещая фокус на «духовное» содержание. Другой способ постановки того же, в сущности политэкономического вопроса, – является ли искусство даром, расстрой или же обменом? Этому посвящено эссе Егора Софронова, и эта тема возникает в высказываниях многих других авторов.

То или иное решение этой дилеммы может быть связано с переменной культурно-географического центра тяжести в арт-системе. Ника Дубровская отмечает, что стоимость искусства определяется прежде всего близостью к центрам производства военной и финансовой власти (с. 7). Это, конечно, Запад, но в последние десятилетия его монополию в культурном производстве стремятся оспорить новые игроки из числа развивающихся стран: политическая борьба эхом отзывается и на расстановке сил на международном рынке искусства. В условиях постколониализма культурная инфраструктура, опирающаяся на награбленные когда-то сокровища, – один из инст-

рументов международного влияния (и его перераспределения), и национальное деление Венецианской биеннале тому свидетельство. Одновременно капитализм поддерживает в искусстве жесткое деление на художников-производителей и потребителей, ориентацию на прибыльность. Финансовая составляющая укрепляет и дублирует национальную в *двойном* закабалении искусства.

Дубровская связывает альтернативу такому положению с опытом Парижской коммуны, когда искусство стало играть роль социального клея и вышло на улицы, а также с русским авангардом. Она приводит в пример коллективные проекты с прошедшей в этом году «Documenta 15», наполненной западным искусством. Это проекты, построенные на *заботе* друг о друге, возможности для каждого стать художником. Таков, например, бангладешский проект «Rakhor – социальная кухня», где каждый посетитель мог бесплатно приготовить еду и поделиться ею с другими. Здесь карьера художника построена не вокруг увеличения стоимости своего труда и ценности производимых объектов – карьеры как таковой и нет, – здесь мы видим усилие *изменить мир*.

По-видимому, по Дубровской, такая трансформация способна разорвать двойное пленение искусства – национальное и капиталистическое. Художник перестает быть уникальным творцом, потенциально *растворяясь* в коллективности. Схожей позиции придерживается и Йозель Регев: «Каждый может быть гением, но не потому, что он обладает даром – дар не нужен, нужна работа» (с. 28); каждый может стать Дюшаном-для-себя, заявляет Алек Петук. Труд художника уже не сулит возможности разбогатеть, ведь труд заботы и воспроизводства людей всегда оплачивается низко.

Но настолько ли привлекательнее путь институционализованного западного художника? Дубровская указывает, что «же-

ланная возможность заниматься искусством предоставляется в обмен на согласие жить в постоянной неопределенности, конкуренции друг с другом, тревожности и зависимости от меняющихся правил и спонсоров» (с. 13).

Наглядной иллюстрацией этой реалии является короткое эссе Кати Ганюшиной, представляющее собой письмо художницы обобщенным кураторам Культурной Институту, в котором она задает им неудобные (и типичные!) вопросы об условиях своего труда, его оплаты и оформления (с. 79–80).

Действительно, как отмечает Дейв Бич, если в индустриальном обществе художник скорее противопоставлялся пролетарию в качестве своего рода предпринимателя, то теперь он стал *образцовым пролетарием* постфордистского труда с его несправедливыми условиями (стирание границ между рабочим и нерабочим временем, трудовые договоры с нефиксированным рабочим временем, увеличение объема неоплачиваемых практик, отсутствие гарантий занятости в массовом масштабе и низкие зарплаты):

«В эпоху прекарного труда художник заполняет пробел между работающими и безработными, являя собой форму бунта против труда, в котором, как сформулировал Бифо, “современные бунтовщики заняты в основном самотерапией”. В то же время художника теперь воспринимают как образец занятого самоэксплуатацией пролетария, пашущего круглосуточно без выходных и относящегося к работе как к вознаграждению» (с. 16).

Искусство, по Бичу, становится «лабораторией по созданию особого вида извлечения стоимости, который затем можно вводить в широкий обиход за пределами художественной сферы» (с. 16), а «качества художника с готовностью распространяются на нормативного субъекта наемного труда как новой прекарной нормы» (с. 48), замечает Марина Вишмидт. (Это внимание

к субъекту не случайно: после революции редимейда стоимость в искусстве привязана не столько к объекту, сколько к субъекту.) Искусство, по выражению Паскаля Гиленна, стало «лабораторией постфордизма» (с. 71). В итоге происходит сближение:

«Искусство начинает имитировать другие виды деятельности на своей постконцептуальной траектории, в том числе множество из тех, что иначе были бы отнесены к категории “труда”, и... труд все чаще выполняется под эгидой таких качеств, как креативность, гибкость и неопределенность» (с. 48).

Аномальность позиции художника, однако, сохраняется, поскольку обычно он продает не свой труд (его, вообще говоря, невозможно посчитать – с. 24), а продукт, причем за цену, превышающую его материальную стоимость. Постоянно продающий свои работы художник – редкость, норма же – художник как прекарный наемный сотрудник институции или самозанятый. Дейв Бич реконструирует историю трансформаций статуса художника в экономической системе и показывает, как сформировалось такое промежуточное положение между пролетариатом и капиталистом.

Учитывая прекарность и постфордистские условия, логично предположить, что одни типы искусства лучше, чем другие, подходят современным музеям. Свен Люттикен считает, что таковыми, благодаря событийности, являются танцевальные перформансы как дематериализованные предметы потребления (с. 32). «Современный капитализм склонен превращать труд в спектакль», в *фантасмагорию труда* (с. 37), поэтому танец как нельзя лучше подходит на роль образцового труда. В статье Люттикена читатель найдет обстоятельный анализ перформансов, проблематизирующих труд и стоимость в пространстве современного музея как постфордистской фабрики.

Однако искусство систематически сопротивляется отождествлению с трудом. Чтобы схватить специфику искусства как способа производства в этом аспекте, Марина Вишмидт предлагает понимать его как *спекуляцию*, в сердце которой – неопределенность (с. 51). Она и становится двигателем *субъективации* художника.

Субъективация выходит на первый план в современном искусстве не только вследствие революции редимейдов и спекуляции. Саша Бурханова-Хабазде обращает внимание на иное обстоятельство: эмансипацию публики. Развитие техники, социальных сетей и платформ, а также приход *content creator economy* почти сняли барьеры на вход в сообщество творцов. Прежнюю власть творцов-профессионалов теперь оспаривают творцы-любители, ведь остался один главный критерий оценки – мнение публики (с. 56). Она не нуждается в том, чтобы художник или писатель объясняли ей ее же опыт или служили опорой для ее собственного высказывания. Профессионалы могут предложить публике не так много:

«Навыки строительства своей реальности и инструменты для разработки своего собственного визуального языка, аутентичного и не копирующего других, [...] чтобы научиться понимать и выражать, что, собственно, каждый кусочек их опыта значит именно для них, в контексте их многогранной, самобытной личности, [...] мыслить, чувствовать и взаимодействовать с реальностью как художник – посредством контента (с. 59).

Возможно, такое расширение поля деятельности художников спорно, поскольку подчинено монетизации и исходит из либеральной картины мира, в которой существуют отдельные индивиды с эгоистичными интересами. Однако оно свободно от иллюзии романтического идеала свободы как уникальности, подлинности: формы свободного самополагания сегодня – это

товары, и их гораздо меньше, чем людей, которые обречены собирать себя из них, как из конструктора. Тем очевиднее для них, что формы их свободы *коллективны*, а не индивидуальны. Здесь – залог политического потенциала по воздействию на субъективацию многих индивидов: самосборка может реализовываться исходя из разных идеалов, *поиск и изобретение* которых – ключевая задача. Не может ли это стать еще одной формой социальной жизни искусства?

ОТЧУЖДЕНИЕ В ЭПОХУ ПОСТФОРДИЗМА

«*Stasis*» (2022. № 2) продолжает в нашем обзоре тему современных трансформаций труда. Он посвящен «отчуждению труда, его возрастающе антагонистическому характеру, моделям протестного политического действия, которые находятся в кризисе» (с. 7).

Проблема отчуждения труда нуждается в регулярном переосмыслении ввиду изменчивости характера и структуры самого труда. Так, доктрина *нематериального труда*, возникшая в конце XX века, тематизирует рост значимости труда в сфере знания и информации, опирающегося на социальное взаимодействие. На первый план при этом выходят интеллект и язык – краеугольные камни этого нового, постфордистского, или когнитивного, капитализма.

«Личность работника начинает играть центральную роль в создании товара. Рабочий вкладывается не просто механически в свой труд, он вкладывает свою субъективность, то есть свои уникальные личностные черты, способность нестандартно, по крайней мере не всегда шаблонно, мыслить и решать те или иные задачи (с. 23).

Артур Третьяк отмечает, что субъективность и ее производство перестают быть

только предметом интереса социального контроля: отныне его монополию оспаривает капитал, выстраивающий активное отношение между производством и потреблением как процесс нематериального труда. В статье Третьяка читатель найдет содержательный обзор основных доктрин нематериального труда, а также размышления о сопутствующей трансформации отчуждения. Ему подвергается уже не одна из специальных способностей трудящегося, а его личность в целом в ее универсальности, или, по Вирно, *виртуозности* (с. 28–30). Последняя оказывается в двусмысленном положении: она одновременно и сулит освобождение, и грозит новым, тотальным, отчуждением.

Эвальд Ильенков предполагал, что способом избежать отчуждения может стать образование, готовящее «универсального» индивида, который имеет доступ к широкому контексту культуры. Тут важно вспомнить мнение Льва Выготского: подобное образование возможно только на «базисе» политехнического труда (с. 193). Идее политехнического образования как альтернативе отчуждающей сверхспециализации посвящена статья Андрея Майданского.

Другой регистр трансформации труда – цифровизация. Иван Микиртумов доказывает, что цифровизация труда и досуга сокращает отчуждение труда. Исследователь отрицает за отчуждением объективное содержание, считает его только реализующим себя в языке аффектом (с. 41–43) и даже замещает его *аффектом агона* как соревнования за признание, славу, престиж и только потом – материальные блага (с. 62).

«Для позднего капитализма труд превращается в арену агона, т.е. публичного состязания в результативности применения уникальных личностных качеств и умения превратить их в благо для другого на грани продажи и дарения» (с. 63).

Характерно, что здесь, как и в случае обсуждения художественного труда в «ХЖ», возникает проблема нахождения труда в «серой зоне» – между даром и обменом. Такой труд производит то, что предназначено для потребления в сфере личной свободы – *коммодифицированную свободу*. Агон, по Микритумову, освобождает труд, но порабощает свободу:

«Мир свободы реализуется как набор готовых и адаптивных товаров и услуг, потреблению которых придается также агональный характер. [...] Обретение совершенства в агоне труда имеет одним из своих центральных условий успех в агоне досуга, в то время как выбор и его реализация предопределены номенклатурой товарных форм свободы или же, в качестве альтернативы, отказом от них» (с. 63–64).

Этот пассаж отсылает нас к статье Саши Бурхановой-Хабазе в «ХЖ». Мы производим версии свободы друг для друга, но никто не способен создать такую версию для себя, отчего все реализации неизбежно заимствованных и «чужих» форм «своей» свободы не полны, не точны. Однако это проблема только на уровне исторически сформированного аффекта, а потому решаема. По мнению Микритумова, утратив интенцию свободы как свободы от отчужденного труда, «мы утратим и переживание неподлинности коммодифицированной свободы, а с нею и романтическую “сложность” души – фальшивую, но возвышающую, к чему, кажется, современный человек все еще не готов» (с. 65). Это потребует «дистанцирования, изменения угла зрения, смены понятий, иронии, обращения к опыту других людей, обществ и культур, экспериментирования» (с. 71). Но, пока будут оставаться сферы с классическим трудом, не охваченные цифровизацией, считает Микритумов, они будут напоминать о старом отчуждении и романтическом идеале свободы и подлинности.

Какие *требования* могли бы мы выдвинуть исходя из переосмысления труда сегодня? Пожалуй, прежде, чем это делать, стоит разобраться с тем, как, собственно, работает требование как языковой акт. Этому посвящена пронизательная статья Сергея Ермакова. Сегодня требование все чаще сводится к своему озвучиванию (с. 78), а либеральные поиски «общего языка» смещают акцент с языкового акта на символично-образную составляющую политики.

В условиях этого кризиса требование необходимо переосмыслить, оно не должно заявляться с позиции власти, чтобы не стать приказом:

«Против *децизионизма* решения суверена в процессе требования на первый план выходит *резолуционизм* решимости милитанта. [...] Требующий обязывается собственным требованием быть решительным еще даже до решения вопроса о том, располагает ли он достаточными силами, чтобы требовать [...] *Это слова, после которых нельзя не действовать*» (с. 85).

Ермаков тематизирует требование как слабый перформативный акт, связывающий политическую речь и политическое действие; призывающий, учреждающий своего субъекта. Именно требование вводит изменение справедливости (с. 94).

ВЕРИТЬ КАК ГОСУДАРСТВО

«*Ab Imperio*» (2022. № 2) продолжает начатое в предыдущем номере обсуждение реформирования русистики. Материалы «Форума AI» в этом номере, авторами которых стали отечественные и зарубежные русисты, посвящены методологическим и идеологическим изменениям, которые происходят с русистикой после 24 февраля. В редакторском предисловии подробно обсуждаются значения понятий «российский»

и «русский» (народ, государство, ментальное пространство Северной Евразии), так как часто происходит путаница в номинации. Цветущие сегодня практики исключения и пересмотра попросту промахиваются мимо цели, нередко скатываясь структурно к воспроизводству националистической политики подавления меньшинства (с. 33). Другая обсуждаемая проблема – подмена аналитической работы политическим активизмом (с. 32):

«Исторические отношения господства, колониализма и эксплуатации, бесспорно, реальны, однако их прямая идентификация с определенными этническими группами является серьезной эпистемологической ошибкой. Обвинение русских как современной этнической группы в несправедливостях прошлого может приносить моральное удовлетворение, но с аналитической точки зрения является лишь примером мышления расовыми стереотипами (*racial profiling*). В практическом отношении притеснение этнических русских можно считать эффективной мерой борьбы с реальным злом – русским национализмом – лишь в одном случае: если считать, что превентивное подавление польскости и украинскости в поздней имперской России помогло нейтрализовать польское и украинское национальное движение. Спойлер: не помогло» (с. 34).

Редакторы указывают на необходимость проблематизации абсолютного господства национальной истории как способа концептуализации и повествования о прошлом пространства Северной Евразии, следствием которого было сведение русистики к истории России. Но и замена одной монополярной национальной истории на множество таких историй – путь не к эмансипации и распаду на ряд страноведений, а к гегемонии национальной перспективы. Русистика, таким образом, должна быть *транснациональной* или *постнациональной*.

«Концептуально триумф национальной истории означает возврат в общественное сознание 1950-х годов: до антропологического и лингвистического поворотов и постструктуралистской критики, которая среди прочего продемонстрировала, что “нация” представляет собой современный нарратив и только одну, весьма недавнюю форму группности. Институционализация нации как краеугольного камня любого исторического исследования в рамках канона национальной истории на практике отвергает методологическую интерсекциональность, аналитический конструктивизм и эмансипационный потенциал подхода субалтерных исследований. [...В пределе] национальные нарративы обосновывают государственные границы, войну и политические режимы» (с. 39, 53).

Материалы номера, озаглавленного «Воображая Левиафана в мифе, религиозных представлениях, литературе и идеологии», принадлежат этой рамке методологического пересмотра. Левиафан в названии отсылает к государству, вернее, к его *деконструкции* в качестве натурального и автономного объекта. «Государство как институт не может существовать без широкой общественной веры в само понятие государства» (с. 41) – соответственно, после изобретения концепции государства политическими философами понадобилась ее популяризация всеми формами культурного производства, чтобы она учредилась в масштабах всего общества и сделала возможным государство как институт. Поэтому Левиафан в теме фигурирует как предмет воображения.

Статьи блока «Вероисповедание, лояльность и национальная индифферентность» тематизируют практики и действия, основой которых была коллективная вера в определенным образом понятое государство. Так, в исследовании Томаса Марсдена разворачивается становление национально-го самосознания в обращениях старообрядцев к властям в 1825–1894 годах. Джеймс

Уайт продолжает тему религиозной политики государства и обращается к необычному случаю: протестантское шведоязычное население острова Вормси, у побережья нынешней Эстонии, в 1880-е решило перейти в православие, чтобы продемонстрировать политическую лояльность Российской империи, – впрочем, после 1905 года островитяне вернулись в лютеранство.

Обратная история произошла в литовском Краяе. Здесь, как показывает Дарюс Сталюнас, имперские власти, наоборот, нарушили негласный общественный договор и попытались закрыть местную католическую церковь, результатом чего стало столкновение с ее защитниками, печально известное как Крайайская резня. Эта ситуация, отмечают редакторы номера, по сути является первым тактом «имперской революции», провоцируемой самой империей путем произвольной смены порядка, в результате которой группы, оставшиеся вне нового политического порядка, «пытаются восстановить статус-кво», то есть прежний имперский порядок (с. 42).

Во всех этих случаях коллективная религиозная идентичность была основой формирования этнокультурной и политической группности. Поэтому (а также в контексте происходящего) актуален пересмотр концепции *конфессионального государства*, предложенный Робертом Крузом (с. 95). Он предполагал, что в поздний период в Российской империи религиозная солидарность использовалась как мобилизующий и объединяющий фактор в противостоянии разобщающим светским идеологиям.

«Зарождающееся современное государство повсюду в Европе стремилось использовать религиозные общины как основу единого и строго контролируемого морального порядка. [...] Правительство помогало навязывать религиозную ортодоксию и, таким образом, пересматривать границы общин, в то время как религиозные общины все

больше функционировали как граждане – политическая база имперских, а затем и национальных проектов» (с. 44–45).

В этом контексте приведенные выше кейсы обретают новое звучание. Российская империя декларировала поддержку всех религий при первенстве православия, и обсуждаемая Сталюнасом попытка закрыть церковь в Краяе была воспринята прихожанами как нарушение имперского общественного договора. В свою очередь старообрядцы в случае Марсдена и население Вормси в статье Уайта использовали этот договор, чтобы закрепить свой гражданский статус.

Слова – образы – слова

«Логос» (2022. № 4) начинается с едкой, но обстоятельной статьи Ростислава Капелюшников, посвященной генеалогии и динамике употребления понятия «неолиберализм». Капелюшников разбирает пять исторически существовавших версий идеологии неолиберализма – с генеалогическим древом! (с. 44), – пытаясь показать, что ее современная версия всеядна, пуста («его научное содержание равно нулю») и играет в картине мира «левых интеллектуалов» роль «абсолютного социального зла» и «универсального козла отпущения». Неслучайно в эпиграфе статьи – слова Александра Радищева: «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй». Заключает свое исследование Капелюшников парой практических советов по обхождению с этим термином.

После столь бодрого начала дискуссия продолжается большим и разнородным блоком «Игра слов». Он состоит из статей, написанных по следам докладов на петербургской междисциплинарной конференции «Каламбуры, неологизмы, оговорки и сдвиги в русской культуре XVIII–XX веков»

(2020), которая была посвящена игре слов и образов. Данила Расков и Станислав Савицкий во введении реконструируют ход дискуссии участников и отмечают, что на конференции быстро стало понятно: нет никакой специфики игры слов ни в русской культуре, ни в выбранном периоде, поэтому необходимо раздвинуть рамки темы и перейти к сравнительной типологии (с. 53). Тематика блока разделилась на игру слов, игру значений и игру представлений.

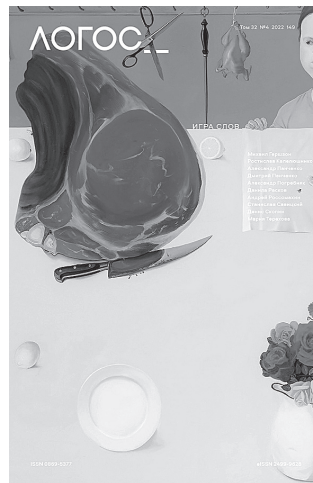
«Игра слов дана нам в сбоях языка, его казусах и нелепостях, понимаемых в модернистской парадигме не как ошибки, но как инобытие языка, не сводимого к коммуникационной функции передачи информации» (с. 54).

Например, Александр Погребняк анализирует бессвязное просторечие Акакия Акакиевича из «Шинели» Гоголя с опорой на интерпретацию бескорневых экзистенциалов Хайдеггера (с. 69) и идею Делёза и Гваттари о тензорах, выражающих безличные аффекты (с. 77). Погребняк показывает, что за неартикулирующим потоком предлогов и частиц гоголевского героя, как ни странно, стоит политическая концепция, поскольку эта речь выражает аффект, связывающий героя с народом, который противостоит «морозу», читай – общественному порядку (с. 81).

Весьма интересно исследование Станислава Савицкого. Он раскрывает продуктивность игры слов, комплексно рассматривая творчество философа Владимира Соловьева – как его философские и поэтические тексты, так и остроты, полемические высказывания и публицистику (с. 154). Исходя из гипотезы, что игра в виде «языковой эксцентрики и игровой стихии» была основой интеллектуальной активности Соловьева, он сопоставляет его с Франсуа Рабле. Этот ход позволяет представить образ философа, сильно отличающийся от его канонического представления – жест, которого серьезно

недостает современным исследованиям русской философии.

Андрей Россомахин дешифрует заглавие книги Маяковского «НО. С» и сделанную для нее Александром Родченко обложку. Эта игра была спровоцирована реакцией на сатирические выпады драматурга и кинорежиссера Бориса Юрцева в адрес самого Маяковского, и поэт обыграл название пьесы Юрцева «Таинственные слова», на обложке которой было написано «Н Р Э» (с. 117).

Дмитрий Панченко исследует путаницу в названиях народов из-за межъязыкового сдвига, породившую много недоразумений и догадок. В частности, речь идет о киммерийцах: в «Одиссее» этот народ живет на далеком севере, рядом с царством мертвых, а более поздние греческие писатели, доверяя созвучному ассирийскому именованию, называли так реальный народ Малой Азии, вышедший на сцену в VII веке до нашей эры.

Александр Панченко в свою очередь исследует семантические сдвиги, произошедшие при трансфере позднесоветских концептов в доктрину Церкви Последнего Завета. Неожиданным образом социально-утопические представления, на которые опирается религиозное учение, происходят из позднесоветской детской литературы.

Эта преемственность выражается в концептах сказки, подсказки и зарницы, которыми активно пользовался основатель Церкви Виссарион (с. 189–192).

Третья тема блока, *игра значений*, «обозначает сферу идеологии, где ни слово, ни изображение, ни вещь не несут в себе точно установленного смысла» (с. 55). Например, Мария Терехова исследует модусы и динамику функционирования костюма как тропа в текстах высокого и позднего сталинизма. Она доказывает, что сталинский дискурс моды следует рассматривать как часть культурной политики.

Другая яркая иллюстрация такого подчинения визуальной сфере идеологии – помещение неидеологического образа в идеологические рамки. Так, Денис Скопин, исследуя советскую фотографию сталинского периода, показывает, как репортажный или бытовой снимок, будучи помещен в идеологический контекст, мог оказаться в заинтересованных глазах компрометирующим свидетельством. Визуальные эффекты (а также опечатки, сочетания слов в соседних колонках), прежде воспринимавшиеся как случайные, с 1937 года стали интерпретироваться «политически бдительным зрением», инвестированным идеологией, как «вредительство» (с. 88).

«Бдительное зрение может обнаружить контрреволюционную пропаганду и вредительство там, где неподготовленный зритель видит лишь непосредственно изображенное. Изображение страданий пролетариата может интерпретироваться как изображение его бессилия; изображение оружия полицейского, направленного на вождя пролетариата, может интерпретироваться как контрреволюционная агитация» (с. 92).

Например, «в 1937 году в ветвях деревьев на фотографии котельной предприятия “Шелкострой” был обнаружен профиль Льва Троцкого» (с. 97), а среди цветов букета,

изображенного на школьных тетрадах, обнаружилась замаскированная корона (с. 93). Опираясь на рассуждения Канта о воображении и Витгенштейна о смене аспекта, Скопин анализирует психологический механизм «бдительного зрения».

ПРИЗРАКИ ЛЮБВИ И КИНО

«*Логос*» (2022. № 5) во времена беспочвенности и отравленного воздуха решил обратиться к двум сильнейшим противоядиям – любви и кино. Номер открывается остроумной статьей Артема Космарского, который предлагает картину всемирной истории как череды приближений и отступлений от любви. Этот обзор основан на двух положениях:

«Во-первых, романтическая любовь выступает культурной универсалией, присутствующей едва ли не во всех человеческих обществах (при том, что ее дефиниции и место в системе культурных оппозиций – связь со страстью, сексом, браком, сакральным и т.д. – варьируются). Во-вторых, любовь возникает исторически, на одном из этапов становления *Homo sapiens* [...] – непредсказуемое аффективное соединение с конкретным, уникальным человеком» (с. 2).

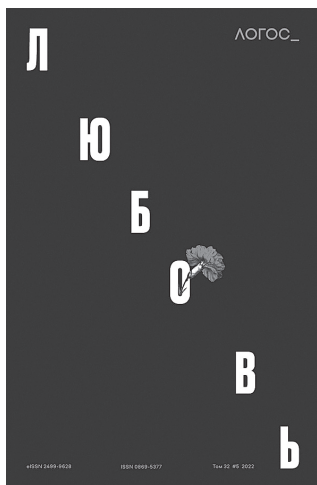
Правда, текущий исторический момент, по Космарскому, оставляет мало надежд романтикам:

«[Современность характеризуется] уходом от серьезных связей, вытеснением “любви” (как непредсказуемой и травматичной) контрактными “отношениями” на комфортных условиях и, наконец, распространяющейся по всем развитым странам “жизнь соло”, где любые отношения (даже чисто сексуальные) видятся как слишком опасные и травматичные» (с. 30).

Сюжет травматичности (а ведь заглавие блока обещало любовь!) продолжает Ольга

Бартошевич-Жагель. Она анализирует базовые модели мышления Ханны Арендт: двоичные вроде добро–зло, жертва–насилник и троичные, основанные на свободной коммуникации субъектов, – и показывает, что их формирование и динамика зависели от динамики отношений Арендт с Хайдеггером как значимым Другим. Двоичная структура, по мнению исследовательницы, базовая структура современного западного человека, привыкшего к разрывам отношений и разводам, отношениям без детей и неполным семьям (с. 84–85).

И если вторая статья блока практически поставила на любви крест, то далее спасение пришло, как водится, из глубины веков: «Логос» публикует перевод «Письма к Элоизе» Пьера Абеляра с подробным предисловием Олега Воскобойникова.

Блок о любви к кино и любви в кино открывается философским исследованием Нины Савченковой. Оно посвящено теоретическому основанию нерепрезентационных логик киновысказывания, позволяющих уйти от оппозиции кино–реальность. Когда-то кино перестало пониматься как искусство, оказавшись экспериментом в области чувственности, теперь же оно обнаружило в себе онтологический ресурс. Савченкова трактует эти логики в призме

оппозиции Платона и Аристотеля и на материале фильмов «Still Life» Уберто Пазолини и «High Life» Клер Дени.

Если традиционная кинотеория восходит к эпистемологии Платона, то современная онтологизация кинематографического *события* требует аристотелевского понятия сущности, чтобы тематизировать то, что уже не видимо, то, что *еще* не видимо, и разворачивающийся между ними опыт *очевидности*, в котором выговаривается сущее (с. 136). Именно событие, по Савченковой, становится главной ставкой в рефлексии кино, сосредоточивая в себе связь с истиной и одновременно аффекты. Ольга Давыдова продолжает тему нерепрезентационности кино и сосредоточивается на осмыслении и иллюстрации способности кино предъявлять то, что не умещается в языковое высказывание.

В современной философии событие удостоверяется в своей неразрешимости событием или сообществом. Эта тема также одна из магистральных в рефлексии кино. Александр Погребняк показывает, что в фильмах Отара Иоселиани конструируется истинная форма жизни человеческих сообществ (с. 152). Исследователь называет эту утопию, имманентную действительности, Энотрией, «страной вина».

Виктор Мазин психоаналитически исследует желание и истину кино и кино как машину желания. Продолжая психоаналитическую линию, Олег Горяинов критически тематизирует понятие мазохизма с опорой на «Либидинальную экономику» Лиотара и фильм «Герцог Бургундии» Питера Стрикленда. В свою очередь Петр Шмугляков, опираясь на философию Алена Бадью, исследует романтическую любовь в фильмах «Любовь» Михаэля Ханеке и «Любовь» Гаспара Ноэ. К Спинозе обращается Евгений Малышкин, проводя параллель между фильмом «Уловка 22» Майкла Николса и 22-й теоремой III части «Этики» Спинозы.

Хотя и формально нейтральные, темы большинства выпусков журналов из этого обзора читаются с надрывом, будто Реальное прорывается в них минимальными искажениями, сбоями, многозначными фразами. Происходящее затрагивает жизнь в ее сложности, поэтому смысл любого

высказывания неизбежно притягивается к нему, попадая в зазор между прежним и неопределенно жутким настоящим. Чтобы проработать этот зазор и двигаться вперед, мы должны писать и читать о самих себе.

МАРГАРИТА
ШАКИРОВА

На финишной прямой

Бесконечная империя: Россия в поисках себя

АЛЕКСАНДР АБАЛОВ, ВЛАДИСЛАВ ИНОЗЕМЦЕВ

М.: Альпина Паблишер, 2021. – 426 с. – 3000 экз.

*Мargarita
Александровна
Шакирова (р. 2001) –
историк.*

Наверное, со времен Чаадаева и Тютчева в России не было просвещенного человека, который хотя бы время от времени и между делом не размышлял о судьбах своей родины в самом широком смысле этого слова. Книга, о которой пойдет речь ниже, написанная социологом, экономистом и публицистом Владиславом Иноземцевым и историком Александром Абаловым, продолжает эту традицию, заложенную в XIX веке. Ее авторов, однако, интересует не столько исторический жребий России сам по себе, сколько тот имперский облик, в котором он воплощался и который, будучи некогда воспринятым, стал практически неотделимым от самого понятия «Россия». Авторские старания вполне сочетаются с запросами времени: обсуждению живого (и никак не желающего умирать) наследия империи Романовых и сменившего ее советского государства ныне, как известно, не видно конца.

В своей работе авторы ищут ответы на целый ряд вопросов, но самый масштабный из них о том, что же представляла собой российская имперская экспансия в исторической ретроспективе и в чем она похожа (или не похожа) на иные типы

**НОВЫЕ
КНИГИ**

имперской экспансии. Прояснению именно этих моментов посвящена большая часть повествования. Фактически читателю предлагается взгляд на историю России исключительно под углом завоевательной политики, причем независимо от того, в какой роли страна выступала, была ли она субъектом или объектом завоевания.

Колониальную историю нашей страны авторы ведут с незапамятных времен, обнаруживая первые признаки русского колониализма уже в VI–IX веках. Масштабную колонизацию, развернувшуюся на Восточно-Европейской равнине в последующие столетия, они объявляют «важнейшей формой» славянского существования (с. 49). Им, естественно, известно о том, что примерно в тот же период массовыми миграциями были затронуты и многие неславянские племена, перемещавшиеся в основном на юг и на запад, к очагам недавно угасших цивилизаций. Но, как полагают авторы, это был качественно иной процесс, поскольку переселенцы из Восточной Европы, мигрируя, попадали в более развитые территориальные зоны, а со славянами ничего подобного не происходило: их ждали земли, дикие и мало заселенные.

Авторов, однако, больше интересует не эта седая древность, а имперский период русской истории. Начав утверждать себя в качестве империи после обособления от Золотой орды, Россия инициировала две большие волны завоеваний. Первую из них исследователи трактуют в качестве колониализма в чистом виде, вписывая ее во временной промежуток, охватывающий XVI–XVIII века. Причем на указанном этапе, как утверждается в книге, российский колониализм очень напоминает колониализм европейский, занимавшийся освоением неизведанных земель к западу от Европы: сходство обнаруживалось как в масштабах, так и в методах освоения новых пространств.

Вместе с тем российской колониальной экспансии была присуща уникальная особенность. Дело в том, что производимая московскими князьями территориальная аккреция *предшествовала* оформлению национального государства на их «исторической территории» – то есть объединению собственно русских земель. В итоге, как отмечается в книге, «если рассмотреть Великое княжество Московское конца XV и даже середины XVI века с точки зрения тех черт, которые можно считать элементами даже протонационального государства, то можно с уверенностью сказать, что оно им не соответствовало» (с. 137). Рассуждая об огромной восточноевропейской империи, продвинувшейся далеко на восток, авторы предпочитают использовать такие понятия, как «Московская империя» или «Московия», обосновывая свой выбор тем, что центром ее служили исключительно московские, а вовсе не русские, владения. Чтобы превратиться

МАРГАРИТА ШАКИРОВА
НА ФИНИШНОЙ ПРЯМОЙ

в Россию, Московии требовалось не только заполучить земли, находившиеся под властью иноземных монархов (осознавая трудности подобного дела, великие князья не оставляли попыток закрепиться на Западе), но и ассимилировать проживавшее там население. Построение нации в подобных условиях требовало какого-то оригинального фундамента, в качестве которого выступил «православно-российский народ».

Вторая волна российских завоеваний пришла в основном на XIX век. И вновь Россия, присоединив Закавказье и Среднюю Азию, действовала в логике колонизации, практикуемой европейскими державами. Продвижение на юг диктовалось императивами геополитики – авторы называют это «увлечением имперскостью» (с. 175). Включившись в «Большую игру», Россия не могла себе позволить сидеть на скамейке запасных, наблюдая как остальные акторы делят мир.

«[В итоге,] если не принимать во внимание Африку, стоит признать, что на протяжении “эпохи европейского империализма” Россия проявила себя как “плоть от плоти” европейских государств, активно поучаствовав в империалистических экспериментах практически во всех основных зонах геополитических интересов великих держав» (с. 181).

Далее в работе рассматривается экстраординарная судьба российского государства на пике его максимального расширения. Авторы называют это состояние «высокой империей», хотя, вероятно, уместнее было бы говорить о «хрупкой империи».

«Сто двадцать лет, в течение которых российская / советская империя контролировала территории, собранные ее создателями на протяжении предшествующего тысячелетия, стали самым противоречивым и самым драматичным периодом в истории страны» (с. 203).

И действительно, если попытаться взглянуть на русскую / советскую / российскую империю в XX веке, уподобив ее на манер известного «турецкого» клише еще одному «больному человеку Европы», то на ум придут скорее всего психиатрические аллюзии: череда распадов и собраний, новых распадов и новых собраний, опять распадов и опять собраний, которой не видно пока конца, напоминает причудливое биполярное расстройство – образ странный, но точный. В свете сказанного очередная дезинтеграция российского имперского пространства, состоявшаяся на исходе XX века, оказалась отнюдь не случайным событием – она фактически воспроизвела путь, ранее уже пройденный другими империями. Национальная идея, одержавшая победу в периферийных зонах советского государства, за несколько десятилетий до этого развалила колониальные им-

перии Великобритании и Франции. Обветшавшим метрополиям было уже не под силу справиться с вызовами, исходящими от имперских окраин, на которых теперь оформлялись новые национальные идентичности.

Видное место в книге отводится авторской теории «трех рецептов» – византийской, монгольской и западноевропейской, – самым глубочайшим образом повлиявших на становление и оформление российского общества и государства. Регулярные и обширные цивилизационные заимствования, по мысли специалистов, были обусловлены изначальной периферийностью России. Зародившись в тени величественной Византии, Русь в то же время крепла на окраине экономически и политически менее развитой, но в военном плане более успешной Золотой орды. Сломив последнюю, она продолжила развиваться в стороне от Европы. Но, как указывают авторы, «по мере “взросления” русская цивилизация (и особенно ее высший класс) стали искать возможности сближения с каким-то из крупных государств – во многом пытаясь найти образец для подражания не на бытовом, а на политическом и идеологическом уровне» (с. 53). При этом, что довольно необычно, использование инородных социальных практик способствовало вовсе не размыванию русской культуры в культурах-донорах, а напротив, сколачиванию Россией собственной своеобразной идентичности. Чтобы разобраться в этом, полезно хотя бы кратко затронуть каждую из трех рецептов.

Из Византии в комплекте с христианством Руси достался самобытный вариант взаимодействия между светской и духовной властью, в рамках которого церковь оказывалась в подчинении у государства. Это радикально расходилось с тем положением вещей, которое сложилось в Западной Европе. Как и следовало ожидать, принятие такого подвида христианства способствовало укреплению княжеской власти – сначала идеологически, а потом и политически. Отмечая роль православия в распространении грамотности, авторы тем не менее считают более существенным иной момент: ставка на христианство восточного обряда, оттолкнув Россию от остальной Европы, закрепила ее в статусе культурной периферии, пусть даже и относительно грамотной, чему поспособствовали как церковный раскол 1054 года, так и последующее затухание Византии. Более того, в условиях, задаваемых полиэтничностью русского общества, а также соседством с народами, исповедовавшими иные верования, византийская рецепция обернулась еще одним важным следствием. Именно на ее основе начала возникать особая политическая идентичность, базирующаяся не на этнической, а на религиозной принадлежности – и это опять-таки решительно противопоставляло Россию Западу.

Наконец, в свете византийской рецепции следует обратить внимание еще на одну идею, завещанную русскому государству умирающей Восточной Римской империей. Речь идет о парадигме «цивилизационного мессианства», изображающей Русь в качестве духовно-политической преемницы Византии. «Вряд ли будет преувеличением сказать, – отмечает в книге, – что именно на рубеже XV и XVI столетий идея мессианства и “особой роли” Руси стала неотъемлемой чертой народного самовосприятия» (с. 78). Здесь, однако, соглашаясь с авторами в принципе, хотелось бы возразить им в частности. Дело в том, что, во-первых, концепт «народного восприятия» представляется довольно смутным и трудно определяемым, а во-вторых, едва ли зоной его укоренения и произрастания могла быть народная толща. Как не раз отмечалось в исторической литературе, идея «богоизбранности Руси» (как, кстати, и идея русского экспансионизма) действительно прорабатывалась русской культурой конца XV – начала XVI века, но происходило это все-таки не массово и народно, а точечно и элитарно. На мой взгляд, делая упор на установках и поведении элит, следует избегать стереотипа «плавильного тигля», превращающего саморепрезентации элит и масс в неразличимое однородное месиво: это слишком упрощает довольно сложную картину. Не исключено, впрочем, что мои комментарии избыточны; ведь по сути для авторов важно не то, от кого исходят те или иные идеи, а кроющиеся под этими идеями универсалистские концепции. Одной из таковых оказывается представление о том, что русское государство есть «“точка преломления” интересов всего православного мира, чьи границы никогда не были четко определены» (с. 77) – и, следовательно, могут изменяться.

Следующая рецепция была произведена Русью в период монгольского владычества. По сути именно противостояние Орде сделало русский колониализм образом жизни молодого государства: долгая и мучительная борьба за освобождение фактически предопределила дальнейший ход русской истории: после небольшой передышки Москва поставила своей целью «собрать и объединить ордынские осколки, что и стало началом масштабного колониального эксперимента» (с. 94). Перечисляя монгольские заимствования, авторы наряду с привычными вещами – вроде «списанной» у кочевников властной вертикали, венчаемой никем и ничем не ограниченным деспотом, – указывают и на менее привычные явления. К подобным относится, в частности, дистанционный способ управления подвластными территориями, не требующий их массового заселения завоевателями.

«Русские учились от монголов не только управлению обширными территориями, но и их элементарному обустройству, причем с использованием очень ограниченных ресурсов или даже за счет местных покоренных / вассальных народов» (с. 87).

Не исключено, что некоторые авторские тезисы покажутся читателю довольно неочевидными. Скажем, действительно ли в освоении русскими бескрайних пространств приоритетная роль принадлежала монгольским влияниям, а не вполне объяснимому нежеланию русских людей перемещать себя на неизведанные восточные земли, да еще адаптируясь там к местным условиям? Тот же вопрос, кстати, можно было бы поставить и в отношении самих монголов: ведь включение в состав их государства лесостепных и лесных зон едва ли вязалось с привычным для них кочевым скотоводством – и потому вынуждало покорителей воздерживаться от релокации поближе к покоренным народам.

Европейская рецепция, как и две предыдущие, тоже отразилась на государственной политике, но, в отличие от первых двух, ограничивалась в основном перениманием технических и управленческих новинок. Эта рецепция, как доказывается в книге, была самой глубокой и основательной. Причем, подчеркивают авторы, «ее нельзя представить как относительно единый акт; скорее процесс складывался из последовательных циклов заимствований, к которым стране приходилось прибегать приблизительно раз в столетие» (с. 100). Растянувшись на четыре века, она вобрала в себя и преобразования Петра I, и реформы Александра II, и даже построение советского государства при Сталине. Эта заключительная рецепция почти не выходила за рамки технологических заимствований: ни демократия, ни либерализм в России не имплантировались. В этом, кстати, процесс не оригинален, поскольку каждая из упомянутых рецепций оставалась по сути фрагментарной. Важное обстоятельство, по мнению авторов, заключается в том, что в XXI веке подобное «урезанное» освоение чужого опыта уже невозможно, так как, во-первых, постиндустриальная парадигма развития изменила «правила игры» таким образом, что одних только технических заимствований недостаточно; а во-вторых, технологические и хозяйственные перемены более не могут обойтись без социальных и политических преобразований, вступающих в конфликт с авторитарными методами управления.

«Сегодня вопрос состоит не столько в том, что Россия не сможет дальше развиваться, сколько в том, что она не может использовать для своего развития лучше всего ей известный прием заимсткова-

ний. Период, на протяжении которого православная авторитарная империя могла развиваться за счет больших рецепций, объективно заканчивается, и именно этим обусловлено нынешнее истерическое состояние отечественных “охранителей”» (с. 112).

Можно ли, задумываются авторы, считать Союз Советских Социалистических Республик финальной русской империей или же Российская Федерация с неизбежностью проявит ту же имперскую генетику? Уже после выхода книги из печати сама жизнь дала намеки на этот счет, но Абалов с Иноземцевым ни о чем подобном догадываться не могли. Пытаясь ответить на интересовавший их вопрос из 2021 года, они обращают внимание на то, что рождение современной России происходило на фоне глубочайшего экономического обвала начала 1990-х, вызванного вскрывшейся вдруг несостоятельностью плановой экономики – стержневой идеи советской государственности. Иначе говоря, критически оценить собственный имперский опыт Россия не успевала: конструкция рушилась слишком быстро, приходилось в пожарном порядке решать другие проблемы.

«[В результате] если европейские метрополии сумели довольно быстро перейти от досужих рассуждений о своей цивилизаторской миссии и геополитических преимуществах империй к подсчету экономических выгод интеграции и пацифизма, то России этого не удалось совершенно, и причиной тому была экономическая несостоятельность империи в эпоху прогрессирующей глобализации» (с. 292–293).

Совокупным итогом слишком быстрой деконструкции коммунистической империи стал грандиозный комплекс неполноценности, проявивший себя в ностальгии по ушедшему могуществу, ненависти к более успешным конкурентам («виновникам поражения»), стремлении любой ценой продемонстрировать собственную значимость на международной арене. Подобный идейно-политический фон не позволил преобразовать имперское пространство в федеративную политику, а это обернулось серьезнейшими последствиями. «Неготовность элит принять ценности федерализма, – пишут авторы, – стала исторически и логически *первой* фундаментальной причиной возрождения российской имперской структуры» (с. 283). Суррогатный же федерализм, закрепленный в российской Конституции 1993 года, на деле оказывается инструментом нового империализма: это эффективный способ легального поглощения новых территорий, «добровольно входящих» в федеративный союз. На руку ревнителям имперского возрождения сыграло и то, что распад СССР не сопровождался массовым переселением этнических

русских с периферий в метрополию, что было характерно для иных колониальных империй:

МАРГАРИТА ШАКИРОВА
НА ФИНИШНОЙ ПРЯМОЙ

«[Образовался] неизвестный для европейских деколонизаций феномен: в новых постсоветских государствах возникли значительные русские диаспоры, а во внешней политике Российской Федерации – мотив “защиты прав русских” на территории бывшей имперской периферии» (с. 287).

Тем не менее, подытоживают авторы, несмотря на то, что имперская история России отнюдь не закончилась, страна уже никогда не сможет быть «полноценной» империей: у нее нет – и не будет – необходимых для этого экономического и идейного потенциала. А потому единственное занятие, доступное нынешней России на поприще великодержавности, – это мучить себя и других болезненными имперскими комплексами.

ДЕНИС
ШАЛАГИНОВ

Постчеловеческие картографии, или Жизнь по ту сторону

Денис Шалагинов
(р. 1986) – философ,
переводчик, независи-
мый исследователь.

Постчеловек

РОЗИ БРАЙДОТТИ

М.: Издательство Института Гайдара, 2021. – 408 с.

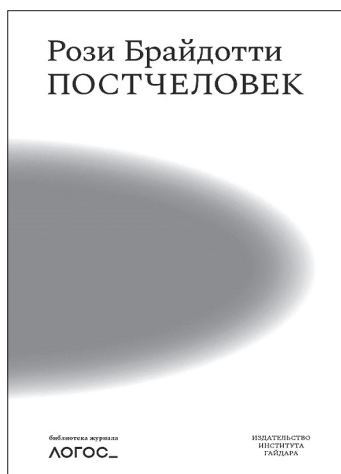
Философский постгуманизм

ФРАНЧЕСКА ФЕРРАНДО

М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2022. – 360 с.

Разрез, бывший то ли пастью, то ли раной, принес плоды: странная и яркая флора выплескивалась из него, как фрукты из рога изобилия; бледные стебли с наростами, раскинутыми в разные стороны, подобно рукам, – дюжина растительных христов. Здесь кишела жизнь: маленькие покрытые хитином существа деловито сновали туда и сюда, занимаясь своими ничемными делами в тоннелях и проходах туши, проделанных природой или их собственной безжалостной работой; облако насекомых, пьяных от того запаха, что собрал их здесь, попеременно укрывало труп и поднималось с него изящным пологом, напоминая колеблюмую ветром пшеницу.

Нейтан Баллингруд. «Озерные чудовища
Северной Америки»¹

ПЕРЕПОЛНЕНИЕ: МЕЖДУ МАНИФЕСТОМ И УЧЕБНИКОМ

Когда биология, информатика, экология, феминизм, история и немалая доля визионерства сливаются в природокультурном континууме, последний порождает «нас, постлюдей»², – именно таким «рецептом» Франческа Феррандо завершает рецензию на книгу Розы Брайдотти «Постчеловек» (2013), «рецептом», который автоматически вызывает вопрос: кто такие эти «мы»? В предисловии к «Философскому постгуманизму» (2019) Феррандо уже сама Брайдотти предлагает в качестве ответа

- 1 Баллингруд Н. *Озерные чудовища Северной Америки* // Он же. *Раны. Земля монстров*. М.: АСТ, 2021. С. 554–555.
- 2 FERRANDO F. “Rosi Braidotti: The Posthuman,” *Book Review* // *Plurilogue: Politics & Philosophy Reviews*. 2014. Vol. 4. № 1. P. 5.

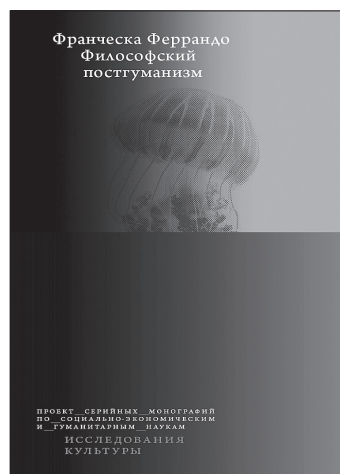
формулировку «ликующая избыточность»³ – характеристику, на первый взгляд туманную, но, в конечном счете, строгую. С одной стороны, речь идет об избытке в смысле анти-эдипального желания как «перехлеста», с другой, – о феномене, избыточном по отношению к гуманизму (где Человек – стандарт узнаваемости) и антропоцентризму (где *anthropos* – исключительный вид). Критика этих «-измов» чертит линию квир-исхода, посредством которого ЛГБТ, коренные народы, машины и всевозможные земные другие смогут произвести взрывную пролиферацию альтернатив. Иначе говоря, квир-исход ведет к Жизни по ту сторону любых установлений – *некой* Жизни как онтологической основе для трансвидовой солидарности и нескончаемых экспериментов с субъективностью.

Переопределение субъекта – ключевой мотив постгуманизма, позволяющий связать в узел целый ряд тематических линий, среди которых наиболее важны техника, телесность, экополитика в антропоцене и глобальная экономика позднего капитализма. В этом смысле «постгуманистический поворот», осуществляемый в условиях распада антропоцентризма и гуманизма, есть прежде всего попытка создать такой образ субъекта и, соответственно, подход к производству субъективности, которые смогли бы учесть текущие вызовы. Идя в ногу со временем, постгуманизм (в изводе Брайдотти и Феррандо) вместе с тем противостоит неолиберальной эйфории и консервативной ностальгии – то есть тому в этом самом времени, что блокирует приход «нового народа» и, шире, наступление устойчивого будущего. Для избегания этой двойной ловушки требуется мобилизация ресурсов критики и креативности – такова, по Брайдотти, двойная задача философии. Если критика выражается в картографии властных отношений, пронизывающих производство дискурсов и социальных практик, и по сути представляет собой навигационный инструмент, то креативность нацелена на изобретение концептов и концептуальных персонажей, одним из которых и является постчеловек⁴. По большому счету обе работы – как «Постчеловек», так и «Философский постгуманизм» – следуют указанной методологии, но сама картография здесь раздваивается. В то время, как текст Брайдотти воспринимается в качестве манифеста⁵, книга Феррандо – это скорее учебник, цель которого «дать полный обзор постгуманистического теоретического сценария», приправленный тезисами о ризоматическом мультиверсуме и предложением поднять бокал

- 3 БРАЙДОТТИ Р. Предисловие: постчеловек как ликующая избыточность // ФЕРРАНДО Ф. Философский постгуманизм. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2022. С. 12–21.
- 4 BRAIDOTTI R. *Posthuman Neo-materialisms and Affirmation* // DAIGLE CH., McDONALD T. H. (Eds.). *From Deleuze and Guattari to Posthumanism*. London; New York: Bloomsbury Academic, 2022. P. 24.
- 5 INGOLD T. *Posthuman Prehistory* // ИДЕМ. *Imagining for Real: Essays on Creation, Attention and Correspondence*. Abington; New York: Routledge, 2022. P. 322.

ДЕНИС ШАЛАГИНОВ

ПОСТЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ
КАРТОГРАФИИ, ИЛИ ЖИЗНЬ
ПО ТУ СТОРОНУ

комбучи в честь «окончательной деконструкции» дуализма. Но что *конкретно* находится по ту сторону такой деконструкции? И есть ли *там*, чему радоваться? На эти вопросы мне и хотелось бы ответить ниже – кратко проанализировав теории Брайдотти и Феррандо, я намечу траекторию их критики и закончу соображениями о постчеловеческой эстетике в ее связи с экополитикой.

СОРТИРОВКА: МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ

Постгуманизм подводит черту под оппозицией между гуманизмом и антигуманизмом, и в этом смысле он представляет собой не столько «исторический момент» или «состояние», сколько процесс, в котором подводимая черта превращается в линию ускользания. Иначе говоря, он принимает за отправную точку упадок базовых предпосылок Просвещения, но идет дальше – в направлении новых способов концептуализации (не только человеческого) субъекта; то есть, в отличие от антигуманизма, постгуманизм не ограничивается борьбой с гуманистической нормой, а совершает позитивный переход к производству альтернатив. Однако следует сразу отделить такое производство от футуристического флера, поскольку «альтернативность» здесь не означает безудержного бега в будущее – в каком-то смысле даже наоборот. По большому счету постгуманизм инициирует *возвращение* вытесненного, а именно, структурных *других* модерна – всех тех, чье существование выходит, как пишет Брайдотти, за рамки представления о «телеологически предопределенном прогрессе человечества посредством использования способностей разума и секулярной научной рациональности» (с. 74). Стало быть, пространство структурной инаковости охватывает не только женщин, детей, сексуальные меньшинства, животных, растения, технические объекты и так далее, но и всевозможные «предрассудки», которые проходят под рубрикой религии и(ли) духовности. В результате Феррандо, например, размышляет о важности анимизма для постчеловеческой онтологии (с. 199–201), а Донна Харауэй в перформативно витиеватой манере прославляет «Земное семя»⁶. Но в обоих случаях прямо не ставится вопрос: как совместить религию с критической мыслью, отказавшись от веры в аксиомы секулярности?⁷ Принимая этот вызов, Брайдотти отвечает на него собственной

6 См.: ХАРАУЭЙ Д. *Оставаясь со смутой: заводить сородичей в Хтулуцене*. Пермь: Hyle Press, 2020. С. 157–158. «Земное семя» (*Earthseed*) – религия, созданная Октавией Батлер в романе «Притча о сеятеле» (1993).

7 Феррандо растворяет этот вопрос в обсуждениях постдуализма, технологий себя и так далее (с. 119–122, 156–157), тогда как Харауэй подходит к нему со стороны «мирения» – в частности, интерпретируя ткачество у навахо как космологический перформанс, не секулярный и не религиозный, но «космысленный» (ХАРАУЭЙ Д. *Оставаясь со смутой...* С. 120–121).

постсекулярной процесс-ориентированной политической онтологией, которую необходимо рассмотреть подробнее.

Ключевую роль в материалистическом подходе, предлагаемом Брайдотти, играет идея природокультурного континуума, восходящая к делёзианской интерпретации Спинозизма, в которой разграничения между естественными сущностями и артефактами размываются путем концептуализации материи в качестве единого потока⁸. В первом приближении эта идея проясняется при помощи приводимого в «Постчеловеке» замечания Женевьевы Ллойд: все мы – «часть природы». Но о какой природе идет речь, если граница между естественным и искусственным здесь размыта? Брайдотти описывает такую природу в терминах «неоформленной космической энергии», которая не делится на два, поскольку уклоняется от противопоставления внутреннего и внешнего. Концептуальным двойником этой энергии является то, что Брайдотти называет Жизнью – *zoe*, «всегда избыточной по отношению к тому конкретно существующему куску плоти, который представляет собой отдельный субъект», и в этом смысле «человек – шаг назад для чистой интенсивности или силы виртуального» (с. 253). Таким образом, желая двигаться *вперед*, Брайдотти *возвращается* к Спинозизму без субстанции, то есть «радостной» версии делёзианства⁹, в которую, однако, вносит ряд поправок. И главная из них – это, пожалуй, сплавление нечеловеческой Жизни с феминизмом и квир-теорией. На выходе мы имеем квир-спинозизм, ориентированный на эксперименты с тем, на что способны тела, и прежде всего исторически «неполноценные» (женщины, геи, лесбиянки и так далее). Брайдотти резюмирует:

«Постчеловеческий виталистический феминизм, основанный на динамической монистской политической онтологии, смещает внимание с различия пола и гендера, выводя на первый план сексуальность как процесс. [...] Сексуальность является силой или конститутивным элементом, способным детерриториализовать гендерную идентичность и соответствующие институты» (с. 191).

Но как это сделать? Для этого сначала надо понять, что собой представляет сексуальность как процесс. Квир-спинозизм утверждает необходимость дрейфа в сторону полиморфной сексуальности, которая ориентирована на игру, а не воспроиз-

8 BRAIDOTTI R. *Op. cit.* P. 30.

9 Как пишет Дэниел Смит, делёзианскую онтологию можно «охарактеризовать как спинозизм за вычетом субстанции, то есть как онтологию сугубо модальную и дифференциальную» (Смит Д. *Иманентность и желание: Делёз и политическое* // *Stasis*. 2019. Т. 7. № 1. С. 154–155). О делёзианском «каноне радости» и его критике см.: CULP A. *Dark Deleuze*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2016; ШАЛАГИНОВ Д. *Summa contra connexiones: ненависть к миру и двойная жизнь* // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. 2017. Т. 1. № 3. С. 155–169.

ДЕНИС ШАЛАГИНОВ

ПОСТЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ
КАРТОГРАФИИ, ИЛИ ЖИЗНЬ
ПО ТУ СТОРОНУ

водство, а значит, выходит за рамки «бинарной машины», замыкающей телесные потенции в гетеросексуальной форме-семье. Соответственно, субъективность, к производству которой призывает постгуманизм, есть не что иное, как «холостая машина»: она выведена из строя, дефункционализована, работает в ненормированном режиме по принципу «процесс, а не цель»¹⁰. Субъективность как холостая машина подрывает идентичности и институты через перверсию стандартных паттернов, то есть практикует «дефамилиаризацию», или растождествление со знакомым (с. 171–172, 176, 179, 192). Но тем же занят и капитализм, который, как верно замечает Брайдотти, в своей нынешней инкарнации является системой не только постгендерной, но и постантропоцентричной. В этом смысле «Постчеловека» следует рассматривать как попытку сконструировать нового «шизофреника» для передислоцированного («биогенетического») капитализма. И как раз ему посвящены, пожалуй, самые увлекательные страницы книги Брайдотти (с. 113–131).

Капитализм всегда останавливается на полпути, и биогенетический не исключение. С одной стороны, в условиях глобальной технонаучной экономики размываются различия между человеком и другими видами, но, с другой стороны, такое размывание следует логике рынка, то есть подчинено требованию извлечения выгоды из всего живого. А значит, сама Жизнь, или *zoe*, как самоорганизующаяся и разумная генеративная сила конвертируется в капитал. Образно выражаясь: поздний капитализм разрезает труп человеческой исключительности, но тут же превращает выплескивающееся из него витальное изобилие в товар, что в свою очередь приводит к негативной форме постантропоцентризма – многовидовой уязвимости в условиях всеобщей коммодификации Жизни. Можно ли высвободить *zoe* из сетей рынка? И если, да, – то как? Пытаясь ответить на эти вопросы, Брайдотти последовательно проводит аффирмативную линию: *zoe*-центричный эгалитаризм и онтологический пацифизм, этика радости и утверждение связей с многообразными земными другими. И если капитализм инвестирует в исследования стволовых клеток, манипуляции с животными и растениями ради извлечения прибыли и ужесточения контроля, то Брайдотти, наоборот, призывает к некоммерческим экспериментам с интенсивностью «биотехнологически оснащенных тел», то есть к разнообразным гибридизациям и становлениям.

Позитивное отношение к технологиям на первый взгляд сближает позицию Брайдотти с другим ключевым философским течением, в рамках которого фигурирует постчеловек, а именно, с трансгуманизмом – но это поверхностное сходство,

10 Делёз Ж., Гваттари Ф. *Анти-Эдип: капитализм и шизофрения*. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. С. 211.

за которым скрывается бездна различий. Брайдотти не вглядывается в эту бездну, а с порога отмечает трансгуманизм как «бред трансценденции по отношению к телесному фрейму» (с. 378), недостойный критического рассмотрения. Как отмечает Феррандо, именно в отсутствии внимания к различию между двумя течениями состоит главный недостаток «Постчеловека». Соответственно, одна из задач «Философского постгуманизма» – заполнить этот (и не только) пробел. Собственно, стремление сделать постгуманистический проект всеобъемлющим, заполнив *все* пробелы, есть генеральная линия книги Феррандо, что, учитывая тезис о нетерпимости идеологии к пустоте¹¹, ведет к неожиданным последствиям: на месте философского постгуманизма мы обнаруживаем постгуманизм *идеологический*. Но у этой постчеловеческой педагогики есть масса достоинств, и одно из них – ясность изложения (порой избыточно школьная). Так, Феррандо методично «сортирует» генеалогии постгуманизма и трансгуманизма: несмотря на то, что оба течения возникли в 1980–1990-е, постгуманизм укоренен в философии различия, тогда как трансгуманизм возводит свое начало к Просвещению. И здесь мы возвращаемся к вопросу о религии и секулярности. Как замечает Феррандо, трансгуманизм представляет собой *ультрагуманизм*, основанный на ценностях прогресса и рациональности и ставящий под вопрос ограничения человека – и прежде всего его телесность. Последняя низводится до «экипировки», которую можно будет усовершенствовать или заменить в ходе научно-технического прогресса. В результате (картезианские по своей сути) проекты преодоления биологических тел подпитываются «трансгуманистической слепой верой в технологии» (с. 79). А значит, трансгуманизм, на первый взгляд секулярный, на деле оказывается чем-то вроде религии грядущего техноспасения.

ДЕНИС ШАЛАГИНОВ

ПОСТЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ
КАРТОГРАФИИ, ИЛИ ЖИЗНЬ
ПО ТУ СТОРОНУ

Поздний капитализм разрезает труп человеческой
исключительности, но тут же превращает
выплескивающееся из него витальное изобилие
в товар, что в свою очередь приводит к негативной
форме постантропоцентризма.

Если трансгуманизм черпает утешение в будущем техноопосредованном бессмертии, то постгуманизм (по крайней мере в изводе Брайдотти) культивирует *amor fati*, где любовь к Жизни неотделима от принятия смерти, на которой, впрочем,

11 Альтюссер Л. *Ошибки классической экономики: набросок понятия исторического времени* // Неприкосновенный запас. 2022. № 2(142). С. 34.

«ничего еще не кончается, так как *zoe* неумолимо продолжается» (с. 253). Иными словами, *zoe*, избыточная по отношению к конкретным телам, представляет собой континуум «жизнь-смерть»; это нечеловеческое в человеке, или радикально имманентное «потустороннее». Единственным утешением для человека – по сути, виртуально мертвой «мясной куклы» – в рамках этого философского подхода является утверждающая этика радости: несмотря на неудобство существования в промежуточной зоне жизни-смерти, необходимо быть достойным происходящего, то есть перерабатывать ужасную реальность в позитивные страсти, жить, по словам Брайдотти, интенсивно, «как лосось, плывущий вверх по течению, чтобы оставить потомство и умереть» (с. 259). Таким образом, как остроумно заметил Реза Негарестани, «плюральность жизни внедряется за счет монизма в смерти»¹². По ту сторону дуализмов – моноплюрализм судьбы.

РАЗМЕЩЕНИЕ: НОМАДИЗМ И ЕГО ДРУГИЕ

Надо ли говорить, что такого рода моноплюрализм не совместим с либеральным видением субъекта? Погруженный в реляционные потоки, субъект постгуманизма – это не индивид, а скорее дивид; он является текучим и номадическим, но при этом «воплощенным в тело и укорененным в контекст» (с. 102). Акцент на укорененности отсылает к экополитическому срезу постгуманизма, одна из задач которого – переутвердить принадлежность субъекта к миру, учитывая связь локальности и ответственности¹³. Вопрос, однако, в том, подходит ли для решения этой задачи защищаемая Брайдотти «номадическая субъективность и мысль» (с. 168). В тексте с говорящим названием «Анти-Номад» Майкл Мардер подвергает номадизм жесткой критике – причем именно с экополитических позиций. По его словам, кочевники, оккупирующие гладкое пространство, находятся одновременно везде и нигде, не заботясь о *местах*, через которые проходят, и в этом смысле номадизм глубоко антиэкологичен:

«Номады, оставляющие за собой пустоши и заставляющие расти пустыни, – это не та или иная группа маргинального населения, идущая по пути бегства от оседлого образа жизни; они – все мы в нашем наихудшем проявлении экологической безответственности»¹⁴.

12 НЕГАРЕСТАНИ Р. *Солярный ад и земная бездна* // *lmnt*. 2021. № 1 (<http://lmnt.space/solar-inferno/>).

13 См.: ХАРАУЭЙ Д. *Ситуативные знания: вопрос о науке в феминизме и преимуществе частичной перспективы* // *Логос*. 2022. Т. 32. № 1. С. 251.

14 MARDER M. *Anti-Nomad* // *Deleuze Studies*. 2016. Vol. 10. № 4. P. 498.

Как ни странно, вердикт Мардера звучит в унисон с заявлением Делёза и Гваттари: «Что касается ответственности или безответственности, нам не известны эти понятия; это скорее понятия, относящиеся к полиции или к судебной психиатрии»¹⁵. Но, как мы видим, эти понятия также относятся к экополитике в антропоцене, где номадизм – *просроченное* решение. В каком смысле?

Прежде всего, если перестать романтизировать фигуру номада, движущегося «промеж стабилизаций», то можно заметить, что такое движение просто доводит до края тенденции глобальной системы, которой он якобы противостоит. Иными словами, номадизм исходит из «требования идти дальше системы, но в том же направлении»¹⁶. Соответственно, вопрос в том, можно ли – и если, да, то *как* – двигаться дальше в *другом* направлении. Это вопрос, который среди прочего взывает к необходимости исторического «укоренения» номадизма как стратегии сопротивления деспотизму: если в 1960–1970-е, когда выковывался концепт номадической машины войны, такая война велась с формой-государством, то кем является нынешний деспот? Мардер справедливо замечает:

«Сегодня, когда государственный суверенитет значительно подорван, прежде всего в экономических вопросах, истинные враги – это тела (без органов) транснациональных корпораций, которые сами по себе номадичны, крайне мобильны, готовы переместить свои активы в офшоры или перевести рабочую силу в другие места. Между номадом и деспотом нет осязаемой разницы; единственное значимое (хоть и все более безнадежное, обреченное) противостояние разукорененному миру исходит от укорененности, привязанности к месту, искусства обитания»¹⁷.

Можно возразить, что Брайдотти тоже говорит об укорененности в контекст, но проблема заключается в том, что сам этот контекст есть контекст разукоренения – и здесь критика и креативность, как всегда, следуют проверенному рецепту: кочевник ретерриториализуется на самой детерриториализации¹⁸. Вспомним, что постгуманизм в лице Брайдотти призывает номадизировать отношения между человеком и его другими, чтобы «обойти метафизику субстанции и следующую из нее диалектику инаковости» (с. 138), – строго говоря, он утверждает *преодоление локализма* движением *вниз*, «как бы спускаясь, распластываясь по направлению к камням, рас-

15 Делёз Ж. *Переговоры*. СПб.: Наука, 2004. С. 40.

16 Бодрийяр Ж. *Симулякры и симуляции*. М.: ПОСТУМ, 2015. С. 186.

17 MARDER M. *Op. cit.* P. 502.

18 Делёз Ж., Гваттари Ф. *Тысяча плато: капитализм и шизофрения*. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. С. 642.

тениям, насекомым»¹⁹. Но, пройдя весь этот путь, что мы обнаруживаем на самом дне? Без(раз)личную гладь, где люди собираются «на одной ленте» с растениями, животными, минералами, техническими объектами и так далее²⁰. Иначе говоря, экологическое решение постгуманизма – это нечеловеческий конвейер, где трансвидовые формации производятся как шампунь или автомобили с той лишь разницей, что эти формации не продаются, пока до них не добрался биогенетический капитализм.

Тем не менее Брайдотти права в одном: «не следует слишком доверять размывающим эффектам и состояниям неопределенности» (с. 188). Но именно это, по видимости, и происходит в ее теории, где любые проблемы решаются путем наращивания соединений. В результате, вместо обещанной «укорененности», мы получаем неоспинозистский океан безместности, где «каждая капля призвана радостно раствориться в других»²¹. Искусство обитания вряд ли совместимо с такого рода фетишизацией радости, но будет ошибкой отказаться от нее в пользу укорененности как жизни *на месте*. Возможно, для того, чтобы *двигаться* дальше в другом направлении, требуется прежде всего переосмыслить само место, освободив его от коннотаций неподвижности. Но как это сделать? Один из вариантов ответа мы находим в разработанной Тимом Ингольдом линеалогии. Антрополог пишет:

«Жизнь на месте, конечно, не может дать опыта места, опыта пребывания *где-то*. Чтобы быть местом, всякое “где-то” должно находиться на одной или нескольких тропах движения в другие места и обратно. Жизнь [...] проживается вдоль троп, а не только в местах, а тропы – это своего рода линии»²².

Важно здесь то, что такое «где-то» – вовсе не точка в статичной сети соединителей, а *узел*, завязываемый из множественных нитей-траекторий в ходе *странствия*; а последнее, как я показал ранее²³, смещает застывшую полярность кочевого/оседлого. Стало быть, здесь мы имеем дело с *другим* пространством и новым концептуальным персонажем – не номадом, не оседлым, но странником: если первый *безместен*, а второй *привязан к одному месту*, то третий *создает места*²⁴. В этом

19 *Граждане космоса* / Ред. Н. Смирнов. М.: Ad Marginem, 2022. С. 84.

20 BIGNALL S., BRAIDOTTI R. *Posthuman Systems* // IDEM (Eds.). *Posthuman Ecologies: Complexity and Process after Deleuze*. New York; London: Rowman & Littlefield, 2019. P. 7, 10.

21 NEYRAT F. *The Unconstructable Earth: An Ecology of Separation*. New York: Fordham University Press, 2019. P. 154.

22 INGOLD T. *Lines: A Brief History*. London; New York: Routledge, 2007. P. 2.

23 ШАЛАГИНОВ Д. *Лес между пустыней и городом: завязывая узлы попереk границ* // Неприкосновенный запас. 2022. № 3(143). С. 101–116.

24 INGOLD T. *Lines: A Brief History*. P. 101.

смысле, как я сказал выше, место есть реляционный узел, а за-вязывание узлов мыслится как ключевая синтетическая опе-рация, позволяющая формам *удерживаться*, не соскальзывая в бесформенный поток²⁵. Таким образом, на месте одного места находятся (как минимум) два. Это удвоение, или *несовпадение*, и есть то, что теория Брайдотти, радостно утверждая различия, растворяет в без(раз)личном океане пустоты (с. 264).

ДЕНИС ШАЛАГИНОВ
ПОСТЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ
КАРТОГРАФИИ, ИЛИ ЖИЗНЬ
ПО ТУ СТОРОНУ

ПЕРЕРАБОТКА: СТАНОВЛЕНИЕ-ГРИБОМ

Итак, экология *обитаемого* мира – это скорее исследование жизни странствующих линий, а не радостное подключение к сети нечеловеческих отношений в *пустыне* радикальной имманентности. Ярким примером таких линий, как несложно догадаться, выступают гифы мицелия, и в заключение мне хоте-лось бы сказать пару слов о постчеловеческой эстетике, раз-вернув ее именно в этом (грибном) направлении. По словам Феррандо, такая эстетика связана с «техномифологиями, ки-боргианскими телесностями и ризоматической телесной пер-формативностью», и, что не менее важно, с ней соотносятся «экологические проблемы постчеловеческой этики, влияющие на политику в области переработки отходов»²⁶.

Если мы обратимся за примерами такого рода эстетики к современному кинематографу, то вряд ли пройдем мимо двух недавних фильмов, между которыми на первый взгляд нет почти ничего общего. Первый фильм – южноафриканский эко-хоррор Яко Баувера «Гея» (2020), второй – биопанк/боди-хоррор Дэвида Кроненберга «Преступления будущего» (2022). Но, приглядевшись, мы видим, что общее все-таки есть – и это соседство телесных метаморфоз с проблемой мусоризации. Баувер и Кроненберг подходят к нему с разных сторон. Если в первом случае мы имеем грибное божество, антропоцен и немного экопорнографии, то во втором – дистопические ланд-шафты, перепроизводство органов телами и батончики из фи-олетового пластика: новая пища для новой плоти. Этот кули-нарно-материалистический мотив обретает особый смысл во времена, когда теория собирает «все пластиковые пакеты, ка-кие только есть», в гиперобъект²⁷. Этот гиперобъект является «липким» в том смысле, что мы оказались внутри него, но и он проник в нас в виде микропластика. На данный момент од-

25 ИДЕМ. *The Life of Lines*. London; New York: Routledge, 2015. P. 14; Шалагинов Д. *Ни сети, ни ассамбляжи: одушевляя вещи с Тимом Ингольдом* // Неприкосновенный запас. 2021. № 2(136). С. 55–56.

26 ФЕРРАНДО Ф. *Феминистская генеалогия эстетики постчеловеческого в визуальных искусствах* // Логос. 2022. Т. 32. № 1. С. 124, 134.

27 МОРТОН Т. *Стать экологичным*. М.: Ad Marginem, 2019. С. 132.

ДЕНИС ШАЛАГИНОВ
ПОСТЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ
КАРТОГРАФИИ, ИЛИ ЖИЗНЬ
ПО ТУ СТОРОНУ

ним из немногих организмов, способных питаться пластиком, является гриб, а точнее – *Pestalotiopsis microspora*. Таким образом, если Баувер показывает вторжение леса в город в виде грибных спор, то Кроненберг наделяет своих «кибертератологических» персонажей грибной способностью есть пластик. В переходе от *anthropos*'а к *mykos*'у выясняется, что мусор – это вкусно, и точка. Остается надеяться, что переработка постгуманизма позволит превратить эту точку в линию.

Спекуляция или спекулятивность? К вопросу об избыточности неймдроппинга

САМСОН
ЛИБЕРМАН

*Спекулятивный аннигиляционизм:
пересечение археологии и вымирания*

МЭТТ РОЗЕН

Пермь: Гиле Пресс, 2021. – 128 с.

Главным теоретическим основанием своего философского проекта, изложенного в книге «Спекулятивный аннигиляционизм», Мэтт Розен считает спекулятивный реализм образца «После конечности» Квентина Мейясу¹. Однако, если говорить совсем грубо, сам способ встраивания в традицию, предложенный Розеном, слишком напоминает пустой неймдроппинг. Цель рецензии – выстроить для книги Розена альтернативный авторскому вариант преемственности с существующей философской традицией и поместить спекулятивный аннигиляционизм в контекст экзистенциализма и теологического поворота в феноменологии. Врачуя подобное подобным, мы предложим свой вариант «контрнеймдроппинга», кажущийся нам менее пустым и более подходящим к содержанию философского проекта автора.

Мэтт Розен – докторант Оксфордского университета, молодой автор, о котором на русском языке совсем нет материалов, а на английском – почти нет. Судя по его резюме² на сайте Оксфордского университета, Розен закончил бакалавриат по философии в 2020 году. В 2019-м он выпустил первую книгу, а уже через год выступил составителем сборника эссе «Diseases of the Head: Essays on the Horrors of Speculative Philosophy»³. Обе книги объединены интересом к модной теме хоррор-философии.

Помимо этой области, в резюме также указан интерес к феноменологии и теологии, что важно держать в уме при чтении

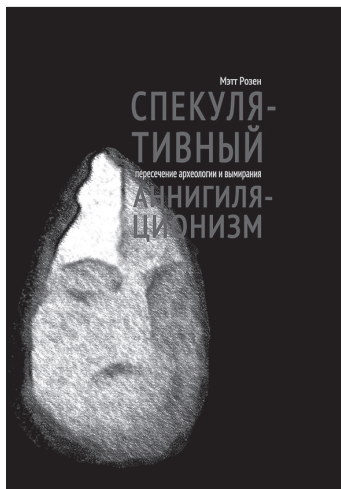

Самсон Александрович
Либерман (р. 1993) –
доцент кафедры соци-
альной философии Казан-
ского (Приволжского)
федерального универси-
тета, автор телеграм-
канала «Локус» (@locus_
vocis).

1 См.: Мейясу К. *После конечности. Эссе о необходимости контингентности*. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2015.

2 См.: https://philpeople.org/public_cache/file?content_type=application/pdf&key=glxtifs8ajwm4nx9d6wq9k8j2p1w.

3 ROSEN M. *Diseases of the Head: Essays on the Horrors of Speculative Philosophy*. Goleta: Punctum Books, 2020.

книги. Увлечение квакерами и конкретно темой «свидетельств» в их учении заметно и в некоторых статьях, и в диссертации, и, как мы увидим, в рецензируемой книге. Также одно из нынешних мест работы Розена – это квакерский колледж «Вудбрук». Именно эта теологическая составляющая концепции спекулятивного аннигиляционизма придает ему специфику и выделяет на фоне привычных русскоязычному читателю спекулятивных⁴ проектов.

Однако это влияние на первый взгляд практически не заметно: в самой книге явных теологических референций почти нет, этот след напрямую виден только в названии: аннигиляционизм – течение в христианстве, оспаривающее бессмертие души, возможность воскресения грешников после Страшного суда и вечность их мук. Ни одной ссылки на теолога или философа религии мы здесь не найдем, если, конечно, не считать теологами Резу Негарестани и Ника Ланда.

На наш взгляд, из всех знакомых русскоязычному читателю концепций, самой близкой к спекулятивному аннигиляционизму, является феноменология откровения Жана-Люка Мариона⁵ и ее разворот в сторону материализма, проделанный Йозелем Регевым⁶. Логика «данности не-данного», то есть откровения, прорыва потустороннего в сферу опытного и феноменального, может дать приблизительное представление о том, как Розен предлагает мыслить смерть и конец света. На эту близость указывает и оговоренное квакерство автора, с его концепцией имманентного человеку присутствия божества, а также внимание к свидетельствам трансцендентного, о котором мы уже сказали.

Вполне возможно, Жан-Люк Марион и Йозель Регев посчитали бы проект Розена недостаточно радикальным, поскольку он понимает суть данности и феноменальности слишком «похайдеггеровски» – через не-данное, отсутствие и стремление к Ничто. Хотя сам Мэтт Розен пытается мыслить Ничто спекулятивно, то есть как онтологическое качество самой реальности, вслед за Рэем Брассье и Квентином Мейясу. Однако об этом чуть позже.

4 В самых общих чертах под спекулятивностью имеется в виду возможность мыслить нечто, что принципиально не дано в опыте и существует независимо от него (то есть не только независимо от содержания опыта, но и от форм языка, социальных и политических предпосылок, научных парадигм, свойств мышления/восприятия и так далее). Квентин Мейясу предлагает называть спекулятивной любую философию, настаивающую на возможности доступа к Абсолюту: MEILLASSOUX Q. *Iteration, Reiteration, Repetition: A Speculative Analysis of the Meaningless Sign* (https://cdn.shopify.com/s/files/1/0069/6232/files/Meillassoux_Workshop_Berlin.pdf).

5 См.: МАРИОН Ж.-Л. *Метафизика и феноменология – на смену теологии* // Логос. 2011. № 3. С. 124–143.

6 РЕГЕВ Й. *Невозможное и совпадение: о революционной ситуации в философии*. Пермь: Гиле Пресс, 2016. С. 22.

Сама книга очень неровная и после прочтения оставляет соответствующее впечатление. Первая глава кажется почти дословным пересказом первой же главы «После конечности» Квентина Мейясу. Однако акцент здесь перенесен с возможности мыслить неявленное и не-данное в сознании прошлое⁷ на возможность мыслить Другое сознание из прошлого.

При этом фигура Другого не-человечна, пусть и очень близка к человеку – речь идет об австралопитеках. Этот феноменологический поворот исходных положений Мейясу в начале книги Розена остается почти незаметным: тень самого Мейясу, который как раз и видит феноменологический проект главным своим оппонентом, ярчайшим примером корреляционизма (позиции, предполагающей невозможность мыслить нечто-в-себе, без корреляции с мышлением и восприятием), не дает его рассмотреть.

Увлеченные пересказом Мейясу на новом материале и обещаниями новых спекулятивных поворотов, мы обнаруживаем во второй главе утверждение о необходимости и неизбежности смерти (с. 31). Это положение вводится безо всяких аргументов и в полном противоречии с концепцией контингентности только что пересказываемого Мейясу. Мало того, у последнего мы можем найти прямое возражение подобному фатализму:

«Утверждать, что все должно необходимо погибнуть, было бы все еще метафизическим допущением. [...] [Оно] все еще подчиняется принципу достаточного основания. [...] Но непонятно, [...] из чего следовала бы необходимость уничтожения, а не сохранения. [...] Может произойти все что угодно – даже то, что ничего не произойдет и все останется как есть»⁸.

После обещаний продолжения посткантовских рассуждений мы попадаем в самую что ни на есть метафизику. А так как это противоречие никак не объясняется, возникает ощущение, что нас или считают за дураков, надеясь, что мы не заметим противоречия, или автор сам его не видит. Однако здесь мы имеем дело скорее с авторской манерой изложения. В то время как Мейясу строит свои эссе как разбор диспутов и полемики с воображаемыми оппонентами, Розен предпочитает обходить

7 У Квентина Мейясу речь идет о возможности мыслить события прошлого, предшествовавшие всякой жизни и, соответственно, сознанию. Например, современная археология при помощи радиоуглеродного датирования может выдвигать утверждения относительно возраста планет. События, относящиеся к эпохе до существования сознания (то есть не-данными никому в опыте), он называет «доисторическими». Проблемность же разговора о доисторическом связана с ограничениями, накладываемыми кантовским проектом критической философии, предписывающей говорить о вещах только как о феноменах сознания, «вещах-для-нас», конструируемыми сообразно неким априорным формам мышления, чувственности и так далее.

8 Мейясу К. *Указ. соч.* С. 89.

острые углы, выдергивая нужные ему тезисы у предшественников и игнорируя противоречашие. В результате возникает ощущение отсутствия аргументации или ее имитации.

Вторая глава только усиливает ощущение разочарования от непроговоренных противоречий с цитируемыми концепциями. Здесь мы обнаруживаем еще более грубые и прямые пересказы и цитаты с подменой слагаемых (прямая цитата с последующим предложением заменить подлежащие на «вид-к-вымиранию») из Мартина Хайдеггера, Анри Бергсона и Фридриха Шеллинга. Они нужны, чтобы ввести еще несколько концептов.

Подставив у Хайдеггера вместо «человека» «вид», Розен получает экстинкциональный «вид-к-вымиранию» вместо экзистенциального «бытия-к-смерти» (с. 41). «Образы» Анри Бергсона, также подмененные в цитате на «виды», дают возможность говорить об экстинкциональности имманентной смертности видов (с. 42). И, наконец, заменив «продукты» у Фридриха Шеллинга на все те же «виды», мы получаем уже вполне метафизический «вид-к-вымиранию», существующий всегда против природы как исключение из всеобщего природного процесса распада и вымирания (с. 44–45). Если говорить коротко, экстинкциональность, противопоставляемая экзистенции, – это необходимая и неотвратимая, а потому в некотором смысле присутствующая в настоящем угроза смерти. Такая экстинкциональность (понятая как «уничтожимость» и «преходящность») понимается как сущностная черта всего существующего. Именно этот общий горизонт вымирания Мэтт Розен выводит в качестве онтологического основания мира.

При этом ни выбор цитат, ни выбор замен в них, ни, что самое главное, происходящие от этих манипуляций изменения в исходных концепциях никак не рефлексированы и не объясняются. Как верно подметил один из комментаторов Розена, «здесь мы имеем дело с волюнтаризмом вместо аргументации»⁹. И это впечатление только усиливается со следующими главами. Так, в пункте, который называется «3.3. Отношение подведения» (с. 54), нам четыре раза повторяют одну и ту же мысль – два раза развернуто, с пояснениями и ссылками на предыдущие главы; два раза – в виде формулы:

1. Экстинкциональность (А) не отделима от видовой сущности (В).
2. Видовая сущность (В) проявляется материально (С).
3. Экстинкциональность (А) проявляется материально (С).

То есть вместо одного абзаца нам приходится иметь дело с тремя страницами, но с повторением одного и того же – и по-прежнему без аргументации.

9 См.: www.youtube.com/watch?v=Phdf5-HKmiI.

Четвертая и пятая главы нужны, чтобы обосновать: 1) сведение феноменального к материальному, чтобы объявить проблеме «летучей мыши» Нагеля псевдопроблемой; 2) использование аналогии между материальностью-экстинкциональностью археолога и материальностью-экстинкциональностью австралопитека, чтобы разрешить первому мыслить второго именно как австралопитека, а не австралопитека-для-нас. Разрешить мыслить австралопитека и не воскрешать его в качестве человека – именно так была сформулирована цель книги в первой главе.

Итак, начинается книга с подмены вопроса Квентина Мейясу о мыслимости не-данного прошлого вопросом о мыслимости другого, причем не-человеческого и вымершего, сознания. Далее эта проблематичность Другого снимается: 1) метафизической общностью всего существующего через горизонт смертности и существования понятого как вымирание; 2) сведением феноменального к материальному; 3) возможностью аналогии между свидетельствами одного вида-к-вымиранию и другого.

Таким образом, первые пять глав производят странное впечатление. И виной этому: 1) уже упомянутая манера избегания полемики и рефлексии своих источников; 2) чрезмерная формализация и структурность, как в случае с силлогизмом из 3.3; в) постоянное повторение предыдущих тезисов, занимающее треть текста каждого нового пункта. Все это вкупе дает то самое ощущение плохо прикрытого «волюнтаризма вместо аргументации», или пустого неймдроппинга, о котором мы сказали в начале рецензии.

СПЕКУЛЯТИВНЫЙ АННИГИЛЯЦИОНИЗМ – ЭТО ОКСЮМОРН?

Чтобы перейти к шестой главе, необходимо разобрать основное противоречие книги, вынесенное в ее название. Спекулятивность отсылает к моднейшему движению в современной философии, маркируемому как «спекулятивный реализм». Своей задачей оно так или иначе провозглашает преодоление и переопределение заданной Иммануилом Кантом конечности человеческого познания. «Перл» Рэя Брассье¹⁰, «корреляционизм» Квентина Мейясу, «двойной срыв» Грэма Харма-

10 «Перлом» (*the Gem*) Брассье вслед за Дэвидом Стоувом называет аргумент, классически сформулированный Джорджем Беркли в «Трактате о принципах человеческого знания». В общем виде этот аргумент звучит так: «Нельзя познать независимую от разума реальность, не познавая её. Следовательно, нельзя познать независимую от разума реальность». Подробнее см.: БРАССЬЕ Р. *Понятие и объекты* // Логос. 2017. № 3. С. 227–262.

на¹¹ – все это обозначения теоретических позиций и их аргументации о конечности и ограниченности человеческих, в первую очередь познавательных, способностей. Эти позиции в некотором смысле изобретаются спекулятивными реалистами, чтобы их преодолеть. То есть спекулятивность философского проекта заключается в попытке преодолеть «Перл», «корреляционизм», «двойной срыв».

Иммануил Кант и (как считают спекулятивные реалисты) вся последующая традиция вплоть до недавнего времени утверждают невозможность познания и доступа к вещам-в-себе. Спекулятивные же проекты продумывают возможности мыслимости и наблюдения этого внечеловеческого, внесубъективного и внемыслимого. Например, для Мейясу гарантом такой возможности является математика, методология и онтология которой, по его мнению, выходит за границы человеческих способностей.

Однако аннигиляционизм – это учение о всеобщей смертности и конечности. Надо сказать, что, несмотря на близость к здравому смыслу («мы все умрем»), учение о тотальной смерти и конце мира на фоне классической философии выглядит оригинально. Бытие и материя у греков, бог в религиозном Средневековье, субстанция в Новом времени – философия склонна работать с вечным и неизменным, противопоставляя свой предмет изменчивой и преходящей обыденности.

Эта оригинальность родом из неклассической философии рубежа XIX–XX веков, когда негативность, ничто, отрицание становятся главным предметом философии¹². Мало того, это именно та особенность, которую спекулятивный проект считает главным недостатком современной философии – зацикленность на невозможности, конечности и предельности. И если спекулятивный реализм – это дословно наблюдение (*speculare*) реальности, то спекулятивный аннигиляционизм – наблюдение уничтожения и конечности.

Таким образом, главный тезис Мэтта Розена имеет два разных, зачастую противоречащих друг другу основания. Первый – про спекулятивность – отсылает к компании Мейясу и Брассье, второй – про всеобщую конечность – к Эммануэлю Левинасу и Мартину Хайдеггеру. Розен, на первый взгляд, сам

11 Имеется в виду двойная редукция объекта: с одной стороны, к его частям; с другой, к отношениям и проявлениям. Объект (например ноутбук, на котором набран этот текст) больше как суммы частей, из которых он состоит, так и суммы проявлений, что мы можем зафиксировать (сам текст, тепло от процессора, цвет корпуса и так далее). Подробнее см.: ХАРМАН Г. *Имматериализм. Объекты и социальная теория*. М.: Издательство Института Гайдара, 2018.

12 Очень подробно эту линию развития современной философии рассматривает Диана Гаспарян: ГАСПАРЯН Д. *Социальность как негативность*. М.: КДУ, 2007. Позже мы вернемся к этой линии рассуждения в контексте разговора об антиимманентистских философских проектах, с которыми спекулятивный аннигиляционизм имеет прямую преемственность.

не замечает этого конфликта внутри своего заглавного концепта. И если Грэм Харман рефлексивует и дорабатывает построения Хайдеггера, чтобы включить их в свой спекулятивный проект, то наш автор скорее искажает и подгоняет под Хайдеггера «темное левинасианство» самих Мейясу и Брассье.

И, соответственно, в книге Розена можно найти два совершенно разных спекулятивных аннигиляционизма. Первый (собственно спекулятивный) выстроен практически один в один с «доисторическим» Мейясу, второй (собственно аннигиляционизм) является разработкой идеи Левинаса о связи Смерти и Другого. И последний кажется нам гораздо интереснее и оригинальнее.

Так можно было бы себе представить аннигиляционизм Розена не спекулятивным? Скорее нет, чем да. Сама попытка рассмотреть конечность и ограничение как позитивное онтологическое утверждение – это, может быть, и есть основной нерв спекулятивного проекта. Владение этим ходом Мэтт Розен не устает демонстрировать. Так же, как из нигилизма Фридриха Ницше Брассье выводит онтологическую возможность истины, Мейясу из фактичности – фактуальность и онтологическую контингентность, Мэтт Розен выводит из эмпирической экстинкциональности видов (неизбежное их вымирание, иногда данное нам через свидетельства артефактов, как в случае с австролопитеками) онтологическое положение о существовании-к-вымиранию, аннигиляционизм.

Однако, если добавить сюда квакерское внимание к «свидетельствам», которое можно развернуть через Жана-Люка Мариона и его феноменологию откровения, мы получим более полную картину. Невозможность сведения трансцендентного к его явленности и при этом утверждение возможности мыслить его не-данность и не-явленность благодаря этим явлениям и свидетельствам – тезис, разделяемый и Розеном, и Марионом.

Как нам кажется, спекулятивный аннигиляционизм становится гораздо интереснее, если рассматривать его в контексте не спекулятивных, а антиимманентистских и теологических проектов. Частично этот контекст есть в шестой – заключительной и самой важной – главе, частично нам пришлось восстанавливать его самостоятельно.

«БЕЗУМНОЕ ТЕМНОЕ ЛЕВИНАСИАНСТВО»

Итак, гораздо более подходящим ходом мысли автора, чем спекулятивный реализм, нам кажется другое, не менее популярное направление философствования, идущее от Ника Лан-

да и Резы Негарестани. И здесь Мэтт Розен может выглядеть даже интереснее классиков «безумного черного делёзианства», в том числе потому, что он четче выстраивает преемственность (что неожиданно, учитывая наши прошлые к нему претензии) с предыдущими традициями.

Философский хоррор и прочие *dark studies* обычно много и подробно прорабатывают Жиля Делёза, называя его главным своим предтечей. Однако при знакомстве с Розеном становится очевидным влияние на эту традицию экзистенциализма и феноменологии – влияние, которое, как нам кажется, не отрефлексировали ни Негарестани, ни Ланд. И здесь можно вспомнить не только уже несколько раз упомянутых Хайдеггера и Левинаса, но и Альбера Камю, и Жан-Поля Сартра, и, например, феноменологическую социологию Жана-Люка Нанси.

Главное, что объединяет Негарестани, Ланда и Розена, – попытка овнешнения и онтологизации или даже материализации Ужаса и Смерти. Ланд и Негарестани постоянно ссылаются на солярную экономику Батая и Гегеля, прочитанного через Александра Кожева. Однако, в отличие от последних, пресловутый конец истории, экстаз и смерть они рассматривают не как внутреннюю имманентную необходимость, но как внешнюю угрозу.

Например, ландовский виртуальный ТехноКапитализм – это внешний захватчик из виртуального будущего, буквально Чужой, вторгающийся в актуальное и готовящий плацдарм для будущего своего господства¹³. Будущее, которое подчиняет себе настоящее в качестве конечной цели последнего, – вполне гегельянская концепция. Однако здесь это будущее не имманентно настоящему, оно Чужое, *from outside*, хотя и имеет внутри настоящего своих инсайдеров, своеобразную пятую колонну. И если у Жоржа Батая Солнце является первоисточником всего, в том числе и смотрящих на него глаз, то есть оно имманентно настоящему, то у Ника Ланда будущее всегда чужеродно¹⁴.

Реза Негарестани в «Циклопедии» также разбирает отношение солярного и земного. И грядущий солнечный взрыв, экстаз и имманентность Земли с Солнцем он также склонен рассматривать скорее в параноидальной перспективе, нежели в шизоидной, то есть как Внешнюю угрозу, а не как внутренний имманентный конфликт¹⁵. Однако прямое противостояние с Солнцем оказывается не в интересах Земли: в конце концов, последняя проиграет и сольется в экстазе с Солнцем (солнеч-

13 См.: Ланд Н. *Сочинения: В 6 т.* Пермь: Гиле Пресс, 2018. Т. 2 («Киберготика»).

14 Примечательно, что примером мышления-вымирания и вымирания-мышления Мэтт Розен выбирает капитализм, причем именно в ландовской его трактовке.

15 См.: НЕГАРЕСТАНИ Р. *Циклопедия: соучастие с анонимными материалами.* М.: Носорог, 2019.

ный взрыв, тотальная имманенция всего со всем, опустынивание и так далее).

Единственным возможным ответом на вызов Солнца, по мнению Негарестани, может быть уклонение от прямого столкновения, уклонение от имманентизации – гниение и распад. Метафорой последних в романе «Циклопедия» служит Нефть – продукт перегноя, давления, скрывающийся не в глубине, но под поверхностью, имеющий энергетический потенциал, альтернативный солнечному.

Мэтт Розен использует оба хода: и ландовское овнешнение Смерти в качестве виртуального будущего (именно для этого нужен антиконтингентный ход с «причинными часами», показывающими неизбежную смерть и как уже присутствующую, и как все еще не случившуюся), и материализацию смерти в качестве гниения и распада, как у Резы Негарестани – только уже не в Нефти, а в материальных артефактах и червяковой диалектике (с. 74–75). Однако, в отличие от них обоих, своей главной методологической опорой он считает не солярную экономику Батая и даже не ризомы Делёза, а левинасовскую концепцию смерти как по-декартовски перво-очевидной непознаваемости и «друговости». Чтение Левинаса в контексте спекулятивного реализма действительно эвристично:

«Самоотождествление есть загроможденность субъекта собою, забота Я о Самом Себе. [...] Если отвлечься от всякой связи с будущим и прошлым, то субъект оказывается навязан самому себе. [...] Его одиночество изначально не в том, что он беспомощен, а в том, что он предоставлен на растерзание самому себе, вязнет в себе»¹⁶.

Это еще не Квентин Мейясу, но уже почти Жиль Делёз, с его бунтом против идентичности и самотождественности.

Вообще связка друговости и смерти сильна именно в экзистенциальных и феноменологических проектах. «Ад – это другие» Сартра является одной из самых известных формулировок, но не единственной. Однако обе эти традиции склонны рассматривать смерть и ее абсурдность как экзистенциалы и пределы своего «я». Ответ на столкновение с собственными границами чаще всего связывается с трагичностью, принятием и мужественностью, то есть усилением позиций субъекта. Подобное представление об абсурде мы найдем и у Серена Кьеркегора, и у Альбера Камю, и у Жана-Поля Сартра. На это расхождение с собственной позицией указывает и Эммануэль Левинас, когда полемизирует с Мартином Хайдеггером о «бытии-к-смерти» и *Dasein*¹⁷.

16 Левинас Э. *Время и другой. Гуманизм другого человека*. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. С. 63–64.

17 Там же. С. 69–70.

Таким образом, преемственность с традицией можно выстроить следующим образом: 1) экзистенциальный Абсурд, то есть существование, которое предшествует сущности; 2) пост-феноменологическое «*il y a*», то есть анонимное существование без существующего Эммануэля Левинаса; 3) спекулятивный «мир-без-нас», предел и граница между «миром-для-нас» и «миром-в-себе» Юджина Такера¹⁸.

Еще одной концепцией, прямо увязывающей друг с другом смерть и мыслимость другого, является идея «непроизводимого сообщества» у Жана-Люка Нанси. Именно неполнота и конечность, предельность человеческого существования, крайним выражением которой является смерть, является событием, организующим сообщество¹⁹. Нанси полемизирует и с Хайдеггером, и с Батаем. Он отрицает и возможность понимания общества как единого, основанного на общей Земле и Крови, и представление о сообществе как событии слияния, экстаза – например, слияние любовников в совместной смерти или Жертве.

В отличие от Батая и Хайдеггера, Нанси предлагает понимать сообщество как исключение и отпадение от общей практики, то есть не как имманентность, но как прерывание имманентности. Так же, как коммуникация вызвана онтологическим различием и несовпадением, то есть невозможностью коммуникации, и сообщество всегда оказывается невозможным сообществом.

Таким образом, событие сообщества у Нанси – это исключение, а его распад – правило. Сообщество всегда уже случилось и всегда распадается. И, несмотря на то, что прямых ссылок на Жан-Люка Нанси у Мэтта Розена нет, его представление о становлении-к-вымиранию очень похоже на угасание непроектируемых и непроектируемых сообществ.

Итак, имманентистские проекты (Жорж Батай, Георг Гегель, Мартин Хайдеггер) склонны видеть в смерти полноту и сбытие, совпадение и тождество, тогда как Жан-Люк Нанси и Эммануэль Левинас настаивают на представлении о смерти как открытии Другого. Последний выводит из опыта смерти возможность диалога и разотождествления с собой, Жан-Люк Нанси же говорит о сообществе.

Несмотря на попытки выхода из феноменологического и экзистенциалистского солипсизма (имманентизма), они оба остаются в рамках «человеческого, все еще слишком человеческого». Розен же (вслед за Негарестани, Ландом и Такером) совершает овнешнение, онтологизацию и материализацию смерти и, соответственно, Другого. Однако, как нам кажется,

18 См.: ТАКЕР Ю. *Ужас философии: В 3 т.* Пермь: Гиле Пресс, 2017.

19 См.: НАНСИ Ж.-Л. *Непроизводимое сообщество.* М.: Водолей, 2009.

в проекте Розена антиимманентистский мотив, доставшийся в наследство от Эммануэля Левинаса, чувствуется гораздо сильнее, чем «машинность» и «ризоматичность» темного делёзианства.

Мало того, Розен помогает разглядеть это «антиимманентистское наследство» и у Негарестани, и у Ланда. В конце концов, все мы немного устали от Делёза. Рискнем предположить, что вклад антиимманентистов в современную философию не меньше, а может, и больше, чем вклад суперимманентиста Жюлья Делёза. И наверняка этот вклад заметно больше, чем мы привыкли считать. И совершенно точно, что он больше, чем полагал автор этой статьи до чтения «Спекулятивного аннигиляционизма».

САМСОН ЛИБЕРМАН
СПЕКУЛЯЦИЯ ИЛИ
СПЕКУЛЯТИВНОСТЬ?..

ВМЕСТО ВЫВОДА

Книга Мэтта Розена представляет нам интересный и оригинальный философский проект, суть которого может быть сведена к возможности мыслить Другого как вымиряющего и смертного – при условии смены собственной метафизической оптики на аннигиляционистскую. Важным является предположение «материальности» этого вымиряния. Именно работа со «свидетельствами» этой смерти как абсолюта, позволяет нам преодолеть собственную конечность.

Однако, чтобы разглядеть этот проект в самой книге, нужно затратить некоторые усилия, продираясь сквозь странный стиль аргументации, зачастую пустой неймдропинг и постоянные повторения не очень важных для самого проекта положений. А главное, необходимо постоянно держать в уме феноменологические и теологические основания авторских позиций, которые почти не артикулируются в самой книге. На наш взгляд, не упомянутые в книге Жан-Люк Марион и Жан-Люк Нанси могут помочь лучше понять значение и оригинальность подхода Мэтта Розена.

Summary

In the autumn of 2021, *NZ* editorial board discussed a special issue for the centenary of the USSR. We imagined it as a big international project that would feature texts by scholars from the former Soviet republics, as well as by our European, American, and Asian colleagues. The war in Ukraine has put an end to the concept of a shared post-Soviet space and excluded Russia from the international intellectual/scientific space where it is possible to carry out projects like the one we were preparing in 2021. Still, we did not abandon the idea of putting together a thematic issue on the centenary of the USSR – and we have tried to keep it congruous with the current tragic state of affairs.

What does it mean? First of all, with just a few exceptions, this *NZ* issue features Russian authors. Consequently, alas, there will be no commentary on the Soviet Union from, say, the Ukrainian or Kazakh perspective. Moreover, due to Russia been cut off from the international scholarly community, we are unable to publish translations of many important texts relevant to the topic of the new issue. All this has forced us to focus our attention on more general, theoretical problems of Soviet history – on processes of “long duration” – or on some particular episodes from it.

Alexander Abalov and Vladislav Inozemtsev write in their essay “*The Fate of the Doomed: On the Centenary of the Soviet Union*” about the USSR’s continuity with / break from the Russian Empire and the Tsardom of Muscovy – and they

do it from the end point of the post-Soviet historical perspective (*CULTURE OF POLITICS*). And the 146th *NZ* issue opens with Alexei Levinson’s regular column (*SOCIOLOGICAL LYRICS*) in which he analyses “Soviet nostalgia”, that largely determined the post-Soviet period of Russian history.

The main focus of most texts in this issue is the so-called “national question” – in the shape and form in which it existed in revolutionary Marxism, Leninism, in the political practice of the early Soviet state and in the discussions that took place in that period. Which leads to one of our regular themes – the problem of federation and federalism. The thematic section “*REVOLUTION AND FEDERATION*” opens with the *NZ*-organised round-table discussion “*On the Centenary of the USSR: Marxism and the National Question*”, in which Sergey Abashin, Anna Egorova, Ilya Budraitskis and *NZ* editors Kirill Kobrin and Igor Kobylin took part. The “continuity of crises” between the pre-Soviet, Soviet and post-Soviet regimes is the subject of Konstantin Tarasov’s article, and the section ends with an article by *NZ* editor Andrey Zakharov on how in recent decades federalism has been used as a weapon of aggressive expansionist politics.

The main theme is continued by *NZ* *ARCHIVE* installment, in which important one-hundred-year-old historical texts from the time of the disputes over the Soviet federation (1917–1922) are republished. Also the reader is getting acquainted with an excerpt from the book by the Lebanese publicist and politician Karim

Muruwva about the dramatic, at times fatal role that the national question played in the history of the Lebanese communists and in their relationship with the CPSU in the 1960s–1980s.

The second thematic node of this NZ issue is the transformation of the “Soviet person”, regardless of his or her nationality; or, to be precise, the transformation of a non-Soviet person (such as the soldiers of the White Armies, or the first-wave emigrants) into a Soviet one, as well as the transformations undergone by the so-called late-Soviet citizen in his or her cultural everyday life and mental practices. The block of materials entitled “THE ATTITUDE TOWARDS THE SOVIETS: PERSONAL/ COLLECTIVE STRATEGIES” opens with the second and final part of Boris Sokolov’s mini-study of the “White-Guard episodes” in the biographies of the classic authors of socialist realism. Part one, published in the previous issue, dealt with Nikolai Tikhonov, while this one talks about Valentin Kataev and Vsevolod Ivanov. Aleksey Vovk devoted his article to the history of White emigration in the 1920s–1940s “turning Red”. Vadim Mikhailin writes about one of the late-Soviet personal strategies of “embedding” into the system while maintaining a certain distance from it – the so-called “languages of omission” (*“Lacunnilingus,*

or On the Pragmatic Aspects of Soviet Languages of Omission”). The block ends with the translation of the article by the German publicist, editor of the “Stimmen der Zeit” magazine Klaus Mertes entitled *“The Cult of the Autocrat”*, which discusses, in the context of the current autocratic regime in Russia, the views of the priest and theologian Alexander Men on the nature of the Russian/Soviet autocracy as related to the Orthodox Church.

The 146th NZ issue concludes with the RUSSIAN INTELLECTUAL JOURNALS’ REVIEW by Alexander Pisarev and the NEW BOOKS section, where we suggest to pay attention to the Margarita Shakirova’s piece about the book *“The Infinite Empire: Russia in Search of Itself”* (2021) by Alexander Abalov and Vladislav Inozemtsev.

Historical, sociological and theoretical reflection is inseparable from the historical circumstances in which it takes place. That is why the issue dedicated to the centenary of the USSR turned out exactly the way it turned out – in this historical period it could not be any different. The editorial board sincerely hopes that the current catastrophic circumstances will serve as an impetus for a radical rethinking of the entire field of study of Soviet history and Soviet society, which, as a result, will bring about a new stage in its development.

www.eurozine.com

The most important articles on European culture and politics

Eurozine is a netmagazine publishing essays, articles, and interviews on the most pressing issues of our time.

Europe's cultural magazines at your fingertips

Eurozine is the network of Europe's leading cultural journals. It links up and promotes over 100 partner journals, and associated magazines and institutions from all over Europe.

A new transnational public space

By presenting the best articles from the partner magazines in many different languages, Eurozine opens up a new public space for transnational communication and debate.

The best articles from all over Europe at www.eurozine.com **eurozine**

Оформить подписку на журнал можно в следующих агентствах:

«Подписные издания»: подписной индекс П3832 (только по России) <https://podpiska.pochta.ru>

«МК-Периодика»: подписной индекс 45683 (по России и за рубежом) www.periodicals.ru

«Экстра-М»: подписной индекс 42756 (по России и СНГ) www.em-print.ru

«Ивис»: подписной индекс 45683 (по России и за рубежом) www.ivis.ru

«Информ-система»: подписной индекс 45683 (по России и за рубежом) www.informsystema.ru

«Информнаука»: подписной индекс 45683 (по России и за рубежом) www.informnauka.ru

«Прессинформ»: подписной индекс 45683 (по России и СНГ) <http://pinform.spb.ru>

«Урал-Пресс»: подписной индекс: 45683 (по России и за рубежом) www.ural-press.ru

Приобрести журнал вы можете в следующих магазинах:

В Москве:
«Московский Дом Книги» ул. Новый Арбат, 8 +7 495 789-35-91

«Фаланстер» М. Гнезниковский пер., 12/27 +7 495 749-57-21

«Фаланстер» (на Винзаводе) 4-й Сыромятнический пер., 1-6 (территория ЦСИ Винзавод) +7 495 926-30-42

«Циолковский» Пятницкий пер., 8 +7 495 951-19-02

В Санкт-Петербурге:
На складе издательства Лиговский пр., 27/7 +7 812 579-50-04 +7 952 278-70-54

В Воронеже:
«Петровский» ул. 20-летия ВЛКСМ, 54а (ТЦ «Петровский пассаж») +7 473 233-19-28

В Екатеринбурге:
«Пиотровский» ул. Б. Ельцина, 3 («Ельцин-центр») +7 343 312-43-43

В Нижнем Новгороде:
«Дирижабль» ул. Б. Покровская, 46 +7 831 434-03-05

В Перми:
«Пиотровский» ул. Ленина, 54 +7 342 243-03-51